

Н.И. КОСТОМАРОВ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

Николай Костомаров

**История России в
жизнеописаниях ее главнейших
деятелей. Второй отдел**

«Public Domain»

Костомаров Н. И.

История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел / Н. И. Костомаров — «Public Domain», — (История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей)

«История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» – классический труд одного из основоположников русской исторической мысли, Н.И.Костомарова (1817—1885). Неординарный для традиционной науки XIX века отбор сюжетов, своеобразная политическая концепция сделали «Историю» значительным общественным событием своего времени. Благодаря выдающемуся литературному таланту и стремлению быть исключительно внимательным к характерным деталям эпохи знаменитому историку, этнографу, писателю удалось создать и живописно изобразить целую галерею русских исторических деятелей. Издание украшают более трех сотен редких иллюстраций.

Содержание

Выпуск четвертый:	5
Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	60
Глава 4	93
Выпуск пятый:	131
Глава 5	131
Глава 6	169
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Николай Костомаров
ИСТОРИЯ РОССИИ В
ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ЕЕ
ГЛАВНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
Второй отдел:
Господство дома Романовых до
вступления на престол Екатерины II

Выпуск четвертый:
XVII столетие

Глава 1
Царь Михаил Федорович

Мало в истории найдется примеров, когда бы новый государь вступил на престол при таких крайне печальных обстоятельствах, при каких избран был шестнадцатилетний Михаил Федорович. С двумя государствами: Польшей и Швецией, не окончена была война. Оба эти государства владели окраинами Московской державы и выставляли двух претендентов на московский престол – двух соперников новоизбранному царю. Третьего соперника ему провозглашала казацкая вольница в Астрахани в особе малолетнего сына Марины, и Заруцкий во имя его затевал двинуть турок и татар на окончательное разорение Московского государства. Ожидали было еще соперника царю и в габсбургском доме. В 1612 году цезарский посланник Юсуф, проезжая через Московское государство из Персии, виделся в Ярославле с Пожарским, и, услышавши от него жалобы на бедственное состояние Московского государства, заметил, что хорошо было бы, если бы московские люди пожелали избрать на престол цезарского брата Максимилиана. На это Пожарский, как говорят, отвечал, что если бы цезарь дал на Московское государство своего брата, то московские люди приняли бы его с великою радостью. Об этом узнали в Германии; император прислал Пожарскому похвальное слово; но Максимилиан, отговариваясь старостью, отказывался от русского престола. Императорский посланник прибыл в Москву с грамотою к боярам в то время, как уже избран был Михаил, и предлагал боярам в цари другого императорского брата. Это встревожило новое правительство, и царь отправил послов в Австрию с таким объяснением: мы никогда этого не слыхали, да и в мысли у бояр и воевод и всяких чинов людей Московского государства не было, чтобы выбирать государя не греческой веры. Если Пожарский так говорил, то он поступал без совета всей земли, а быть может, ваш посланник Юсуф или переводчик сами это выдумали, чтобы выманить жалованье у своего государя.¹

¹ Важных последствий из этого не было никаких, но тем не менее до 1616 года отношения к императору были холодные, в особенности по причине неумения русских послов вести себя прилично, и только в этом году император приказал уверить московского государя, что он не будет помогать польскому королю войском и деньгами и не дозволит полякам нанимать ратных людей в своих владениях.

Внутри государства многие города были сожжены дотла, и самая Москва находилась в развалинах. Повсюду бродили шайки под названием казаков, грабили, сжигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутренние области сильно обезлюдели. Поселяне еще в прошлом году не могли убрать хлеба и умирали от голода. Повсюду господствовала крайняя нищета: в казне не было денег и трудно было собрать их с разоренных подданных. Одна беда вела за собою другие, но самая величайшая беда состояла в том, что московские люди, по меткому выражению матери царя, *измалодушествовались*. Всякий думал только о себе; мало было чувства чести и законности. Все лица, которым поверялось управление и правосудие, были склонны для своих выгод грабить и утеснять подчиненных не лучше казаков, наживаться за счет крови бедного народа, вытягивать из него последние соки, зажимать общественное достояние в то время, когда необходимо было для спасения отечества крайнее самопожертвование. Молодого царя тотчас окружили лживые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себе как можно более земель и присваивали даже государевы дворцовые села. В особенности родственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сделались первыми советниками царя, между тем как лучшие, наиболее честные деятели смутного времени, оставались в тени зауряд с другими. Князь Дмитрий Пожарский, за нежелание объявлять боярство новопожалованному боярину Борису Салтыкову, выдан был ему головою.² Близ молодого царя не было людей, отличавшихся умом и энергией: все только одна рядовая посредственность. Прежняя печальная история русского общества приносила горькие плоды. Мучительства Ивана Грозного, коварное правление Бориса, наконец, смуты и полное расстройство всех государственных связей выработали поколение жалкое, мелкое, поколение тупых и узких людей, которые мало способны были стать выше повседневных интересов. При новом шестнадцатилетнем царе не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежних времен. Сам Михаил был от природы доброго, но, кажется, меланхолического нрава, не одарен блестящими способностями, но не лишен ума; зато не получил никакого воспитания и, как говорят, вступивши на престол, едва умел читать.

В высшей степени знаменательно суждение одного голландца о тогдашнем состоянии России: *Царь их подобен солнцу, которого часть покрыта облаками, так что земля московская не может получить ни теплоты, ни света... Все приближенные царя-несведущие юноши; ловкие и деловые приказные – алчные волки; все без различия грабят и разоряют народ. Никто не доводит правды до царя; к царю нет доступа без больших издержек: прошения нельзя подать в приказ без огромных денег, и тогда еще неизвестно, чем кончится дело: будет ли оно задержано или пущено в ход.* Смутное время, однако, сделало большую перемену в строе государственного правления против прежних времен: оно выдвинуло значение собора всей земли русской. В половине XVII века русский эмигрант Котошихин Писал, что царя Михаила Федоровича, как и всех царей после Грозного, выбрали с записью, в которой избранный государь обязывался никого без суда не казнить и все дела делать сообща с боярами и думными людьми. Такой записи не сохранилось и нет основания предполагать, что она существовала; но на деле происходило действительно так, как бы и на самом деле существовала эта записка; во все свое царствование, а в первых годах в особенности, царь Михаил Федорович в важных делах собирал земскую думу из выборных всей земли и вообще во всех делах действовал заодно с боярским приговором, как и значится в законодательных актах того времени. Это объясняется новостью династии и тем, что Михаил был посажен на царство волею собора; при

² Обычай этот соблюдался таким образом: по царскому приказанию дьяк или подьячий вел выдаваемого головою пешком (что уже составляло бесчестие) во двор соперника, ставил его на нижнем крыльце и объявлял, что царь выдает такого-то головою. Пожалованный бил царю челом за милость и дарил дьяка или подьячего подарками, а выданного себе головою отпускал домой, но не позволяя ему садиться на лошадь у себя на дворе. Выданный головою обыкновенно при этом ругался всеми способами, и пожалованный не обращал на то никакого внимания. Иногда же царь за послушание, кроме выдачи головою, приказывал наказывать виновного батогами.

смутных обстоятельствах он должен был, для собственной безопасности, опираться на волю земли. Такое участие земской силы в правлении не могло обратиться во что-нибудь прочное, как по грубости нравов и невежеству, не дававшему народу достигнуть ясного сознания разделения властей, так еще более по причине того *малодушества*, которое тогда господствовало в народе, особенно в высших его слоях. До какой степени были грубы в то время нравы, показывает то, что близкие к царю люди почти на глазах его ругались и дрались между собою и не смущались тем, когда их били по щекам или батогами.³ Участие земских соборов в правлении не могло остановить лихоимства, неправосудия и всякого рода насилий, дозволяемых себе воеводами и вообще начальными людьми, потому что как бы их ни смещали, кем бы их ни заменяли, все-таки неизбежно происходили одни и те же явления, коренившиеся во всеобщей порче нравов. Поэтому-то Масса, голландец, чужой человек, наблюдавший и близко знавший русскую жизнь, говоря о начале царствования Михаила, выразился так: *Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем; ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланьюладыки и только в рабстве он богат и счастлив*. Суждение голландца довольно поверхностно: иностранец не вник в то обстоятельство, что эпоха Ивана Грозного способствовала тому состоянию общественной нравственности, какое он видел в России; но какими бы путями ни дошла Русь до тогдашнего состояния нравственности, приговор этот, высказанный свободным гражданином республики о необходимости сурового самодержавия для русского народа, очень знаменателен. Иностранцам, жившим в России, оно было по сердцу, потому что при безусловной силе верховного правительства им легче было добывать себе такие привилегии, каких бы им не дал никакой собор, составленный, между прочим, из лиц торговых и промышленных, чувствовавших на себе невыгоду льгот и преимуществ, даваемых иностранцам перед русскими. По уверению того же голландца, молодой Михаил Федорович сознавал свое положение. Когда ему доложили об одном господине, которого следовало наказать за важный учиненный им проступок, то царь ответил: «Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают только охотиться с летами».

Первою заботою нового правительства был сбор казны. Это было естественно, потому что как только новый царь вступил на престол, так к нему обратились всяких чинов служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за Московское государство, терпели всякую нужду и страдания, а между тем их поместья и вотчины запустели, разорены, не дают никаких доходов; недостает им ни платья, ни вооружения. Они просили денег, хлеба, соли. сукон и без обиняков прибавляли, что если им царского денежного и хлебного жалованья не будет, то они от бедности станут грабить, воровать, разбивать проезжих по дорогам, убивать людей, и не будет никакой возможности их унять. Царь и собор разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорее и точнее подати и всякие доходы, следуемые в казну, сверх того умоляли всех людей в городах, монастырях давать в казну займы все, что что может дать: денег, хлеба, сукон и всяких запасов. Приводилось в худой пример то, что московские гости и торговые люди в прошлые годы пожалели дать ратным людям денег на жалованье и через то потерпели страшное разорение от поляков. Такие грамоты посылались преимущественно в северовосточный край, менее других пострадавший, и в особенности к богатым Строгоновым, оказавшим важное пособие Пожарскому и Минину.

То, что поступало в казну, оказывалось недостаточным. А между тем нужно было много чрезвычайных усилий для поддержания порядка и ограждения государства, части которого с трудом подчинялись единству власти. В Казани некто Никанор Шульгин затевал, при помощи

³ Так, например, одного, по имени Леонтьева, за жалобу на князя Гагарина думный дьяк бил по щекам, а другого, Чихачева, за жалобу на князя Шаховского, бояре приговорили высечь кнутом, но думный дьяк Луговский и боярин Иван Никитич Романов сами собственноручно тут же во дворе отколотили его палками.

казаков, возмутить поволжский край; ему это не удалось; казанцы остались верны Михаилу; Шульгин был схвачен и сослан в Сибирь, где и умер. Но понадобилось несколько лет, чтобы расправиться с Заруцким и с буйными казацкими шайками, бродившими по России. В 1614 году правительство снова просило денег и должно было бороться со всякого рода сопротивлением. Дворяне и дети боярские бегали со службы; их принуждены были ловить и в наказание отбирать треть имущества на государя. Иные приставали к казакам. Посадские люди не платили положенных на них податей по 175 руб. с сохи и других поборов, тем более, что сборщики и воеводы наблюдали при этом свои противозаконные выгоды.⁴ Но в то время, когда тяглых, посадских и волостных людей доводили до ожесточения сборами и правежами, монастыри один за другим выпрашивали для себя и своих имений льготы, жаловались на разорение и действовали в этом случае через посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала им и вотчины.⁵

Так, 1614—15 годы проходили в усиленной борьбе с внутренним неустройством. На юго-востоке в июне 1614 года порешили с Заруцким. Но множество других казацких шаек продолжали разорять государство почти во всех его пределах. В Осташковском уезде бесчинствовали черкасы и литовские люди под начальством Захария Заруцкого⁶, в Пусторжеве – под начальством полковника Яска: в уездах: Ярославском, Бежецком, Кашинском, Пошехонском, Белозерском, Углицком, свирепствовала огромная шайка, состоявшая из казаков и русских воров, преимущественно боярских холопей. Между атаманами отличался особенным зверством Баловень: разбойники его шайки не только грабили где что могли и не давали правительственным сборщикам собирать денег и хлебных запасов в казну, но с необыкновенною свирепостью мучили людей. У них было обыною забавою насыпать порох людям в уши, рот и т.п. и зажигать. Шайка, состоявшая также на половину из черкас, литовских людей и русских воров, в числе более 7000 чел., разбойничала на севере около Холмогор, Архангельска, на Ваге, около Каргополя, и наконец была истреблена в заонежских погостах и близ Олонца. Однако эта шайка оставила по себе печальные следы: во всем крае по р. Онеге и Ваге, как доносили царю воеводы, осквернены были Божьи церкви, выбит скот, сожжены деревни; на Онеге нашли 2325 трупов замученных людей, и некому было похоронить их; другие найдены были еще дышащими, но страшно искалеченными; многие, разбежавшись по лесам, погибли от холода и голода, а после усмирения разбойников жителям нечего было есть. В Вологде буйствовал сибирский царевич Араслан, грабил у жителей запасы и вешал людей вверх ногами. Были тогда разбойничьи шайки и около Перми. В Казанском крае по усмирении Шульгина поднялись татары и черемисы, брали в плен и убивали русских людей, захватили дорогу между Казанью и Нижним и покушались даже нападать на города. Другие разбойники, также называвшие себя казаками, бродили и бесчинствовали в украинских городах.⁷ Напрасно правительство предписывало воеводам строить засеки, собирать ратных людей, вооружать жителей и всеми мерами ловить и истреблять разбойников; разбойников стало очень много; они нападали внезапно: пограбят, пожгут, перемучат людей в одном месте и исчезают, чтобы появиться в другом; ратные люди, прибывшие в то место, где, по слухам, объявились воры, заставляли там пепелища да обезображенные трупы людей, а о ворах уже шли слухи из других мест.

⁴ Так, в Белозерске посадские люди не давали собирать положенную на них дань, и когда воеводы по обычаю поставили их за то на правож, то они ударили в набат и чуть не побии воевод и сборщиков. То же делалось и в других местах. В отдаленной Чердыни жители не хотели давать ратного сбора и прибили присланного за этим делом князя Шаховского.

⁵ Таким образом в Белозерском уезде вымучивали подати с тяглых крестьян, а вотчины Кирилло-Белозерского монастыря были изъяты от них. Такую же свободу получили тогда все вотчины Волоколамского монастыря. Иным монастырям в это время всеобщей нужды и безденежья давались права на беспощинную торговлю солью и другими предметами.

⁶ Таким образом в Белозерском уезде вымучивали подати с тяглых крестьян, а вотчины Кирилло-Белозерского монастыря были изъяты от них. Такую же свободу получили тогда все вотчины Волоколамского монастыря. Иным монастырям в это время всеобщей нужды и безденежья давались права на беспощинную торговлю солью и другими предметами.

⁷ Замечательно, что за многими из разбойничьих шаек следовала толпа жен венчанных и невенчанных.

Для прекращения бед в сентябре 1614-го земский собор постановил послать к вора́м духовных, бояр и всякого чина людей уговаривать их прекратить свои бесчинства и идти на царскую службу против шведов. Всем объявлялось прощение. Обещали давать им на службе жалованье, а крепостным людям, которые отстанут от воровства, обещана была свобода. Часть воров поддалась увещаниям и отправилась к Тихвину на царскую службу против шведов; другие упорствовали и пошли вниз по Волге, но были наголову разбиты в Балахонском уезде боярином Лыковым; третьи, с которыми был сам Баловень, двинулись к Москве, в огромном количестве, под видом, как будто идут просить прощения у государя, но на самом деле оказалось, что у них были коварные намерения. Их отогнали от Симонова монастыря, преследовали и окончательно разбили на реке Луже. Более 3000 пленных приведено было в Москву. Простым казакам объявили прощение; Баловня с несколькими товарищами, особенно отличавшимися злодеяниями, повесили; других атаманов разослали по тюрьмам. Этот успех ослабил разбои, но не искоренил их. По разным местам продолжали появляться отдельно разбойничьи шайки, чему способствовало то, что правительство пыталось возвращать на прежние места жителей, которые в смутное время вышли с этих мест.⁸

Между тем в северской земле начал свирепствовать Лисовский с несколькими тысячами разного сброда, носившими общее название лисовчиков. Быстрота, с которою в продолжение 1615 года прогуливался Лисовский по обширному пространству Московского государства, изумительна. Сначала Пожарский гонялся за ним в северской земле. Лисовский, не успевши ничего сделать Пожарскому под Орлом, отступил к Кромам; Пожарский – за ним, Лисовский – к Болхову, потом к Белеву, к Лихвину и Перемышлю. Лисовский имел обыкновение оставлять утомленных лошадей, брал свежих и бросался с неимоверною быстротою туда, где не ожидали его, а на пути все истреблял, что попадалось. Пожарский, утомившись погоней, заболел в Калуге. Лисовский со своею шайкой проскочил на север между Вязьмой и Смоленском, напал на Ржев, перебил на посаде людей и, не взявши города, повернул к Кашину и Угличу, а потом, прорвавшись между Ярославлем и Костромою, начал разорять окрестности Суздаля: оттуда прошел в рязанскую землю, наделал там разорений; из рязанской земли прошел между Тулою и Серпуховым в Алексинский уезд. Воеводы по царскому приказанию гонялись за ним с разных сторон и не могли догнать; только князь Куракин вступил с ним в бой под Алексиным, но не причинил ему большого вреда. Наконец, Лисовский, наделавши Московскому государству много бед, ушел в Литву. На следующий 1616 год Лисовский снова появился в северской земле, но нечаянно упал с лошади и лишился жизни. Его шайка избирала других предводителей и долго еще существовала под старым именем *лисовчиков*, производя бесчинства не только в московской, но впоследствии и в своей, польской, земле.

Таким образом русская земля, пострадавшая и обедневшая в смутное время, потерпела новое разорение от разбойников и Лисовского, а между тем угрожающее положение со стороны Швеции и Польши требовало увеличения ратных сил и, вследствие этого, умножения денежных средств. Сделаны были распоряжения о новых поборах. Строгоновы обещали давать деньги в казну и с их приказчиков велено было взять 13810 рублей. Положено было брать во всех городах со двора по гривне, а с уездов всех волостей – с сохи по 120 рублей; но когда дело дошло до сбора, то в разных местах опять началось сопротивление. Воеводы должны были употребить на ослушников ратных людей, в то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, приезжавшие для царских дел, брали прежде всего с народа на себя то, чего им не следовало брать лишнее, отягощали жителей кормами (сбором продовольствия) в свою пользу,

⁸ Таким образом ведено было отыскивать разных тяглых людей, приписанных к Москве и другим городам; то же постановлялось и о вотчинных крестьянах: в этот год двумя грамотами ведено было возвращать на прежнее место жительства троичких крестьян, выбывших с 1605 года. Крестьяне сопротивлялись, не хотели возвращаться, а иногда и землевладельцы, к которым они приставали, не отпускали их. Такие-то, сбегавшие с прежних мест, не желая подвергаться тяглу, наполняли разбойничьи шайки.

а потом уже правили с нищих посадских и крестьян государственные подати: многих забивали и замучивали до смерти на правежах и доносили в Москву, что нечего взять. Посадские из городов посылали челобитчиков жаловаться на утеснения в Москву, но это стоило также лишних денег. В Москве, в приказах, с челобитчиков брали взятки; да и сами челобитчики, приезжавшие в столицу от своих обществ, присваивали себе порученные им мирские деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажей напитков, приказывало везде строить кабаки, курить вино, запрещало служилым и посадским держать напитки для продажи; и это средство не могло принести много пользы: для того, чтоб пить, нужен был достаток; те же, которые пропивали последнюю деньгу, могли доставить только ничтожный доход казне и за то менее были в состоянии платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилым надобно было платить; и дети боярские, вытребованные на службу, роптали, что не получают жалованья, и разбегались. В это время правительство старалось умножить и усилить в войске отдел стрельцов, как более организованное войско; на них тогда полагались все надежды, и потому по городам приказано было набирать в стрельцы охочих вольных людей, умеющих стрелять. Состоя под управлением своих голов, стрельцы пользовались правом собственного суда, кроме разбойных дел.

Правительство, не в силах будучи сладить с поборами, созвало в 1616 году земский собор. Приказано было выбрать лучших уездных посадских и волостных людей для *великого государя земского дела на совет*. Этот собор постановил всемирный приговор: собрать со всех торговых людей пятую деньгу с имущества, непременно деньгами, а не товарами, а с уездов по 120 рублей с сохи. Со Строгоновых, по расчету, приходилось взять 16000 рублей, но, кроме того, собор наложил на них еще 40000. «Не пожалейте своих животов, – писал к Строгоновым царь, – хоть и себя приведете в скудость. Рассудите сами: если от польских и литовских людей будет конечное разорение Российскому государству, нашей истинной вере, то в те поры и у вас, и у всех православных христиан, животов и домов совсем не будет».

Нужно было так или иначе покончить со шведами. Новгород оставался в их руках. Вместе с Новгородом захвачена была водская пятина, города Корела (Кексгольм), Иван-город, Ям, Копорье, Ладога, Порхов, Старая Руса. Шведы поставили везде своих воевод, но, вместе со шведскими, были и русские начальники. Избрание Михаила подавило новгородцев в затруднительное положение относительно шведов: волей-неволей они присягали на верность королевичу Филиппу с тем, что он будет царем всей Руси; но теперь в Москве избран другой царь, и шведский наместник, Эверт Горн, заступивший место Делагарди, объявил новгородцам, что так как Москва не хочет королевича Филиппа, то королевич не желает быть на одном государстве новгородском; по этой причине Новгород, со своей землей, должен присоединиться к шведскому королевству. Новгородцы не были согласны на присоединение к Швеции; и, спрошенные через своих пятиконецких старост, они упирались, отвиливали, говорили, что, давши раз присягу королевичу Филиппу, желают оставаться верны своей присяге. Некто князь Никифор Мещерский возбуждал тогда новгородский народ ни за что не присягать шведскому королю, не соглашаться на присоединение Новгорода к Швеции и ни в каком случае не отлучать его от Московского государства. Шведы за это засадили под стражу Мещерского. Народ не успокаивался, не давал требуемого согласия на присоединение к Швеции, и, наконец, митрополит Исидор попросил у шведского наместника дозволения отправить в Москву посольство для убеждения бояр признать царем королевича Филиппа. Шведы согласились. Послом от Новгорода поехал хутынский архимандрит Киприан, который прежде участвовал в посольстве новгородцев к шведам в Выборг и казался расположенным к Швеции; с ним поехали двое дворян.⁹ Вместо того, чтоб уговаривать бояр отступить от Михаила (что было слишком опасно для посланных), новгородские послы били челом боярам, чтоб царь Михаил Федорович про-

⁹ Яков Бабарыкин и Матвей Муравьев.

стил новгородцам невольное целование креста и заступился за Новгород, который ни за что не хочет отрываться от русской державы. Царь допустил новгородских послов к себе, обласкал и приказал дать им две грамоты: одну от бояр, явную, с суровым выговором всем новгородцам за то, что они отправили к ним посольство с советом изменить царю, а другую, тайную – от царя; в ней царь Михаил Федорович прощал новгородцам все их вины и обнадеживал своей милостью. Царскую грамоту стали раздавать в списках тайком между новгородцами для поддержания упорства, но в Москве нашелся изменник, благоприятель шведов – думный дьяк Третьяков: он написал об этой тайной грамоте шведскому наместнику. Тогда Эверт Горн посадил под стражу ездивших послов и принялся за Киприана: его мучили на правеже, морили голодом и морозом.

Военные попытки против шведов были неудачны для русских. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, подобравши с собой казаков, обещавшихся верно служить царю, потерпел поражение. Но сам шведский король не был намерен добиваться слишком многого. Завязываться в долговременную и упорную войну было опасно для Швеции, так как она находилась тогда в неприязненных отношениях и с Польшей и с Данией; самое обладание Новгородом представляло для Швеции более затруднений и хлопот, чем пользы. Новгородцы не хотели добровольно быть под шведским владычеством; Швеции надобно было держать их насильно, и через то находиться во всегдашних неприязненных отношениях к Москве: понятно, что тогда Новгород, ненавидя шведское правление, будет постоянно обращаться к Москве и вооружать ее против Швеции. Густав Адольф хотел только воспользоваться запутанным состоянием Московского государства, чтоб отнять у него море и тем обессилить опасного для Швеции на будущее время соседа. Он обратился к английскому королю, Иакову I, с просьбой принять посредничество в споре с Московским государством. К тому же Иакову еще прежде, в 1613 г., послал новоизбранный царь, Михаил Федорович, дворянина Алексея Зюзина с просьбой заступиться за Московское государство против шведов и снабдить его оружием, запасами и деньгами тысяч на сто рублей.¹⁰ Англия намеревалась добиться от России новых торговых выгод, и потому для нее был большой расчет оказать России услугу, чтобы иметь право требовать возмездия. Английский король обещал прислать уполномоченного с тем, чтобы примирить русского царя с шведским королем. В 1614 году с такою же целью отправлены были московские послы, Ушаков и Заборовский, в Голландию. Эти послы были так бедны, что в Голландии принуждены были дать им 1000 гульденов на содержание. Голландские штаты также обещали свое посредничество в деле примирения России с Швецией. Голландцы надеялись через это получить ущерб англичанам, с которыми они находились тогда в сильном соперничестве.

В Москву приехал от английского короля, в качестве посредника, Джон Мерик, известный русским купец, пожалованный английским королем в рыцари. Со стороны голландцев прибыл в Россию Николай Ван-Бредероде с товарищами.

При посредстве этих послов состоялось совещание между русскими и шведами в селе Дедерине. Со стороны русских были: окольный князь Даниил Мезецкий и дворянин Алексей Зюзин с товарищами. Со стороны шведов – Яков Делагарди, Генрих Горн и другие. Шведский король осаждал Псков, но неудачно, и, потерявши Эверта Горна, отступил от города.

Голландские посланники в своих донесениях оставили любопытные черты тогдашнего бедственного состояния России. Край был сильно обезлюден. Иностранцы должны были ехать зимой по пустыне, где встречались разоренные деревни; в избах валялись непогребенные мертвые тела. Волки и другие хищные звери бродили стаями. В лесах скрывались казаки и шиши. Они вели партизанскую войну со шведами и убивали всякого шведского воина, которого слу-

¹⁰ Иаков принял московского посла отлично и, зная щепетильность русских в соблюдении внешних обрядов, во время приема дозволил московскому послу надеть шапку, когда сам был без шапки, из уважения к царскому имени. Посол отказался от предоставленной ему чести, но был очень доволен: и в Москве, когда узнали об этом, то были также очень довольны.

чалось им схватить на дороге, если он был отправлен с каким-нибудь поручением от своего начальства. Старая Руса представляла кучу развалин каменных церквей и монастырей. Город, прежде многолюдный, в это время опустел до того, что в нем оставалось не более 100 чел., едва имевших насущный хлеб. Вся окрестность была опустошена, нигде было найти продовольствия, и оно доставлялось послам с большим трудом из отдаленных мест. Шведские и русские послы поместились в отдельных селах и съезжались на переговоры в Дедерино к английскому послу. Совещания происходили в шатре, разбитом среди поля на снегу, потому что нельзя было найти для этого довольно просторной избы. Сначала русские упрекали Делагарди за прежнее его поведение. Тот защищался и сваливал вину на русских. Наконец приступили к делу. Шведы пытались поднять вопрос о выборе в московские цари королевича Филиппа; русские и слышать об этом не хотели. Переставши толковать о королевиче Филиппе, шведы потребовали больших уступок земель или огромной суммы денег. Русские объявили, что скорее лишатся жизни, чем уступят горсть земли.¹¹ Шведы несколько раз грозились уехать ни с чем; англичанин удерживал их, наконец русские согласились отдать одну Корелу, а вместо других городов, которых домогались шведы, предлагали сто тысяч рублей. Не порешивши окончательно на этом, обе стороны заключили перемирие от 22 февраля до 31 мая 1616 года, и по истечении срока положили снова съехаться для заключения мира. Не ранее, однако, как в конце декабря 1616 года съехались шведские послы с русскими в селе Столбове, все-таки при посредничестве Мерики. Новгородцы умоляли русских послов поскорее окончить дело, потому что шведы и их угодники из русских жестоко теснили новгородцев, требуя присяги шведскому королю, и мучили праведными, вымогая у них корм и подвод для войска. Эти жалобы новгородцев побудили наконец русское правительство к уступчивости. Проспоривши почти два месяца, 27 февраля 1617 года, подписали договор вечного мира, по которому шведы возвращали русским Новгород, Порхов, Старую Русу, Ладогу, Гдов и Сумерскую волость; а русские уступали Швеции приморский край: Иван-город, Ям, Копорье, Орешек и Корелу с уездами; кроме того, обязались заплатить 20 000 рублей готовыми деньгами. По выходе шведов из Новгорода, 14 марта русские послы вступили туда с чудотворной иконой, взятой из Хутынского монастыря. Митрополит Исидор встречал их со всем народом, который громко плакал. Новгород был в самом жалком состоянии. Более половины домов было сожжено. Жителей оставалось уже не много. Иные разбежались, другие померли от голода, который свирепствовал в Новгороде, его окрестностях и в псковской земле, в такой степени, что жители питались нечистой пищей и даже ели человеческие трупы.

Как ни тяжелы были для Московского государства условия Столбовского мира, отнимавшего у России море и потому носившего в себе зародыш неизбежных кровавых столкновений в будущем, но в то время и такой мир был благодеянием, потому что оставлял теперь Московское государство в борьбе с одной только Польшей.

Устроив примирение, Джон Мерик прибыл в Москву и заявил со стороны Англии требование важных торговых привилегий. Он просил, между прочим, дозволить англичанам ходить для торговли Волгой в Персию, рекой Обью в Индию и Китай. Русское правительство отдало эти вопросы на разрешение думы, составленной из торговых людей. На основании приговора этих торговых людей, бояре отказали в главном, чего домогался Мерик, под благовидными предложениями отсрочки на будущее время. «Теперь русские торговые люди оскудели», – говорили бояре Мерику. «Они у англичан покупают в Архангельске товары и продают в Астрахани персиянам: от этого прибыль и им и казне, а если англичане сами начнут торговать в Персии, то этой прибыли не будет. Притом же в Персии теперь небезопасно: персидский шах воюет с

¹¹ Английский посол держал себя хладнокровно и беспристрастно, и когда русские пытались вооружить его против шведов и указывали ему, что шведы не воздают ему должной чести, англичанин отвечал, что честь дана ему от своего государя и ее никто отнять у него не может, а до почета со стороны шведов ему нет дела.

туркским царем, да и на Волге плавать опасно. Надобно отложить до другого времени». Что касается до пути в Индию и Китай через Сибирь, то бояре сказали английскому послу, что «Сибирь страна студеная и трудно через нее ходить: по реке Оби все лед ходит, по Сибири кочевые орды бродят, ходить опасно, да и про китайское государство говорят, что оно не велико и не богато, а потому государь, по дружбе к английскому королю, прикажет прежде разузнать, какими путями туда ходить и каково китайское государство: стоит ли туда добиваться». Таким образом, благодаря силе торговых людей, Мерик, при всех своих услугах России, не добился цели стремлений англичан на восток, хотя получил от царя в знак благодарности и внимания золотую цепь с царским портретом и разные подарки, преимущественно мехами.

Голландцы, также добивавшиеся для себя торговых льгот, получили некоторые выгоды, но не в такой степени, как англичане. Еще в 1614 году компании голландских гостей подтверждена была грамота царя Василия Ивановича на свободную торговлю во всем государстве, а во внимании к разорению, понесенному голландскими купцами, позволено им торговать беспошлинно на три года. Когда срок этот минул, голландцы не добились такого расширения своих торговых прав, которое бы могло подорвать английскую торговлю, однако, по собственному их сознанию, в 1616—17 годах, русские так снисходительно смотрели за голландцами, что последние платили за свои товары гораздо менее пошлин, чем с них следовало.¹² Шведам по Столбовскому договору предоставлена была свободная торговля, но с платежом обычных полных пошлин.

В то время, когда шли переговоры о мире со шведами, в жизни царя произошло печальное семейное событие. Молодой царь находился в покорности инокини матери, которая жила в Вознесенском монастыре, имела свой двор и была окружена монахинями: самой приближенной из них к царской матери была мать Салтыковых, старица Евникия, Царь не смел ничего начинать без благословения матери, а главная сила ее состояла в том, что царь приближал к себе и слушал совета тех людей, которым она благоприятствовала. Вместе с матерью Михаил часто совершал благочестивые богомолья к Троице, к Николе на Угреше и в разные святые места, как в самой Москве, так и в ее окрестностях. Жизнь царя была опутана множеством обрядов, носивших на себе более или менее церковный или монашеский характер. Это приходилось по нраву Михаила, который вообще был тих, незлобив и сосредоточен. В 1616 году, когда ему наступил двадцатый год, решено было женить его. Созвали по давнему обычаю толпу девиц – дочерей дворян и детей боярских; Михаилу приглянулась более всех Марья, дочь дворянина Ивана Хлопова. Немедленно выбранная невеста была взята «на верх» (во дворец, собственно в теремные хоромы цариц) и велено было ей оказывать почести как царице, дворовые люди ей крест целовали, и во всем Московском государстве велено поминать ее имя на ектениях. Ее нарекли Анастасией. Отец и дядя нареченной, невесты были призваны во дворец, государь лично объявил им свою милость. Таким образом род Хлоповых, совершенно незначительный до того времени, вдруг возвысился и стал в приближении у царя. Это возбудило во многих зависть, как и прежде всегда бывало в подобных случаях. Более всех не влюбились Хлоповых могущественные Салтыковы, опасавшиеся, чтобы Хлоповы не вошли в доверие царя и не оттеснили их самих на задний план.

Однажды царь ходил в своей оружейной палате и рассматривал разное оружие. Михаил Салтыков показал ему турецкую саблю и похвастался, что такую саблю и в Москве сделают. Царь передал саблю Гавриле Хлопову, дяде царской невесты, и спросил: «Как ты думаешь, сделают у нас такую саблю?» Хлопов отвечал: «Чаю, сделают, только не такова будет, как эта!»

¹² Предметами привоза у голландцев были: вина, сукна, нюрнбергские изделия, мелочные товары и более всего холст, который славился тогда во всей Европе. Из России голландцы вывозили преимущественно восточные товары: сырой шелк, краски, москательные товары, камлот, парчи, штофные изделия (дамасты) и др.

Салтыков с досадой вырвал у него из рук саблю и сказал: «Ты говоришь не зная!» Они тут же побранились крупно между собой.

Салтыковы не простили Хлоповым, что они смеют им перечить, решились удалить их от двора и расстроить брак государя. Они очернили Хлоповых перед царской матерью и разными наговорами внушили ей неприязнь к будущей невестке. При нареченной царевне находились постоянно: бабка ее Федора Желябужская и Марья Милюкова, одна из придворных сенных боярынь. Другие родные навещали ее сначала изредка, потом каждый день. Вдруг нареченная невеста заболела. С ней началась постоянная рвота. Сперва родные думали, что это сделалось с ней от неумеренного употребления «сластей», и уговаривали есть поменьше. Она послушалась, и ей стало как будто получше, но потом болезнь опять возобновилась, и родные должны были донести об этом царю. Тогда царь приказал своему крайчему Салтыкову позвать доктора к своей невесте; Михаил Салтыков привел к ней иноземца-доктора, по имени Валентин, который нашел у больной расстройство желудка и объявил, что болезнь излечима и «плоду де и чадородию от того порухи не бывает». Такое решение было не по сердцу Салтыкову; прописанное лекарство давали царской невесте всего два раза, и доктора Валентина более к ней не призывали. После того – Салтыков призвал другого, младшего врача, по имени Балсырь, который нашел у больной желтуху, но не сильную, и сказал, что болезнь излечима. Лекарств у него не спрашивали и к больной более не звали. Салтыковы вздумали потом сами лечить царскую невесту: Михаил Салтыков велел Ивану Хлопову взять из аптеки стклянку с какой-то водкой, передать дочери и говорил, что «если она станет пить эту водку, то будет больше кушать». Отец отдал эту стклянку Милюковой. Пила ли его дочь эту водку-неизвестно; но ей стали давать святую воду с мощей и камень безуй, который считался тогда противоядием. Царской невесте стало легче.

Между тем Салтыков донес царю, будто врач Балсырь сказал ему, что Марья неизлечима, что в Угличе была женщина, страдавшая такую же болезнью и, проболевши год, умерла. Царь не знал, что ему делать. Мать настаивала удалить Хлопову. Просто сослать ее с «верху» казалось зазорно, так как она уже во всем государстве признана царской невестой. Созван был собор из бояр для обсуждения дела. Напрасно Гаврило Хлопов на этом соборе бил челом не отсылать царской невесты с «верху», уверял, что болезнь ее произошла от сладких ядей и теперь уже почти проходит, что Марья скоро будет здорова. Бояре знали, что царская мать не любит Хлопову и желает ее удалить; в угоду ей произнесли они приговор, что Хлопова «к царской радости непрочна», т. е. что свадьбы не должно быть.

Сообразно этому приговору, царскую невесту свели с «верху». Это было в то время, когда во дворце происходили суетливые приготовления к ее свадьбе. Хлопову поместили у ее бабки на подворье, а через десять дней сослали в Тобольск с бабкой, теткой и двумя дядями Желябужскими, разлучив с отцом и матерью. Каково было в Тобольске изгнанникам – можно догадываться из того, что в 1619 году, уже как бы в виде милости, они были переведены в Верхотурье, где должны были жить в нарочно построенном для них дворе и никуда не отлучаться с места жительства, а царская невеста, испытывавшая в короткое время своего благополучия роскошь двора, получала теперь на свое скудное содержание по 10 денег на день.

Этот варварский поступок не был делом царя Михаила Федоровича. Царь, по-видимому, чувствовал привязанность к своей невесте и грустил о ней, но не смел послушаться матери. Тем не менее он не соглашался жениться ни на какой другой невесте. Это событие показывает, что в то время молодой царь был совершенно безвластен и всем управляли временщики, угождавшие его матери, которая, как видно, была женщина хотя богомольная, но злая и своенравная.

Уладивши дело со шведами, Москва должна была покончить и с Польшей. Но это было гораздо труднее. Сигизмунд сожалел об утраченном Московском государстве. Сын его Владислав, придя в совершенный возраст, также пленялся мыслью быть московским царем и затевал попытку вернуть себе утраченный престол.

Русское правительство искало противодействия Польше в Турции и в Крыму и думало было воспользоваться недоразумениями, возникавшими тогда между Турцией и Польшей. Турки злобствовали на поляков, но не вполне дружелюбно смотрели и на Московское государство, за нападение донских казаков. Русские посланники несколько лет сряду в Константинополе раздавали меха визирям и другим султанским вельможам и терпеливо выслушивали от турок колкости и упреки за казаков; зато, по крайней мере, утешались обещаниями турок начать войну с Польшей. Крымский хан, со своей стороны, брал с русских деньги и меха и за это обещал им тревожить поляков, но медлил. Московское правительство обращалось, кроме того, к немецкому императору и просило о посредничестве в деле примирения Москвы с Польшей. Император отправил от себя посредником Ганделиуса. При старании этого посредника съехались под Смоленском русские послы, князь Иван Михайлович Воротынский и его товарищи, с польскими послами: киевским епископом Казимирским, литовским гетманом Ходкевичем и канцлером Львом Сапегой. Ганделиус явно мирволил польской стороне: он не только считал правильной уступку Речи Посполитой земель, завоеванных ей от Руси, но полагал, что русские, признавши Владислава царем, обязаны были вознаградить его за утрату царского достоинства. Воротынский вел себя настойчиво; им за это был недоволен царь, потому что естественно боялся за своего родителя, находившегося в плену у поляков, более всего желал его возвращения и готов был на большие уступки, лишь бы добиться освобождения Филарета. Несмотря на уступчивость своего царя, русские послы не поддались излишним притязаниям поляков, и съезды под Смоленском прекратились. Война была неизбежна.

В 1616 году королевич Владислав издал окружную грамоту ко всем жителям Московского государства: напоминал, как его выбрали на московский престол всей землей; обвинял митрополита Филарета, который будто бы поступал вопреки наказу, данному всей землей; изъявлял сожаление о бедствиях Московского государства; объявлял, что, пришедши в совершенный возраст, идет сам добывать Московское государство, данное ему от Бога, и убеждал всех московских людей бить ему челом и покориться, как законному московскому государю; обещал, наконец, поступить с Михаилом, Филаретовым сыном, сообразно своему царскому милосердию, по прошению всей земли.

Притязания польского королевича грозили внести новое междоусобие в несчастное государство.

Но правильные военные действия между Польшей и Москвой начались не ранее 1618 года (как мы указали в жизнеописании Филарета). Война эта требовала крайнего напряжения сил, а между тем Московское государство еще не успело поправиться от прежних бедствий и испытывало новые в том же роде, как в предшествовавшие годы. Разбойничьи шайки продолжали бродить и разорять народ; самый образ ведения войны с Владиславом увеличивал число такого рода врагов, потому что главные силы польского королевича состояли из казаков и лисовчиков, а те и другие вели войну разбойническим способом. Литовские люди, заодно с русскими ворами, проникали на берега Волги и Шексны и разбойничали в этих местах. Города были так дурно укреплены и содержимы, что не могли служить надежным убежищем для жителей, которым небезопасно было оставаться в своих селах и деревнях.¹³ Между тем правительство принуждено было усиленными мерами собирать особые тяжелые налоги с разоренного народа. То были запросные деньги, наложенные временно, по случаю опасности, которые должны были платить все по своим имуществам и промыслам, и, кроме того, разные хлебные поборы для содержания служилых людей; наконец, народ должен был нести и пососную

¹³ Состояние города Углича, напр., представляется, по современным известиям, в таком жалком виде: «Мосты погнили, башни стоят без кровли, ров засыпался, а кое-где и вовсе не копан. Ратных людей почти нет, стрельцов и воротников ни одного человека, пушкарей только шесть человек, и те голодные. Пороха нет, хлебных запасов нет. Посадские люди от нестерпимых правей почти все разбежались с женами и детьми. Волости кругом выжжены, опустошены, а между тем в Угличе сидели в тюрьме более сорока человек разбойников». Те же черты можно было встретить и в других городах большей части государства.

службу в войске. Правительство приказывало не давать народу никаких отсрочек и править нещадно деньги и запасы. Воеводы, исполняя такие строгие повеления, собирали посадских и волостных людей, били их на правеже с утра до вечера; ночью голодных и избитых держали в тюрьмах, а утром снова выводили на правеж и очень многих забивали до смерти. Жители разбежались, умирали от голода и холода в лесах или попадали в руки неприятелям и разбойникам. Бедствия, которые народ русский терпел в этом году от правительственных лиц, были ему не легче неприятельских разорений. Монастыри же, как и прежде, пользовались своими привилегиями и если не вовсе освобождались от содействия общему делу защиты отечества, то гораздо в меньшем размере участвовали в этом деле; некоторые из них тогда же получали новые льготные грамоты. Служилые люди неохотно шли на войну; одни не являлись вовсе, другие бегали из полков: в новгородской земле служилые люди в то время имели повод особенно быть недовольными, потому что правительство отбирало у них поместья, розданные при шведском владычестве из дворцовых и черных земель.

В таком состоянии был народ, когда Владислав, идя к Москве, в августе 1618 г., снова возмущал русских людей своей грамотой, уверял, что никогда не будет ни разорять православных церквей, ни раздавать вотчин и поместий польским людям, что поляки не станут делать никаких насилий и стеснений русскому народу; напротив – сохраняемы будут их прежние права и обычаи. «Видите ли, – писал Владислав, – какое разорение и стеснение делается Московскому государству, не от нас, а от советников Михайловых, от их упрямства, жадности и корыстолюбия, о чем мы сердечно жалуем: от нас, государя вашего, ничего вам не будет, кроме милости, жалования и призрения».

Избранный народной волей царь противопоставил этому покушению своего соперника голос народной воли. 9 сентября 1618 года собран был земский собор всех чинов людей Московского государства, и все чины единогласно объявили, что они будут стоять за православную веру и своего государя, сидеть с ним в осаде «безо всякого сомнения, не щадя своих голов будут биться против недруга его, королевича Владислава, и идущих с ним польских и литовских людей и черкас». Грамоты Владислава прельстили немногих из русских людей. Как ни тяжело было русскому народу от тогдашнего своего правительства, но он слишком знал поляков, познакомившись с ними в смутное время. Дружба с ними была невозможна. Дело Владислава было окончательно проиграно.

В сентябре и октябре русские дружно отстояли свою столицу, и отбили приступы неприятеля, и не поддались ни на какие предложения принять Владислава. Когда неприятельские действия по временам прекращались и начинались переговоры, Лев Сапега, со свойственным ему красноречием, исчислял русским уполномоченным все выгоды, какие получит Русь от правления Владислава; русские отвечали ему: «Вы нам не дали королевича, когда мы его избрали; и мы его долго ждали; потом – от вас произошло кровопролитие, и мы выбрали себе другого государя, целовали ему крест; он венчан царским венцом, и мы от него не отступим. Если вы о королевиче не перестанете говорить, то нечего нам с вами и толковать». В конце концов поляки должны были отказаться от мысли посадить на московском престоле Владислава, 1-го декабря 1618 года подписано было деулинское перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Правда, Московское государство много потеряло от этого перемирия, но выигрывало нравственно, отстоявши свою независимость. Теперь уже недоразумения могли возникать только о тех или о других границах государств, но уже Московское государство решительным заявлением своей воли отразило всякие поползновения Польши на подчинение его тем или другим путем.¹⁴

В июне 1619 года прибыл Филарет, отец государя, и был посвящен в патриархи. Дела пошли несколько иначе, хотя система управления осталась одна и та же. Стала заметной более

¹⁴ Замечательно, что, по окончании перемирия, русское правительство не наказывало смертью тех русских, которые поддались Владиславу, а только ссылало их, наказавши предварительно некоторых из них кнутом.

сильная рука, управлявшая делами государства. Господствующим стремлением было вернуть государство в прежний строй, какой оно имело до смутного времени, и, несмотря на стремления назад, новые условия жизни вызвали новые порядки. Наступило невиданное еще в истории Московского государства явление. Главой духовенства сделался отец главы государства. Отсюда на время патриаршества Филарета возникло двоевластие. Царь сам заявлял, что его отцу, патриарху, должна быть оказываема одинаковая честь, как и царю. Все грамоты писались от имени царя и патриарха. Царь во всех начинаниях испрашивал у родителя совета и благословения и, часто разъезжая со своей благочестивой матерью по монастырям, на то время поручал отцу своему все разные государственные дела. В церковных делах Филарет был полным государем. Область, непосредственно подлежавшая его церковному управлению, обнимала все, что прежде ведалось в приказе Большого Дворца, и заключала в себе все московские владения, кроме архиепископии новгородской; но и архиепископ новгородский, хотя имел свое отдельное управление, находился, однако, в подчинении у Филарета. Собственно для себя Филарет, в год своего посвящения в патриархи, в 1619 году, получил в вотчину на Двине две трети волости Варзуги с правом полного управления над тамошними крестьянами, кроме разбойных дел и татьбы с поличным. По известию иностранцев, с прибытием Филарета переменены были должностные лица во всех ведомствах и с этих пор начинается ряд правительственных распоряжений, клонящихся к исправлению законодательства, к пресечению злоупотреблений, к установлению порядка по управлению и мало-помалу к облегчению народных тягостей. Одной из важнейших мер была посылка писцов и дозорщиков для приведения в известность состояния всего государства, но эта мера не достигала полного успеха по причине нравственного зла, таившегося в московских людях. Писцам и дозорщикам, за крестным целованием, вменялось в обязанность поступать по правде, делать опись государства так, чтобы сильные и богатые с себя не сбавляли государственных тягостей, а на мелких и убогих людей не накладывали лишних; но писцы и дозорщики, работая полтора-два года, писали «воровством», не по правде, с сильных сбавляли, а на убогих накладывали, потому что с сильных и богатых брали взятки. Правительство приказало их посадить в особую избу для исправления своих писцовых книг под надзором окольных и дьяков. Но и эта мера, как показывают последствия, не достигла своей цели: жалобы на неправильность распределения податей и повинностей долго и после того не прекращались. Изъятия одних в ущерб другим видны и в это время. Так, для сбора ямских денег разосланы были денежные сборщики; слушников велели бить на правее нещадно, а между тем вотчины Филарета, его монастырей и его детей боярских, вотчины митрополитов и многих важнейших монастырей освобождались от этих поборов. Обратили внимание на то, что воеводы и приказные люди делали невыносимые насилия посадским и крестьянам. Царская грамота запрещала воеводам и приказным людям брать посулы и поминки, не позволяла вымогать для себя безденежное продовольствие, гонять людей на свои работы. Угрожали за нарушение этих правил пенею вдвое против того, что виновные возьмут неправильно, если челобитная, на них поданная, окажется справедливой. Но, мимо всяких угроз, воеводы и приказные люди продолжали поступать по-прежнему, тем более, что правительство, делая им угрозы за злоупотребления, поверяло им большую власть в управляемых ими областях, потому что оно только через их посредство и при их старании могло надеяться на собрание налогов с народа. Некоторым городам и уездам (напр. Ваге, Устюжне) подтвержден был старый порядок самоуправления; в других его уже не было, да и там, где он существовал, он имел разные степени размера¹⁵, но везде он более или менее стеснялся властью воевод; впрочем, самые выборные старосты делали утеснения бедным людям, и правительство приказывало

¹⁵ Например в Новгороде выборные старосты и целовальники могли судить всякие иски, исключая уголовных дел. В Пскове суд их простирался на иски не свыше 100 р., но в 1633 и псковские сравнены были с новгородскими: в других местах земские старосты и целовальники занимались только раскладкою податей и разверсткою повинностей.

вало своим воеводам охранять от них народ.¹⁶ Вообще в это время, продолжая стараться всеми мерами добывать себе деньги, правительство, однако, давало народу и облегчения в разных местах.¹⁷ Покончено было дело с англичанами. Еще во время осады Москвы Владиславом, царь занял у них 20000 р., а в июле 1620 года приехал в Москву известный там Джон Мерик: он поздравлял Филарета с освобождением, потом снова начал просить пропуска англичан в Персию по Волге. Правительство снова отдало этот вопрос на обсуждение торговых людей, которые дали такой совет, что англичан не следует пускать в Персию иначе, как за большую пошлину. Мерик имел у себя инструкцию добиваться беспошлинного проезда в Персию. Видя, что не добьется этого, он сам отказался от всяких прав на этот проезд с платежом пошлин и сказал: «Если от нашей торговли будет убыток, государевой казне и вашим торговым людям, то и говорить больше нечего. Мой король не желает убытка вашей казне и московским людям». Долг англичанам был выплачен. Московское государство осталось с Англией в самых лучших, дружеских отношениях.

Обогащение казны составляло главную заботу московского правительства. Постановили, чтобы впредь все, живущие в посадах, служилые люди несли тягло наравне с посадскими, а посадские впредь не смели бы продавать своих дворов таким лицам, которые по своему званию освобождались от тягла. Установлены были таможенные и кабацкие головы для сбора доходов с таможен и продажи напитков, а к ним придавались выборные из местных жителей целовальники. В пограничных торговых городах: в Архангельске, Новгороде, Пскове, все дорожные товары, так называемые узорочные (к ним причислялись золотые и серебряные вещи), не прежде могли поступать в продажу, как после того, как таможенный голова отберет и купит в казну все, что найдет лучшего. То же соблюдалось и по отношению к иноземным напиткам. В некоторых местах, вместо того, чтобы держать голов, таможенные и кабацкие сборы стали давать на откуп; и такая мера была особенно тягостительна для жителей, тем более, что откупщики были большей частью люди дурные. Кабаки развелись повсюду; правительство постоянно приказывало стараться, чтоб люди побольше пили и доставляли казне выгоды. Очень многим лицам давались привилегии готовить для себя, но никак не на продажу, напитки пред большими праздниками или по поводу разных семейных торжеств. Эти дозволения служили поводом к беспорядкам, потому что подавали возможность тайно продавать вино или же обвинять в тайной продаже. Торговцы и промышленники, кроме таможенных пошлин, облагались разными поборами: в городах платили полавочное, на дорогах и перевозах – мыто. За продажу запрещенных товаров (напр. соли, отправленной за границу, или за провоз в Сибирь оружия, железных изделий и вина) брали заповедные деньги.¹⁸ Самые повседневные занятия облагались различными мелкими поборами, напр. за водопой скотины и за мытье белья на реке бралось пролубное, и для такого сбора из жителей выбирались особые целовальники, которые клали собираемые деньги в ящик за казенной печатью. Выбор целовальников к разным казенным сборам и работам, отправляемым с тягла, в значительной степени тягощил народ; казенная служба отвлекала выбранных от собственных занятий, а общество должно было платить за них подати.

¹⁶ В 1621—1622 г. в Чердыни и Соликамске воеводам ведено было оберегать народ от злоупотреблений посадских и волостных старост и целовальников, которые в своих мирских книгах делали «бездельные приписки», налагали неправильно повинности и брали себе лишние деньги в посулы; за такое воровство им угрожали смертной казнью.

¹⁷ Так, калужанам дана льгота от государственных повинностей на три года. В разных местах давались разные льготы, напр., в платеж ямских денег вместо 1000 руб. с сохи – только 468 руб.

¹⁸ Тягло обнимало в то время много налогов, поборов и повинностей, как-то: подводные, ямские деньги, стрелецкие деньги и прочее. К числу повинностей, отправляемых тяглами, принадлежало тогда устройство деревянных мостовых в городах и меры предупреждения пожаров: с последнею целью в Москве выбирались из жителей «ярыжные»; жители должны были доставлять им на свой счет огнеспасительные принадлежности. Продажа табака и карт строго преследовалась: за употребление табака резали носы.

При расстроенном состоянии Московского государства, Сибирь была тогда важным источником поправления финансов. Сибирские меха выручали царскую казну в то время, когда невозможно было много собирать налогов с разоренных жителей внутренних областей. Государь отделялся соболями повсюду, где только нужно было платить и дарить. Правительство старалось преимущественно захватить в свои руки меха перед частными торговцами, и хотя последним дозволялось ездить в Сибирь для покупки мехов, но они были стесняемы разными распоряжениями, отнимавшими у них время и предававшими их произволу воевод.¹⁹

Русские подвигались шаг за шагом на восток и с каждым захватом новых земель, строили остроги и облагали туземцев ясаком. Но чтобы Сибирь была прочно привязана к Московскому государству, необходимо было заселить ее насколько возможно русским народом. Правительство принимало к этому свои меры в описываемое нами время.

Кроме служилых, преимущественно казаков, ядро тогдашнего русского населения в Сибири составляли пашенные крестьяне, которые набирались из охотников вольных, гулящих людей, – им давали земли, деньги на подмогу и льготы на несколько лет. Эти пашенные крестьяне обязаны были пахать десятую часть в казну, и этот хлеб, называемый десятинным, шел на продовольствие служилых.

При водворении пашенных крестьян, землю, отводимую им, меряли на десятины, на три поля, и присоединяли к ней сенные покосы и разные угодья. Это дало немедленно повод к тому, что некоторые захватывали земель более, чем следовало, и стали продавать. Так было в западной Сибири, напр. в Верхотурском уезде, где население было сравнительно гуще; правительство, узнавши об этом, приказывало делать пересмотры земель и за владельцами оставлять только ту землю, которую они действительно обрабатывали. Таким образом положено было препятствие к захвату сибирских земель в частную собственность. Так как движение русской власти на восток совершалось быстро, то потребность в пашенных крестьянах превышала число охотников поступать в это звание, и тогда правительство приказывало насильно сводить поселенных уже пашенных крестьян с мест более близких на места более отдаленные: так переводились крестьяне из Верхотурья и Тобольска в Томск, и это насильное передвижение подавало повод к побегам: явление, чересчур обычное в европейских странах Московского государства, очень скоро показалось и в Сибири. Кроме пашенных крестьян, позволяли заниматься земледелием всем вообще, как то: духовным, торговым людям, посадским; с них брали так называемый выделный сноп. Пашенные крестьяне и работавшие с выделного снопа не могли доставить казне хлеба в таком количестве, в каком нужно было для продовольствия служилых в Сибири; поэтому хлеб доставлялся из пермской земли на счет тамошних жителей, что называлось сибирским отпуском – повинность эта была тяжелая, хлеб скупался по таксе, по 25 алтын за четверть ржи (алтын = 6 денег, а в рубле = 200 денег или 33 алтына 4 д.), а постройка судов и доставление подвод лежали на жителях.

В Сибири, как в стране более отдаленной, сильно проявлялись пороки тогдашних русских людей. Воеводы с особенной наглостью брали взятки и делали всем насилия, служилые люди обращались дурно с туземцами и накладывали на них лишний яsak, сверх положенного, в свою пользу: наконец, пьянство в Сибири дошло до таких пределов, что правительство принуждено было поступать вопреки общепринятым мерам и велело уничтожить кабаки в Тобольске.²⁰ Церквей в Сибири было мало; переселенцы удалены были и от богослужения и от над-

¹⁹ Меха дорожили до такой степени, что когда не доискались пары соболей между мехами, посланными из Сибири в царскую казну, то производили по этому поводу следствие.

²⁰ Способ собирания выделного снопа, а также и десятинного хлеба с казенных крестьян приносил большие неудобства земледельцам. Последние не смели складывать в клады сжатого хлеба, пока служилые люди не придут и не возьмут того, что следует в казну, а так как село от села отстояло верст на сто пятьдесят и более, то служилые люди не успевали приезжать вовремя и хлеб пропадал в полях от непогоды или был расхищаем птицею. От этого народ терпел нередко голод. Однако в Верхотурье оно не решилось этого сделать, потому что там была главная сибирская таможня и всегда находилось скопление торговых людей; они доставляли казне слишком много дохода потреблением вина.

зора духовных и вели совсем неблагочестивый образ жизни. Патриарх Филарет в 1621 году посвятил в Сибирь первого архиерея архиепископа Киприана. Но на следующий же год оказалось, что русские сибиряки не хотели его слушать и отличались крайней распущенностью нравов. Филарет послал в Сибирь обличительную грамоту, с приказанием читать ее всенародно в церквах. Он укорял русских поселенцев в Сибири, особенно служилых людей, за то, что они не соблюдали положенных церковью постов, ели и пили с иноверцами, усваивали их обычаи, находились в связи с некрещеными женщинами, впадали в кровосмешения, брали себе насильно чужих жен, закладывали, продавали, перепродавали их друг другу; приезжая в Москву с казною, сманивали и увозили в Сибирь женщин и, в оправдание своих безнравственных поступков, показывали грамоту, будто данную им каким-то дьяком Андреем. Сибирское духовенство до крайности снисходительно относилось к такому поведению своей паствы, да и сами духовные нередко вели себя не лучше мирских людей. Мы не знаем, в какой степени повлияло на сибиряков послание Филарета, но с этих пор стало заводиться в Сибири более церквей и монастырей. Таково было положение в Сибири, стране, как мы сказали, имевшей наибольшее значение для обогащения казны Московского государства.

Важен был для России и край приволжский, но значение его оставлялось еще будущим временам, нижняя часть его была при Михаиле Федоровиче еще очень мало заселена. Начиная от Тетюшей вниз, берега широкой реки были пусты: только три города: Самара, Саратов²¹ и Царицын, представлялись путнику, плывшему по Волге; эти города были заселены исключительно стрельцами и были скорее сторожевыми острожками, чем городами. Оседлых земледельцев в этом крае не было. Встречались кое-где только временно проживавшие рыбаки, приманиваемые необыкновенным изобилием рыбы в Волге. В ущельях гор, окаймляющих правый берег реки, гнездились воровские казаки и, при удобном случае, нападали на плывущие суда. Самое опасное в этом отношении место было в Жигулевских горах, около впадения реки Усы в Волгу, где оба берега значительно высоки и были покрыты дремучим лесом. Поэтому плавать по Волге было возможно только под прикрытием вооруженных людей. В описываемое время от Нижнего до Астрахани и обратно ходили, так называемые, караваны-вереницы судов, плывших в сопровождении стрельцов, которые находились на передовом судне. Караваны сверху в Астрахань проходили весной, а снизу из Астрахани осенью, и привозимые в Нижний восточные товары развозились уже с наступлением зимнего пути на санях. Плавание вверх по Волге было очень медленно, и, в случае противного ветра, гребцы и рабочие выходили на берег и тянули суда лямкой: кроме судов, отправлявшихся с караваном, некоторые смелые хозяева пускались отдельно на своих стругах и носадах, но нередко платились достоянием и жизнью за свою смелость. Город Астрахань возрастал, благодаря торговле с Персией. Кроме персиян в Астрахани торговали бухарцы, но турецких подданных не пускали в город. Персидская торговля в это время была меновая. Важной ветвью торговой деятельности в Астрахани была торговля татарскими лошадьми, но правительство, желая взять ее в свои руки, стесняло ее в Астрахани и приказывало татарам пригонять лошадей прямо в Москву, где для царя отбирались лучшие лошади. Этот пригон лошадей в столицу назывался ордобазарной станцией.

Влияние Салтыковых при дворе ослабело тотчас с прибытием Филарета, но они держались несколько лет, благодаря покровительству Марфы Ивановны. Жертва их злобы, Марья Хлопова, жила в Верхотурье до конца 1620 года. В этот год ее перевезли в Нижний, означивши в грамоте под именем Анастасии, данным ей при взятии во дворец, Филарет думал было женить сына на польской королевне, потом на датской, но сватовство не удалось. Царь, из угождения к матери, долго сдерживал свои чувства, наконец объявил родителю, что не хочет жениться ни на ком, кроме Хлоповой, которая ему указана Богом. Произвели следствие о бывшей болезни царской невесты, Призваны были отец и дядя Марьи Хлоповой. При боярине Шереметеве,

²¹ Саратов был построен не на том месте, где теперь, а на противоположной стороне Волги в четырех верстах от нее.

чудовском архимандрите Иосифе, ясельничем Глеbove и дьяке Михайлове царь сделал допрос врачам, лечившим Хлопову. Эти врачи показали царю совсем не то, что доносили ему за семь лет пред тем Салтыковы будто бы со слов этих самых врачей. Эти врачи никогда не говорили Салтыковым, что царская невеста больна неизлечимо и неспособна к деторождению. Изобличенные на очной ставке с докторами Салтыковы, боярин Борис и окольник Михайле, были сосланы в их далекие вотчины, впрочем, без лишения чинов. Но это не помогло несчастной Хлоповой. Мать царя упорно вооружилась против брака Михаила с Хлоповой и поклялась, что не останется в царстве своего сына, если Хлопова будет царицей. Царь Михаил Федорович и на этот раз уступил воле матери. В грамоте от ноября 1623 года было объявлено Ивану Хлопову, что великий государь не соизволил взять дочь его Марью в супруги, приказано Ивану Хлопову жить в своей коломенской вотчине, а Марье Хлоповой вместе с дядей своим Желябужским оставаться в Нижнем (где ей дан был двор, некогда принадлежавший Козьме Минину и после смерти бездетного сына его, Нефеда, взятый в казну, как выморочное владенье). Говорят, что Филарет сильно укорял сына за малодушие, выказанное последним в деле Хлоповой.

В сентябре 1624 года царь, по назначению матери, женился на дочери князя Владимира Тимофеевича Долгорукова Марии, против собственного желания. 19 сентября было совершено бракосочетание, а на другой день молодая царица оказалась больной. Говорили, что ее испортили лихие люди. Неизвестно, кто были лихие люди и действительно ли царица была жертвой тайного злодеяния; только через три месяца с небольшим, 6 января 1625 года, она скончалась. Современник летописец указывает на это, как на Божие наказание за насилие, совершившееся над Хлоповой. 29 января 1626 года царь вступил во второй брак с дочерью незнатного дворянина Евдокией Лукьяновной Стрешневой, будущей матерью царя Алексея. Замечательно, что ее ввели в царский дворец и нарекли царицей только за три дня до брака, как бы в предупреждение придворных козней, уже погубивших двух царских невест.

Вскоре после бракосочетания царя последовал указ Филарета такого содержания: в марте 1625 года прибыл в Москву посланник шаха Аббаса, грузинец Урусамбек, и привез золотой, осыпанный драгоценными камнями ковчег, в котором находился кусок старой льняной ткани, выдаваемой персидским шахом за срачицу Иисуса Христа. Так как признать на веру справедливость свидетельства иноверного государя казалось соблазнительным, то Филарет, для узнания истины, прибегнул к такому способу: наложил на неделю пост, повелел носить присланную святыню к болящим и наблюдать: будут ли чудеса от этой ризы Господней? От марта до сентября 1625 года оказалось 67 чудес, а от сентября до марта 1626 года – 4 чуда. На этом основании риза признана подлинной; учреждено было празднество в честь ее 27 марта; начались строиться церкви во имя Ризы Господней.

Время от второго бракосочетания царя до второй польской войны ознаменовалось некоторыми законодательными мерами к исправлению делопроизводства и к устройству благочиния. Самой важнейшей из этих мер было возобновление в 1627 году губных старост. Это учреждение, общее в XVI веке, не было формально уничтожено, но значение его упало; уже во многих местах не было вовсе губных старост, в других они были, но часто не по выбору, а по назначению, и возбуждали против себя жалобы за свои злоупотребления: выпускали за взятки воров и разбойников, научали колодников оговаривать невинных. Между ними и воеводами происходили пререкания: губные старосты обличали воевод, а воеводы-губных старост в вопиющих злоупотреблениях. Власть их вообще была не разграничена от власти других должностных лиц. Часто по возникавшим уголовным делам посылались из Москвы нарочные сыщики, ненавидимые народом за свои злоупотребления и насилия. Разбои не прекращались. Теперь ведено было во всех городах произвести выбор (людьми всех званий) губных старост из зажиточных дворян, хорошего поведения и умеющих грамоте, «которым бы можно в государевых делах верить»: им поручалось сыскивать всякие уголовные дела, но отписывать об них в Москву. Затем постановлено было не рассылать более сыщиков по уголовным делам. Но восстановление

значения губных старост не удовлетворило, однако, вполне общественной безопасности. Суд губных старост не был независим: они должны были относиться за решением дел в Москву, в разбойный приказ; раз выбранные. они могли быть сменяемы, не иначе как по воле правительства; иногда даже они (как делалось перед тем) назначались без выбора; наконец, в их дела и управление вмешивались воеводы. Неточность в разграничении обязанностей была делом обычным в Московском веке государстве. Иногда, вместо губного старосты, заведывал уголовным делом воевода, а в другом месте губным старосте ИВМ поручались неуголовные дела. Были случаи (напр. в 1644 г. в Дмитрове и Кашине), что жители жаловались правительству на губных старост и просили быть у них, вместо старост, воеводам.

Жалобы на разбои не прекращались после этого учреждения. В особенности разбойничали люди и крестьяне дворян и приказных людей, а владельцы их укрывали. Подобное случалось тоже и в тяглых обществах. Поэтому, через несколько лет после учреждения губных старост, правительство установляло брать пени с обществ, сотен, улиц, сел и пр. в таких случаях, когда жители покажут, что у них нет разбойников, а разбойники окажутся; или же когда будет дознано, что люди не поспешили на крик людей, разбиваемых разбойниками. Но у людей того времени господствовали старинные сбивчивые понятия о преступлениях: на уголовное дело смотрели, как на частную обиду; родственник, подавший иск на убийцу своего кровного, зачастую заключал с ним мировую, и дело прекращалось. Такие мировые и прежде запрещались законом, но продолжали совершаться. Новое запрещение последовало при Михаиле Федоровиче, но и после этого вторичного запрещения видны примеры старого обычая. За убийство и разбои обыкновенно казнили смертью; тому же подвергались церковные воры, а равным образом и всякий вор, трижды попавшийся в краже. (За вторую и первую кражу обыкновенно отсекали руку.) Но были случаи, когда убийство не влекло за собой казни: дворянин, сын боярский или их приказчик, убивши чужого крестьянина и сказавши под пыткой, что он убил его неумышленно. отвечал за убийство не сам; из его поместья брали лучшего крестьянина и отдавали тому, у кого убит крестьянин. Боярский человек, убивший чужого боярского человека, отдавался с женой и детьми господину убитого. В 1628 году было установлено, чтобы кабалы, даваемые людьми на себя, были действительны только в продолжение пятнадцати лет, а рост на занятые деньги только в продолжение пяти лет, потому что в этот срок проценты равнялись занятому капиталу. Относительно правежа сделано было распоряжение, указывающее замечательную черту тогдашних нравов. Многие, задолжавши, хотя владели имениями, но соглашались лучше подвергать себя правежу и позволять себя бить палками, чем отдать за долги свое имущество; и правительство постановило, чтобы впредь таких должников не держать на правеже более месяца, а сыскивать долги на их имениях. Новые меры против пожаров предприняты были после того, когда Москва два раза в 1626 и 1629 годах подверглась опустошительным пожарам, но эти меры, однако, были мало действительны, так как пожары и после того повторялись и в Москве, и в других местах.

В это время сложилась и развилась правильная система государственного управления посредством приказов; по крайней мере, с этих годов постоянно упоминаются многие приказы, о которых прежде нет известий.²²

Срок перемирия с Польшей истек, и в 1631 году правительство начало готовиться к войне, так как во все прежние годы непрерывные недоразумения с Польшей показывали, что война неизбежна. Ведено было дворянам и детям боярским быть готовыми.²³ С монастырских имений, со всех вотчин и поместий за даточных людей положены были деньги: по 25 р. на

²² Патриарший дворец, патриарший судный приказ, патриарший разряд, новгородская четь, новая четь, устюжская четь, владимирская четь, галицкая четь, костромская четь, московский судный приказ, казенный двор, мастерская государева палата, сбору ратных и даточных людей приказ, дворцовый судный приказ, полонянничный приказ (вероятно, существовавший раньше), приказ сыскных дел и пр., кроме прежде существовавших.

²³ Они были разделены на статьи: принадлежащие к первой статье получали 25 р. жалованья, к средней 20, а к меньшей 15.

конного и по 10 р. на пешего. Между тем сознавалась потребность водворения правильного обученного войска на иностранный образец, и так как из русских людей такого войска нельзя было составить в скором времени, то поневоле решено было пригласить иностранцев. Узнавши об этом желании, начали являться в Россию разные иноземцы с предложениями нанимать за границей ратных людей. Правительство дало поручение такого рода полковнику Лесли и подполковнику Фандаму, служившему некогда французскому королю; правительство приказало им нанять за границей полк ратных людей всяких наций, но только не католиков, с платой вперед на 4 месяца и с правом, по желанию, удалиться в отечество, оставивши, однако, в России свое оружие; раненым обещана была награда. Лесли и Фандам, кроме наема людей, имели также поручение купить за границей 10000 мушкетов с фитилями, для вооружения иноземных солдат. Кроме того, выписано было из Голландии несколько людей, знающих городское дело, и сделана была закупка пороху, ядер и сабельных полос. Правительство так дорожило наемными иноземными воинами, что, заслышав о прибытии Лесли с ратными людьми, выслало им навстречу воеводу Стрешнева с приказом продовольствовать их харчевникам на пути пивом и съестными припасами; велело выбрать особых целовальников для наблюдения, чтобы харчевники не брали с них лишнего.

В апреле 1632 года скончался польский король Сигизмунд. В Польше принялись за избрание нового короля. Пользуясь междуцарствием, которое у поляков всегда сопровождалось беспорядками, царь и патриарх приказали начать неприязненные действия против Польши и прекратить сношения с Литвой, из опасения какого-нибудь зла от литовских людей. Не ведено было покупать у них хмель, потому что «баба-ведунья наговаривает на хмель и они провозят моровое поветрие».

Созван был земский собор. На нем решено было отомстить полякам за прежние неправды и отнять у них города, неправильно захваченные ими у русских. На жалованье ратным людям положено собрать по-прежнему с гостей и торговых людей пятую деньгу, а бояре, окольниковы и думные люди, стольники, дворяне и дети боярские, дьяки, архиереи и все монастырские власти обязались давать, смотря по своим пожиткам, вспоможение, которое называлось «запросными деньгами», и доставлять в скором времени в Москву князю Пожарскому с товарищами, которым поручен был этот сбор. Главное начальство над войском в 32000 человек поручено было боярину Михаилу Борисовичу Шеину и окольниковому Артемию Измайлову (всего войска было более 66000 и 158 орудий). Шеин и Измайлов должны были идти добывать Смоленск, а прочие воеводы-другие города. Дела пошли удачно для Московского государства; воеводы успели захватить несколько городов и посадов; сам Шеин окружил себя окопами под Смоленском на Покровской горе. Поляки в Смоленске отбивались 8 месяцев и уже, по недостатку припасов, готовились сдать, как в августе 1633 года, в ту пору неожиданно, подошел к городу Владислав с 23 000 человек войска. В это время, по наущению Владислава, казаки и крымцы напали на украинные города Московского государства. Услыхали об этом служилые люди, помещики украинных городов, бывшие в войске Шеина, вообразили себе, как в их отсутствие враги станут убивать и брать в плен жен и детей, и стали разбегаться. Войско Шеина значительно уменьшилось; он не мог устоять против Владислава на Покровской горе, отступил и заперся вблизи в острожке. Поляки осадили его. Шеин выдерживал осаду до февраля 1634 года. Войско его страдало от цынги. Сделался мор, а из Москвы не посылали ему ни войска, ни денег. Царь, 28 января 1634 года, узнавши о бедственном состоянии Шеина, снова созвал земский собор и жаловался, что сбор запросных и пятинных денег шел хуже, чем в прежние годы, хотя русская земля с тех пор и поправилась. Собор постановил новый сбор запросных и пятинных денег, который и поручен был боярину Лыкову. Но пока могли быть собраны эти деньги и доставлено продовольствие Шеину, его войско под Смоленском пришло в крайнее положение. Между тем иностранцы, бывшие при Шеине, начали сноситься с королем. Это побудило наконец Шеина испросить у царя дозволение вступить в переговоры с поляками о перемирии. Шеин заключил

условие, по которому русскому войску дозволялось беспрепятственно вернуться в отечество, с тем оружием, какое оно имело на себе, положивши все пушки и знамена перед королем, а желающим предоставлялось вступить в польскую службу: но из русских людей нашлось таких только 8 человек, а иноземцев перешло довольно. 2 004 человека больных воинов было оставлено под Смоленском. С Шейным ушло 8056 человек. Шейн с товарищами вернулся в Москву.

В то время когда Шейн стоял под Смоленском, в Москве произошли большие перемены. Филарет скончался в октябре 1633 года. Вместо него возведен был на патриаршеский престол псковский епископ Иосиф, прежде гонимый Филаретом, а под конец назначенный им самим себе в преемники. С кончиной Филарета подняли голову бояре, которые до того времени боялись строгого патриарха, но несколько не боялись добродушного царя. Немедленно возвращены были Салтыковы и снова стали близкими к царю людьми.

Бояре вообще ненавидели Шеина. Он раздражал их своей гордостью, озлобил заносчивостью: Шейн, где только мог, не затруднялся выказывать свое превосходство перед другими и выставить неспособность своих товарищей; Михаил Борисович не считал никого себе равным. Летописцы говорят, что и в войске, как начальник, он не был любим ратными людьми за то, что обращался с ними надменно и жестоко. Бояре увидели случай отомстить ему за все оскорбления, которые он позволял себе по отношению к ним. Царь Михаил Федорович, по смерти родителя, не имел силы воли противостать боярам, а может быть, и сам находился под их влиянием. Над Шейным и его товарищами произвели следствие и 23 апреля 1634 г. в приказе сыскных дел приговорили казнить смертью Михаила Шеина, Артемия Измайлова и сына последнего, Василия.

Когда осужденных вывели за город на «пожар», место казни преступников, то дьяк Дмитрий Прокофьев всенародно прочитал приговор, подробно исчислил воровство и измену приговоренных к смерти. Прежде всего поминалось большое жалованье царское бывшему боярину Шеину: царь, пред отправкой его в поход, дал ему из дворцовых волостей большое село Голенищево с проселками и деревнями и не велел брать никаких податей с поместий и вотчин Шеина и Измайлова. Шеину поставили в первую вину то, что, еще не уходя на службу, он пред государем исчислил с большой гордостью свои прежние заслуги и выразился о других боярах, что в то время, когда он служил, они «за печью сидели и сыскать их нельзя было». Царь для своего государского и земского дела не хотел его оскорбить и смолчал, а бояре, слыша такие грубые и поносные слова и видя, что государь к нему милостив, не хотели государя раскручинить. Здесь проглядывает настоящая причина злобы против Шеина: опираясь на покровительство сильного Филарета, он был слишком смел, и в то же время, отправляясь на войну, слишком надеялся на самого себя: вышло ему назло: он проиграл в войне, а Филарета не стало, и некому было защитить его. Ему с Измайловым поставили в вину разные военные распоряжения, между прочим и то, что они велели свести в один острожок ратных людей, находившихся по разным острожкам, отдали королю пушки и обесчестили имя государя тем, что клали перед королем царские знамена. Припомнили Шеину, как он, пятнадцать лет тому назад, воротившись из Польни, где был пленником, не объявил государю о том, что целовал крест польскому королю. Его поступок под Смоленском толковался так, как будто Шейн хотел исполнить свое прежнее крестное целование королю. Сын Артемия Измайлова, Василий, был обвинен в том, что пировал с поляками и русскими изменниками, находившимися у Владислава, и произносил такие слова: «Как может наше московское плюгавство биться против такого монарха? Каков был царь Иван, да и тот против литовского короля своей сабли не вынимал!» Им троим отрубили голову 27 апреля. Другого сына Измайлова и с ним двух человек наказали кнутом и сослали в Сибирь в тюрьму за произнесение перед литовскими людьми непристойных слов. Сослан был сын Шеина и через несколько дней умер. Ссылка постигла совершенно безучастного в этом деле брата Измайлова Тимофея, единственно за измену Артемия.

Трудно решить: были ли виноваты Шеин и его товарищи в ошибках, в которых обвинялись. Мы не знаем, что представляли они в свое оправдание, но, без сомнения, измены за ними не было, иначе они бы и не воротились в Москву. Шеин заключил перемирие не добровольно, а с дозволения царя. Невозможность спасти пушки объясняется крайним положением войска. Приговор, произнесенный над Шейным, противоречит фактам; Шеина обвиняли в том, что он стянул все войско в один острожок, а между тем царь за это хвалил Шеина в свое время.

Несчастье под Смоленском, за которое поплатился Шеин с товарищем, оказало печальные последствия. Московскому государству теперь уже чрезвычайно трудно было собрать ратные силы и деньги для ведения войны. Оставалось просить мира, но, к счастью, Польша предупредила в этом Москву. Король из-под Смоленска отправился к Белой и никак не мог взять ее, а между тем в его войске открылся большой недостаток жизненных запасов: в то же время к королю приходили угрожающие вести, что турецкий султан намеревается напасть на Польшу, а с другой стороны, шведы хотят отказаться от участия в немецкой тридцатилетней войне и устремиться на Пруссию, принадлежавшую в то время Польше. Поэтому польские сенаторы первые прислали русским боярам предложение о мире. Тогда из Москвы отправлены были в марте 1644 года боярин Федор Шереметев и Алексей Львов-Ярославский. Они съехались с польскими комиссарами: хельминским епископом Яковом Жадиком и другими панами, на речке Поляновке. Переговоры затянулись до 4 июня. Поляки хотели сорвать с Московского государства 100000 рублей за отказ Владислава от царского титула. Московские послы долго упирались, наконец согласились дать 20 000 рублей. На этой сумме и порешили. Обе стороны согласились заключить «вечный мир». Поляки добивались самого тесного союза, предлагали проект, чтобы по смерти короля избрание совершалось вместе с чинами Московского государства, чтобы царь был избран польским королем и, в знак совершенного равенства, короновался отдельно в Москве и Польше, но так, чтобы польский посол возлагал на царя в Москве корону московскую, а московский в Польше – польскую, наконец, чтобы царь, для соблюдения равенства между его державами, жил попеременно по году в Москве, Польше и Литве. Московские послы отклонили эти предложения. Поляки просили дозволить строить в Московском государстве костелы, подданным обоих государств вступать между собой в брак и приобретать вотчины полякам в Московском государстве, а русским в Польше. Московские послы наотрез отказали, понявши, вероятно, 410 поляки этими путями хотели всосаться в Московскую Русь и мало-помалу приобрести там нравственное господство, как это сделалось в западной и южной Руси. Составили договор, по которому царь уступал Польше навсегда земли, находившиеся у поляков по Деулинскому договору.²⁴ Обе стороны постановили не помогать врагам которой-либо из двух держав, решили дозволить свободную торговлю в обоих государствах, выпустить обоюдно всех пленных и вперед выдавать беглых преступников. Польский король признавал Михаила Федоровича царем и братом.

Для предосторожности на будущие времена поляки домогались, чтобы Михаил Федорович не писался царем «всея Руси», а только «своя Руси» на том основании, что часть Руси находится под польским владением. Московские послы уперлись и заставили поляков отказаться от этого требования. Поляки легкомысленно сами требовали, чтобы московский царь ежегодно давал запорожским казакам жалованье, не предвидя того, что такие дружелюбные отношения Московского государства к запорожским казакам приведут через двадцать лет к роковым последствиям для Польши. Как черты различия в понятиях двух народов можно привести некоторые частности этих переговоров. Поляки хотели, чтобы мир утвержден был присягою всех чинов Московского государства. «Это дело нестаточное, – отвечали послы, – мы холопы государя нашего и во всей его царской воле». По заключении договора поляки сказали:

²⁴ Черниговскую землю с городами: Черниговом и Новгородом-Северским уступали собственно Польше, а Смоленскую с городами: Смоленском, Рославлем, Белою, Трубчевском, Невлем, Себежем, Стародубом и др. Литве.

«Мы такое великое и славное дело совершили, чего прежние государи никак сделать не могли. Для вечного воспоминания на том месте, где стояли наши шатры, нужно насыпать два кургана и поставить два каменных столба, и на них написать имена государей наших, год и месяц и имена послов, совершивших такое великое дело». Шереметев отвечал: «У нас таких обычаев не повелось, да и делать этого незачем: все сделалось волею Божиею с повеления наших великих государей и записано на память в посольских книгах». Царь похвалил за это Шереметева и прибавил, со своей стороны, что «доброе дело совершилось по воле Божией, а не для столпов и бугров бездушных».

Государи самолично подкрепили этот мир: польские послы прибыли в Москву в начале февраля 1635 года. Им был сделан торжественный прием, сообразно обычаям того времени. Сначала послы в грановитой палате представлялись царю, который сидел на троне в царском наряде и венце: по бокам трона стояли рынды в длинных белых одеждах, белых сапогах, в рысьих шапках, с топорами на плечах и золотыми цепями на груди. Послов допустили к целованию царской руки²⁵ и затем окольниковый явил их подарки. В другой день послов позвали в ответную палату на докончание. Обряд этот происходил таким образом: сначала послы говорили с боярами в ответной палате и читали договор; затем их позвали к царю в золотую палату. Царь был в полном царском облачении. По его приказанию, царский духовник принес из Благовещенского собора Животворящий Крест на золотой мисе, под пеленою. Царь велел спросить послов о здравии и приказал сесть. Немного погодя, царский печатник приказал послам и боярам подойти поближе. Царь встал: с него сняли венец, взяли у него скипетр. Утвержденную грамоту положили под крест; царь приложился ко кресту, велел печатнику отдать грамоту послам и отпустить их. В конце марта послов пригласили к царскому столу в грановитой палате. Царь сидел за особым серебряным столом, в нагольной шубе с кружевом и в шапке. Бояре и окольниковы сидели в нагольных шубах и черных шапках, дворяне в чистых охабнях. Для послов был особый стол. У столов: царского, боярского и посольского, были особые поставцы с посудой, которыми заведывали во время пиров придворные по назначению. Дворецкий, крайчий, чашники и стольники, разносившие кушанье и напитки, были в золотном платье и высоких горлатных шапках. Царь, по обычаю, посылал послам со своего стола подачи. Подали красный мед. Государь встал и сказал послам: «Пью за здоровье брата моего, государя вашего, Владислава короля». Затем царь посылал послам в золотых братинах пиво, и послы, приняв чашу, вставали со своих мест, пили и опять садились за стол.

Дня через два польских послов после царского стола отпустили домой.

В том же году 23 апреля, в присутствии московского посла князя Алексея Львова-Ярославского, король с шестью сенаторами присягнул в костеле на хранение договора, а затем дал послам веселый пир, за которым пил за здоровье брата своего царя московского. Великолепная иллюминация заключила это празднество.

В 1634 году приезжало в Москву голштинское посольство, описанное известным Олеарием, оставившим подробное и драгоценное путешествие по тогдашней России. Царь дозволил голштинским купцам торговать с Персией на десять лет с платежом в казну 600000 ефимков, считая в фунте по 14 ефимков.²⁶ Вообще по окончании польской войны возросло сближение Московского государства с иностранцами. Правительство приглашало знающих иностранцев для разных полезных учреждений. Так, в 1634 году переводчик Захария Николаев отправлен был в Германию для найма мастеров медноплавильного дела. Иноземец Фимбрандт получил на

²⁵ По русскому обычаю, царь, давши поцеловать руку иноверцам, тотчас же умывал руки из стоявшего тут рукомойника с полотенцем. Обычай этот сильно не нравился иноземцам и оскорблял их.

²⁶ Компания голштинских купцов имела право возить бесположно свои товары в Персию, но не развязывая их в России, а из Персии привозить сырой шелк, драгоценные краски и другие товары, исключая тех, которые предоставлены были русским торговцам, а именно: разные ткани, крашенный шелк, хлопчатую бумагу, ковры, доспехи, клинки, шатры, нашивки, пояса, ладан и всякие москательные товары. Главным предметом торговли голштинцев были краски.

десять лет привилегию поставить в поместных и вотчинных землях, где придется, но вдали от распашных полей, мельницы и сушилы для выделки лосиных кож, причем запрещалось всем другим торговать этими предметами. Другой иноземец, швед Коэт, получил право устроить стеклянный завод близ Москвы. В 1644 году гамбургцу Марселису с детьми (получившему еще в 1638 году право на оптовую торговлю на севере государства и в Москве), и голландцу Филимону Акему позволено устроить по рр. Шексне, Костроме и Ваге и в др. местах железные заводы с правом беспошлинной продажи изделий, на 20 лет, внутри и вне государства.

По свидетельству Олеария, в то время в Москве жило много иноземцев и в том числе 1000 протестантских семейств. Они сначала невозбранно селились в Москве, повсюду ставили на своих дворах молитвенные дома (кирки), закупали у русских дворовые места по хорошей цене; но против этого вооружились священники в тех видах, что сближение русских с немцами вредно действует на религиозность русских. По таким соображениям было запрещено немцам покупать и брать в заклад дворы и велено сломать кирки, которые немцы завели близ русских церквей. Вместо этого в Москве отведено им было особое место под кирку. Около царя были иноземцы, доктора, аптекари, окулист, алхимист, лекари, переводчики, часовых и органичных дел мастера – все под ведомством аптекарского приказа.²⁷ Им давалось жалованье деньгами или мехами; кроме того, они получали известное количество пива, вина, меду, овса и сена. Лекарей посылали иногда для лечения ратных людей. Царь Михаил Федорович признавал пользу науки, как видно из его желания пригласить на службу Адама Олеария, о котором царю «известно учинилось, что он гораздо научен и извычен астрономии, и географус, и небесного круга, и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, такой мастер и годен». Михаил Федорович вообще интересовался географией и велел сделать дополнение и объяснение к карте Московского государства, составленной по приказанию Бориса Годунова, известной под названием: «Большой чертеж русской земли».²⁸ Иноземные солдаты с этих пор составляли уже неизменную принадлежность русского войска: они вели себя дурно и делали разные насильства жителям. Правительство хлопотало о приезде в Россию иноземных, как служилых, так и торговых людей. Русские купцы с неохотой смотрели на такой наплыв торговавших иноземцев. Еще в 1632 г. псковичи просили государя, чтобы немцам запретили торговать во Пскове, но их просьбу не уважили. Подобные челобитные поддавались и от других городов: роптали на иноземных купцов, которые ездили по всему государству в силу жалованных грамот, повсюду торговали и при этом вели тайно беспошлинную торговлю такие иноземные купцы, которые и не имели жалованных грамот. Русским торговцам делался подрыв.

Позволяя иноземцам торговать по государству с большими льготами, правительство старалось забирать, по возможности, разные предметы торговли исключительно в свои руки, в ущерб русским торговцам. В 1635 году правительство взяло себе монополию торговли льном и прислало из Москвы гостя скупать во Пскове лен по той цене, какая была указана в Москве. «Тогда, – говорит современный летописец, – было много насилия и грабежа: деньги дают дурные, цены невольные, купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смеет мимо гостя, присланного из Москвы». Подобное делалось в 1642 году по производству селитры, присвоенному себе казной. Посланный для этой цели Андрей Ступишин покупал для селитры золу и не додавал за нее денег, да еще, стакнувшись с

²⁷ Царь, по-видимому, особенно любил часы, так как во время торжественных обедов возле него всегда стояло двое часов. Органичный мастер Мельхарт доставил ему двух часовых дел мастеров, которые обязались выучить русских своему мастерству. Мельхарт сделал такой искусный орган, что как он заиграет, то запоют сделанные на нем птицы; соловей и кукушка, Царю очень понравилась такая выдумка, и он подарил мастеру 2676 рублей.

²⁸ Сношение с восточными народами указало царю на необходимость людей, знакомых с восточными языками; и с этой целью в 1644 году ведено было послать подьячего Полуэкта Зверева в Астрахань для обучения арабскому, татарскому и персидскому языкам и грамоте на бухарском дворе.

таможенными откупщиками, задерживал крестьян, привозивших золу, придирался к ним под разными предложениями, сажал в тюрьму и бил на правеже.

Разные городские занятия подвергались отдаче на откуп в пользу казны. В том же Пскове, например, где казенная торговля льном возбуждала такие жалобы, – квасники, дегтяры, извозчики и байники (банщики) были на откупу и притом с торгов – с наддачею. Иногда и монастыри брали казенные откупы.²⁹ На откуп от казны отдавались сборы на мостах и перевозах. Это были тяжелые для народа сборы. Откупщики брали лишнее, против того, что им следовало брать по грамоте. Правительство приказывало таких откупщиков бить кнутом, но уследить их было трудно, особенно, когда воеводы, наблюдавшие над ними, брали с них взятки и покрывали их злоупотребления. Подражая правительству, некоторые частные владельцы на своих землях заводили мосты и мостовщины и отдавали на откуп. Хотя правительство и запретило им такие сборы под страхом пени в пятьдесят рублей, но, видно, запрещение это действовало плохо: такие самовольные стеснительные для народа учреждения существовали и по смерти Михаила Федоровича.

Правительство пыталось производить поиски руды, с целью обратить найденное в свою пользу. В Соликамске начали добывать медную руду, работали русские мастера плавильщики, а им приданы были сосланные делатели фальшивой монеты (денежные воры). Дело пошло неудачно; заводы были плохо устроены, мастера были неумелые, а между тем этот новый промысел тотчас же пал тягостью на народ, как всякое казенное предприятие, потому что для народа, по этому поводу, являлись новые повинности, как, например, возка лесу и т.п.

По-прежнему и в эти годы правительство старалось об удержании жителей на своих местах, гонялось за беглыми, водворяло на прежних местах жительства. В случае вторичного побега, виновных стали теперь ссылать в сибирские города. Крестьяне, жившие на владельческих землях, все более теряли свои свободные права; управление вотчинными и помещичьими крестьянами не было определено ясным законом, а подчинялось только обычаям. У некоторых владельцев были в крестьянских обществах выборные старосты, у других одни приказчики: крестьяне обрабатывали владельческое поле, называемое десятинною пашнею, ранее своего поля, и, кроме того, были обложены разными мелкими поборами. Из отдельных актов того времени видно, что крестьяне делились между наследниками, как всякое другое имущество, и не имели права продавать в чужую вотчину своих дворов, лавок и угодий. Владельцы вместо себя стали посылать на правеж своих крестьян: и ничем неповинных крестьян били, вымучивая с них долги их господ. Беспрестанные побеги показывают, что крестьяне владельческие были недовольны своим положением, особенно у небогатых владельцев. Они во множестве уходили под покровительство монастырей или сильных господ. Дворяне и дети боярские жаловались, что их крестьяне и холопы, убегая от них в монастырские имения, приходят назад и подговаривают других крестьян и холопей к побегу, а иногда и сжигают владельческие усадьбы. Разбои усиливались. Для доставления казенных денег или товаров с места на место оказывалось необходимым посылать, для сопровождения, ратных людей. Несколько раз правительство делало особые распоряжения против разбойничьих шаек. В окрестностях Шуи, Суздаля, Костромы свирепствовал атаман Толстой с товарищами: губным старостам приказано было набирать людей с ратным боем и идти против разбойников; Толстой был пойман, но товарищи его еще долго бушевали, и в 1637 году преступников по разбойным делам, содержавшихся в тюрьмах, было так много, что потребовалось особого денежного сбора на их содержание. С этого времени разбойников стали ссылать в Сибирь. В этом же году распространилось делание фальшивой монеты. До того времени «денежных воров» били кнутом, а с 1637 года возобновили старый обычай заливать горло растопленным оловом, хотя по царской воле эта казнь иногда заменялась ссылкой на казенные работы. Пьянство, покровительствуемое правитель-

²⁹ Как Спасо-Евфимиевский монастырь откупил в Коврове таможенную ярмарочную пошлину.

ством, как источник доходов, способствовало шатанию с места на место, умножению преступлений и вредно действовало на народное хозяйство. Как только случалась засуха, так народ, пропивавший все, что у него оставалось за ежедневными потребностями, не думавший заранее подготовить себе запасы, терпел голод. Такое бедствие, вместе со скотским падежом, постигло Россию в 1643 году, и правительство предпринимало только одну меру – всеобщее молебствие о дожде.

Злоупотребления со стороны воевод продолжались по-прежнему; а жалобы на них со стороны народа были часто не безопасны и навлекали на народ новые бедствия. Поступит на воеводу к царю челобитная, пошлется по этой челобитной следователь: он запутает жителей в дело; начнутся правежи, сажание в тюрьмы и всякого рода притеснения.³⁰

Строже всяких злоупотреблений по управлению, верховная власть наказывала малейший, хотя бы непреднамеренный, недостаток уважения к царской особе. В 1641 году кузнецкий подьячий, в отписке от имени воеводы о посылке мехов, сделал какую-то незначительную опisku в царском титуле. Подьячего за это велено было высечь батогами, заключить на неделю в тюрьму и отставить от службы, а сам воевода за недосмотр получил строгий выговор.

В видах защиты государства правительство старалось удержать служилых людей в своем звании, чтобы всегда иметь готовую силу. С этой целью в 1640 году запрещено вступать в холопы не только дворянам и детям боярским, находившимся на службе, но и родственникам их, еще не верстанным на службу, и таким образом этому сословию пресечен был путь терять свои права по рождению и поступать в рабское состояние. Убегая от тяжести военной службы, служилые люди женились на крепостных женщинах, но теперь таких ведено было возвращать в служилое сословие и давать им поместья. Так уничтожился древнейший русский обычай, по которому женившийся на рабе сам становился рабом.

Опасность набегов татар вызывала необходимость постройки новых городов на юге России и укрепления старых. Деятельность этого рода заметно усиливается с 1635 года. В этом году был построен Тамбов (Танбов). По царскому приказанию велено было набрать служилых людей на житье в этот город из Москвы, а также из некоторых южных городов. Самые деятельные меры к обороне юга происходили в 1637—38 гг. В предшествовавшие годы татары делали несколько набегов, с одной стороны на рязанские, рязанские и шацкие, а с другой – на ливенские, елецкие, чернские, новосильские и мценские места, перебили многих людей, жгли селения и подгородные слободы, погнали множество пленных обою пола и всякого возраста. От этого край терял население; служилые не имели средств к пропитанию себя и лошадей; бедствие это вызвало потребность постройки городов. Для этой цели еще в 1636 году построен город Козлов; велено копать земляной вал от этого города, а на валу ставить земляные городки с «подлазами» (земляными потаенными ходами). Два городка были поставлены на реке Сосне. В 1637 году поставлены были Верхний и Нижний Ломов. Всего более обращено было внимания на устройство городков и острогов в западной части украинских земель, по рекам Сосне, Осколу, по соседству с Белгородом и Курском. Там пролегало три пути в Крым: один восточный (через нынешнюю Воронежскую губернию), называемый «калмиуским шляхом» или «калмиускою сакмою»; другой – западный, называемый «изюмскою сакмою»; третий – «муравский шлях», лежал еще западнее, через реку Ворсклу. Положили устроить на этих путях жилые города и «стоялые» острожки (т.е. такие, где не было постоянных жителей, а куда отправлялись по очереди на временное пребывание служилые люди). Наибольшее внимание обращено было на реку Сосну. От новопостроенных городков копали валы, укрепляли их в разных местах стоялыми острожками; а на реках, где были броды и перелазы и где обыкновенно переходили набегавшие на Русь татары, поделали засеки, вбивали сваи и дубовый «честик» (для порчи лошадиных ног). На издержки для устройства этих городов правительство назначило особый подбор со

³⁰ Так было в Чердыни в 1639 году по поводу челобитной на воеводу Христофора Рыльского.

всех тяглых, дворцовых, вотчинных и поместных земель по 10 алтын с чети пашенной земли, а с некоторых по 20 алтын, исключая тех городов, которые числились в казанском приказе и приказе большого дворца. Начали поправлять и восстанавливать прежде существовавшие украинные города, копать рвы, делать лесные засеки; для этого учредили особых «засечных» голов и приказчиков, заправлявших работами. На работу посылали ратных людей, а также и сошных, собранных из сел и деревень (с трех дворов по человеку с ближних, а с пяти дворов по человеку с дальних).

Донцы убили ехавшего в Москву турецкого посланника Кантакузина, а 18 июня 1637 года взяли у турок Азов. Они известили об этом царя и объявили, что начали войну для освобождения множества христианских пленных. Царь сделал выговор, однако не велел отдавать Азова и приказал казакам охранять границу от татарских набегов, которые должны были последовать за казацким нападением. Как ожидали, так и случилось: крымский царевич Сафа-Гирей сделал набег в украинные места; он известил царя, что это – мщение за взятие Азова казаками, и угрожал новым нашествием весною. Тогда, в видах защиты отечества, царь созвал собор всех чинов людей, и этот собор приговорил взять даточных людей с монастырских имений с 10 дворов по человеку, а с вотчин и поместий с 20 дворов по человеку. (На следующий год с церковных имений поставка даточных людей была заменена деньгами.)

Набеги повторялись. Однако татары встречали отпор и сами попадались в плен: царь приказывал содержать пленных по монастырям в оковах и гонять на работы. Но все-таки русских попадалось гораздо больше в плен татарам: их содержали в Крыму «в муках и тесноте» и угрожали распродать в разные земли, так что в начале 1641 года царь назначил особый сбор пожертвований по всему государству на выкуп русских пленных. Азов оставался за казаками. В июне того же года явились турки на кораблях со множеством стенобитных пушек. С ними были татарские полчища и сам крымский хан. Ни пушечные выстрелы, ни подземные подкопы, ни копанье рвов с целью засыпать осажденных землею не помогли туркам. Они думали взять город изменою и пускали в Азов записки с предложением больших денег за измену – и это не удалось. Казаки сидели в осаде с 7 июня по 26 сентября. Турки почти разрушили Азов своими выстрелами, но с казаками не могли ничего поделать и удалились. Царь послал донскому атаману Осипу Петрову и всему войску похвальную грамоту.

Теперь предстоял важный вопрос: донцы просили государя принять под свою власть Азов. Но принять его значило отважиться на войну с турками и татарами. В случае успеха, выгоды от этой войны были бы очень велики. Можно было бы оградить южные области государства от татарских набегов; можно было бы и возобновить предприятие овладеть Крымом, некогда начатое при Грозном по внушению Вишневецкого и не доведенное до конца.

В январе 1642 года был опять созван собор. Члены его были выбраны из «лучших, средних и молодых» людей всех чинов, «добрых и умных, с кем о том деле говорить можно».³¹ Собор собрался в Столовой Избе. Думный дьяк Лихачев изложил дело об Азове, известил, что идет в Москву посол турецкий и нужно дать ему ответ; наконец, задал собору такие вопросы: «Воевать ли с султаном или мириться и отдать Азов? Если воевать, то война протянется не один год: нужны будут деньги и люди не один год. Где их взять?» Эти вопросы были записаны и розданы выборным людям: и они должны были отвечать письменно.

Духовные отвечали, что ратное дело подлежит рассмотрению царя, бояр и думных людей; их же дело Бога молить, а помогать будут по мере сил, если настанет война.

Стольники отвечали, что государь волен разрывать мир или не разрывать с турками, но их мысль, чтобы государь велел донцам быть в Азове и дать им в прибавку ратных людей из охочих и вольных людей, а запасы и деньги следует взять там, где царь укажет. Московские

³¹ Выбор сделан был неравно: из больших статей от двадцати до семи человек, а из немногих людей от пяти до двух.

дворяне отвечали то же, что и стольники, и советовали только взять охочих людей из украинских городов, так как последним этого рода служба за обычай.

Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский подали особое, обстоятельно изложенное мнение. Они напомнили, что крымский царь всегда обманывал русских и нарушал договоры, крымцы делают нападения и уводят людей в плен; во время войны с поляками, крымский хан послал царевичей разорять украинные города, а от этого украинные люди из-под Смоленска отъехали; поэтому лучше, чем платить крымскому царю, употребить деньги на ратных людей. По их мнению, на подмогу казакам должно послать охочих вольных людей, которым быть в Азове под начальством атаманов, а московских воевод туда не посылать, потому что казаки – люди своевольные и слушать их не станут. В украинные же города-послать для береженья даточных людей. Если у государя денег не станет, то сделать сбор со всех, кроме служилых, в войске находящихся, и поручить это дело добрым людям всяких чинов, выбрав человека по два и по три, которые бы всем людям правду оказали и наблюдали разницу между многоземельными и малоземельными, так как последним за первыми «не стянути». Они указывали на важность Азова в том отношении, что когда Азов будет за Россию, то соседние татарские орды и кавказские горцы станут служить государю.

Стрелецкие головы и сотенные во всем положились на государеву волю. Так же отнеслись к этому делу дворяне и дети боярские нижегородские, муромские, лушане (из Луха). Владимирские дворяне и дети боярские заметили, что государю и боярам известна бедность их города. Дворяне и дети боярские других городов заявляли себя за войну. Они видели указание Божье в том, что казаки отсиделись от турок. «Если не изволишь, государь, – говорили они, принять Азова, и Азов будет у басурман и образ великого крестителя Господня, – не навесьть бы через то на всероссийское государство гнева Божия и великого светильника и вышнего в пророцех крестителя Господня Иоанна Предтечи и великого святителя Николы!»

Дворяне и дети боярские северных уездов (Суздаля, Юрьева Польского, Переяславля-Залесского, Белой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, В. – Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Нового-Торга, Гороховца) между прочим указывали на бояр и ближних людей, наделенных поместьями и вотчинами, и разразились обличительными замечаниями насчет дьяков, церковных властей и богатых дворян их же братии, указывая на их богатство, как на источник доходов для ведения славной войны. «Твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим государевым денежным жалованьем, поместьями, вотчинами; будучи беспрестанно у твоих государевых дел, они обогатели многим неправедным богатством, собранным мздоимством, покупали себе вотчины, построили каменные неудобосказаемые палаты, каких при прежних государях не бывало. Вели, государь, взять с их поместий и вотчин ратных конных и пеших людей и обложить их дома и пожитки деньгами на жалованье ратным людям...» Они указывали на владычные и монастырские имения, говорили, что нужно собрать с них даточных людей, и прибавили, что если кто. утаит число принадлежащих им крестьян, то с теми за то поступить по закону, а утаенных крестьян отобрать на государя. Не пощадили дворяне и дети боярские северных городов и своих братий, служивших в разных должностях. «Некоторые наши братья, – говорили они, – не хотя тебе, государю, служить, записывались в московский список и в разные государевы чины, будучи в городах у твоих государевых дел, ожирели и обогатели, и на свое богатство накупили себе вотчин; а дворовые твои государевы люди всяких чинов пожалованы поместьями и вотчинами, получают ежегодно денежное жалованье, через год и через два посылаются приказчиками в дворцовые села, наживают себе большие пожитки, а полковой службы не служат. Вели, государь, с них со всех взять даточных людей, а с их пожитков деньги». Они советовали набрать стрельцов и солдат во всем государстве из охочих людей, но только не из крепостных и старинных холопей, принадлежащих им, дворянам, и себя самих выставляли разоренными, беспомощными, беспоместными, пустоместными и малопоместными. В заключение они советовали взять для такого важного

дела лежащую домовую казну у патриарха, митрополитов, архиереев и монастырей и обложить всех торговых и промышленных людей, смотря по их состоянию. «Вели, государь, – прибавляли они, – счесть по приходным книгам всех приказных государевых и людей, дьяков, подьячих и таможенных голов, в Москве и в городах, чтобы твоя государева казна без ведомости у тебя не терялась; а деньги на жалованье ратным людям вели собирать гостям и земским людям. Вели, государь, быть на службе против нечестивых басурман всем тем, которые сидят в городах на воеводствах и у приказных дел: чтобы вся твоя государева земля была готова против нашествия нечестивых басурман. Вот наша, холопей твоих, мысль и сказка».

Дворяне южных городов (Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, Тарусы, Серпухова, Калуги, Белева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Мещовска, Воротынска, Медыни, Малоярославца, Боровска, Волхова, Мценска, Рязска, Карачева) подали сказку почти в том же духе, как и предыдущая, но советовали брать подати на войну не по писцовым книгам, а по числу крестьянских дворов: у кого из служащих более пятидесяти крестьян, – с тех брать деньги и запасы, а кто имеет пятьдесят крестьян, – тот сам должен идти. Что касается до них самих, то они выразились так: «Мы холопы твои пуще, чем от туркских и крымских басурманов, разорены от московской волокиты, неправд и несправедливых судов...» За всем тем, эти дворяне находили, что Азов нужно непременно взять и стоять за него крепко, потому что нагаи, кочующие недалеко от Азова, будут служить тому, за кем будет Азов.

Служилые люди стояли за войну; но сказка гостей и торговых людей не выражала этого желания. Ответ их носит обличительный характер и составляет важный современный источник для истории быта и положения торгового класса. Полагаясь на волю государя, они говорили так: «Судить об устройстве ратных людей и о запасах есть дело служилых, за которыми твое государево жалованье вотчины и поместья, а мы, торговые людишки, питаемся в городах своими промыслишками; за нами вотчин и поместий нет. Службы твои государевы мы служим в Москве и в городах беспрестанно, и от этих служб, да от пятинных денег, что мы давали в смоленскую службу ратным и служилым людям на подмогу, много оскудели и обнищали до конца. Мы, будучи на твоих государевых службах в Москве и городах, собирали твою государеву казну за крестным целованием с большою прибылью: где при прежних государях, да и при тебе, государе, собиралось сот по пяти, по шести, там собирается ныне с нас и со всей земли нами же тысяч по пяти и по шести и более. Торжишки наши, государь, стали гораздо худы: отняли их у нас в Москве и городах иноземцы, немцы и кизильбашцы (персияне), которые приезжают в Москву и в другие города с большими торгами и торгуют всякими товарами. В городах всякие люди оскудели и обнищали до конца от твоих государевых воевод; а торговые людишки, которые ездят по городам для своих промыслишек, от воеводских насильств и задержания в проездах потеряли торги свои. При прежних государях в городах ведали губные старосты, и посадские люди судились промеж себя сами, а воеводы посылались с ратными людьми только в украинные города для бережения от татар. Мы, холопы твои и сироты, просим милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, воззреть на нашу бедность». Затем они изъявляли готовность умереть за святую веру и за многолетнее здоровье своего государя.

Наконец последовал ответ людей низшего чина: черных сотен и слобод, сотских и старост от имени всех тяглых людей. И они предоставляли государю судить о военном деле, как ему Бог известит, но описывали свое плачевное положение в таком виде: «Мы, сироты твои, тяглые людишки, по грехам своим оскудели и обнищали от великих пожаров, от пятинных денег, от поставки даточных людей, от подвод, что мы, сироты твои, давали тебе, государю, в смоленскую службу, от поворотных денег, от городового земляного дела, от великих государевых податей и от разных служб в целовальниках, которые мы служим в Москве вместе с гостями, и кроме гостей. Всякий год с нас, сирот твоих, берут в государевы приказы по ста сорока пяти человек в целовальники, да с нас же берут человек семьдесят пять ярыжных, да извозчиков с лошадьми, стоять без съезда беспрестанно на земском дворе для пожарного слу-

чая, а мы платим тем целовальникам, ярыжным и извозчикам каждый месяц подможные кормовые деньги. И от великой бедности многие тяглые людишки из сотен и слобод разбрелись розно и покидали свои дворишки».

Здесь как нельзя резче выразилось различие и противоположность между интересами и взглядами двух половин, на которые в государственном отношении разбивался русский народ – служилых и неслужилых или «государевых холопей» и «государевых сирот», как они титуловались. Первые были за войну и сознавали важность ее для государственных целей; вторые, не высказываясь явно против войны, представили только скудость средств для ее ведения. Но в последних была вся сила народного голоса. Правительству после этого собора не оставалось ничего, как только поспешить помириться с турками.

В Москву приехал турецкий посол Чилибей; его приняли дружелюбно. обещали сделать все угодное султану, и 30 апреля 1642 года царь послал Желябужского и Башмакова с приказанием казакам, чтоб они возвратили Азов туркам, а сами вернулись в свои курени. В следующем 1643 году царь отправил в Турцию послов: Илью Даниловича Милославского и дьяка Лазаревского, с уверениями в дружеском расположении и с мехами для подарков. Посол, по царскому наказу, говорил визирю о казаках так: «Если государь ваш велит в один час всех этих воров казаков побить, то царскому величеству это не будет досадно...» Казаки были очень раздражены, несмотря на то, что русский посол, проезжая в Турцию, привез им 2000 рублей царского жалованья и, кроме того, сукон, вина и разных запасов. Казаки перехватили царскую грамоту, в которой они названы ворами. После этого они грозили уйти с Дона на Яик, а оттуда ходить на море и беспокоить персиян. Вследствие таких слухов, царь приказал астраханским воеводам поставить в Яицком городке ратных людей и промышленять против казаков оружием.

Под конец царствования Михаила Федоровича происходило событие с женихом царской дочери, очень любопытное по отношению к тогдашним нравам и понятиям. Царю Михаилу Федоровичу пришла мысль выдать свою дочь за какого-нибудь иностранного принца, пригласив его в Россию. Попытка в таком роде была не первая, как показывает судьба Магнуса при царе Иване Васильевиче и датского королевича Иоанна, умершего при Борисе в Москве. Царь Михаил Федорович призвал к себе доверенного голландца Петра Марселеса, расспрашивал его и узнал от него, что у датского короля есть сын, принц Вольдемар, 22 лет. По рассказам Петра Марселеса, он показался царю подходящим женихом. Царь отправил в Данию Ивана Фомина навести о женихе точные справки и подкупить живописца, чтобы снял с королевича портрет, а чтобы скрыть главную цель, приказал снять портреты с самого короля Христиана и его сыновей. Поручение было странное. О нем узнали при дворе, и один вельможа сказал Фомину: «Ты подкупаешь снять портреты с короля и королевичей; это дело невозможное, потому что живописец должен стоять перед королем и королевичами и глядеть на них; но государь наш приказал снять с себя и с королевичей портреты и послать царю». Однако в Дании смекнули в чем дело и попытались, нельзя ли извлечь пользу из такого расположения царя к датскому владетельному дому. Летом 1641 года узнали в Москве, что едет чрезвычайное датское посольство, а в нем принц Вольдемар.³² Посольству этому, однако, не оказали особого внимания в Москве. Оно добивалось для датской торговли важных выгод против иных иноземцев и, не получивши их, в октябре того же года вернулось домой. В Москве посмотрели на принца.

Весною следующего года царь отправил в Данию послом окольников Проестева с товарищем с предложением брака королевича Вольдемара с царской дочерью Ириною.³³ Посол

³² Белено было приставам на дороге приглядываться и доносить, как обращаются члены посольства с Вольдемаром и с таким ли почтением, как с царским сыном: а между тем ему с посольством отведено было помещение в доме думного дьяка Ивана Грамотина. Чтобы сделать дом думного дьяка сколько-нибудь приличным для помещения иноземцев, ведено было со двора свезти навоз и щепы и посыпать песком, а дом убрать и произвести в нем починки.

³³ Так как царь прежде нуждался в портрете жениха, то предполагали, что в Дании царь будет нуждаться в портрете невесты, но снимать портреты с особ женского пола и рассылать их было не в обычае, потому что боялись порчи и колдовства;

этот, объявивши о предложении царя, не мог дать никакого ответа на вопрос: «Какие города и земли даст царь своему зятю», а со своей стороны заявил о необходимости королевичу креститься в христианскую веру, на что последовал отказ. Сам королевич виделся с послами, обошелся с ними очень любезно и говорил, что поступит так, как велит ему отец.

Царь был очень недоволен своими послами, которые, не смея отступить от буквы наказа, не сумели найтись, что им отвечать на заданный вопрос. В декабре юго же года царь выбрал для посылки в Копенгаген того же иноземца Марселиса, который ему дал первое известие о Вольдемаре. Он поехал с обещанием от царя дать будущему царскому зятю Суздаль. Ростов и другие города и предоставить ему свободу вероисповедания, как равно и всем приехавших с ним людям.

Московская земля на западе Европы представлялась дикою страной и внушала страх. «Если, – говорили датские вельможи Марселису, – наш королевич туда поедет, то сделается холопом навеки, и что обещают, того не исполнят. Как нашему королевичу ехать к диким людям!»

Ловкий Марселис принялся расхваливать Московское государство, уверял, что в нем отличный порядок, и в доказательство, что там можно жить, приводил в пример самого себя.

Сам королевич неохотно ехал в московскую землю, тем более, что первый прием, испытанный им в этой земле, не понравился ему. Но король-отец хотел сбывать и пристроить своего сына. Марселис успокаивал принца, ручался своею головою, что ему будет хорошо. «А какая мне польза в твоей голове, если мне будет дурно?» – отвечал ему королевич и соглашался ехать только по воле отца.

Марселиса отправили назад к царю и поручили передать условия, на которых королевич может приехать в Москву. Требовалось, чтоб королевичу не было никакого принуждения в вере, чтобы он зависел от одного только царя, чтобы удел, назначенный ему тестем, был наследственным, чтобы государь дополнял ему содержание денежным пособием, если доходов с удела будет мало.

Царь на все дал согласие, уступал на вечные времена зятю Суздаль и Ярославль и вдобавок обещал дочери приданого 300 000 рублей.

Королевич, встречаемый на своем пути в Московском государстве хлебом-солью и дарами, прибыл в Москву 21 января 1644 года и был принят с чрезвычайным почетом. Стройные ряды служилых и приказных людей в праздничных одеждах сопровождали его до Кремля, а по улицам на пути его были расставлены стрельцы без оружия: то был особый почет, которого не оказывали никому другому. Это означало, что царь считает принца не гостем, а членом своего царского дома, который, находясь в безопасности посреди верных подданных, не нуждается в оружии. По прибытии принца в назначенное для него помещение, поднесли ему от всех городов Московского государства хлеб-соль и разные дары, состоявшие из золотых, серебряных вещей, соболей и дорогих тканей. Английские и голландские купцы также поднесли ему богатые дары.

Через четыре дня царь первый посетил нареченного зятя и обласкал. 28 января ему сделан был торжественный прием при дворе; царь, одетый в свое царственное облачение, обнимал, целовал его и посадил рядом с собою по правую руку: по левую сидел царевич Алексей Михайлович. В тот же день был торжественный обед, и принц опять сидел рядом с царем. После обеда принца одарили богатыми подарками от царя и царевича, а через два дня царица прислала ему две дюжины полотенец, имевших символическое значение свадебного подарка.

Все шло, казалось, как нельзя лучше, как неожиданно 6 февраля царь прислал сказать принцу, чтоб он принял греческую веру и тогда уже может жениться.

и посол Проестев получил приказание, в случае, если заговорят о портрете будущей невесты, отвечать, что царских дочерей никто не видит, кроме самых близких бояр, и портрета с них не снимают «для остерегання их государского здоровья». Но портрета не потребовали.

Принц был поражен таким требованием и сначала думал, не испытывают ли его. Он отвечал, что не примет греческой веры, и ссылаясь на договор; уверял, что не приехал бы, если бы знал, что подымется речь о вере, и заметил, что брак уже некоторым образом заключен; если расторгнуть его, то от этого датской короне будет нанесено оскорбление, а про царя пойдет дурная слава.

Вслед за тем 13 февраля царь, пригласивши к себе королевича, сказал: «Король, твой отец, велел тебе быть у меня в послушании; мне угодно, чтобы ты принял православную веру».

– Я кровь свою готов пролить за тебя, – отвечал королевич, – но веры не переменю. В наших государствах ведется так, что муж держит свою веру, а жена свою.

– А у нас, – сказал царь, – муж с женою разной веры быть не могут.

Королевич просил отпустить его домой, но царь отвечал, что отпустить его «непригоже и нечестно, не соверша доброго дела».

С тех пор несколько раз Вольдемар письменно обращался к царю, уличал его первую грамотою, в которой сказано было прямо и положительно, что его не будут неволить в вере. Царь на это отвечал, что ему и теперь нет неволи; но в грамоте, посланной к датскому королю, не сказано, чтобы королевича не призывать к соединению в вере. Королевич повторил свою просьбу отпустить его, но его не отпускали и продолжали уговаривать принять православие.

Приходили к нему бояре, уверяли, что невеста его хороша собою, умна и, если он увидит ее, то непременно полюбит: она не напивается пьяною, подобно московским женщинам; для такой красавицы можно переменить веру.

Присылал к королевичу патриарх, предлагал устроить диспут о вере и убеждал Вольдемара принять православие. Королевич соглашался на диспут, заметивши, что он лучше всякого попа знает Библию. Потом патриарх прислал ему длинное увещание, чуть не в 48 сажен, по замечанию датчан; но королевич, между прочим, отвечал ему: «Если я буду не верен Богу, то как можно полагаться на мою верность царскому величеству?»

Датские послы просили себе отпуска и требовали, чтобы вместе с ними отпустили королевича. Но им сказали, что королевича не отпустят, потому что король отдал его царю на всю волю. Чтобы принц не убежал, стали надзирать за ним и держать как будто под стражею.

Ночью, 9 мая, королевич действительно сделал попытку к бегству, но его остановили стрельцы у тверских ворот; с тех пор стали еще строже присматривать за ним и за его людьми и по-прежнему уговаривали принять православие.

После неудачной попытки к бегству, принц решился на диспут и поручил его вести за себя своему придворному пастору Матфею Фильхаберу. Диспуты происходили несколько раз в доме принявшего православие немца Францбекова. С русской стороны был ключарь Наседка, несколько греков и один перекрещенный славянин, князь Димитрий Альбертович Далмацкий. Споры вращались главным образом около вопроса о способе крещения. «Я, – сказал пастор своим противникам, – прочитал немецких, латинских, греческих и еврейских книг более, чем вы видели их и будете видеть; только я никого хулить не хочу и имею надежду, что когда его царское величество заведет в своем государстве школы и академию, тогда вы узнаете, что значит быть ученым и неученым...» Диспуты не привели ни к чему. В конце июня объявили королевичу, что царь отправит к датскому королю одного из датских послов и когда получит от короля письмо, тогда царь отпустит принца. Но потом снова стали уговаривать Вольдемара принять православие; он дал решительный отказ.

С тех пор, однако, долго не тревожили принца увещаниями. С ним обращались очень почтительно. Царь приглашал его к столу; устраивали для него охоту. 17 сентября царь вместе с царевичем был у него на обеде, проводили время весело, и когда дворецкий Морозов вздумал было заговорить о вере, царь и царевич прогнали его. 29 ноября подано было царю письмо от датского короля. Король просил царя: если ему угодно нарушить договор, то пусть тотчас отпустит его сына в Данию. На это письмо не было дано никакого ответа; принц добивался

решения своей участи: ему говорили, что царь нездоров. Между тем царевич Алексей бывал у него и обращался с ним по-дружески. Наконец, в конце декабря, царь пригласил королевича к себе и убедительно просил принять греческую веру. Королевич сказал наотрез, чтоб царь либо совершил свадьбу, либо отпустил его немедленно.

– Свадьбы совершить нельзя, – сказал царь, – пока ты останешься в своей вере, а отпустить тебя невозможно, потому что король прислал тебя состоять в нашей царской воле и быть нашим сыном. – Лучше я окрещусь в собственной крови, – отвечал королевич. В начале 1645 года королевич написал царю резкое письмо, напоминал, что он и его люди не холопы царя; говорил, что царь поступает так, как не поступают неверные турки и татары, и что он, королевич, будет отстаивать свободу силою, хотя бы ему пришлось потерять голову. Письмо это осталось без ответа.

Ожидали приезда польского посла. Думный дьяк сообщил королевичу, как будто за тайну, что польский посол хочет сватать царевну Ирину за своего короля и поэтому ему нужно подумать, чтоб у него не отбили невесты. Королевич понял, что это уловка, засмеялся и сказал: «Так, значит, и польский король будет перекрещиваться!»

Приехал польский посол Гавриил Стемпковский. Королевич обратился к его посредству, писал и к самому польскому королю, убеждал вступить за него. Стемпковский, по приказанию своего короля, заговорил с боярами о деле королевича: но бояре стали со своей стороны просить его, чтоб он убеждал Вольдемара принять православную веру, и представляли, что королевич получит большие выгоды; царь прибавит ему еще более земель, чем обещал, даже Новгород и Псков отдаст ему. Польский посол подавал совет королевичу, что не следует отказываться от такой выгодной женитьбы, но королевич отвечал, что на перемену веры могут соглашаться только люди, которые не дорожат совестью для временных благ, а он ничего теперь не желает, кроме возвращения на родину. Стемпковский представил боярам, что королевича ничем нельзя склонить, а потому остается отпустить его. Бояре в ответ на такую просьбу стали грозить, что если королевич будет упорствовать, то от него отдалят всех его людей и окружат русскими; если же и это не пособит, то самого принца сошлют в какое-нибудь далекое место и станут помогать Швеции против Дании.

Вместе с тем, чтоб тянуть дело, предлагали еще раз религиозный диспут в присутствии царя и королевича.

Польский посол передал слышанную им угрозу королевичу, и тот дал такой ответ: «Пусть царь ссылает меня в Сибирь; я готов переносить за веру всякое горе; пусть прикажет убить меня, лучше мне умереть с чистою совестью, чем жить в почете с нечистою: а что он грозит Дании, – то пусть знает, что Дания как прежде обходилась, так и теперь может обходиться и без русской помощи!.. Пусть, одним словом, царь делает, что хочет, только поскорее». Польский посол передал все это боярам, но по просьбе их еще раз убеждал королевича исполнить желание царя и согласиться на религиозный диспут.

Предложенный русскими диспут состоялся 4 июля в присутствии польского посла, но без королевича и без царя. И на этот раз спорили более всего о крещении. Диспут ни к чему не привел, а вслед за тем кончина царя дала иной поворот этому делу.³⁴

В те же последние годы царствования Михаила Федоровича происходило другое, не менее любопытное дело с Польшею.

Назад тому тридцать лет, когда привезли Марину Мнишек с сыном в Москву с Яика, был в Москве поляк Белинский. Он составил план спасти сына Марины от смерти, на которую был осужден ребенок. Для этого он намеревался подменить сына Марины другим мальчиком, сыном убитого прежде в Москве поляка Лубы, оставшимся сиротою в чужой стороне. Предприятие не удалось. Сына Марины повесили. Тогда Белинский вздумал назвать сыном Марины

³⁴ Королевич вернулся в Данию в следующее царствование. Брак его с Ириною не состоялся.

того мальчика, которого прежде готовил на погибель вместо настоящего. Он увез его с собою в Польшу, стал называть царевичем Иваном Дмитриевичем и распространил рассказ о том, как Марина, находясь еще в Калуге, поручила ему увезти ее ребенка в Польшу. По совету шляхты, Белинский донес об этом королю. Король Сигизмунд нашел, что так как с Московским государством дела еще не покончены, то не бесполезно будет на всякий случай, про запас, держать царевича, и приказал отдать его на сохранение литовскому канцлеру Льву Сапеге, назначивши на содержание мнимого Ивана Дмитриевича по шести тысяч золотых в год. Сапега отдал его в обучение игумену брестского Симеоновского монастыря Афанасию. У этого игумена мальчик пробыл семь лет, а потом проживал во дворе Сапеги, назывался царевичем и сам был уверен, что он царевич. При Владиславе, когда после новой войны с Московским государством заключен был вечный мир, король запретил называть Лубу царевичем. Разжалованный царевич обратился к Белинскому с вопросом: кто он таков и кто его родители? Белинский объявил ему истину.

Между тем Лев Сапега скончался. Бывший царевич остался без приюта и без средств: ему перестали выдавать прежнее содержание. Он определился на службу к пану Осовскому, а потом перешел к пану Осинскому и жил у него писарем в Бресте.

Воспитатель этого невольного самозванца, игумен Афанасий, вероятно, желая подслужиться московскому царю, сообщил о нем русским послам, которые в 1644 году приезжали в Польшу с целью толковать о разных недоразумениях, возникших между порубежными жителями обоих государств. Афанасий представил письмо, писанное рукою Лубы. Московские послы стали укорять канцлера Оссолинского и других сенаторов в том, что они держат и укрывают человека, затевающего зло Московскому государству. Паны объяснили, что этот человек назывался царевичем прежде, а теперь уже не называется этим именем, и объявили, что выдавать невинного человека противно всяким правилам. Показали послам Лубу. Он рассказал о себе всю правду и уверял их, что не называется более царевичем. Но московские послы подали канцлеру письмо, писанное собственной рукою Лубы: в этом письме он хотя и подписался Иваном Фавстином Лубою, но выразился, что письмо его писано на «царевичевом обеде» в «царевичевой господе». Канцлер дал послам такое объяснение:

«Слова эти не показывают преступления; есть много мест и сел, называемых „Царево или Королеве»: он не подписывается царевичем, он подписался даже латинским именем: это служит ясным доводом, что Луба себя царевичем не называет».

Наконец паны объявили, что Луба пойдет в ксендзы. Московские послы заметили, что первый вор, назвавший себя Димитрием, был пострижен, а это не мешало ему затеять воровское дело, и требовали выдачи самозванца на казнь.

Поляки решили угодить московскому государю и послали в Москву Лубу со своим послом Стемпковским: но вместе с тем польский король просил царя отпустить Лубу назад, как невинного человека.

В это время один грек из Константинополя, архимандрит Амфилохий, прислал в Москву копию с письма, писанного по-малорусски к султану человеком, который называл себя московским царевичем Иваном Дмитриевичем. Амфилохий сообщал, что письмо это принесли ему какие-то турки для перевода, так как он знал по-русски. Трудно решить: был ли этот самозванец – Луба, или кто другой, или же самое письмо было выдуманное.

Начались в Москве толки о Лубе. Бояре домогались его выдачи. Польский посол защищал Лубу, уверял, что он невинен, что он намерен поступить в духовное звание и никак не может быть опасен для царя.

Среди этих переговоров смертельная болезнь поразила царя Михаила Федоровича. Еще с конца 1644 года государь по болезни не выходил из своих покоев. В апреле следующего года болезнь его усилилась. Иностранцы докторы находили, что недуг, постигший царя, произошел

от многого сидения, от холодного питья и меланхолии, «сиречь кручины». По описываемым приметам, царь поражен был водяною. 12 июня 1645 года он скончался.

Ближайшим к нему лицом пред смертью был боярин Морозов, дядька наследника престола. Благословляя сына на царство, царь поручил своего юного преемника отеческой опеке этого боярина.

Преемник Михаила Федоровича приказал отпустить Лубу с тем, чтоб король и сенаторы поручились за Лубу, что он не будет иметь никаких притязаний на Московское государство и не станет называться царским именем.

Глава 2

Киевский митрополит Петр Могила

Введение церковной унии было началом великого переворота в умственной и общественной жизни южной и западной Руси. Переворот этот имел важнейшее значение в нашей истории по силе того влияния, какое он последовательно оказал на умственное развитие всего русского мира.

Униатское нововведение пользовалось особенною любовью и покровительством короля Сигизмунда; поддерживать его горячо принялись и иезуиты, захватившие в Польше воспитание и через то овладевшие всемогущею польскою аристократиею; – а потому было вполне естественно, что униатская сторона тотчас же взяла верх над православною. План римско-католической пропаганды состоял главным образом в том, чтобы отвратить от древней веры и обратить в католичество русский высший класс, так как в Польше единственно высший класс представлял собою силу. Орудием для этого должны были служить школы или коллегии, которые одни за другими заводились иезуитами на Руси. В Вильне иезуиты завели академию при Стефане Батории. Затем явилась иезуитская коллегия в Полоцке. В конце XVI века заведены были коллегии в Ярославле галицком и во Львове. В первой четверти XVII века возникли последовательно иезуитские коллегии в Луцке, Баре, Перемышле, во многих местах Белой Руси, в 1620 году – в Киеве, в 1624 – в Остроге. Позже они возникли и на левом берегу Днепра. Иезуиты с необыкновенным искусством умели подчинять своему влиянию юношество. Родители охотно отдавали своих детей в их школы, так как никто не мог сравниться с ними в скором обучении латинскому языку, считавшемся тогда признаком учености. Богатые паны жертвовали им фондуши на содержание их монастырей и школ; но зато иезуиты давали воспитание бедным безденежно и этим поддерживали в обществе высокое мнение о своем бескорыстии и христианской любви к ближнему. Они умели привязывать к себе детей, внушать им согласные со своими целями убеждения и чувствования и так глубоко укоренять их в своих питомцах, что к природе последних как будто прирастало навсегда то, что было приобретено в иезуитской школе. Главною, можно сказать, исключительною целью иезуитского воспитания в русских краях, в то время, было как можно более обратить русских людей в католичество и вместе с тем внедрить в них ненависть и презрение к православию. Для этого они употребляли не столько научные доводы и убеждения, сколько разные легкие и действующие на юношеский возраст средства, как например: показное богослужение, вымышленные чудеса, видения, знамения, откровения, устройство празднеств, игр и сценических представлений, имевших целью незаметно прилепить сердце и воображение детей к римскому католичеству. Иезуиты обращали в свою пользу свойственную молодежи склонность к шалостям и не только не обуздывали в детях дурные побуждения, но развивали их, чтобы обратить в пользу своих заветных целей. Так иезуитские наставники подстрекали своих учеников делать разные оскорбления православным людям и особенно ругаться над православным богослужением: иезуитские ученики врываются в церкви, кричали, бесчинствовали, нападали на церковные шествия и позволяли себе разные непристойности, а наставники ободряли их за это. Но чтобы не возбудить против себя православных родителей и не заградить дороги к поступлению православных детей в свои училища, иезуиты часто уверяли, что они вовсе не думают обращать русских в латинство, говорили, что восточная и западная церковь одинаково святы и равны между собою, что они заботятся только о просвещении. Иезуиты, когда находили полезным, наружно удерживали даже своих православных питомцев от принятия католичества, на том основании, что обе веры равны; но эти питомцы были подготовлены воспитанием так искусно к предпочтению всего католического и к презрению ко всему православному, что сами, как бы вопреки советам своих наставников, принимали католичество; и тогда такое обращение приписывалось наитию свыше. Воспитан-

ные в иезуитской школе и принявшие католичество, русские оставались на всю жизнь под влиянием своих духовных отцов, которыми были те же иезуиты или же действовавшие с ними заодно католические монахи других орденов; духовные отцы поддерживали в них фанатизм на всю жизнь. Следствием того было то, что в первой половине XVII века распространение католичества и унии пошло чрезвычайно быстро. Люди шляхетских родов обыкновенно были обращаемы прямо в латинство, а уния предоставлялась, собственно, на долю мещан и простого народа. Новообращенные, как католики, так и униаты, отличались фанатизмом и нетерпимостью. В городах, при покровительстве со стороны короля, воевод и старост, все преимущества были исключительно на стороне католиков и униатов: православных не допускали до выбора в должности; делались всевозможные стеснения для православных мещан в их промыслах, торговых и ремесленных занятиях, а православное богослужение подвергалось со стороны фанатиков поруганиям и оскорблениям. Такое положение побуждало тех, которые были послабее в благочестии, мимо своей охоты обращаться в унию. До 1620 года не было у православных митрополита, не стало и епископов, некому было посвящать священников, и во многих приходах униаты заступили место выбывших православных, а в иных местах по смерти священников церкви упразднялись и к соблазну православных обращались в шинки. В имениях панских, а также в староствах, где судьба подданных находилась в безотчетном распоряжении владельцев, по приказанию последних, изгонялись православные священники, заменялись униатскими: подданные обращаемы были в унию, а упорные подвергались всякого рода насилиям и истязаниям. Во многих местах владельцы не управляли сами своими имениями, а часто отдавали их в аренду иудеям. Подданные поступали в распоряжение арендаторов и вместе с ними к последним поступали в православные церкви. Иудеи извлекали для себя из этого новые источники доходов, брали пошлины за право богослужения, так называемые «дудки»³⁵ за крещение младенцев, за венчание, погребение и т.д. Король и католические паны признавали законною греческою верою только унию, а тех, которые не хотели принимать унии, считали и обзывали «схизматиками», т.е. отщепенцами, и не признавали за их верою никаких церковных прав. При отсутствии иерархии, число православных священников более и более уменьшалось, и православные, не хотевшие принимать унию, вырастали без крещения, не исполняли никаких христианских обрядов.

Но пока еще иезуиты не успели обратить в католичество всего русского высшего класса, у православия оставались защитники между шляхетством. За православие стояли казаки. В 1620 году совершилось важное событие, несколько задержавшее быстрые успехи католичества. Через Киев проезжал в Москву иерусалимский патриарх Феофан. Здесь казацкий гетман Петр Конашевич-Сагайдачный и русские шляхетские люди упросили его посвятить им православного митрополита. Феофан рукоположил митрополитом Иова Борецкого, игумена киевского Золотоверхо-Михайловского монастыря, и, кроме того, посвятил еще епископов: в Полоцк, Владимир, Луцк, Перемышль, Холм и Пинск. Король Сигизмунд и все ревнители католичества были сильно раздражены этим поступком. Сначала король, по жалобе униатских архиереев, хотел объявить преступниками и самозванцами новопоставленных православных духовных сановников, но должен был уступить представлениям русских панов и против своего желания терпеть возобновление иерархического порядка православной церкви, так как в Польше, по закону, все-таки признавалась свобода совести, по крайней мере для людей высшего класса. Это не мешало происходить по-прежнему самым возмутительным притеснениям там, где сила была на стороне католиков и униатов. Тогда в особенности прославился нетерпимостью к православию униатский полоцкий епископ Иосафат Кунцевич; он приказывал отдавать православные церкви на поругание и мучить священников, не хотевших приступить к унии. Ожесточение народа против него дошло до такой степени, что в 1623 году толпа растер-

³⁵ Первоначальное простонародное название монеты тройного гроша, по немецки *duttchen*.

зала его в Витебске. Папа, узнавши о таком случае, убеждал короля Сигизмунда наказать епископов, не признающих унии, и самыми решительными мерами истреблять «гнусную, чудовищную, схизматическую ересь» (православие).

Но все старания римско-католической пропаганды, несмотря на блестящие успехи, не могли, однако, скоро достигнуть конечной цели, за православие с одной стороны ополчались казаки, с другой – поддержало его возрождавшееся русское просвещение.

Братства были главнейшим орудием такого возрождения. Братства возникали одно за другим, а где появлялось братство, там появлялось и училище. Братства отправляли лучших молодых людей в западные университеты для высшего образования. С размножением училищ и типографий увеличивалось число пишущих, читающих, думающих о вопросах, касающихся умственной жизни, и способных действовать в ее кругу. Виленское троицкое братство прежде всех перестало существовать для Руси: оно приступило к унии. Но в Вильне православные, тотчас после того, образовали другое братство при церкви Св. Духа, завели училище и печатание книг в защиту православия. В Киеве братство началось, как полагают, еще в конце XVI века, но его деятельное существование оказалось во втором десятилетии XVII века; в то же время основалось братство в Луцке. Замечательно, что все русские православные братства со своими учреждениями были явлениями более или менее кратковременными, не достигавшими своей главной цели. Братства эти могли держаться только до тех пор, пока католическая пропаганда не успела обратить в латинство все русское шляхетское сословие и вместе с тем оторвать от русской народности. Это совершилось в течение XVII века: весь высший класс русский олатинился, ополячился и братства исчезли сами собой. Одно киевское имело иную судьбу в русской истории.

Киеву, некогда бывшему уже средоточием русской политической и умственной жизни, опять выпала великая доля сделаться средоточием умственного движения, которое открыло для всей Руси новый путь к научной и литературной жизни. В 1615 году некто Галшка, урожденная Гулевич, жена мозырского маршалка Стефана Лозки, подарила принадлежавшее ей дворовое место со строениями и площадью в Киеве, на Подоле, с тем, чтобы там был основан братский монастырь с училищем, который бы находился под ведомством одного только константинопольского патриарха. Условием этого дара было то, чтобы это место со своими учреждениями ни в каком случае не выходило из православного владения. Галшка оставила за своими потомками право отнять у братства подаренное ею место, если бы какими-нибудь путями оно перешло в руки неправославных, и обязывала их в таком случае отделить на своей собственной земле другое место для той же цели. Тогда многие особы духовного и светского чина вписались в члены братства и обязались дружно и согласно защищать православную веру и поддерживать училище. Братство это по церкви, построенной на дворе, подаренном ему Галшкою, назвалось Богоявленским. В 1620 году патриарх иерусалимский Феофан утвердил устав братства и благословил его, чтобы это братство со своею церковью было патриаршею ставропигиею, т.е. не подлежало никакому другому духовному начальству, кроме константинопольского патриарха. В то же время, по просьбе волынских дворян и мещан, патриарх благословил правом ставропигии Крестовоздвиженскую церковь в Луцке, при которой основано было луцкое братство со школою, а константинопольский патриарх Кирилл Лукарис дал со своей стороны грамоту, которою утвердил уставы братских школ в Луцке и Киеве. При братской церкви должны были жить иноки, члены братства, под начальством игумена, который был пастырем и благочинным всего братства, надзирал с монашествующею братиею за порядком, давал наставления и заступался за братство в разных делах перед судом. Игумен имел также надзор и за школою; из числа монахов выбирался ректор школы; но ни игумен, ни ректор, ни вообще состоявшие в братстве монашествующие лица не могли делать никаких распоряжений без согласия светских братьев. Из числа светских братьев выбирались два лица для наблюдения за школою. Школа луцкого братства носила название Еллино-словенской, потому что в ней

преподавались два языка. Ученики разделялись на три разряда: в первом учились читать, во втором читали и учили наизусть разные предметы, в третьем разряде объясняли выученное и обсуждали его. В ходе учения обращалось внимание, чтобы ученик как можно более усваивал и понимал выучиваемое; для этой цели, по окончании класса, ученики должны были пересказывать уроки друг другу, списывать их и повторять перед родными и хозяевами, которым будут поверены, а на другой день, перед началом нового урока, отвечать учителю вчерашний. Предметами учения были, кроме первоначального чтения и письма, греческая и славянская грамматика с упражнениями, заучивание и толкование мест Св. Писания, отцов церкви, молитв, богослужения, церковная пасхалия, счетная наука, а также места из философов, поэтов, историков, риторика, диалектика и философия. При этом строго запрещалось читать и держать у себя еретические и иноверческие книги. Для упражнения в языках постановлено было, чтобы ученики говорили не на «простом» языке, а на греческом или славянском. Ученики могли учиться не всем наукам разом, а только некоторым, смотря по их способностям, по совету ректора или по желанию родителей. В школу принимались дети всех сословий и состояний, начиная от зажиточных шляхтичей и мещан до бедняков, просивших милостыню на улицах; воспитателям строго постановлялось не делать между ними никаких различий, иначе как по степени их успехов: все они по очереди обязаны были исполнять должность слуг, топить печи, мести школу, сидеть у дверей и т.п. По отношению к нравственности, ученики должны были строго соблюдать правила благочестия, в каждое воскресенье и праздник собираться к богослужению и перед тем выслушивать приличные нравоучения, а после обеда слушать объяснение прочитанных в церкви мест Св. Писания. Четыре раза в год, в посты, обязаны были они говеть, а более благочестивые, кроме того, причащались и исповедывались в господские праздники. Школьное начальство следило за их поведением, как в школе, так и вне ее, и наказывало розгами. Каждую субботу после обеда учитель читал им длинные нравоучения, как они должны были вести себя, и для памяти давал им испить «школьную чашу». Неисправимых исключали. Над самими учителями имело надзор братство, и они подвергались изгнанию за дурное поведение. Из этого устава видно, что религиозное воспитание ставилось на первом плане, и это вполне естественно, так как самая потребность в школьном воспитании вызвана необходимостью защищать православную веру против иезуитов и униатов. Киевская школа в это время имела, вероятно, такой же устав, с тою только разницею, что, при греческом и славянском, там преподавался еще и латинский и польский языки, как показывает самое название киевской школы, упомянутое в грамоте Феофана: «Школа наук еллино-славянского и латино-польского письма». Кроме главных школ, находившихся при братствах, по всей южной Руси было рассеяно множество частных школ при монастырях и церквях; так об Иове Борецком есть известие, что, будучи священником в Воскресенской церкви на Подоле (в Киеве), он завел школу и отличался ревностью к воспитанию юношества. В старости и он, и жена его пострились. Иов, в звании игумена Михайловского Златоверхого монастыря, занимался воспитанием детей и впоследствии, сделавшись митрополитом, заботился о процветании школ.

Распространение школьного учения дало южной Руси ученых людей, способных выступить на литературную борьбу с врагами православной веры, и мы видим в первой половине XVII века возрастающую полемическую литературу в защиту догматов и богослужения православной веры. Одним из ранних писателей этой эпохи был Мелетий Смотрицкий. Еще при жизни Острожского он подвизался в литературе и написал возражение против нового римского календаря, который занимал тогда умы, и «Вирши на отступников», напечатанные в Остроге в 1598 году. Этот человек приобрел обширное ученое образование, дополнил его путешествием по Европе в качестве наставника одного литовского пана и слушал лекции в разных немецких университетах. По возвращении на родину в 1610 году он под именем Феофила Орфолога напечатал в Вильне по-польски: «Плач Восточной церкви», где в живых, сильных и поэтических образах представил печальное состояние отеческой веры, жалуясь главным образом на то,

что знатные шляхетские роды один за другим отступают от ней. Сочинение это вызвало со стороны униатов едкое опровержение под названием «Паригория, или Утоление плача». В 1615 году Смотрицкий сделался учителем в школе, находившейся в Литве в Евью, где была одна из знаменитых русских типографий XVII века. Здесь в 1619 году Мелетий напечатал грамматику славянского языка, замечательную по своему времени и показывающую значительное филологическое образование ее автора, который даже, вопреки всеобщему обычаю своего времени писать силлабические стихи, угадывал возможность метрического стихосложения для русского языка. Грамматика эта была принята для преподавания в школах и служила для распространения знания старославянского языка между русскими.³⁶

Когда Феофан восстановил русскую иерархию, Смотрицкий был посвящен им в сан архиепископа Полоцкого и написал по-польски: «Оправдание невинности», где доказывал право русского народа восстановить свою церковную иерархию и опровергал взводимые на него клеветы, будто он хочет изменить Польше и предаться туркам. Против этого сочинения тотчас же появилось на польском языке сочинение: «Двойная вина»; а вслед за тем началась на польском языке сильная полемика между обеими сторонами. Когда в 1622 году был умерщвлен униат фанатик Иосафат Кунцевич, враги православия распространяли слухи, что главным поджигателем этого убийства был Смотрицкий. Жизнь его была в опасности; он уехал на восток, странствовал три года, приехал в Рим и там принял унию. Возвратившись на родину, он написал по-русски «Апологию» своего путешествия, где оправдывал свое отступление и старался доказать, что в православной церкви существуют заблуждения. Митрополит Иов Борецкий созвал собор в 1628 году и пригласил на него Мелетия Смотрицкого. Мелетий приехал в Киев, уверял, что он хотел только подвергнуть критике некоторые неправославные мнения, вкравшиеся в сочинения православных защитников веры, как равно и злоупотребления, поддерживаемые невежеством духовенства, что игумен дубенского Преображенского монастыря Кассиан Сакович, которому он поверил печатание своей книги, прибавил туда лишнее без его ведома и что он остается по-прежнему в ведомстве православной иерархии. Вскоре, однако, после этого собора, Мелетий снова объявил себя униатом и стал распространять свою «Апологию». Это вызвало со стороны православных горячую полемику. Иов Борецкий написал против Смотрицкого опровержение под названием «Аполлия» (погибель). Протоиерей слуцкий Андрей Мужилковский написал против «Апологии» Смотрицкого дельное сочинение на польском языке, наз. «Антидот». Были и другие сочинения против Смотрицкого.

Распространившееся в Руси польское влияние было так велико, что русские люди, ратуя за свою веру, писали по-польски, и это вредило успехам русской литературной деятельности того времени; иначе русская письменность была бы гораздо богаче. Самый русский язык в ученических сочинениях, писанных по-русски, страдает более или менее примесью польского. Из более выдающихся русских писателей того времени мы укажем на Захария Копыстенского, Кирилла Транквиллиона, Исаию Копинского, Памву Берынду и др. Захарий Копыстенский, иеромонах, потом архимандрит Киево-Печерского монастыря, написал обширное сочинение под названием «Палинодия», в котором подробно рассматривал главнейшие пункты отличия восточной церкви от западной и защищал догматы и постановления первой. Это сочинение, важное по историческим известиям о церковных событиях того времени, не было напечатано и до сих пор хранится в рукописях. Копыстенский издал, кроме того, по-русски сочинение «О вере Единой»; «Беседы Златоуста на послания Апостола Павла»; того же Златоуста «Беседы на Деяния» и «Толкование на Апокалипсис Андрея Кесарийского». В своих предисловиях к этим книгам издатель выражает желание, чтобы русские, как духовные, так и светские, поболее читали и изучали Св. Писание. «Толкование на Апокалипсис», изд. в 1625 году, посвящено пану Григорию Далмату, уже отступившему от православия внуку ревностного православного Констан-

³⁶ По ней учился Ломоносов.

тина Далмата, которому автор посвящал прежние свои переводы. Захария убеждает Григория возвратиться к вере отцов своих и говорит, что дед его возрадовался бы такому возвращению; при этом автор не затрудняется приводить примеры из греческой мифологии: «Если, – говорит он, – между Геркулесом и Тезеем была такая любовь и дружба, что один преемственно наследовал добродетели другого и старался избавить последнего от пленения в тартаре, то еще большая любовь, неразрываемая смертью, должна существовать между вашим дедом и вами». Это может служить образчиком, как языческо-классическая мудрость внедрялась в религиозное воспитание тогдашних книжников. При «Апокалипсисе» приложено несколько переводных слов и по поводу «Слова Иоанна Златоуста на Пятидесятницу» делается такое замысловатое объяснение известного выражения, которое католики постоянно приводили в подкрепление о папском главенстве – «Ты еси Петр, и на сем камне созижду церковь Мою»: «Видите, Христос не сказал „на Петре“, а сказал „на камне“; не на человеке, а на вере Христос построит церковь свою, так как Петр сказал с верою: „Ты еси Христос, сын Бога живого“. Не Петра, а церковь нарек он камнем». В 1625 году Захария Копыстенский, будучи уже архимандритом, напечатал речь, произнесенную в день поминовения по своем предшественнике Плетенецком, доказывал в ней необходимость поминовения усопших и опровергал тех вольнодумцев, которые, следуя протестантским толкованиям, отвергали пользу молитв за усопших и поминовений, – из чего видно, что протестантские мнения продолжали волновать умы православных. Но здесь же проповедник счел нужным вооружиться против католического чистилища и доказывал, что учение Св. отцов о мытарствах совсем не то, что учение о чистилище. «Мытарства, – говорил он, – состоят только в разных препятствиях и беспокойствах, которые причиняют разлученной от тела душе злые воздушные духи, подобно тому, как таможенные чиновники беспокоят проезжего свободного человека на таможах и заставах».

В русской православной церкви была ощутительная потребность в правилах, которыми должны были руководствоваться священники при исполнении своих треб и обрядов и в особенности исповеди.

При долговременном невежестве вкрались большие беспорядки. Священники отправляли требы как попало, мало заботились об удержании своих прихожан в правилах благочестия, и это давало свободу всякого рода языческим суевериям. Захарий Копыстенский в 1620 году напечатал книгу для руководства священникам, где собрал в сокращении разные правила апостольские, вселенских и поместных соборов и Св. отцов. Книга эта называется «Номоканон, или Законоправильник». Здесь, между прочим, встречаются любопытные известия о разных суевериях того времени, распространенных в народе.

Женщины надевали на детей своих и на домашних животных чародейские «шолки» или «конуры», с целью предохранить от бед и болезней; принимали внутрь чародейские снадобья, чтобы не рождал детей; надевали на детей своих «усерязи» в великий четверток. Чаровницы употребляли в своих заговорах слова из псалмов, имена мучеников, и, написавши их, давали носить на шее, носили змею за пазухой, а потом, содравши с нее кожу, прикладывали к глазам и зубам для здравия. Другие, с целью сделать какое-нибудь зло или произвести безладицу в семье (кому зло житием жити или нежительно ему житие сотворити) или продолжить болезнь, призывали бесов над гробами (бесов злотворных призывание окрест гроб... сие чарования преименовашася от еже над гробы плача и вопия), поили лихим зельем или давали в пищу такое, чтобы свести человека с ума, поссорить мужа с женою или нагнать любовную тоску. Иные прорицали будущее, предсказывали счастье или несчастье, толковали счастливые и несчастливые дни рождения. Суеверные зазывали к себе цыганок и гадалщиц; гадали на воске, на олове, на бобах. Были и такие, которые славились тем, что разгоняли облака, зачаровывали бури, угадывали, где находится украденная вещь и т.п. Номоканон обличает также пляски на свадьбах, праздник русалок, совершаемый с плясками на улицах, раскладку огней, что делалось в те времена не только на Купала, но и накануне других праздников и в особенности в день

Вознесения, с чем соединялось особое гадание о счастье (да от одного счастье свое рассмотрим). Автор вооружается против тех, которые, воображая себе, что мертвец встает из гроба и ходит по земле, выкапывают тело из могилы и сжигают его. Он говорит, что мертвец не может вставать из гроба и ходить, но что дьявол принимает образ мертвого и пугает людей мечтами. Бесы, по его толкованию, пугают разными мечтательными призраками тех, которые неосторожно призывают их имя.

Кирилл Транквилион-Ставровецкий, прежде учитель в львовском братстве, а потом черниговский архимандрит, не менее Копыстенского отличался плодотворной литературной деятельностью, хотя сочинения его страдают многословием, риторством и самовосхвалениями. Около 1619 года он издал «Евангелие учительное» или «Слова на воскресные и праздничные дни». Книга эта в Московском государстве признана была неправославною. Важнее для нас другое сочинение Кирилла «Зерцало богословия», напечатанное в Почаеве в 1618 году. Замечательно, что оба сочинения посвящены знатным панам; первое Черторижскому, а второе молодому Ермолинскому с целью служить для него учебною книгою. Эти посвящения показывают, как литераторы нуждались в знатных покровителях. «Мала тебе сдается эта книжечка, – говорит автор в своем предисловии, – но прочитай-ка ее: увидишь высокие горы небесной премудрости!»

«Зерцало богословия» разделено на три части: первая толкует, собственно, о существе Божиим³⁷; вторая заключает в себе космографию, третья – о злосливом мире или вообще о зле. Самая любопытная для нас вторая часть, изображающая мировоззрение тогдашних ученых людей.

Мир разделяется на видимый и невидимый. Невидимый есть мир ангелов.³⁸ Кирилл принимает древнее разделение ангелов на девять чинов (престолы, херувимы, серафимы, господства, силы, власти, начала, архангелы и ангелы), из них, собственно, только ангелы распоряжаются видимым миром и над ними старейшина архистратиг Михаил (той за всем чином своим страж и справца всего видимого мира). Одни ангелы поставлены на страже стихий и воздушных явлений: огня, молнии, воздуха, ветра, мороза и пр. Другие содержат и обращают круг звездного неба (одного из девяти небес), особые ангелы приставлены к солнцу, луне, морю; иные приставлены к земным государствам, другие находятся при верных людях. Если Бог посылает ангелов к людям, то они надевают на себя «мечтательное» тело, иногда с вооружением; но это только призрак, потому что где бы кузнецы взяли на небесах металл ковать ангелам вооружение? Дьяволы, падшие духи, темные и отвратительные, разделяются на три вида: воздушные, водяные и подземные. Воздушные делают человеку зло разными изменениями воздуха: вихрями, бурями, градом, заразою воздуха и пр. Земные искушают людей на всякое зло, но они власти не имеют не только над людьми, но и над свиньями; они только подсматривают за человеком, и если у человека обнаруживается побуждение к дурному, они подстрекают его. Они постоянные лгуны (уставичные лгареве), и если прорицают, то им верить не следует. Иногда они мечтательно принимают на себя вид зверей и чудовищ, чтобы пугать людей.

Видимый мир создан из четырех стихий, различных и занимающих одна за другою место по своей тяжести. Низшая и самая тяжелая – земля; выше ее вода; над водою воздух; а выше его – самая легчайшая стихия, огонь. Огонь и вода непримиримые враги, но между ними миро-

³⁷ Вот определение Бога у Кирилла: «Бог есть существо пресущественное, албо бытность над все бытности, сама истотная бытность през ся стоящая, простая, несложная, без початку, без конца, без ограничения, величеством своим объемлет вся видимая и невидимая».

³⁸ Вот определение ангела: «Ангел есть бестелесное, неосязаемое, огневидное, пламеносное, самовластное... Крепостью мог бы един ангел з росказания Божья увесь свет обвалити во мгновение ока и борзость его дивна, дух бо вем есть скороходный, яко быстрость блискавицы и помыслу нашего: во мгновение ока з неба на землю сниде и за ся от земле на небо възйде, телом не единым, неударжимым, но скрозь всякое тело без забороны приходит, не задержат его ни стены муров каменных, ни двери железные, ни печати. Местом же ангелы описаны суть: если будет ангел на небе, на земле его несть, а если на земле, в небе его несть. Языка до мовения и уха до слышания не потребует и без голоса и зносного слова подают един другому разума своя».

творец – воздух. Вода двух родов: одна – над твердью небесною, другая – под твердью на земле. Твердь небесная есть сухая, легкая, непроницаемая материя, сверху которой Бог разлил воду для предохранения от верхнего эфирного огня, который бы иначе зажег твердь; но, чтобы не было темно на земле, Бог сотворил на тверди солнце, луну и звезды и вложил в них части эфирного света. Воздух есть та тьма вверху бездны, о которой говорится в Библии: к земле он теплее, согреваемый солнечными лучами, середина его холодна, а верхние слои горячие. Гроза объясняется таким образом: пары подумаются с моря и достигают верхних слоев горячего воздуха; от того делается шум, подобно тому, как раскаленное железо, положенное в воду, производит шум. Кирилл слышал, что земля кругла, как яблоко, и не противоречит этому. Он думает, что земля окружена водою для предохранения от эфирного огня. Море солоно оттого, что вода в нем недвижима, и если бы не была солона, то загнилась бы и засмердела. В человеке из пяти чувств – четыре соответствуют стихиям: вкус – земле, обоняние – воде, слух – воздуху, зрение – огню, а осязание «почувательную некую, особую силу имать». Как в небе живет Бог, так в верхней части человеческого тела, в голове, в бескровном мозгу – ум, важнейшая сила души, а при нем другие силы: воля, память, доброта, мысль, разум, хитрость, мечтание, рассуждение, радость, любовь. Ум и разум у него не одно и то же. Ум – сила внутренняя, а разум приходит извне: «От кого иного научишься и разумеешь – то разум». Кирилл старается уподобить части человеческого тела стихийным явлениям: «Во главе очи яко светила, глас, яко гром, мгновение ока, яко близкавицы».

Под злосливым миром автор понимает жизнь злых людей, не следующих повелениям Божиим. Подобно миру земному, состоящему из четырех стихий, злосливый мир состоит из четырех стихийных пороков: заздрости (зависти), пыхи (высокомерия), лакомства (алчности), убийства. Лакомство соответствует воде; убийство – земле; заздрость и пыха – воздуху и огню. Дьявол есть творец и содержитель злосливого мира.

Мы привели эти сведения из сочинения одного из видных литературных деятелей того времени, чтобы показать, как далека была тогдашняя ученость от прямого пути в области мирских знаний. Русские ученые выступали в борьбу со своими врагами с запасом многих разных сведений по части церковной истории и богословия, но были невеждами во всем, что касалось природы и его законов, хотя, как показывают их сочинения, и чувствовали потребность этого знания. Они повторяли только старые средневековые нелепости. Ученость их поэтому носила характер крайней односторонности; с распространением такого рода просвещения развивалась страсть к риторической схоластической болтовне, к легкому и дешевому символизму. Это мы видим на том же Кирилле Транквилионе. В главе о Вавилоне Темном он разбирает апокалипсические образы и дает полную волю всяким сопоставлениям и объяснениям, которые мог он отыскать в изобилии на всякие лады у прежних толкователей. Вавилон – это громада злых людей, дракон – дьявол, семь рогов – семь смертных грехов, воды – народы, жена, сидящая на водах – «пыха свету сего», пятно на челе – измены и обманы, чаша, кровью исполненная – замки будовные, палацы и дмахи (чертоги) спанялые (великолепные), дочь Сиона называется виноградом, вежею (башнею), на которой висят сто тарчов (щитов): это церковь с ее писаниями; она – гора «тучная, упитанная з оброков небесной премудрости» и прочее и прочее.

Как распространилась тогда риторическая словоохотливость, показывает вошедший обычай сочинять молитвы. В Вильне издана была книжка «Вертоград душевный», в которой помещаются дневные богослужения, т.е. полуночница, заутреня, часы, вечерня, павечерница, и в них вплетены пространные, сочиненные вновь молитвы.

Монашеское направление, так долго господствовавшее в православной церкви в южной Руси, и на этот раз нашло себе представителей: как на замечательнейшее в этом роде сочинение мы укажем на «Духовную лестницу» Исаии Копинского. Автор был печерским монахом, девятнадцать лет наблюдал антониевы пещеры, потом был приглашен князем Михаилом Вишневецким для устройства Густинского монастыря (близ Прилук), впоследствии был киевским

митрополитом. Его «Духовная Лествица» отлична от известной книги «Лествицы» Иоанна Лествичника, бывшей в большом ходу у благочестивых людей в старину. Исходная точка суждений в сочинении Исаии очень своеобразна. Автор признает началом греха безумие, незнание, началом добродетели – разум и знание, а истинное познание достигается только путем учения и уразумения природы. Он находит, что только изучивши природу, мы можем приступить к познанию самих себя, и только изучивши свое существо, можем перейти к познанию Бога.³⁹ Никогда на Руси не раздавалось из уст русского монаха большего уважения к положительной науке; но после этого автор, так сказать, круто поворачивает на прежнюю торную дорогу монашеских сочинений. У него разум двоякий – внешний и божественный, двоякая мудрость внешняя и божественная, два знания – внешних и божественных предметов, и оказывается, что Бога можно познать только высшим божественным разумом. Что касается до внешней мудрости, то она делается почти ненужною. Путь к высшему разумению есть «умное делание», подобно тому, как говорил когда-то Нил Сорский, – монашеская созерцательность, воздержание, пост, сокрушение сердца. Монашество – высший образец; все плотское – гной, тлен, прах. Автор думает, что если бы Адам не согрешил, то люди бы не рождались младенцами и рождались бы не так, как теперь рождаются.⁴⁰ «Человек, – говорит он, – рождаясь от женщины и стремится к соединению с нею, но тем самым умирает душою; так как соль, хотя рождается от воды, но соединяясь с водою вновь, – исчезает; так и человек, хотя рождается от женщины, но как соль растаивает, „когда паки к греховному плотскому соплетению лепится“». Автор, хотя не может отрицать брака, но предоставляет его в виде снисхождения только человеческим существам низшего разряда, тогда как люди высшие, монахи, должны предпочитать безбрачную чистоту.

Далее все сочинение состоит из бесед о том, как следует монаху вести строго постную жизнь, избегать хвастовства, высокомерия, сребролюбия и других пороков.

Умственное движение, возникшее в южной Руси, получило новый толчок и новую силу с наступлением деятельности Петра Могилы.

Фамилия Могила принадлежит к древним знатным родам молдавским. В конце XVI века, при помощи польского гетмана Яна Замойского, один из Могила, Иеремия, сделался господарем молдавским, а в 1602 году брат его Симеон господарем валашским. В 1609 году Симеон стал также господарем и Молдавии, но не надолго. Сначала он уступил господарство племяннику своему Константину, а потом турки лишили эту фамилию господарства. Напрасно польские пань: Стефан Потоцкий, князья Корецкий и Вишневецкий, родственники Могила по женам, старались восстановить их на господарстве. Могила должны были искать приюта в Польше. Сын Симеона, Петр, учился, как говорят, в Париже, потом служил в военной службе в Польше, а в 1625 году постригся в Печерской лавре, еще не достигши 30 лет от роду. Вступление в монашеское звание лица, такого знатного и притом состоявшего в родстве с могущественными польскими домами, давало поддержку православному делу. Через год скончался печерский архимандрит Захария Копыстенский. Тогда возник вопрос о том, чтобы молодому молдаванину Могиле сделаться архимандритом. Его связи и богатство представляли в будущем большие надежды для лавры: но не вся печерская братия готова была выбрать его. Многие не возлюбили его; другие соблазнялись его молодостью; но за пределами монастыря у Могила было

³⁹ Никто же не может познати Бога, дондеже не познает первое себе, не придет же совершение в познание себе, дондеже первое не придет в познание твари и всех вещей в мире зримых и разумеваемых рассмотрению. Егда же придет в познание сих, тогда возможет прийти в познание себе, тоже и Бога, и тако приходит в совершенное с Богом любовью соединение... Первое всея твари рассмотрение от чего и чесога ради сия суть, во еже ни единой вещи утаенной и недоуменной быти от него... Первис подобает долняя вся разумети, та же горняя, небо от горних на нижняя восходити должны семи.

⁴⁰ Прилепись же к несвойственному плотскому вожделению, сего ради по нужде подпаде тлению и смерти нетления бо и жизни отлучися, подпаде в сиевое плотское неразумное сочетанье, от совершенного разума и возраста преступлением изведе Адам естество наше в детский возраст бессловесное младоумие, во еже малыми немощесмотрящими отрочаты в мир раждатися нам, по нужде сиее раждатися и быши в мир осужденны быхам.

много сильных сторонников, желавших доставить ему видное и выгодное место архимандрита печерского. Два года шли об этом толки; противникам Могила, как видно, не давали избрать другого; наконец Могила был избран, тем более, что митрополит Иов Борецкий был за него. В 1628 году Сигизмунд III утвердил его. Новый архимандрит тотчас же заявил свою деятельность на пользу монастыря, завел надзор над священнослужителями в селах лаврских имений, незнающих из них приказывал учить, а упрямых и своевольных подвергал взысканиям; подновил церковь, не жалел издержек на украшение пещер, подчинил лавре Пустынно-Николаевский монастырь, основал Голосеевскую пустынь, построил на свой счет при лавре богадельню для нищих и задумал заводить при Печерском монастыре высшую школу. Рассчитывая, что для последней цели необходимы хорошие учителя, он прежде всего начал отправлять молодых людей за границу на собственный счет. В числе их были: Сильвестр Коссов, Исаия Трофимович, Игнатий Оксенович-Старушич, Тарасий Земка и Иннокентий Гизель. Для новой школы он избрал место с огородом и садом, близ больничной Троицкой церкви, поставленной над печерскими воротами, и дал от себя фундушевую запись, которую обязывался содержать училище на собственный счет.

В 1631 году скончался митрополит Иов Борецкий. Место его занял Исаия Копинский, бывший в то время архиепископом смоленским и черниговским. Посланные за границу молодые люди стали возвращаться на родину, но тут записанные в братство православные духовные, дворяне и казацкие старшины с гетманом Петрижицким от лица всего войска запорожского обратились к Петру Могиле с просьбою не заводить особого училища в братстве, а обратить свои пожертвования на существовавшее уже братское училище на Подоле. Просьба эта была вполне разумна: не следовало разрывать сил, полезнее было соединять их. Могила согласился. В декабре 1631 года члены братства составили акт, в котором Петр Могила назывался старшим братом, блюстителем и пожизненным опекуном киевского братства. В марте 1632 года гетман Петрижицкий от лица полковников и всего войска запорожского, обещал в случае нужды защищать оружием церковь, монастырь, школы и богадельню братства; а киевские дворяне, в лице выбранных из среды своей старост, обещали заботиться о содержании училища.

В апреле 1632 года скончался король Сигизмунд III. По польским обычаям, по смерти короля, собирався сначала сейм, называемый «конвокационным», на котором делался обзор предыдущего царствования и подавались разные мнения об улучшении порядка; потом собирався сейм «элекционный» уже для избрания нового короля. Остатки православного дворянства сплотились тогда около Петра Могила с целью истребовать законным путем от Речи Посполитой возвращения прав и безопасности православной церкви. Главными действующими лицами с православной стороны в это время были: Адам Кисель, Лаврентий Древинский и Воронич. При их содействии, митрополит Исаия и все духовенство уполномочили ехать на сейм Петра Могила. Православные требовали уничтожения всяких актов и привилегий, запрещавших православным строить церкви и допускавших вести против них процессы по религиозным делам с наложением секвестрации на их имения, домогались возвращения православным всех запечатанных церквей, всех епархий, требовали безусловного права заводить коллегии, типографии, возвращения отобранных униатами церковных имений и строгого наказания тем, которые будут наносить оскорбления и насилия православным людям. Вместе с просьбою дворян и духовных подали на сейм просьбу казаки в более резких выражениях, чем дворяне и духовные. «В царствование покойного короля, – писали они, – мы терпели неслыханные оскорбления... Униаты отстранили от городских должностей добродетельных мещан нашей веры и засмутили сельский народ; дети остаются некрещеными, взрослые сожительствуют без брачного обряда, умирающие отходят на тот свет без причащения. Пусть уния будет уничтожена; тогда мы со всем русским народом будем полагать живот за целостность любезного отечества. Если, сохрани Боже, и далее не будет иначе, мы должны будем искать других мер удовлетворения». Такой резкий тон сильно раздражил панов, которые вовсе не хотели давать казакам права вмеши-

ваться в государственные дела. «Они называют себя членами тела Речи Посполитой, – говорили паны, – но они такие члены, как ногти и волосы, которые обрезают». Но голос шляхетства не мог быть оставлен без внимания. При посредстве королевича Владислава составлен был мемориал, в котором предполагалось отдать православным киевскую митрополию, кроме Софийского собора и Выдубицкого монастыря и всех митрополичьих имений, предоставить им сверх того Львовское епископство, Печерский и Жидичевский монастыри с их имениями, дать по несколько церквей в некоторых городах, дозволять братствам распоряжаться школами, мещанам занимать городские должности и пр. Дальнейшее решение дела о свободе православного исповедания отложено было до «элекцийного» сейма. Но и на элекцийном сейме казацкие послы вновь появились с резкими требованиями. По поводу этих домогательств начались сильные и горячие прения о вере между панами. Ревностные католики не хотели утверждать даже того мемориала, на который согласился «конвокационный» сейм. Кисель и Древинский пространно и сильно защищали права греческой религии. Православные не были довольны самым мемориалом и хотели еще более широкого. Петр Могила был душою их совещаний и, наконец, вместе с православными дворянами, он лично обратился к новоизбранному королю Владиславу. Так как Польша в это время находилась в неприязненных отношениях с Москвою, то Владислав понимал, что расположение казаков и русского народа было чрезвычайно важно для короля и всей Польши; да и вообще Владислав был сторонник свободы совести. Он дал православным «диплом», которым предоставлял им более прав и выгод, чем те, какие были написаны в мемориале, составленном на конвокационном сейме. Предоставлена была полная свобода переходить как из православия в унию, так и из унии в православие. Митрополит киевский мог по-прежнему посвящаться от константинопольского патриарха. Отдавалась православным немедленно луцкая епархия; а перемышльскую положено отдать после смерти тогдашнего униатского епископа; учреждалась новая епархия во Мстиславле; снимались всякие запрещения, стеснения, запрещалось делать оскорбления православным людям. Православные дворяне, бывшие на сейме, тогда же порешили удалить от митрополии Исаию Копинского, как человека уже престарелого и болезненного, и избрали вместе с бывшими там духовными в митрополиты Петра Могилу. Король утвердил этот выбор и дал Петру Могиле привилегию на преобразование киевского братского училища в коллегия. Посланный в Константинополь ректор киевских школ, Исаия Трофимович, испросил для Петра Могила патриаршее благословение, и тогда волошский епископ во Львове рукоположил Петра Могилу в митрополиты.

По известиям одного современника, православного, но ополяченного шляхтича Ерлича, Петр Могила, прибывши в Киев в 1633 г., обращался грубо и жестоко со своим предместником Исаиею Копинским: дряхлого и хворого старика схватили в Златоверхо-Михайловском монастыре в одной волосянице, положили на лошадь, словно мешок, и отправили в Печерский монастырь, где он скоро и скончался в нужде. По известию того же Ерлича, Петр Могила был человек жадный и жестокий, истязал бичами монахов Михайловского монастыря, допытываясь, где у них спрятаны деньги; одного печерского монаха Никодима обвинил в наклонности к унии и отослал к казакам, которые приковали его к пушке и продержали таким образом шестнадцать недель. Эти известия не могут быть признаны вполне достоверными. В 1635 году в городском овруцком суде происходил процесс между иноками Михайловского Златоверхого монастыря и Исаиею Копинским. Иноки жаловались, что Исаия Копинский в 1631 году, – опираясь на то, будто все монахи Михайловского монастыря избрали его игуменом, – выгнал, при содействии казацкого гетмана Гарбузы, игумена Филофея Кизаревича и оставался в монастыре до 10 августа 1635 года, а в этот день, уехавши из монастыря, взял с собою документы на монастырские имения и захватил также разные вещи из ризницы. Это показание противоречит известию Ерлича, относящего это событие к 1633 году, так как из показания монахов видно, что Исаия оставался в Михайловском монастыре гораздо долее 1633 года. Существует протек-

стация самого Исаия Копинского, который показывает, будто он уехал из монастыря потому, что Могила притеснял монастырь, делал разорение монастырским местностям и после удаления его, Исаии, неправильно отдал монастырь во власть Филофея Кизаревича, окрестивши его игуменом. Но протестация Исаии заключает в себе неверность. Не Могила, после удаления Исаии из Михайловского монастыря, окрестил игуменом этого монастыря Филофея Кизаревича. Кизаревич был избран михайловским игуменом еще прежде, чем Исаия овладел монастырем в 1631 году. Это несомненно из актов того времени, на которых Кизаревич подписывался игуменом Михайловского монастыря. Оказывается, что в самом монастыре было две партии, из которых одна хотела дать игуменство Кизаревичу, другая – Копинскому, и Могила, как кажется, благоприятствовал первому. После протестации, поданной Исаиею, Могила февраля 1637 года пригласил Исаию в Луцк и там, в присутствии многочисленного духовенства, примирился с ним. Исаия дал Петру Могиле «квит», т.е. отказался от своего иска. Но вслед за тем Исаия, через своего поверенного, возобновил свой иск, заявивши, что Петр Могила насильем принудил дать ему квит. Жалоба дошла до короля. Исаия внес в градские владимирские книги королевское письмо к волынскому воеводе о назначении комиссии для разбирательства спора между Петром Могилою и Исаиею. Из этого письма видно, что к королю поступила жалоба, будто Петр Могила не только ограбил церковное и частное достояние Копинского, но и самого Исаию бил до крови и подвергал тяжелому заключению. Так как производство дела этой комиссии до нас не дошло, то и нет возможности для истории произнести приговор по этому делу. Но у Ерлича встречается еще одно известие о Могиле, также несправедливое. Ерлич говорит, будто Могила, желая завести школу в Печерском монастыре, выгнал монахов Троицкого больничного монастыря, чтобы отдать под школу занимаемое ими место. Из актов же того времени видно, что Могила, будучи еще архимандритом, назначил под предполагаемую школу место с садом и огородом по одну сторону главных ворот, на которых находилась больничная церковь, между тем как госпиталь с больничными монахами находился на другой стороне от ворот. Таким образом, не было никакой необходимости Могиле выгонять монахов для постройки школы. Притом же, сам Могила заботился о госпитале и содержал его на свой счет.

Назначение Петра Могилы митрополитом в Киеве произвело чрезвычайный восторг. Ученики братского училища сочиняли ему гимны и панегирики. «Если бы ты вздумал, – говорилось в приветствии ему, – отправиться от Киева до Вильно и до пределов русских и литовских, с какою радостью встретили бы тебя те, которыми наполнены суды, темницы и подземелья за непорочную веру восточную?» Типографщики поднесли напечатанную ими стихотворную брошюру под названием «Евфония веселобремая», а киевские мещане, заодно с казаками и православными духовными, в порыве восторга бросились отнимать у униатов древнюю святыню русскую – Софийский собор. Униатский митрополит Иосиф Вильямин Руцкий жил не в Киеве, а в Вильне. Софийский собор стоял пустой; богослужение в нем не отправлялось; а ключи находились у шляхтича Корсака. Место, где находится Софийский собор, было тогда за городом и отделялось от жилой части Старого города валом. Близ него расположена была небольшая софийская слободка. Там жил Корсак, страж покинутого храма. Киевляне, под предводительством Баляски, Веремиенка и слесаря Быковца, толпою в пятьсот человек бросились на дом Корсака. Пан был в отлучке; в доме оставалась его мать, у которой были в то время гости. Киевляне потребовали ключей от собора. Пани Корсакова не дала ключей. Тогда киевляне объявили, что сами найдут ключи, бросились к собору, отбили колодки, которыми запирался собор, выломали двери, отколотили тех, которые хотели помешать им, забрали ризницу и утварь и отвезли в лавру к митрополиту. Затем толпа вновь вернулась в дом Корсака и начала выгонять из дому пани Корсакову и ее родных, сидевших с доминиканами, которых она нарочно позвала, чтоб они впоследствии на суде могли быть свидетелями. Толпа ругала пани Корсакову, прицеливалась ружьями в форточку окна и кричала: «Выволочемо ее на двор и рас-

стреляймо!» На другой день киевляне вывели пани Корсакову и ее родных из дому и обязали слобожан повиноваться православному митрополиту. Вместе с церковью Св. Софии киевляне тогда же овладели деревянной церковью Св. Николая, на месте Десятинной, и древними стенами церкви Св. Василия, построенной Св. Владимиром на Перуновом холме.

Первым делом митрополита было привести церковь Св. Софии в благолепный вид и освятить ее для богослужения; он называл ее «единственным украшением православного народа, главою и матерью всех церквей». Петр Могила старался восстановить древнюю святыню Киева и вместе с тем оживить в народе воспоминание древности. Таким образом, он возобновил церковь Св. Василия; из развалин Десятинной церкви соорудил новую каменную церковь, причем, во время производства работ, нашел в земле гроб Св. Владимира и поставил голову его в Печерском монастыре для поклонения, возобновил также древнюю церковь Спаса на Берегостове. С особенною любовью относился он к Софийскому собору, хотя жил постоянно в Печерской лавре, оставаясь ее архимандритом.

Ему приписывают сооружение пристроек к ярославовой стене, укрепление их контрфорсами, закладку куполов на хорах, сооружение над ними других куполов на кровле и даже размазку стен, которою закрыты были старые Ярославовы фрески. Но с этим нельзя согласиться. Архитектура пристроек и особенно двухглавые орлы указывают на более позднее время. Сверх того, существуют рисунки, составленные после Могилы, на которых Софийский собор не в том виде, в каком теперь. В «Триоди», изданной во Львове, в 1642 году, в посвящении Петру Могиле говорится о возобновлении Св. Софии в таком виде: «Церковь Св. Софии в богоспаемом граде Киеве негдось от святыя памяти княжати и самодержца всея России Ярослава сбудованую и на приклад всему свету выставленную, преосвященство ваше в руинах уже будущую знову реставровал и до першей оздобы коштом своим старанем своим привел, а до того и внутрь розмаитыми иноками святых Божиих и аппаратами церковными дивно ириоздобил».

Петр Могила обратил внимание на то, что в церковных богослужебных книгах, бывших в употреблении в южной и западной Руси, вкрались неправильности и разноречия. Они были в то время тем неуместнее, что противники православия указывали на это обстоятельство, как на слабую сторону, и утверждали, что в православном богослужении нет единообразия: в одной книге попадаются об одном и том же предмете совсем иные выражения, чем в другой, и каждый священник может употреблять тот или другой способ. Этим противники силились доказать, что церковь, не имея единого главы, не в силах удержать правильности в своих богослужебных книгах, а тем самым указывали на необходимость подчинения единому главе в образе папы. Могила постановил, чтобы вперед богослужебные книги не выходили в печать без пересмотра и сличения с греческими подлинниками и без его благословения; сам он лично трудился над их пересмотром. В 1629 году Петр Могила издал «Служебник», одобренный на киевском соборе митрополитом Иовом Борецким и южнорусскими епископами. Этот «Служебник» отличался от прежних тем, что в нем приложено догматическое и обрядовое объяснение литургии, написанное одним из учеников Могилы, Тарасием Земкою. Таким образом, русские священнослужители получили впервые единообразное руководство для совершения литургии, а вместе с тем могли понимать то, что совершали. Через десять лет, в 1639 году, Могила, уже будучи митрополитом, издал вторым изданием свой «Служебник», значительно умноженный ектениями и молитвами, сочиненными на разные случаи жизни.

Приведение в единообразии православного богослужения, надлежащее отправление священниками их обязанностей и улучшение их нравственности сильно и постоянно занимали Петра Могилу. С этими целями в 1640 году Могила назначил собор в Киеве и на этот собор приглашал не только духовных, но и светских особ, записанных в братствах; по его взгляду на состав церкви, светские люди, будучи членами церкви, как христианского общества, имели право подавать свой голос в церковных делах. «Наша церковь, – писал Могила в своем окружном послании, – оставаясь ненарушимою в догматах веры, сильно искажена в том, что касается

обычаев, молитв и благочестивого жития. Многие православные, от частого посещения богослужения иноверцев и слушания их поучений, заразились ересью, так что трудно распознать: истинно ли они православные или одним только именем? Другие же, не только светские, но и духовные, прямо покинули православие и перешли к разным богомерзким сектам. Духовный и монашеский сан пришел в нестроение; нерадивые настоятели не заботятся о порядке и совсем уклонились от примера древних отцов церкви. В братствах отвергнута ревность и нравы предков; каждый делает что хочет». Могила заявлял, что он желает возвратить русскую церковь к древнему благочестию и находил, что цель эта может быть достигнута посредством собора духовных и светских людей. Деяния этого собора не дошли до нас, но, вероятно, плодом его совещаний явилось новое издание «Требника» в 1646 году. Этот «Евхологион», или «Требник», – подробнейший сборник богослужений, относящихся к священным требам и долгое время служивший руководством во всей России, известен под именем «Требника Петра Могила».⁴¹ При составлении его руководствовались требниками греческими, древнеславянскими, великорусскими и отчасти римскими. Могила, защищая православие от католичества, не стеснялся, однако, заимствовать из западной церкви то, что не противно было духу православия и согласовалось с практикою первобытной церкви.⁴² В своем «Требнике» Могила не ограничился одним изложением молитв и обрядов, а прибавил к нему объяснения и наставления, как поступать в отдельных случаях, так что этот требник не только служил руководством для машинального отправления треб, но имел значение научной книги для духовенства. Тем не менее, к досаде Могила, не все довольствовались этим однообразным руководством и помимо его издавались другие требники частными лицами. Пока образовалось новое поколение пастырей из преобразованной Могилою коллегии, он обращал внимание, чтобы ставленники, по крайней мере, не были круглыми невеждами, и постановил, чтобы искатели священнических мест, до своего посвящения, оставались некоторое время в Киеве и учились у сведущих лиц. Подготовка эта продолжалась иногда и до года. Сам Могила экзаменовал их и содержал во время обучения на свой счет. Могила вскоре увидел необходимость составить полную систему православного вероучения и под своим руководством приказал составленному Исаии Трофимовичу православный катехизис. По составлении его, Могила созвал сведущих духовных лиц из всей южной и западной Руси, дал им на рассмотрение новую книгу, а потом снесся с патриархами. С целью окончательно рассмотреть и утвердить катехизис, созван был в Яссах ученый собор в 1643 году, куда Могила послал Трофимовича вместе с братским игуменом Иосифом Кононовичем и проповедником Игнатием Старушичем. Со стороны константинопольского патриарха послано было два ученых грека. Греки долго спорили с русскими, требовали отмены кое-каких мест и наконец утвердили катехизис, затем книга была отправлена на утверждение всех патриархов; она хотя и была утверждена, но слишком долго рассматривалась, и Могила не успел ее напечатать.⁴³ Вместо нее Могила приказал напечатать в 1645 году краткий катехизис. Цель его выражена в предисловии, где говорится: «Книга эта публикуется не только для того, чтобы священники в своих приходах каждый день, в особенности в воскресные и

⁴¹ «Читая эту книгу, – говорит в предисловии к ней Могила, – легко понять, что способ совершения Св. Тайн остается у нас единообразным: стоит только сличить наш „Евхологион“ с греческим. Если в требниках, изданных в Остроге, Львове, Стрятине, Вильне есть какие-нибудь описки и погрешности, то такие, которые не отменяют ни числа, ни материи, ни формы, ни силы, ни skutков (последствий) Св. Таинств; притом, отмены произошли от простоты и нерассудительности исправителей; при всеобщем невежестве и при небытности православных пастырей, издатели смотрели не на сущность материи или формы, а на одни существовавшие обычаи. И потому иное нужное опустили, а ненужное внесли».

⁴² От времен Могила остались до сих пор в Малороссии немногие местные отличия в богослужении, не принятые в Великой Руси, так напр. заимствованные из западной церкви «Пассии», – чтения Евангелий о страданиях Иисуса Христа с пением страстных церковных стихов на повечерии по пятницам, в первые четыре недели Великого поста, причем говорятя иногда и проповеди.

⁴³ Ей суждено было уже по смерти Могила быть напечатанной в Европе, сперва на греческом, а потом на латинском языке, заслужить уважение ученых богословов, а на славянском языке явиться уже в 1696 году в Москве и то в переводе с голландского издания на греческом языке 1662 года.

праздничные дни, читали и объясняли его своим прихожанам; но также, чтобы мирские люди, умеющие читать, преподавали одинаковым способом христианское учение, преимущественно, чтобы родители учили по ней своих детей, а владельцы подвластных себе людей, а также, чтобы в школах все учителя заставляли своих учеников учить наизусть по этой книжечке». Катехизис этот, по способу своего изложения, послужил первообразом всех катехизисов последующего времени. Оно изложено в вопросах и ответах и состоит из трех частей: в первой рассматривается символ веры по членам, во второй – молитва Господня, в третьей – заповеди.

Могила, как человек ученый, принял деятельное участие в тогдашней горячей полемике, происходившей между православными и католиками. Некто Кассиан Сакович, прежде православный учитель киевской школы и написавший вирши по-русски на смерть Сагайдачного, отступил от православия сначала в унию, а потом в католичество и сделался ненавистником отцовской веры. Когда Могила в 1642 году собирал собор, Сакович написал против этого собора по-польски едкую сатиру, а вслед за тем разразился обширным сочинением на польском же языке, под названием «Перспектива заблуждений, ересей и предрассудков русской церкви». Сакович в этом сочинении держится способа, введенного иезуитами и долгое время сохранявшегося в Польше во всех спорах и нападках католиков на русскую церковь. Способ этот состоял в том, что подмечались и собирались случаи всевозможнейших злоупотреблений, зависевших как от невежества, так и от дурных качеств тех или других личностей, занимавших священнические места, и такие случаи принимались как бы за нормальные признаки, присущие православной церкви. Все сочинение Саковича наполнено подобного рода обличениями. Кроме того, Сакович, как ревностный последователь римской церкви, старается осуждать все, что в православии несходно с нею. В ответ на это Могила написал обширное сочинение, явившееся в 1644 году под названием: «Лифос; (Лифос) альбо камень». Сочинение Могилы под псевдонимом Евсевия Пимена (т.е. благочестивого пастыря), было написано по-польски, так как главной целью автора было представить в глазах поляков несправедливость нападков их духовных против православия; но в то же время существовала и его русская редакция, до сих пор остающаяся в рукописи.⁴⁴ Лифос, кроме посвящения Максимилиану Бржозовскому и предисловия к читателям, состоит из трех отделов: в первом рассуждается о таинствах и обрядах; во втором – о церковном уставе; в третьем – о двух главнейших догматических различиях восточной церкви от западной: об исхождении Св. Духа и о главенстве папы. Автор в некоторых местах относится с бранью и резкими остротами к своему противнику, называет его прямо лжецом; или, напр., по поводу желанья Саковича ввести в русскую церковь латинские обряды, выражается так: «Неудивительно, что тебе, новообращенному рачителю римского костела, хочется весь римский чин перенести в восточную церковь! Как сам ты с одним ухом, так хочешь, чтобы все люди были одноухие и порезали бы себе уши!» Но с совершенным беспристрастием автор Лифоса признает справедливость многих злоупотреблений, указанных его противником; только он объясняет их печальным положением церкви, не имевшей долгое время пастырей и умышленно угнетаемой унией, а также невежеством и рабским положением приходских священников под властью панов. Сакович, например, обвиняет православных священников в том, что они совершали насильные и противозаконные браки. На это автор Лифоса говорит: «Это бывает; но что же делать священнику, когда пан ему говорит: или обручай, поп, или голову подставляй; поневоле поп будет все делать, когда господин города, либо села, или управляющий господина начнет устрашать бедного священника дубиною, а иногда прикажет бросить в

⁴⁴ Полное заглавие ее следующее: «Лифос или камень с пращы истинны Церкви святыя, православныя российския, на сокрушение ложнопомраченной перспективы или безместного оболгания, от Кассиана Саковича, бывшего прежде некогда архимандрита Дубенского, унита, аки о блуждениях, ересех и самоумышлениях Церкви Русския, в Унии не сущия, тако в составлении веры, якоже в служении тайн и о иных чинех и законопреданиях обретающихся, лето Божия 1642 в Кракове типом изданного, верженный чрез смиренного отца Евсевия Пимина в монастыре св. чудотворныя Лавры Печарокиевския, лета Господня 1644».

тюрьму». Многие нападки Саковича Могила называет ложью и клеветой и прямо свидетельствует, что приводимых Саковичем признаков нет и не было в православной церкви. Вообще во взгляде на значение обрядов Могила отличает существенные главные признаки от прибавочных. Существенными он называет те, которые при всяких видоизменениях должны оставаться непоколебимо; они, по толкованиям Могила, заключаются: а) в материи, б) форме или слове и в) интенции (намерении) совершающего священнодействие. Таким образом в таинстве крещения вода составляет материю; произнесение слов: «крещается во имя Отца, Сына и Св. Духа» – форму; наконец, внутреннее намерение или желание совершающего таинство низвести благодать Св. Духа – интенцию. Точно так же в литургии существенную часть ее составляют, кроме внутреннего *намерения* священнослужителя: *материя*, т.е. хлеб и вино, и форма, т.е. освящающие ее слова Спасителя: «Приимите, ядите и пейте от нее вси». Весь чин богослужения, в который облечены или заключены существенные признаки, может видоизменяться в разных церквях. Смотря по местностям, древним обычаям и преданиям, могут существовать различные обряды, – но это не мешает вселенскому единству христовой церкви, если только при этом нет уклонения от признаваемой церковью догматики. Таким образом, к римскому обрядному чину следует относиться с равным уважением, как и к восточному, несмотря на его различие, насколько этот чин не уклоняется от учения вселенской церкви. Обряды могут в одной и в той же церкви, смотря по временным потребностям, изменяться, дополняться и сокращаться, но не иначе как на основании соборов. Каждый из священников в отдельности должен строго исполнять все постановленное принятыми в данное время богослужбными книгами. Таков был взгляд знаменитого митрополита на весь строй внешнего богослужения; он относится непримиримо к римской церкви, но никак не по причине различия богослужбного чина, а за ее догматические заблуждения, из которых признание абсолютного главы в особе римского папы занимает первое место. Замечательно, что противник Могила, Сакович, между прочим, ставит в упрек православной русской церкви и то, что она лишена «великородных господ». Могила говорит: «Православные роксоляны (т.е. русские), уверовавши в Христа Господа, не сомневаются в том, что Христос, как мысленный глава, управляет восточную церковь по своему обещанию: „се аз с вами до скончания века“. Русь имеет всеильное предстательство своего благочестия в лице Христа Господа, правящего сердцами великих государей. Так и в псалме 145 псалмопевец написал: „Не надейтесь на князей, сынов человеческих. А что у Руси нет великородных господ, то что в этом дурного! Ведь и первоначальная церковь начала создаваться не великородными господами, а убогими рыбаками, однако Бог через них преклонил к вере во Христа и монархов, и великородных властителей. Души самых незнатных правоверных христиан также искуплены многоценною кровью Христовою, как и души великородных властителей, а потому и те и другие должны быть равноценны“. Наконец, автор Лифоса совсем не враг соединения с римскою церковью: „Восточная церковь, – говорит он Саковичу, – всегда просит Бога о соединении церквей, но не о таком соединении, какова нынешняя уния, которая гонит людей к соединению дубинами, тюрьмами, несправедливыми процессами и всякого рода насилиями. Такая уния производит не соединение, а разделение...“ Появление Лифоса вызвало в польской литературе ряд полемических сочинений, в которых авторы почти уже не касались вопроса об обрядности, а главным образом доказывали правильность признания папы главою церкви. Из них иезуит Рутка, давая произвольный смысл разным выражениям Лифоса, делал выводы, что автор его принадлежит скорее к какой-нибудь протестантской, чем восточной церкви.

Более всего Могила сосредоточил свою деятельность на киевской коллегии. Тотчас по вступлении своем в сан митрополита, Могила преобразовал киевскую братскую школу в коллегию, основал другую школу в Виннице, завел при киевском братстве монастырь и типографию и подчинил их киевскому митрополиту. Это было нарушением прежнего распоряжения патриарха Феофана, по которому киевское братство с Богоявленскою церковью подчинялось одному

патриарху; но это нарушение оправдывалось сделанными переменами: основанием монастыря и преобразованием школы в коллегию, наконец и тем, что коллегия и монастырь содержались главным образом иждивением Петра Могила. Самый монастырь учрежден был совсем на особых основаниях, чем другие монастыри; он имел тесную связь с коллегией; в нем помещались только те монахи, которые были наставниками: все они взяты были из Печерской лавры. На содержание братской коллегии и монастыря Могила приписал две лаврских волости, подарил коллегии собственное свое село Позняковку и, кроме того, постоянно давал денежные пособия на постройки и на вспомоществование учителям и ученикам. По его примеру и убеждению, записанная в братство шляхта помогала коллегии разными пожертвованиями и ежегодно выбирала старост из своей среды для надзора и содействия ее содержанию; коллегия устроена была по образцу высших тогдашних училищ в Европе и особенно в Кракове. Цель киевской коллегии была преимущественно религиозная: нужно было образовать поколение ученых и сведущих духовных лиц, а равным образом и светских людей, которые бы могли сознательно видеть правоту восточной церкви и по своему образованию стать в уровень с теми, против которых пришлось бы им защищать права своей церкви путем закона и рассуждения. Но в Польше, как мы указывали, вопросы веры тесно связались с вопросами национальности; понятие о католике сливалось с понятием о поляке, как с другой стороны понятие о православном с понятием о русском; и потому задачей коллегии неизбежно стала поддержка и возрождение русской народности. Идеалом Могила был такой русский человек, который, крепко сохраняя и свою веру и свой язык, в то же время по степени образования и по своим духовным средствам, стоял бы в уровень с поляками, с которыми судьба связала его в государственном отношении. К этому идеалу направлялись и способы воспитания и обучения, принятые Могилою. Киевская коллегия находилась под управлением ректора, который был вместе с тем игуменом братского монастыря, распоряжался монастырскими и училищными доходами, творил суд и расправу и в то же время был профессором богословия. Его помощником был префект, один из иеромонахов, занимавший должность, подобную должности нынешнего инспектора. Кроме двух этих начальствующих лиц, выбирался на известный срок супер-интендент, имевший ближайший надзор за поведением воспитанников. Под наблюдением последнего, между самими воспитанниками устраивалась внутренняя полиция: некоторые более благонаправленные ученики обязаны были смотреть за своими товарищами и доносить супер-интенденту. Часть учеников жила на содержании коллегии в ее доме, называемом бурсою; вся эта бурса в то время содержалась на счет Петра Могила: то были недостаточные ученики; другие жили вне здания и приходили в коллегию для учения, но и они, живя в своих квартирах, состояли под надзором коллегияльного начальства. Телесное наказание считалось необходимым. Расправа производилась главным образом по субботам.

В учебном отношении киевская коллегия разделялась на две конгрегации: высшую и низшую. Низшая в свою очередь подразделялась на шесть классов: фаза или аналогия, где обучали одновременно чтению и письму на трех языках: славянском, латинском и греческом; инфима – класс первоначальных сведений; за нею класс грамматики и класс синтаксисы: в обоих этих классах шло изучение грамматических правил трех языков – славянского, латинского и греческого, объяснялись и переводились разные сочинения, производились практические упражнения в языках, преподавались катехизис, арифметика, музыка и нотное пение. Далее – следовал класс поэзии, где главным образом преподавалась пиитика и писались всевозможные упражнения в стиходействии, как русском, так и латинском. За пиитикой следовал класс риторики, где ученики упражнялись в сочинении речей и рассуждений на разные предметы, руководствуясь особенно Квинтилианом и Цицероном. Высшая конгрегация имела два класса: философии, которая преподавалась по Аристотелю, приспособленному к преподаванию в западных латинских руководствах, и разделялась на три части: логику, физику (теоретическое рассуждение о явлениях природы) и метафизику; в этом же классе преподавались

геометрия и астрономия. Другой, самый высший, был класс богословия; богословие преподавалось главным образом по системе Фомы Аквината; в том же классе преподавалась гомилетика и ученики упражнялись в писании проповедей. Преподавание всех наук, исключая славянской грамматики и православного катехизиса, шло на латинском языке. Учеников заставляли не только писать, но и постоянно говорить на этом языке, даже вне коллегии: на улице и дома. С этою целью для учеников низшей конгрегации изобретены были длинные листы, вложенные в футляр. Сказавшему что-нибудь не по-латине давался этот лист и на нем вписывалось имя провинившегося; ученик носил этот лист до тех пор, пока не имел возможности навязать его кому-нибудь другому, проговорившему не по-латине; а у кого этот лист оставался на ночь, тот подвергался порке. Предпочтение, оказываемое латинскому языку, скоро после основания коллегии, навлекло было на нее опасную бурю. Распространился между православными слух, что коллегия неправославна, что наставники ее, воспитанные за границею, заражены ересью, что в ней преподают науки по иноверческим руководствам, учат более всего на латинском языке, языке иноверческом, делают это для того, чтобы совратить юношество с пути отеческой веры! Подобные толки легко усваивались толпою. Русские привыкли к той мысли, что на латинском языке совершают богослужение и говорят враги их веры, ксендзы, и потому считали самое обучение этому языку неправославным делом. У Могилы не было недостатка в недоброжелателях, таковы были неученые и недостойные своего сана попы, которых он удалил от мест в значительном количестве. Кроме того, недоброжелательствовали ему все сторонники Исаии Копинского и последний, как видно, сам говорил о неправославии сместившего его с митрополии соперника.⁴⁵ Дурное мнение о Могиле и его учебном заведении распространилось между казаками, всегда готовыми на суровую расправу с теми, кого считали врагами веры. И вот – дело дошло до того, что однажды толпа народа, предводительствуемая казаками, собиралась броситься на коллегия, сжечь ее и перебить наставников. «Мы, – писал потом один из наставников, Сильвестр Коссов, тогдашний префект киевской коллегии, – исповедывались и ожидали, что нами начнут кормить днепровских осетров, но, к счастью, Господь, видя нашу невинность и покровительствуя образованию народа русского, разогнал тучу предубеждений и осветил сердца наших соотечественников; они увидели в нас истинных сынов православной церкви, и с тех пор жители Киева и других мест не только перестали нас ненавидеть, но стали отдавать к нам в большом количестве своих детей и величать нас Геликоном и Парнассом». Событие, угрожавшее коллегии, происходило 1635 года; в этом же году, когда минула опасность, Сильвестр Коссов издал «Экзегезис, или Апологию Киевских школ», сочинение, в котором защищал способ преподавания, принятый в коллегии. Предпочтение, оказываемое латинскому языку, в глазах Петра Могилы и избранных им наставников оправдывалось обстоятельствами времени. Русские, учившиеся в коллегии, жили под польским правлением и готовились к жизни в обществе, проникнутом польским строем и польскими понятиями. В этом обществе господствовало и глубоко укоренилось мнение, что латинский язык есть самый главный, самый наглядный признак образованности и чем кто лучше владеет латинским языком, тем более достоин названия образованного человека. Под влиянием иезуитов, русские, уже по самой своей народности, подвергались презрению у поляков, и такой взгляд естественно содействовал тому, что русское шляхетство так торопливо стремилось избавиться от своей народности, и перешедшие в католичество с гордостью признавали себя поляками. Чтобы рассеять такое предубеждение, необходимо нужно было русским, еще сохранившим свою веру и народность, усвоить те приемы и признаки, которые, по тогдашним предрассудкам, давали право

⁴⁵ Так, приезжавший в Москву монах Густынского монастыря Пафнутий в расспросе сообщил, что «епископ Исаия писал в Лубенский и Густынский монастыри, что митрополит Петр Могила королю, всем панам радным и архиепископам лядским присягал, чтобы ему христианскую веру учением своим поправить и уставить все службу церковную по повелению папы римского, римскую веру и церкви хрестьянские во всех польских и литовских городех превратить на костелы лядские и книги русские все вывести». Тоже показал игумен густынский Василий, перешедший в Москву.

на уважение, подобающее образованному человеку. Латинский язык в тогдашнем житейском круге был необходим не только для споров о вере с католиками, не хотевшими о высоких предметах говорить иначе, как по-латыни, – латинская речь употребительна была на судах, сеймах, сеймиках и на всяких общественных сходбищах. Беглость в латинском языке и подготовка учеников к защите православной веры посредством слова достигалась в коллегии путем диспутов, классных и публичных, происходивших по-латыни. Для этого одна сторона приводила разные противные православию доводы, бывшие тогда в ходу у католиков, другая – опровергала их и защищала православие. Такие диспуты не ограничивались одним кругом веры, но распространялись и на разные философские предметы. Устройство их показывает практический ум Могилы, стремившегося во всем к главной цели: выставить против католичества ученых и ловких борцов за русскую церковь, умеющих поражать врагов их же оружием. В соответствии с этими практическими воззрениями Петра Могилы состоит и тот схоластический характер, который он дал всему научному образованию, получаемому юношеством в коллегии. Главный признак схоластического способа учения, развившегося в Западной Европе в средние века и еще господствовавшего в XVII веке, состоял в том, что под наукою разумели не столько количество и объем предметов, подлежащих познанию, сколько форму или сумму приемов, служащих к правильному распределению, соотношению и значению изучаемого. Мало знать, но хорошо уметь пользоваться малым запасом знания, – такова была цель образования. Отсюда бесконечный ряд формул, оборотов и классификаций. Этот способ, как показали вековые последствия опыта, мало подвигал расширение круга познаваемых предметов и давал возможность так называемому ученому гордиться своею мудростию, тогда как на самом деле он оставался круглым невеждою или тратил время, труд и дарования на изучение того, что собственно приходилось впоследствии забывать, как мало применимое к жизни. Но этот способ, при всех своих крупных недостатках, имел, однако, и хорошую сторону в свое время; он приучал голову к размышлению, к обобщению, служил, так сказать, умственной гимнастикою, подготовлявшею человека к тому, чтобы относиться к предметам знания с научною правильностью. Нельзя сказать, чтобы в Западной Европе во времена Могилы не было уже иного рода науки, иных понятий о знании, но эти начала нового просвещения, которые так быстро и блистательно повели ум человеческий к великим открытиям в области естествознания и к более ясному взгляду на потребности духовной и материальной жизни, были далеки и почти не касались тогдашней Польши, несмотря на то, что еще сто лет назад она была родиною Коперника. Вполне естественно было Петру Могиле остановиться на том способе учения, какой господствовал в стране, где он жил и для которой приготавливал своих русских питомцев, тем более, что способ этот, в его воззрении, удовлетворял его ближайшей цели образовать поколение защитников русской веры и русской народности в польском обществе. С нашим взглядом на просвещение, образование, получаемое в коллегии Могилы, должно показаться крайне односторонним: студенты, окончившие курс в коллегии, не знали законов природы настолько, насколько они были открыты и исследованы тогдашними передовыми учеными на западе; мало сведущи были они в географии, истории, правоведении; но довольно было того, что они могли быть не ниже образованных поляков своего времени. Сверх того, чтобы оценить важность преобразования, сделанного Могилою в умственной жизни южнорусского народа, стоит взглянуть на то состояние, в каком эта умственная жизнь находилась на Руси до него, и тогда-то его заслуга окажется очень значительною, а успех его предприятия чрезвычайно важным по своим последствиям. В стране, где в продолжение веков господствовала умственная лень, где масса народа пребывала по своим понятиям почти в первобытном язычестве, где духовные, единственные проводники какого-нибудь умственного света, машинально и небрежно исполняли обрядовые формы, не понимая их смысла, не имея понятия о сущности религии, где только слабые зачатки просвещения, брошенные эпохою Острожского, кое-как прозябали, подавляемые неравною борьбою с чужеродным и враждебным строем образования; в стране, где русский

язык, русская вера и даже русское происхождение клеймились печатью невежества, грубости и отвержения со стороны господствующего племени – в этой стране вдруг являются сотни русских юношей с приемами тогдашней образованности, и они, не краснея, называют себя русскими; с принятыми средствами науки они выступают на защиту своей веры и народности! Правда, в Польше, где только высший класс пользовался правом гражданства, а масса простого народа была подавлена гнетом самого бесчеловечного порабощения, высший русский класс так неудержимо изменял своей вере и народности, что его не могла уже остановить никакая коллегия. Польская образованность, направляемая иезуитами, разрушила бы рано или поздно все планы Петра Могилы, если бы след за тем не поднялся южнорусский народ против Польши под знаменами Хмельницкого. Киевскую коллегию с ее братством, без сомнения, постигла бы та же участь, какая стерла с лица земли львовские, луцкие, виленские и другие школы; но семя, брошенное Моголою в Киеве, роскошно возросло не для одного Киева, не для одной Малороссии, а для всего русского мира: это совершилось через перенесение начал киевского образования в Москву, как скажем впоследствии. И в этом-то важнейшая и великая заслуга киевской коллегии и ее бессмертного основателя.

Несмотря на господство латинского языка, к сожалению, в ущерб греческого, киевская коллегия, однако, работала над развитием русского языка и словесности. Студенты сочиняли проповеди по-русски; выходившие из коллегии в священники были в состоянии говорить поучения народу, а в Братском монастыре не проходило ни одной праздничной обедни, когда бы многочисленному, собравшемуся в храме, народу не говорились проповеди или не изъяснялся катехизис православной веры. Проповедничество с тех пор стало обычным явлением в малорусских церквях, тогда как в Великой Руси проповедь была тогда явлением еще почти неслыханным. Студенты киевской коллегии занимались также стихотворною литературою и получили к ней особое пристрастие, но, к сожалению, писали по польскому образцу силлабическим размером, совсем несвойственным, как оказалось, природе русского языка по свойству его ударений; главный же недостаток тогдашних стиходеев был тот, что они разумели под поэзией только форму, а не содержание. Стихотворцы щеголяли разными затейливыми формами мелких стихотворений (как наприм. акростихи, раковидные или раки, которые можно было читать с левой руки к правой и обратно, эпиграммы в форме яйца, куба, бокала, секиры, пирамиды и т.п.). В ходу были стихотворения, называемые поэмы и оды; то были панегирические стихотворения к значительным лицам по разным случаям, поздравления с именинами, с бракосочетанием, погребальные, воспевание герба, посвящения и пр. Они по предписанным правилам отличались крайнею лестью к воспеваемому лицу и самоунижением автора. Часто стихотворения имели религиозное содержание, и образчиком таких могут служить многие стихотворения, помещенные в изданной в 1646 г. книге: «Перло многоценное», написанное Кириллом Транквиллионом; во вкусе того времени были стихотворения нравственно-поучительные, в которых олицетворялись разные добродетели, пороки и вообще отвлеченные понятия. Несмотря на сильную страсть к стихоплетству, киевская коллегия не произвела ничего замечательного в области поэзии, и это тем более поразительно, что в тот же самый век в малорусской народной поэзии, не ведавшей никаких школьных правил и пиитики, творились истинно поэтические произведения, полные вдохновения и жизни: таковы напр. казацкие думы, явно принадлежащие XVII веку. Ученики слагали праздничные вирши преимущественно на Рождество Христово и пели, расхаживая по домам жителей; вирши этого рода перенимались и обращались даже в народе, но они резко отличаются от народных праздничных песен своею неуклюжестью, вычурностью и отсутствием поэзии. В области драматической поэзии опыты воспитанников киевской коллегии имели более всего значения по своим последствиям, так как они, хотя в отдаленности, стали зародышем русского театра. Начало драматической поэзии в Киеве положено «вертепами». Так назывались маленькие переносные театры, которые ученики носили с собою, переходя из дому в дом на праздник Рождества Христова.

На этих театрах действовали куклы, а ученики говорили за них речи. Предметами представлений были разные события из истории рождения и младенчества Христова. Такие вертепы существовали до позднейшего времени, и, вероятно, в древние времена они мало чем отличались от позднейших. Кроме представлений религиозных, в вертепах (как можно заключить по примерам позднейших времен) для развлечения зрителей представлялись разные сцены из народной обыденной жизни.

За эту первобытную формою следовали «действия» или представления, взятые из священной истории, где являлись олицетворенными разные отвлеченные понятия. Такого рода представления были в большой моде у иезуитов и в подражание им перешли в киевскую коллегию.

Язык, на котором писались опыты воспитанников киевской коллегии того времени, удален от живой народной речи и представляет смесь славянского языка с малорусским и польским, со множеством высокопарных слов. Достоинно замечания, что после Могилы русский книжный язык стал мало-помалу очищаться от полонизмов и вырабатывалась новая книжная речь, которая послужила основанием настоящему русскому языку. В комических произведениях южной Руси язык книжный приближался к народному малорусскому.

Враги православия, при всяком случае, старались делать коллегии всякое зло. В 1640 году Могила в своем универсале жаловался, что «наместник киевского замка, потакая злобе врагов коллегии, нарочно подослал своего поверенного, который, стакнувшись в корчме с некоторыми другими лицами, напал на студента Гоголевского, обвинил его в каком-то бесчинстве, а наместник без дальнего рассмотрения казнил его». Это было сделано с тем намерением, чтобы студенты, испугавшись дальнейшего преследования, разбежались. Событие это было так важно, что Могила должен был ехать на сейм и просить от польского правительства законной защиты своему училищу.

Уже в это время Могила, как он сам писал, потратил большую часть своего состояния на устройство училища и церкви. Вотчины, как его собственные, так и Печерского монастыря, с трудом могли доставлять средства на поддержку коллегии, по причине разорений, понесенных ими то от татарских набегов, то от междоусобных войн с казаками, и митрополит принужден был просить пособия от разных братств. Несмотря на все это, он напрягал все свои силы для поддержки своего любимого детища. В своем духовном завещании, написанном им, как видно, в то время, когда он чувствовал приближение смерти, он говорит: «Видя, что упадок святого благочестия в народе русском происходит не от чего иного, как от совершенного недостатка образования и учения, я дал обет Богу моему – все мое имущество, доставшееся от родителей, и все, что ни оставалось бы здесь от доходов, приобретаемых с порученных мне святых мест, с имений, на то назначенных, обращать частью на восстановление разрушенных храмов Божиих, от которых оставались плачевные развалины, частью на основание школ в Киеве...» Коллегию свою он называет в завещании своим единственным залогом, и желая «оставить ее укорененною в потомственные времена», в виде посмертного дара завещает ей 81 000 польских золотых, всю свою библиотеку, четвертую часть своего серебра, некоторые ценные вещи и, на вечное воспоминание о себе, свой серебряный митрополичий крест и саккос.

Петр Могила скончался 1-го января 1647 года на пятидесятом году своей жизни, с небольшим за год до народного взрыва, иным путем отстоявшего русскую веру и народность.

Глава 3

Царь Алексей Михайлович

Тридцатилетнее царствование Алексея Михайловича принадлежит далеко не к светлым эпохам русской истории, как по внутренним нестроениям, так и по неудачам во внешних сношениях. Между тем причиною того и другого были не какие-нибудь потрясения, наносимые государству извне, а неумение правительства впору отклонять и прекращать невзгоды и пользоваться кстати стечением обстоятельств, которые именно в эту эпоху были самыми счастливыми.

Царь Алексей Михайлович имел наружность довольно привлекательную: белый, румяный, с красивою окладистою бородою, хотя с низким лбом, крепкого телосложения и с кротким выражением глаз. От природы он отличался самыми достохвальными личными свойствами, был добродушен в такой степени, что заслужил прозвище «тишайшего», хотя по вспыльчивости нрава позволял себе грубые выходки с придворными, сообразно веку и своему воспитанию, и однажды собственноручно отгаскал за бороду своего тестя Милославского. Впрочем, при тогдашней сравнительной простоте нравов при московском дворе, царь вообще довольно бесцеремонно обращался со своими придворными. Будучи от природы веселого нрава, царь Алексей Михайлович давал своим приближенным разные клички и в виде развлечения купал стольников в пруду в селе Коломенском.⁴⁶ Он был чрезвычайно благочестив, любил читать священные книги, ссылаться на них и руководиться ими; никто не мог превзойти его в соблюдении постов: в великую четырехдесятницу этот государь стоял каждый день часов по пяти в церкви и клал тысячами поклоны, а по понедельникам, средам и пятницам ел один ржаной хлеб. Даже в прочие дни года, когда церковный устав разрешал мясо или рыбу, царь отличался трезвостью и умеренностью, хотя к столу его и подавалось до семидесяти блюд, которые он приказывал рассылать в виде царской подачи другим. Каждый день посещал он богослужение, хотя в этом случае и не был вовсе чужд ханжества, которое неизбежно проявится при сильной преданности букве благочестия; так, считая большим грехом пропустить обедню, царь, однако, во время богослужения разговаривал о мирских делах со своими боярами. Чистота нравов его была безупречна: самый заклятый враг не смел бы заподозрить его в распущенности: он был примерный семьянин. Вместе с тем он был превосходный хозяин, любил природу и был проникнут поэтическим чувством, которое проглядывает как в многочисленных письмах его, так и в некоторых поступках. Оттого-то он полюбил село Коломенское, которое отличается живописным местоположением, хотя далеко не величественным и не поражающим взор, а из таких, – свойственных русской природе, – которые порождают в душе ощущение спокойствия. Там проводил он обыкновенно лето, занимаясь то хозяйственными распоряжениями, то соколиной охотой, к которой имел особенную страсть; там почти во все свое царствование он строил и перестраивал себе деревянный дворец, стараясь сделать его как можно изящнее и наряднее. Алексей Михайлович принадлежал к тем благодушным натурам, которые более всего хотят, чтоб у них на душе и вокруг них было светло; он неспособен был к затаенной злобе, продолжительной ненависти и потому, рассердившись на кого-нибудь, по вспыльчивости мог легко наделать ему оскорблений, но скоро успокаивался и старался примириться с тем, кого оскорбил в припадке гнева. Поэтическое чувство, постоянно присущее его душе и не находившее иного выхода, пристрастило его к церковной и придворной обрядности. Многообразный

⁴⁶ Сам он говорит об этом в одном своем письме к стольнику Матюшкину: «Извещаю тебе, што тем утешаюся, што стольников купаю еже утр в пруде, Иордань хороша сделана, человека по четыре и по пяти и по двенадцати человек, зато: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю; да после купания жалую, зову их ежеден, у меня купальщики те ядят вдоволь, а иные говорят: мы де нароком не поспеем, так де и нас выкупают да и за стол посадят: многие нароком не поспевают...»

чин царских выходов, богомолий, приемов, посольств, царских лицезрений, торжественных продолжительных обедов и т.п. чин, издавна соблюдаемый в Москве, рядом со множеством таких же церковных обрядов, получил тогда более живой характер, потому что сам царь одухотворял букву обряда своею любовью и поэтическим чувством. Никогда еще обряды не отправлялись с такою точностью и торжественностью; вся жизнь царя была подчинена обряду, не только потому, что так установилось в обычае, но и потому, что царь любил обряд: он удовлетворял его натуре, искавшей изящества, художественной красоты, нравственного идеала, который, при его воспитании, только и мог состоять для него в образе строгого, но вместе с тем любящего исполнителя приемов православного благочестия. Незначительные подробности обряда занимали его как важные государственные дела.⁴⁷ Все время его жизни было размерено по чину обрядности, столько же церковной, сколько и дворцовой. В четыре часа утра он был на ногах, и тотчас начиналось моление, чтение полунощницы, утренних молитв, поклонение иконе того святого, чья память праздновалась в тот день, чтение из какого-нибудь рукописного сборника назидательного слова, потом церемонное свидание с царицею, шествие к заутрени. После заутрени сходились бояре, били челом пред государем; время для такого челобитья нужно было достаточное, потому что чем более боярин клал пред государем земных поклонов, тем сильнее выражал свою рабскую преданность. Начинался разговор о делах; царь сидит в шапке; бояре стоят перед ним; потом – все за царем идут к обедне; все равно, в будний день или в праздник, всегда идет царь к обедне, с тою только разницею, что в праздник царский выход был пышнее и с признаками, соответствующими празднику; на всякий праздник были свои обряды для царского выхода: в такой-то праздник, сообразно относительной важности этого праздника, царь должен был одеться так-то, например, в золотное платье, в другой – в бархатное и т.п. Точно также и сопровождавшие его бояре соблюдали праздничные правила в одежде. На обедню в будний день проходило времени около двух часов, в праздники – долее. После обедни в будни царь занимался делами: бояре, начальствовавшие приказами, читали свои доклады; затем дьяки читали челобитные. В известные дни, по царскому приказанию, собиралась боярская дума с приличными обрядами; здесь бояре уже сидели. По полудни дела оканчивались. Бояре разъезжались; начинался царский обед, всегда более или менее продолжительный; после обеда царь, как всякий русский человек того времени, должен был спать до вечерни: этот сон входил как бы в чин благочестивой, честной жизни. После сна царь шел к вечерне, а после вечерни проводил время в своем семейном или дружеском кругу, забавлялся игрою в шахматы или слушал кого-нибудь из дряхлых, бывалых стариков, которых нарочно держали при дворце для царского утешения. Тот рассказывал царю о далеком востоке, о кизильбашской земле; другой – о бедствиях, какие испытывать довелось ему от неверных в плену; третий, свидетель давно минувших смут, описывал литовское разорение, когда, как говорили, десятый человек остался на всей Руси. В это-то время дня, посвящаемого, по обрядному чину, отдыху, под конец своего царствования, Алексей Михайлович любовался сценическими действиями, игрою драматических произведений: западно-русские книжники с этими нововведениями нашли доступ к тому поэтическому чувству царя, которое так привлекало его к богослужбным действиям. Алексей Михайлович особенно являлся во всем своем царственном великолепии в большие праздники православной церкви, блиставшие в то время пышностью и своеобразием обрядов, соответствующих каждому празднику; они доставляли царю возможность на разные лады выказать свое наружное благочестие и свое монаршее величие. В рождественский вечер царский терем оглашался пением славельщиков, приходивших одни за другими из разных церквей и обителей; в крещение царь в своей диадеме (наплечное кру-

⁴⁷ Так, в письме к Никону в 1652 году царь спрашивает: «Да будет тебе, великому святителю, ведомо: многолетны у нас поют вместо Патриарха: Спаси, Господи, вселенских патриархов и митрополитов и архиепископов наших и вся христиане, Господи, спаси: и ты отпиши к нам, великий святителю, так ли подобает нет, или как инак петь надобно, и как у тебя, святитель, поют, и то отпиши к нам...»

жево) и царском платье, унизанном жемчугом и осыпанном дорогими камнями, шествовал на Иордань, сопровождаемый всех чинов людьми, одетыми сообразно своему званию, как можно наряднее (плохо одетых отгоняли подальше); в вербное воскресенье царь всенародно вел под патриархом коня, изображавшего осла; на Пасху он раздавал яйца и принимал червонцы в значении великоденских даров, которые, по тогдашним обычаям, подданные обязаны были давать своему государю в праздник Пасхи. Перед большими праздниками царь, по обряду, должен был совершать дела христианского милосердия, – ходил по богадельням, раздавал милостыню, посещал тюрьмы, выкупал должников, прощал преступников. В Московском государстве люди чванились родом и богатством; достоинство человека измерялось количеством золота и ценностью мехов на его одежде, и богач смотрел с презрением на бедняка; но рядом с этим нищий, по церковному взгляду, пользовался некоторого рода обрядовым уважением. Надменный боярин, богатый гость, разжившийся посулами дьяк, ожиревший от монастырских доходов игумен – все заискивали в нищем; всем нищий был нужен; все давали ему крохи своих богатств; нищий за эти крохи молил Бога за богачей; нищий своими молитвами ограждал сильных и гордых от праведной кары за их неправды. Они сознавали, что бездомный, хромой или слепой калека в своих лохмотьях сильнее их самих, облеченных в золотные кафтаны. Подобно тому, царь, возведенный на такую высоту, что все повергалось перед ним ниц, никто не смел сесть в его присутствии и всяк считал себе за великую благодать зреть его пресветлые очи, царь не только собственноручно раздавал милостыню нищей братии, но в неделю мясопустную приглашал толпу нищих в столовую палату, угощал их и сам с ними обедал. Это делалось в тот день, когда в церкви читается Евангелие о страшном суде, и делалось как бы для того, чтобы получить благословение, обещанное в Евангелии тем, которые накормят Христа в образе голодных. То был обряд, такой же обряд, какими были: умовение ног, ведение осла, раздача красных яиц и т.п. Величие царское не умалялось от этого соприкосновения с нищетою, как равно и нищета не переставала быть тем же, чем была по своей сущности. То был только обряд.

Приветливый, ласковый царь Алексей Михайлович дорожил величием своей царственной власти, своим самодержавным достоинством; оно пленяло и насыщало его. Он тешился своими громкими титулами и за них готов был проливать кровь. Малейшее случайное несоблюдение правильности титулов считалось важным уголовным преступлением. Все иноземцы, посещавшие Москву, поражались величием двора и восточным раболепством, господствовавшим при дворе «тишайшего государя». «Двор московского государя, – говорил посещавший Москву англичанин Карлейль, – так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил в этом московский. Все сосредоточивается около двора. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются тем более благоговеть пред царем и чествуют его почти наравне с Богом». Царь Алексей Михайлович являлся народу не иначе, как торжественно. Вот, например, едет он в широких санях: двое бояр стоят с обеих сторон в этих санях, двое на запятках; сани провожают отряды стрельцов. Перед царем метут по улице путь и разгоняют народ. Москвичи, встречаясь с едущим государем, прижимаются к заборам и падают ниц. Всадники слезали с коней и также падали ниц. Москвичи считали благоразумным прятаться в дом, когда проезжал царь. По свидетельству современника Котошихина, царь Алексей сделался гораздо более самодержавным, чем был его родитель. Действительно, мы не встречаем при этом царе так часто земских соборов, как это бывало при Михаиле. Земство поглощается государством. Царь делается олицетворением нации. Все для царя. Алексей Михайлович стремился к тому же идеалу, как и Грозный царь, и, подобно последнему, был, как увидим, напуган в юности народными бунтами; но разница между тем и другим была та, что Иван, одаренный такою же, как и Алексей, склонностью к образности и нарядности, к зрелищам, к торжествам, к упоению собственным величием, был от природы злого, а царь Алексей – доброго сердца. Иван в служилом классе видел себе тайных врагов и душил его самым нещадным образом, но в то же время, сознавая необходимость его службы,

разъединял его, опирался на тех, которых выбирал в данное время, не давая им зазнаваться, и держал их всех в повиновении постоянным страхом; царь же Алексей, напротив, соединял свои самодержавные интересы с интересами служилых людей. Тот же англичанин Карлейль метко заметил, что царь держит в повиновении народ и упрочивает свою безмерную самодержавную власть, между прочим, тем, что дает много власти своим чиновникам – высшему (т.е. служилому) сословию над народом. Сюда должны быть отнесены, главным образом, начальники приказов, дьяки и воеводы, а затем вообще все те, которые стояли на степени какого-нибудь начальства. Служилым и приказным людям было так хорошо под самодержавною властью государя, что собственная их выгода заставляла горою стоять за нее. С другой стороны, однако, это подавало повод к крайним насилиям над народом. Злоупотребления насильствующих лиц и прежде тягостные не только не прекратились, но еще более усилились в царствование Алексея, что и подавало повод к беспрестанным бунтам. Кроме правительствующих и приказных людей, царская власть находила себе опору в стрельцах, военном, как бы привилегированном сословии. При Алексее Михайловиче они пользовались царскими милостями, льготами, были охранителями царской особы и царского дворца. Последующее время показало, чего можно было ожидать от таких защитников. Иностранцы очень верно замечали, что в почтении, какое оказывали тогдашние московские люди верховной власти, было не сыновнее чувство, не сознание законности, а более всего рабский страх, который легко проходил, как только представлялся случай, и оттого, если по первому взгляду можно было сказать, что не было народа более преданного своим властям и терпеливо готового сносить от них всякие утеснения, как русский народ, то, с другой стороны, этот народ скорее, чем всякий другой, способен был к восстанию и отчаянному бунту. Многообразные события такого рода вполне подтверждают справедливость этого взгляда. При господстве страха в отношениях подданных к власти, естественно, законы и распоряжения, установленные этою властью, исполнялись настолько, насколько было слишком опасно их не исполнять, а при всякой возможности их обойти, при всякой надежде остаться без наказания за их неисполнение, они пренебрегались повсюду, и оттого верховная власть, считая себя всеильною, была на самом деле часто бессильна.

Так и было при Алексее Михайловиче. Несмотря на превосходные качества этого государя, как человека, он был неспособен к управлению: всегда питал самые добрые чувства к своему народу, всем желал счастья, везде хотел видеть порядок, благоустройство, но для этих целей не мог ничего вымыслить иного, как только положиться во всем на существующий механизм приказного управления. Сам считая себя самодержавным и ни от кого независимым, он был всегда под влиянием то тех, то других; но безукоризненно честных людей около него было мало, а просвещенных и дальновидных еще менее. И оттого царствование его представляет в истории печальный пример, когда, под властью вполне хорошей личности, строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже.

Сначала, в первые годы по своем вступлении на престол, Алексей Михайлович находился под влиянием своего воспитателя, боярина Бориса Морозова, который, руководя государем, собственно был правителем всего государства и раздавал места преданным ему лицам.

На первых порах правительство нового царя обратило внимание на давнее неисполнение законов, клонившихся к укреплению людей на своих местах. Во все царствование Михаила, как было уже говорено, хлопотали о том, чтобы тяглые люди не выбывали из тягла и через то не происходило неурядицы во взимании платежей и отправлении повинностей. Цель правительства не достигалась. Тяглые люди, несмотря на распоряжение тысячу шестьсот двадцатых годов, беспрестанно бегали или самовольно записывались в другие сословия. Так, посадские люди записывались для вида в казаки или стрельцы, закладывались за частных лиц, поступали в число монастырских крестьян и слуг, а сами, однако, оставались жить на прежних местах, занимались торговлею и промыслами, но, переставши быть на бумаге посадскими, не хотели нести тягла, которое падало исключительно на остававшихся в посадском звании. Последние

досаждали правительство теми жалобами, которые беспрестанно раздавались из посадов и в прошлое царствование: они, отягощенные всякими поборами и повинностями, погибают от правей, тогда как другие их братья пользуются незаконно льготой. Было на посадах и другое злоупотребление: люди, по рождению не принадлежавшие к посадским, – дети священно- и церковнослужителей, казаки, стрельцы, крестьяне, жили на посадах, приобретши там, то посредством браков и наследства, то покупкою, места и не несли тягла. В тяглых волостях, в селах и деревнях крестьяне, которые были побогаче, давши воеводам взятки, отписывались от сошного письма, так что в сохе (единице, с которой брались налоги) оставались только менее зажиточные люди, так называемые «средние и младшие». Вотчинные и помещичьи крестьяне повсюду оставляли свои земли и бегали с места на место; богатые землевладельцы переманивали крестьян от небогатых помещиков; последние жаловались, что их имения пустеют и им не с чего отправлять службы. В виду прекращения беспорядков, как в посадах, так и волостях, правительство подтверждало прежние распоряжения, но они не исполнялись как и прежде; и долго после того приходилось власти принимать меры для той же цели. По отношению к вотчинным крестьянам велено было сделать новую перепись; запрещено принимать беглых из крестьян; обещано было наказание тем землевладельцам, которые станут подавать писцам лживые сказки, но как только сделана была эта перепись, тотчас же явилось много челобитчиков на помещиков и вотчинников в том, что они присваивали чужих крестьян, из двух и трех дворов переводили их в своих сказках в один двор, показывали крестьянские дворы людскими, т.е. холопскими, жилые дворы писали пустыми и т.п. В 1647 году оказалось, что перепись сделана неверно; последовал указ, чтобы сделать поверку, и у тех землевладельцев, которые окажутся виновными в несправедливых показаниях о своих владениях, отнимать по пятидесяти четей земли и отдавать тем, которые на них донесут. Само собою разумеется, эта мера оказала развратительное влияние, приучая служилых стремиться к наживе несчастием своих собратий. Одновременно с этим же установлен был, вместо десятилетнего, пятнадцатилетний срок для возвращения беглых.

И в служилом сословии безурядица продолжалась. Служилые, поверстанные в украинные города: Воронеж, Шацк, Белгород и др., убегали со службы; иные поступали в крестьяне, в кабалу, шатались по северным областям в захребетниках, т.е. поденщиках, иные занимались воровством и грабежами. Их приказано ловить, бить кнутом и сажать в тюрьмы. Распространилась фальшивая монета; ходили медные и оловянные деньги и поступали в казну, нанося ей убыток. Торговые люди тяготились льготами, дарованными иноземцам, особенно англичанам, и в 1646 году подали царю челобитную за множеством подписей торговцев разных городов, представляли, что иноземцы в прошедшее царствование наводнили собою все государство, построили в столице и во многих городах свои дворы, торговали беспошлинно, рассылали своих агентов закупать из первых рук русские произведения, не хотели покупать их от русских торговцев, сговариваясь, назначали на свои товары какую хотели цену и вдобавок насмехались над русскими купцами, говоря: «Мы их заставим торговать одними лаптями». Когда один русский торговый человек, ярославец Лаптев, вздумал было сам поехать за границу с мехами в Амстердам, то у него не купили там ни на один рубль товару. Русские торговцы умоляли царя «не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудости», запретить всем иноземцам торговать в Московском государстве, кроме одного Архангельска, и также не давать иноземцам на откуп промыслов... Челобитная эта до некоторого времени не имела успеха, что и было одной из причин недовольства против правительства.

Вскоре по вступлении на престол Алексея Михайловича, в марте 1646 года введена была новая пошлина на соль. Этой пошлиной хотели заменить разные старые мелкие поборы: проезжие мыты, стрелецкие и ямские деньги и т.п. Новую пошлину следовало собирать на местах добывания соли гостям и торговым людям, которые туда приезжали, а за ней потом уже этим гостям и вообще всем торговым людям можно было торговать по всему государству солью

беспощинно. По-видимому, мера эта, упрощая сборы, должна была служить облегчением; но вышло не так: народу пришлось платить за необходимый жизненный предмет двумя гривнами на пуд более, чем он платил в прежние годы; народ был очень недоволен этим. По причине дороговизны соли, рыбные торговцы стали недосаливать рыбу, а так как соленая рыба составляла главнейшую пищу тогдашних русских, то, с одной стороны, потребители не стали покупать дурной рыбы, а с другой – у торговцев попортился товар, и они понесли большие убытки: соленая рыба чрезмерно поднялась в цене. Вместе с пошлиной на соль, разрешено было употребление табака (нам известно, впрочем, такое разрешение по отношению к Сибири, с тем, чтобы продажа табака была собственностью казны). Еще недавно за употребление табака при Михаиле Федоровиче резали носы: новое распоряжение обличало склонность боярина Морозова к иноземным обычаям и сильно раздражало благочестивых людей, которые составили уже себе понятие об этом растении, как о «богомерзкой траве».

В начале 1647 года государь задумал жениться. Собрали до двухсот девиц; из них отобрали шесть и представили царю. Царь выбрал Евфимию Федоровну Всеволожскую, дочь касимовского помещика, но когда ее в первый раз одели в царскую одежду, то женщины затянули ей волосы так крепко, что она, явившись перед царем, упала в обморок. Это приписали падучей болезнью. Опала постигла отца невесты за то, что он, как обвиняли его, скрыл болезнь дочери. Его сослали со всею семьею в Тюмень. Впоследствии он был возвращен в свое имение, откуда не имел права куда-либо выезжать.

Происшествие с невестою так подействовало на царя, что он несколько дней не ел ничего и тосковал, а боярин Морозов стал развлекать его охотою за медведями и волками. Молва, однако, приписывала несчастья Всеволожской козням этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей царицы не захватила власти и не оттеснила его от царя. Морозов всеми силами старался занять царя забавами, чтобы самому со своими подручниками править государством, и удалял от двора всякого, кто не был ему покорен. Одних посылали подалее на воеводства, а других и в ссылку. Последнего рода участь постигла тогда одного из самых близких людей к царю, его родного дядю по матери, Стрешнева. Его обвинили в волшебстве и сослали в Вологду.

Более всею нужно было Морозову, для упрочения своей власти, женить царя так, чтобы новая родня была с ним заодно. Морозов нашел этот способ. Был у него верный подручник, дворянин Илья Данилович Милославский, у которого были две красивые дочери. Морозов составил план выдать одну из них за царя, а на другой жениться самому. Боярин расхвалил царю дочерей Милославского и прежде всего дал царю случай увидеть их в Успенском соборе. Царь засмотрелся на одну из них, пока она молилась. Вслед за тем царь велел позвать ее с сестрою к царским сестрам, явился туда сам и, разглядевши поближе, нарек ее своею невестою. 16 января 1648 года Алексей Михайлович сочетался браком с Мариею Ильинишною Милославскою. Свадьба эта, сообразно набожным наклонностям царя, отличалась тем, что, вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки распевали стихи из праздников и триодий. Брак этот был счастлив; Алексей Михайлович нежно любил свою жену. Когда впоследствии она была беременна, царь просил митрополита Никона молиться, чтобы ее «разнес Бог с ребеночком», и выражался в своем письме такими словами: «А какой грех станетца, и мне, ей-ей, пропасть с кручины; Бога ради, моли за нее». Но не таким оказался брак Морозова, который, через десять дней после царского венчания, женился на сестре царицы, несмотря на неравенство лет; Морозов был женат в первый раз еще в 1617. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выражению англичанина Коллинса, вместо детей, родилась ревность, которая познакомила молодую жену старого боярина с кожанною плетью в палец толщиной.

Боярин Морозов думал, что теперь-то он сделается всемогущим, и обманулся. Ненавистная народу соляная пошлина была отменена, как бы в знак милости по поводу царского бра-

косочетания, но у московского народа и без того уже накопилось сильное неудовольствие. Брак царя увеличил это неудовольствие. Морозов стал выдвигать родственников молодой царицы, а они все были люди небогатые, отличались жадностью и стали брать взятки. Сам царский тесть увидел возможность воспользоваться своим положением для своего обогащения. Но никто так не опротивел народу, как двое подручников Морозова, состоявшие в родстве с Милославскими: Леонтий Степанович Плещеев и Петр Тихонович Траханиотов. Первый заведывал земским приказом, а второй – пушкарским. Плещеев обыкновенно обирал тех, которые приходили к нему судиться, и, кроме того, завел у себя целую шайку доносчиков, которые подавали на людей ложные обвинения в разных преступлениях. Обвиняемых сажали в тюрьму и вымучивали у них взятки за освобождение. Траханиотов поступал жестоко с подначальными служилыми людьми и удерживал следуемое им жалованье. Торговые люди были озлоблены против Морозова за потачку иностранцам и за разные новые поборы, кроме соляной пошлины; так, например, для умножения царских доходов выдуман был казенный аршин с клеймом орла, который все должны были покупать, платя в десять раз более против его стоимости. Никакие просьбы не доходили до царя; всякое челобитье решал Морозов или его подручники. Наконец, толпы народа стали собираться у церкви на сходки, положили остановить царя силой на улице и потребовать у него расправы над его лихими слугами.

25 мая 1648 года царь возвращался от Троицы: толпа остановила его, некоторые схватили за узду его коня; поднялся крик, требовали, чтобы царь выслушал народ: жаловались на Плещеева, просили сменить его и назначить на его место другого. Мольбы сопровождались, по обычаю, замечаниями, что «иначе народ погибнет вконец». Молодой царь испугался такой неожиданности, не сердился, но ласково просил народ разойтись, обещал разведать все дело и учинить правый суд. Народ отвечал ему громкими изъявлениями благодарности и провожал желаньями многолетнего здравия.

Может быть, дело этим бы и кончилось, но тут некоторые из подручников Морозова, благоприятелей Плещеева, бросились на толпу с ругательствами и начали кнутьями бить по головам тех, которые, как они заметили, выступали вперед к царю с жалобами.

Толпа пришла в неистовство и начала метать камнями. Приятели Плещеева бросились опроретью в Кремль. Народ с криком – за ними. Они едва успели пробраться во дворец. Стрельцы, стоявшие на карауле в Кремле, с трудом могли удержать толпу от вторжения во дворец.

Толпа все более и более разъярялась и кричала, чтобы ей выдали Плещеева на казнь.

Тогда попытался выйти на крыльцо всемогущий боярин Морозов, но вид его только более озлобил народ. Его не слушали, ему не давали говорить и вопили: «Мы и тебя хотим взять!» Морозов поспешно удалился во дворец. Неистовая толпа бросилась на дом Морозова, в котором оставалась его жена. Народ разломал ворота и двери, ворвался в дом; все в нем было перебито, изломано; из сундуков вытаскивали золотные ткани, меха, жемчуг; все было поделено; сорвали с икон богатые оклады и выбрасывали на площадь; один из верных слуг Морозова осмелился сказать что-то противное народу: он был немедленно выброшен за окно и зашибся до смерти. Боярыню Морозову не тронули, но сказали ей: «Если бы ты не была сестра царицы, то мы бы тебя изрубили в куски!» Ограбивши дом, москвичи ограбили все боярские службы, разбили богатую карету, окованную серебром, подаренную царем на свадьбу Морозову, добрались и до погребов, где стояли бочки с медом и винами, разбили их, разлили, так что по колена ходили в вине, и перепились до того, что многие тут же умерли.

Расправившись с домом Морозова, толпа бросилась на дворы разных его благоприятелей, разнесла дом Плещеева и Траханиотова, которых, однако, не нашли. Ограблены были также дворы бояр-князей: Одоевского, Львова и др. Досталось и думному дяку Назару Чистову: народ злился на него за прежнюю, уже отмененную, соляную пошлину. Незадолго перед тем он расшибся, упавши с лошади, и лежал больной; услышавши, что народ ломится к нему на двор,

он заполз под кучу веников и приказал слуге наложить еще сверху свиных окороков, но слуга, захвативши в доме несколько сот червонцев, выдал его народу, а сам бежал. Народ вытащил Чистова из-под веников и заколотил палками до смерти.

Кремль между тем затворили, а народ, учинивши свою расправу, опять бросился к Кремлю требовать выдачи своих лиходеев. Царь выслал к мятежникам своего двоюродного дядю Никиту Ивановича Романова, которого народ любил; но на все его увещания толпа твердила одно: выдать на казнь Морозова, Плещеева и Траханиотова. Романов обещал доложить об этом царю, но заметил народу, что Морозова и Траханиотова нет в Кремле. Тогда во дворце решили пожертвовать Плещеевым и вывели его из Кремля в сопровождении палача. Народ не дал палачу исполнить казни, вырвал у него из рук Плещеева и заколотил палками до смерти. Его голова была разбита, так что мозг брызнул некоторым в лицо. «Вот как угощают плутов и воров!» – кричал народ.

На другой день толпа снова бросилась к Кремлю требовать Морозова и Траханиотова. Морозов хотел было перед тем спастись бегством, ускользнул из Кремля, но его узнали ямщики, и он едва успел уйти от них и пробраться обратно в Кремль. Царь, чтобы спасти Морозова, решился пожертвовать и Траханиотовым. Его в Кремле действительно не было. Царь выслал князя Пожарского к народу с приказом отыскать Траханиотова и казнить. Траханиотов между тем успел уже уйти из Москвы и был схвачен близ Троицы. По царскому приказанию, в угодность народу, его водили с колодкой на шее по городу, а потом отрубили ему голову.

Было уже за полдень. Доходила очередь до Морозова. Вдруг на Дмитровке вспыхнул пожар и быстро распространился по Тверской, Петровке, дошел до реки Неглинной; наконец загорелся большой кружечный двор или кабак. Толпа в неистовстве бросилась на даровую водку; спешили разбивать бочки, черпали шапками, рукавицами, сапогами и перепились до того, что многие тут же задохлись от дыму. Пожар потух только к вечеру. Народ говорил, что он прекратился только тогда, когда догадались бросить в огонь тело Плещеева.

Пожар несколько отвлек народ от мятежа: многим пришлось думать о собственной беде, вместо общественной. Между тем правительство старалось дружелюбными средствами примириться с народом и охранить себя от дальнейшего мятежа. Царь угощал вином и медом стрельцов и немцев, охранявших дворец и Кремль, а царский тесть Илья Данилович каждый день делал пиры и приглашал то тех, то других влиятельнейших лиц из гостинной и суконной сотен.

Духовные, по приказанию патриарха Иосифа, своими увещаниями успокаивали народ, уверяли, что с этих пор все пойдет хорошо. В угоду народу некоторые лица, навлекшие на себя народное недоброжелательство, были смещены со своих мест и заменены другими, более удобными в то время народу.

Наконец, когда явилась надежда, что гроза утихла, царь воспользовался одним из праздничных дней, когда совершался крестный ход, и велел заранее объявить народу, что хочет говорить с ним. В назначенный день царь явился на площади и произнес народу речь: он не только не укорял народ за мятеж, но как бы оправдывал его, сказал, что Плещеев и Траханиотов получили достойную кару, обещал народу правосудие, льготы, уничтожение монополий и царское милосердие. Все это клонилось к тому, чтобы спасти Морозова. Царь не оправдывал и его, но выразился в таком смысле: «Пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго; мы, великий государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать вам любовь, верность и доброе расположение, и если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником, то мы его отставим; лишь бы только нам, великому государю, не выдавать его головою народу, потому что он нам как второй отец: воспитал и возрастил нас. Мое сердце не вынесет этого!» Из глаз царя полились слезы. Народ был тронут, поклонился царю и воскликнул: «Многие лета великому государю! Как угодно Богу и царю, пусть так и будет!»

Морозова, для большей безопасности, отправили на время в Кирилло-Белозерский монастырь, где он, впрочем, пробыл недолго и, по возвращении своем, хотя уже не играл прежней роли, но оставался одним из влиятельных лиц, старался как можно более угождать народу и казаться защитником его нужд.

После обещания, данного народу о введении правосудия, 16-го июля 1648 года, царь, вместе с духовенством, боярами, окольными и думными людьми, постановил привести в порядок законодательство: положили выписать из правил апостол и Св. отец и гражданских законов греческих царей (т.е. из Кормчей книги) статьи, которые окажутся пристойными государским земским делам, собрать указы прежних государей и боярские приговоры, справить их с прежними судебниками, написать и изложить общим советом такие статьи, на какие нет указов и боярских приговоров, чтобы «Московского государства всяких чинов людям, от большего до меньшего чина, суд и расправа была во всяких делах всем равна». Поручение это было возложено на бояр: князя Никиту Ивановича Одоевского, князя Семена Васильевича Прозоровского, на окольного князя Федора Федоровича Волконского и на дьяков: Гаврилу Леонтьева и Федора Грибоедова. Положено было по составлении Уложения, для его утверждения, собрать земский собор из выборных людей всех чинов. Вслед за тем продажа табака, соблазняящая благочестивых людей, была прекращена, и табак, приготовленный для продажи от казны, велено было сжечь.

Между тем мятеж в Москве, кончившийся так удачно для мятежников, подал пример народу и в других городах. В отдаленном Сольвычегодске посадские люди дали взятку Федору Приклонскому, приезжавшему туда для сбора денег на жалованье ратным людям, а когда в июле дошли до них вести о том, что произошло в Москве, отняли назад то, что сами дали; вдобавок ограбили Приклонского, изодрали у него бумаги и самого чуть не убили. В то же время в Устюге произошло подобное: дали подьячему взятку, потом, услышавши о московских происшествиях, отняли и убили самого подьячего, ограбили воеводу Милославского и хотели убить. Мятежники, по этому поводу, передрались между собою и ограбили своих зажиточных посадников, которые мирволили начальству. Посланный туда для розыску князь Иван Ромодановский перевешал нескольких зачинщиков, но при этом, по московскому обычаю, брал с устюжан взятки. В самой Москве начинались в январе 1649 года новые попытки взволновать народ, чтобы убить Морозова и царского тестя, которого считали всесильным человеком и обвиняли в корыстолюбии; но возмутители были в пору схвачены и казнены.

В октябре 1648 года созванный собор утвердил Уложение, состоявшее из 25 глав, заключающее уголовные законы, дела об обидах, полицейские распоряжения, правила судопроизводства, законы о вотчинах, поместьях, холопах и крестьянах, устройство и права посадских, права всех сословий вообще, определяемые размером бесчестия. Уложение в первый раз узаконило права государевой власти, обративши в постановление то, что прежде существовало только по обычаю и по произволу. Таким образом, во второй и третьей главе «О государственной чести и о государевом дворе» указаны разные случаи измены, заговоров против государя, а также и бесчинств, которые могли быть совершены на государевом дворе.

С этих пор узаконивается страшное государево «дело и слово». Доносивший на кого-нибудь в измене или в каком-нибудь злоумышлении объявлял, что за ним есть «государево дело и слово». Тогда начинался розыск «всякими сыски» и по обычаю употребляли при этом пытку. Но и тот, кто доносил, в случае упорства ответчика, также мог подвергнуться беде, если не докажет своего доноса: его постигало то наказание, какое постигло бы обвиняемого. Страх казни за неправый и неудачный донос подрывался другою угрозою: за недонесение о каком-нибудь злоумышлении против царя обещана была смертная казнь; даже жена и дети царского недруга подвергались смертной казни, если не доносили на него. Понятно, что всякому, слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы, приходила мысль сделать донос, чтобы другой не предупредил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за

недонесение. Выборные люди, бывшие на соборе, особенно хлопотали о том, чтоб установить уравнение между тяглыми людьми, чтобы торговля и промысл находились исключительно в руках посадских и торговых людей. Тогда последовало новое подтверждение правила, чтобы на посадах не было других дворов, кроме посадских; постановлено, чтобы все посадские, которые вступили в другое звание или заложились за владельцев, возвращались снова в тягло; положено было отобрать у владельцев все слободы, заведенные на городских землях, и записать их в тягло, а кабальных людей, живших в этих слободах, вывести прочь. Уложение еще более закрепило крестьян: урочные годы были уничтожены; принимать чужих крестьян было запрещено; крестьянин, сбежавший от своего владельца, возвращался к нему по закону во всякое время, так же, как и бежавшие из дворцовых сел и черных волостей крестьяне возвращались на прежние места жительства без урочных лет; наконец, если крестьянин женился на беглой крестьянской или посадской девушке, то его отдавали вместе с женою, в первом случае, ее прежнему владельцу, а во втором – в посадское тягло. Прежние законы об отдаче крестьянина одного владельца другому, у которого убит крестьянин односельцем или господином отдаваемого, вошли в Уложение. Во всех делах, кроме уголовных, владелец отвечал за своего крестьянина. Тем не менее крестьяне и по Уложению все-таки еще отличались несколько от рабов или холопей: владелец не мог насильно обращать своего крестьянина в холопы, а крестьянин мог добровольно давать на себя кабалу на холопство своему владельцу, но не чужому.

Частное землевладение было тогда достоянием служилого класса. Не все имели право покупать вотчины, а только служилые высших разрядов или те, которым дозволит царь. Вотчина была признаком знатности или царской милости. Вотчины были трех родов: родовые, купленные и жалованные. Вотчины родовые и жалованные переходили из рода в род по определенным правилам наследства. Купленной вотчиной распорядился на случай смерти вотчинник совершенно по своему усмотрению. Раздел был поровну между сыновьями; дочери не наследовали при братьях, но братья обязаны были выдавать их замуж с приданым. Поместья в это время уже приближались к родовым имениям: хотя еще они не подлежали праву наследства, но, по смерти помещика, поместный приказ уже по закону отдавал (справлял) поместья за его детьми, а за неимением детей преимущественно за его родными. Вдовы и дочери получали из поместий умерших мужей и отцов так называемые «прожиточные поместья».

В родовой и служебной лестнице сословий первое место по породе занимали царевичи, потомки разных мусульманских владетелей, принявших христианство, а за ними князья; но по служебному порядку выше всех стояли бояре, за ними окольные, думные дворяне, составлявшие все вместе сословие думных людей; к ним присоединялись думные дьяки. Они не подвергались, по Уложению, торговой казни в тех случаях, когда подвергались другие. За бесчестие, нанесенное им, по Уложению наказывали кнутом и тюрьмою. Прочие служилые: стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы, городские дворяне и дети боярские, дьяки, подьячие, стрельцы и других наименований служилые люди, за нанесенные им оскорбления, получали за бесчестие сумму их жалованья. Соответственно этому за оскорбление духовных лиц, носивших святительский сан, назначалась телесная казнь и тюремное заключение, соразмерно достоинству святителя, а за оскорбление прочих духовных лиц различное бесчестие. Достоинство неслужилых лиц измерялось особою такою в различном размере, так что даже в одном сословии люди трех статей: большой, средней и меньшей получали различную плату за бесчестие; самая большая сумма бесчестия (за исключением Строгоновых, получавших 100 рублей за бесчестие) была 50 рублей. Жены получали вдвое, а девицы вчетверо против мужчин. Самая меньшая сумма бесчестия была рубль. Бесчестие полагалось вдвое, если кто кого обзывал незаконным сыном. Холоп не получал никакого бесчестия и сам ценился по закону в 50 рублей. Холопы по-прежнему были под произволом господ и освобождались от рабства в нескольких случаях: по желанию господина, в случае измены господина, по возвращении холопа из плена или же когда господин не кормил холопа, но в последнем случае нужно было

признание господина. Кабальные были крепки только до смерти господина. Кроме кабал, в это время вошли в обычай «живые записи». Кое-где отцы и матери отдавали в работу детей на урочные годы, а иные по «живым записям» отдавались на прокорм в голодные годы.

Суд в это время перешел почти исключительно в руки приказов. Значение губных старост с этих пор более упадает, чем прежде, и скоро оно дошло почти до ничтожества; во всем берет верх приказный порядок, в городах делаются могучими воеводы и дьяки, непосредственно зависящие от московских приказов. Люди со своими тяжбами ездят в Москву судиться в приказах и сильно тяготеют этим, потому что им приходится давать большие посулы и проживаться в Москве. Выражение «московская волокита», означавшее печальную необходимость тягаться в приказе и проживаться в столице, вошло в поговорку. Последующая жизнь русского народа показывает, что Уложение не только не ввело правосудия, но, со времени его введения, жалобы народа на неправосудие, на худое управление раздавались еще громче, чем когда-нибудь, и народ, как мы увидим, беспрестанно терял терпение и порывался к мятежам.

Относительно церковного ведомства, Уложение узаконило, чтобы все дела и иски, возникающие между духовными, а также мирскими людьми, принадлежавшими к церковному ведомству, с одной стороны, и лицами гражданского ведомства, с другой, – судимы были в приказах большого дворца и монастырском. В последний собирались подати и повинности с монастырских имений. Это установление возбуждало недовольство ревнителей старинной независимости церкви.

В 1649 году исполнилось давнее желание торговых людей: английской компании поставили в вину, что купцы ее тайно провозили чужие товары за свои, привозили свои дурные товары и «заговором» возвышали на них цены, а русским за их товары ставились платить менее, чем следовало. За все это права компании уничтожались, всем англичанам велено было уехать в отечество; приезжать с товарами могли они вперед не иначе, как в Архангельск, и платить за свои товары пошлины. Вдобавок было сказано, что государь прежде позволял им торговать беспошлинно «ради братской дружбы и любви короля Карлуса, но так как англичане всею землею своего короля Карлуса убили до смерти, то за такое злое дело англичанам не довелось быть в Московском государстве».

Удача московского мятежа искушала народ к восстаниям в других местах. Стало укореняться мнение, что царь Алексей Михайлович государствует только по имени, на самом же деле правление находится в руках бояр, особенно Морозова, царского тестя Милославского и их подручников. Несправедливости и обирательства воевод и дьяков усиливали и раздували народную злобу. Переставши верить, что все исходит от царя, считая верховную власть в руках бояр, народ естественно пришел к убеждению, что и народ – такие же подданные, как и бояре – имеет право судить о государственных делах. Такой дух пробудился тогда в двух северных городах: Новгороде и Пскове. Началось во Пскове.

По Столбовскому договору со шведами постановлено было выдавать перебежчиков из обоих государств. К Швеции, как известно, отошли новгородские земли, населенные русскими. Из этих земель многие бежали в русские пределы. Выдавать их казалось зазорным, тем более, когда они говорили, что убежали оттого, что их хотели обратить в лютеранскую веру. Московское правительство договорилось со шведским заплатить за перебежчиков частью деньгами, а частью хлебом. Но в это время был хлебный недород. С целью выдать шведам хлеб по договору, правительство поручило скупку хлеба во Пскове гостю Емельянову. Этот гость увидел возможность воспользоваться данным ему поручением для своей корысти и, под предлогом соблюдения царской выгоды, не позволял покупать хлеба для вывоза из города иначе, как только у него. Хлеб, и без того вздорожавший от неурожая, еще более поднялся в цене. Псковичи естественно стали роптать на такую монополию; черные люди собирались по кабакам и толковали о том, что государством правят бояре и главный из них Морозов, что бояре дружат иноземцам, выдают казну шведской королеве, вывозят хлеб за рубеж, хотят «оголодать» русскую землю.

В это время до псковичей дошел слух, что едет швед и везет из Москвы деньги.

27 февраля 1650 года человек тридцать псковичей из бедного люда (из меньших людей) пришли к своему архиепископу Макарию толковать, что не надобно пропускать за рубеж хлеба. Архиепископ позвал воеводу Собакина. Воевода пригрозил «кликунам», как называли тогда смелых хулителей начальственных повелений. Но кликуны не испугались воеводы и на другой день, 28 февраля, подобрали себе уже значительную толпу. Они собрались у всенародной избы и стали кричать, что не надобно вывозить хлеба. Вдруг раздался крик: «Немец едет! Везет казну из Москвы!»

Действительно, в это время ехал шведский агент Нумменс и вез до двадцати тысяч рублей из тех денег, которые были назначены для уплаты шведам за перебежчиков. Нумменс ехал к Завеличью, где тогда стоял гостинный двор для иноземцев. Народ бросился на него. Его потащили ко всенародной избе, подняли на два, поставленные один на другой, чана, показали народу, отняли у него казну и бумаги и посадили под стражу. Потом толпа бросилась к дому ненавистного ей гостя Емельянова. Гость успел убежать. У жены его взяли царский указ, в котором было сказано, «чтобы этого указа никто не ведал». Псковичи кричали, что грамота писана боярами без ведома царя. Мятежники выбрали свое особое правление из посадских, не хотели знать воеводы и отправили в Москву от себя челобитчиков. Псковичи жаловались, что воевода берет в лавках насильно товары, заставляет ремесленников на себя работать, у служилых людей удерживает жалованье; его сыновья оскорбляют псковских женщин; воеводские писцы неправильно составили писцовые книги, так что посадским тяжелее, чем крестьянам. Что касается до поступка с Нумменсом, то псковичи говорили, будто швед им грозил войною. Кроме этой челобитной, псковичи послали особую челобитную к боярину Никите Ивановичу Романову, просили его походатайствовать, чтобы вперед воеводы и дьяки судили вместе с выборными старостами и целовальниками и чтобы псковичей не судили в Москве.

Весть о псковском восстании быстро достигла Новгорода, а между тем и там уже народ роптал, когда царские биричи кликали по торгам, чтобы новгородские люди не покупали хлеба для себя иначе, как в небольшом количестве. Стали и новгородцы кричать, что царь ничего не знает, всем управляют бояре, отпускают за море казну и хлеб в ущерб русской земле.

Умы уже были достаточно возбуждены, когда 15 марта случайно прибыл в Новгород проездом датский посланник Граб. Посадский человек Елисей Лисица на площади, перед земскою избою, взволновал народ, уверивши его, что приехал швед с царскою казною. Он возбуждал толпу и на гостей и богатых людей, которые имели поручение закупать для казны хлеб. Ударили в набат, началась «гиль», как говорилось тогда в Новгороде и в Пскове. Толпа бросилась на датского посланника, избила его, изувечила, потом разграбила дворы новгородских богачей.

Митрополит Никон и воевода князь Федор Хилков пытались укротить мятеж, но силы у них было мало; а некоторые из служилых – стрельцы и дети боярские – перешли на сторону мятежа. Толпа освободила посаженного Никоном под стражу митрополичьего приказного Ивана Жеглова, и 16 марта составилось народное правительство из девяти человек (кроме посадских, в числе их был один стрелецкий пятидесятник и один подьячий). Жеглов был поставлен во главе этого народного правительства. По его принуждению, новгородцы составили приговор и целовали крест на том, «чтобы всем стать заодно, если государь пошлет на них рать и велит казнить смертью, а денежной казны и хлеба не пропускать за рубеж». Служилые люди, не желавшие приступать к ним, должны были поневоле прилагать руки к такому приговору. Никон пытался смирить мятежников духовным оружием и изрек над ними проклятие. Но это только более озлобило их.

Они отправили к царю челобитчиков и в своей челобитной сочиняли, будто сам датский посланник Граб, со своими людьми, сделал нападение на новгородцев. Они просили, чтоб государь не велел отпускать за рубеж денежной казны и хлеба, потому что слух ходил такой, что

шведы хотят, взявши государеву казну, нанять на нее войско и идти войной на Новгород и Псков.

В Москве пришли в раздумье, когда узнали о мятежах в двух важнейших северных городах; московское правительство прибегло к полумерам: хотели в одно и то же время страшить мятежников и усмирить их ласкою. Отправили князя Ивана Хованского с небольшим войском, а между тем, в ответ на новгородскую челобитную, царь хотя и укорял новгородцев за мятеж и насилия, хотя и замечал, что «он с Божьей помощью знает, как править своим государством», но в то же время удостаивал мятежников объяснений: зачем нужно было отпускать хлеб, доказывал, что невозможно, по их просьбе, запретить продажу хлеба за границу, потому что тогда и шведы не повезут в Московское государство товаров и будет тогда Московскому государству оскудение. В угоду новгородцам, по их жалобам на воеводу Хилкова, царь объявлял им, что сменяет его и назначает вместо него князя Юрия Буйносова-Ростовского.

Новгородцы объявили, что не пустят Хованского в город с военными силами: впрочем, и сам Хованский получил от царя наказ стоять у Хутынского монастыря, не пропускать никого в город и уговаривать новгородцев покориться царю.

Но между самими новгородцами происходило уже раздвоение. Число удалых, готовых на крайнее сопротивление, редело; люди зажиточные были за правительство. Из самых ярых крикунов и зачинщиков находились такие, что готовы были отстать от общего дела ради целостности собственной кожи. Таким образом, один из товарищей Жеглова, Негодяев, передался Хованскому, отправился в Москву и, получивши прощение, старался там, хотя безуспешно, обвинить митрополита Никона.

В конце апреля Хованский вошел в город. Прежде всего он приказал отрубить голову одному посадскому человеку, Волку, обесчестившему датского посла, а народных правителей с толпою посадских, числом 218, посадил под стражу. Сначала из Москвы вышел было приговор казнить смертью зачинщиков, находившихся в составе народного правительства, и в том числе Жеглова, но потом приговор этот был отменен. Страшным казалось раздражать народ, тем более, что в то время Псков не так скоро и не так легко успокаивался, как Новгород.

Во главе народного правительства в Пскове стоял земский староста Гаврило Демидов, человек крепкий волею; он долго удерживал своих товарищей и черный народ в упорстве. В конце марта царь прислал в Псков на смену Собакину другого воеводу князя Василия Львова, но псковичи не отпускали от себя Собакина, до тех пор, пока возвратятся из Москвы их челобитчики; а 28 марта, услышавши, что из Москвы посылается на них войско, пришли к новому воеводе, стали требовать от него выдачи им пороха и свинца; когда воевода не дал им, то они отняли силу то и другое и громко объявили, что те, которые придут на них из Москвы, «будут для них все равно, что немцы: псковичи станут с ними биться».

Через день после того, 30 марта, явился в Псков от царя производить обыск князь Федор Волконский. Псковичи обругали его, нанесли ему несколько ударов и отняли у него грамоту, в которой приказано было ему казнить виновных. Псковичи, прочитавши эту грамоту, закричали: «Мы скорее казним здесь того, кто будет прислан из Москвы казнить нас».

Ходили в народе слухи, что управлявшие государством бояре – в соумышлении с немцами, что царь от них убежал, находится в Литве и придет в Псков с литовским войском. Мятеж распространился на псковские пригороды. В псковской земле крестьяне и беглые холопы начали жечь помещичьи усадьбы, убивать помещиков.

12 марта явились обратно из Москвы псковские челобитчики. Царский ответ, который они привезли с собою, был неблагоприятен, особенно насчет той просьбы, которая была обращена к боярину Романову. «Боярин Романов, – сказано было в царской грамоте, – служит нам так, как и другие бояре: между ними нет розни; при наших предках никогда не бывало, чтобы мужики сидели у расправных дел вместе с боярами, окольными и воеводами, и вперед этого не будет».

Через несколько дней в конце мая прибыл князь Хованский с войском под Псков. За ним, как обещал сам царь в своем ответе, должен был идти князь Алексей Трубецкой с большим войском – наказывать псковичей, если они не покорятся.

Хованский, ставши близ города на Снятной горе, пытался увещаниями склонить псковичей к повиновению и послал дворянина Бестужева с товарищами. Псковичи убили Бестужева и дали Хованскому ответ, что они не сдадутся, хоть бы какое большое войско ни пришло на них. С тех пор два месяца стоял Хованский под Псковом. Происходило несколько стычек; эти стычки были неудачны для псковичей и по необходимости охладили жар мятежников.

Как бы то ни было, псковичи, однако, долго еще не сдавались. Дело с ними имело вид междоусобной войны. Московское правительство опасалось, чтобы пример Пскова не подействовал на другие города, и прибегнуло к содействию русского народа.

26 июля созван был земский собор (впрочем, едва ли по тому способу выбора, какой бывал прежде). К сожалению, нет актов этого собора, но из последующих событий видно, что на этом соборе постановлено было употребить еще раз кроткие меры против мятежного Пскова. Отправлен был в Псков коломенский епископ Рафаил с несколькими духовными сановниками, а с ними выборные люди из разных сословий. Предлагалось псковичам прощение, если они прекратят мятеж, угрожали им, что в противном случае сам царь пойдет на них с войском. Со своей стороны новгородский митрополит Никон советовал царю дать полное прощение всем мятежникам, потому что этим способом скорее можно было добиться утишения смуты.

Действительно, с одной стороны, неудачные вылазки охладили горячность псковичей; с другой – в Пскове люди зажиточные, так называемые лучшие, были решительно против восстания; каждый из них трепетал за свое достояние и страшился разорения, которое должно было постигнуть всех без разбора.

Увещания Рафаила и пришедших с ним выборных людей имели значение голоса всей русской земли, изрекающей свой приговор над псковским делом. Псковичи покорились этому голосу. Мятежников не преследовало начальство; им дана была царская милость. Но свои «лучшие люди», псковские посадские, не хотели простить меньшим людям, которые во время своего господства поживились богатствами лучших людей; лучшие люди сами похватили бывших народных правителей и посадили в тюрьму: их обвинили в попытке произвести новый мятеж, увезли из Пскова и казнили.

Все эти мятежи неизбежно должны были подействовать на правительство. Царь Алексей Михайлович не изменился в своем обычном добродушии, но стал недоверчивее, реже появлялся народу и принимал меры предосторожности: от этого, куда он ни ездил во все свое царствование, его сопровождали стрельцы. Его царское жилище постоянно было охраняемо вооруженными воинами, и никто не смел приблизиться к решетке, окружавшей дворец, никто не смел подать лично просьбу государю, а подавал всегда через кого-нибудь из его приближенных. Один англичанин рассказывает, что однажды царь Алексей Михайлович в порыве страха собственноручно умертвил просителя, который теснился к царской повозке, желая подать прошение, и потом очень жалел об этом. В последующие за мятежами годы появился новый приказ – Приказ Тайных Дел, начало тайной полиции. Этот приказ поручен был ведению особого дьяка; бояре и думные люди не имели к нему никакого отношения. Подьячие этого приказа посылались надсматривать над послами, над воеводами и тайно доносили царю; от этого все начальствующие люди почитали выше меры этих царских наблюдателей. По всему государству были у царя шпионы из дворян и подьячих; они проникали на сходбища, на свадьбы, на похороны, подслушивали и доносили правительству обо всем, что имело вид злоумышления.

Доносы были в большом ходу, хотя доносчикам всегда грозила пытка; но стоило выдержать пытку, донос признавался несомненно справедливым.⁴⁸

Тяжелее для народа стало управление в городах и уездах. В важнейших городах начальники назывались наместниками, например в Пскове, Новгороде, Казани и т.д., и назначались из знатных людей: бояр и окольных; в менее важных начальники назывались воеводами и назначались из стольников и дворян. При воеводах были товарищи и всегда дьяк и подьячие. Наместники и воеводы со своими приказными людьми надзирали за порядком, имели в своем ведении военную защиту города, пушечные и хлебные запасы, все денежные и другие сборы, взимаемые с жителей посада и уезда, ведали всех служилых людей, состоящих в городе и уезде; они надзирали за благочинием; преследовали и наказывали корчемство, игру в зернь, табачную продажу; отыскивали, пытали и казнили воров и разбойников; принимали меры против пожаров; им подавались челобитные на имя царское и они творили суд и расправу. Воеводы в это время назначались обыкновенно на три года и не получали жалованья, а, напротив, должны были еще давать взятки в приказах, чтобы получить место, потому – смотрели на свою должность, как на средство к поживе, и не останавливались ни перед какими злоупотреблениями; хотя в наказах им и предписывалось не утеснять людей, но так как им нужно было вернуть данные в приказах поминки, добыть средства к существованию и вдобавок нажиться, то они, по выражению современников, «чуть не сдирали живьем кожи с подвластного им народа, будучи уверены, что жалобы обиженных не дойдут до государя, а в приказах можно будет отделаться теми деньгами, которые они нагрябят во время своего управления». Суд их был до крайности продажен: кто давал им посулы и поминки, тот был и прав; не было преступления, которое не могло бы остаться без наказания за деньги, а с другой стороны нельзя было самому невинному человеку быть избавленным от страха попасть в беду. Воевода должен был, по своей обязанности, наблюдать, чтобы подвластные ему не начинали «кругов», бунтов и «заводов», и это давало им страшное орудие ко всяким придирам. Раздавались повсеместно жалобы, что воеводы бьют посадских людей без сыску и вины, сажают в тюрьмы, мучат на правежах, задерживают проезжих торговых людей, придираются к ним под разными предлогами, обируют их, сами научают ябедников заводить тяжбы, чтобы содрать с ответчиков. Было тогда у воевод обычное средство обдирательства: они делали у себя пиры и приглашали к себе зажиточных посадских людей; каждый, по обычаю, должен был в этом случае нести воеводе поминки. Земские старосты и целовальники, существовавшие в посадах и волостях, не только не могли останавливать злоупотреблений воевод, а еще самим воеводам вменялось в обязанность охранять людей «от мужиков горланов». Выборные лица, заведывавшие делами более значительными, были, обыкновенно, из так называемых «лучших людей», а бедняков выбирали только на второстепенные должности, где они отвлекались от собственных дел и принимали ответственность за казенный интерес (напр., в целовальники при соблюдении каких-нибудь царских доходов). На них обыкновенно вваливали всякие расходы и убытки. Земские старосты из лучших людей старались жить в мире с воеводами и доставлять им возможность наживаться; притом, раз выбранные, они не могли быть сменены иначе, как по челобитной, а между тем, в случае ущерба казне, нанесенного от выборных лиц, вся община отвечала за них. Правительство не одобряло произвола и нахальства воевод и приказных людей и наказывало их, если они попадались; так мы имеем пример, как гороховский воевода князь Кропоткин и дьяк Семенов были биты кнутом

⁴⁸ Пытки были разных родов; самая простая состояла в простом сечении; более жестокие были такого рода: преступнику завязывали назад руки и подымали вверх веревкою на перекладину, а ноги связывали вместе и привязывали бревно, на которое вскакивал палач и «оттягивал» пытаемого; иногда же другой палач сзади бил его кнутом по спине. Иногда, привязавши человека за руки к перекладине, под ногами раскладывали огонь, иногда клали несчастного на горящие уголья спиной и топтали его ногами по груди и по животу. Пытки над преступниками повторялись до трех раз; наиболее сильною пыткой было рвание тела раскаленными клещами; водили также по телу, иссеченному кнутом, раскаленным железом, выбривали темя и капали холодной водою и т.п.

за взятки и грабительства, но такие отдельные меры не могли исправить порчи, господствовавшей во всем механизме управления. Важнейший доход казны – продажа напитков, отдавался обыкновенно на откуп. Правительство, главным образом, как кажется, по совету патриарха Никона, признало, что такой порядок тягостен для народа и притом вредно отзывается на его нравственности: откупщики, заплативши вперед в казну, старались всеми возможными видами выбрать свое и обогатиться, содержа кабаки, делали их разорительными притонами пьянства, плутовства и всякого беззакония. Притом же казалось, что выгода, которая предоставляется откупщикам, может сделаться достоянием казны, если продажа будет прямо от казны. В 1652 году кабаки были заменены кружечными дворами, которые уже не отдавались на откуп, а содержались выборными людьми «из лучших» посадских и волостных людей, называемых «верными головами»; при них были выборные целовальники, занимавшиеся и курением вина. Курение вина дозволялось всем, но только по уговору с доставкой вина на кружечный двор. Мера эта предпринята была как бы для уменьшения пьянства, потому что во все посты и в недельные дни запрещалась торговля вином, а дозволялось, как общее правило, продавать не более чарки (в три чарки) на человека; «питухам» на кружечном дворе и поблизости его не позволялось пить. Но до какой степени непоследовательны были в то время постановления, показывает то, что в том же акте вменяется в обязанность головам, чтобы у них «питухи на кружечном дворе пили смирно». По-прежнему воеводы имели право разрешать лучшим посадским людям производство горячих напитков на свой обиход по поводу праздников и семейных торжеств. Эти правила, однако, недолго были в силе, и правительство, нуждаясь в деньгах, начало требовать, чтобы на кружечных дворах было собираемо побольше доходов, и угрожало верным головам и целовальникам наказанием в случае недобора против прежних лет. Так как боярам, гостям и вообще вотчинникам дозволялось для себя свободное винокурение, то во всем государстве, кроме казенного вина, было очень много вольного, и надобно было преследовать корчемство: от этого народу происходили большие утеснения, а воеводам и их служилым людям, гонявшимся за корчемниками, был удобный повод к придирам, насилиям и злоупотреблениям.

В 1653 году, по челобитью торговых людей, во всем государстве заведена однообразная, так называемая, рублевая пошлина по десяти денег с рубля. Каждый купец, покупая товар на продажу, платил пять денег с рубля, мог везти товар куда угодно с выписью и платил остальные пять денег там, где продавал. Взамен этого отменялись разные мелкие пошлины, хотя далеко не все. В следующем, 1654 г., уничтожены были, очевидно с совета Никона, откупы на множество разных пошлин (напр., с речных перевозов, с телег, саней, с рыбы, кваса, масла, сена и т.п.), которые заводились не только в посадах и волостях, но и в частных владениях владельцами. Царская грамота называла такие откупы «злодейством».

Еще в половине 1653 года предвиделось, что война с Польшею неизбежна. Приготовления к ней подали повод к разным торжествам, проводам, встречам, обрядам, которые так любил царь. Царь собрал на Девичьем поле войско и приказал произнести в своем присутствии думному дьяку речь к ратным людям, уговаривал их, в надежде царства небесного на небе и милости царской на земле, оказать храбрость на войне, если придется с кем-нибудь вести ее. 1 октября того же года земский собор приговорил вести войну с Польшей, а 23 числа того же месяца царь в Успенском соборе объявил всем начальным людям, что в предстоящую войну они будут без мест. В январе заключен был боярином Бутурлиным переяславский договор, по которому совершилось присоединение Малороссии: боярину Бутурлину, по этому поводу, делались несчетные встречи и торжественное объявление царской благодарности; но всего пышнее и торжественнее было отправление боярина Алексея Никитича Трубецкого с войском в Польшу. То делалось 23 апреля, в воскресенье. В Успенском соборе патриарх читал всему собранному войску молитву на рать идущим, поминал воевод по именам. Царь поднес патриарху воеводский наказ; патриарх положил эту бумагу в киот Владимирской Богородицы, проговорил высокопарную речь и подал наказ главному военачальнику Трубецкому – наказ

как бы от лица Пресвятой Богородицы. Царь во всем царском облачении, поддерживаемый под руки боярами, позвал бояр и воевод на обед, и когда все сели за стол, царь, вставши со своего места, произнес Трубецкому речь с разными нравоучениями и передал ему списки ратных людей, потом обратился с речью к подначальным лицам, увещевал их соблюдать Божьи заповеди и царские повеления, во всем слушаться начальников, не щадить и не покрывать врагов и сохранять чистоту и целомудрие. По окончании обеда принесли Богородицын хлеб на панагии при пении священных песнопений; царь потребил хлеб, потом взял Богородицыну чашу, трижды отпил и подавал по чину боярам и воеводам. Отпустивши духовенство с панагиею, царь сел, потом опять встал, приказал угощать бояр и ратных людей медом (начальников – красным, а простых воинов белым медом) и по окончании угощения произнес еще речь Трубецкому: царь в ней приказывал всем ратным людям исповедываться и причащаться на первой неделе Петрова поста. Трубецкой отвечал царю также речью и выражался, «что если пророком Моисеем дана была израильтянам манна, то они, русские люди, не только напитались телесною снедью, но обвеселились душевною пищею премудрых и пресладких глаголов, исходящих из царских уст». Потом совершалась церемония «отпуска». Трубецкой первый подошел к царю; Алексей Михайлович взял его обеими руками за голову и прижал к груди, а Трубецкой тридцать раз сряду поклонился царю в землю. За Трубецким подходили другие воеводы и кланялись в землю по нескольку раз. Царь отпустил начальных людей и вышел в сени. Там стояли разные дворяне и дети боярские; царь давал им из своих рук ковши с белым медом и опять говорил речь. «На соборах, – сказал царь, – были выборные люди по два человека от всех городов; мы говорили им о неправдах польского короля, вы все это слышали от ваших выборных; так стойте же за злое гонение на православную веру и за всякую обиду на Московское государство: а мы сами идем вскоре и будем с радостью принимать раны за православных христиан...» – «Если ты, государь, – отвечали ратные люди, – хочешь кровью обогреться, так нам и говорить после того нечего; готовы положить головы наши за православную веру, за государей наших и за все православное христианство». Через три дня после того совершалась новая церемония: все войско проходило мимо дворца; патриарх Никон кропил его св. водой; бояре и воеводы, сошедши с лошадей, подходили к переходам, где находился царь; он спрашивал их о здоровье, а они кланялись ему в землю. Никон произнес речь, призывал на них благословение Божье и всех святых. Трубецкой с воеводами, поклонясь патриарху в землю, также отвечал речью, наполненную цветистыми выражениями, обещал от лица всего войска «слушаться учительных словес государя патриарха».

Положено было в мае отправиться на войну самому государю. Прежде всего Алексей Михайлович счел нужным посетить разные русские святыни, отправил вперед себя икону Иверской Божьей Матери, а 18 числа выступил в сопровождении дворовых воевод. В воротах, через которые шел государь из Москвы, устроены были возвышения, обитые красным сукном (рундуки), с которых духовенство кропило св. водою государя и проходивших с ним ратных людей.

Главная масса войска по-прежнему все еще состояла тогда из дворян и детей боярских, которых наследственно верстали в службу, наделяя поместным окладом и денежным жалованьем и оставляя из двух сыновей одного в семье. За ними следовали стрельцы (пешее войско), тогда получавшие, как мы сказали выше, все более и более значения. Царь Алексей Михайлович особенно ласкал их, давал им право на беспошлинные промыслы, жаловал землею, сукнами и пр. Стрельцы разделялись на приказы от 800 до 1000 человек в каждом приказе (всех приказов было 20). Приказы находились под начальством голов, полковников, полуголов, сотников, пятидесятников и десятников. Кроме жалованья, собираемого со всего государства деньгами, им доставлялись хлебные запасы, особый подбор под названием стрелецкого хлеба. За стрельцами следовали казаки (конное войско), которым давали дворовые места и пахотные земли, свободные от всяких налогов. Они состояли под управлением атаманов, сотников и

эсаулов и расселены были по украинным городам казачьими слободами. Находившиеся при орудиях назывались пушкарями. Тогда появились особые конные отделы войск, под названием рейтаров и драгунов, которые набирались из разного рода еще несслуживших людей, преимущественно служилого сословия. Они разделялись на полки; иные имели поместья, а другие получали по 30 руб. в год, в мирное время они должны были иметь собственную лошадь и вооружены были карабинами и пистолетами. Они подвергались правильному обучению, которым занимались иноземцы, носившие чины полковников, полуполковников, майоров и ротмистров; между последними начали появляться русские незнатные люди. В это время был устроен новый отдел войска под названием «солдат». В 1649 году были заведены солдатские полки в заонежских погостах и в Старорусском уезде. Они набирались из жителей со двора по человеку, а с больших семей и более (от двадцати до пятидесяти лет от роду), и за то волости, из которых они набирались, освобождались от платежа данных и оброчных денег. Солдаты получали содержание и денежное жалование и разделялись на полки, а полки на роты пешие и конные, вооружены были шпагами и мушкетами, состояли под начальством иноземных офицеров, которые обучали их ратному строю. Перед началом войны в 1653 году приказано усилить солдатское войско, записывая в солдаты разных родственников, служивших у стрельцов, казаков, посадских, а также разных захребетников, гулящих людей. Всем таким людям велено сделать списки и половину их зачислить в солдаты. Затем обращаемы были в солдаты дети, братья и племянники дворян и детей боярских, еще не служившие нигде. Им предоставлялось или идти в солдаты или быть выключенными из служилого сословия. Старые солдаты отпускаемы были на земледельческие занятия, но не исключались вовсе из службы. Это устройство было зародышем регулярного войска в России. Вначале в нем встречался разный сброд, и татары, и немцы, и пр.

Война 1654 года шла так успешно, как ни одна из прежде бывших войн с Польшею и Литвою; но благодушная натура Алексея Михайловича неприятно сталкивалась с обычным лукавством, присосшим московскому характеру окружавших его лиц. Сам царь сознавал это и писал Трубецкому: «С нами едут не единодушием, наипаче двоедушием как есть оболочка: овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче же зноем и яростью и ненастьем всяким злохитренным обычаем московским явятся... Мне уже Бог свидетель, каково ставится двоедушие, того отнюдь упования нет... все врознь, а сверх того сами знаете обычаи их». Но более всего смущало царя то, что, пока он находился в войске, осенью распространилась по Московскому государству зараза. Царица с детьми бежала из Москвы в Калязин монастырь. В Москве свирепствовала страшная смертность. Зараза уничтожила большую часть жителей во многих городах.⁴⁹ Люди от страху разбегались куда попало, а другие, пользуясь общим переполохом, пустились на воровство и грабежи. Бедствия этим не кончились. Зараза появлялась и в следующие два года; правительство приказывало устраивать на дорогах заставы с тем, чтобы не пропускать едущих из зараженных мест, но это мало помогало, так как всякого пропускали на веру, хотя за обман положена была в этом случае смертная казнь, как равно и за сообщение с зачумленными. По смерти зачумленных, сжигали их платье и постели; дворы, где случалась смертность, оставляли на морозе, а через две недели велели топить можжевельником и полынью, думая, что этим разгоняется зараза.

⁴⁹ В истории Соловьева, т. X, стр. 371—372, сообщены любопытные числа умерших от заразы в то время. До какой степени она свирепствовала в Москве, можно видеть из того, что в Чудове монастыре умерло 182 монаха, осталось 26; в Вознесенском умерло 90 монахинь, осталось 38... в боярских дворах у Бориса Морозова умерло 343 человека, осталось 19; у князя Трубецкого умерло 270 человек, осталось 8... В Кузнецкой черной сотне умерло 173 чел., осталось 32; в Новгородской сотне умерло 438, осталось 72 чел. В Калуге умерло посадских людей 1836 чел., осталось 777; в Кашинском уезде умерло 1839 чел., осталось 908; в Переяславле-Рязанском 2583 чел., осталось 434; в Переяславле-Залесском умерло 3627 чел., осталось 939; в Туле умерло 1808 чел., осталось 760 (муж. пола); в Торжке, Звенигороде, Угличе, Суздале, Твери число умерших было менее оставшихся; в Костроме, Нижнем зараза свирепствовала также сильно.

Война продолжалась успешно и в следующие годы. Польше, по-видимому, приходил конец. Вся Литва покорилась царю; Алексей Михайлович титуловался великим князем литовским; непрощенный союзник, шведский король Карл-Густав, завоевал все коронные польские земли. Вековая распря Руси с Польшею тогда разрешалась.

Польшу спасти можно было только перессоривши ее врагов между собою и склонивши одного из них к примирению с поляками. За это дело взялась Австрия, которая, как католическая держава, вовсе не хотела, чтобы католическая Польша сделалась добычею протестантов и схизматиков. Между царем и Швецией возникали уже недоразумения, и, еще до начала войны, московское правительство не могло быть довольным поведением шведского по отношению к самозванцу Тимошке Анкудинову.

Этот искатель приключений, родом из Вологды, московский подьячий, вздумал повторить старую историю самозванцев; вместе с товарищем своим Конюховским убежал он из Москвы в Литву, а оттуда в Константинополь и назвался Иваном, небывалым сыном царя Василия Шуйского. Не найдя помощи у турок, Тимошка ушел в Италию, был в Риме, прикидывался ревностным католиком. Но и в Италии ему не было удачи. Пошатавшись по разным землям, Тимошка Анкудинов пристал к Хмельницкому, проживал сначала в Чигирине, а потом в лубенском Мгарском монастыре, пользуясь тем покровительством, какое казаки оказывали всегда бродягам. В 1651 году Тимошка, из опасения, чтобы Хмельницкий его не выдал, оставил Малороссию и очутился в Стокгольме. Московское правительство узнало об этом и требовало от шведского выдачи самозванца, но безуспешно. Русский посланник Головин, посредством русских торговых людей, захватил было товарища Тимошки, Конюховского; но королева Христина приказала его выпустить. Через несколько времени другому русскому гонцу Чилищеву удалось поймать Конюховского в Ревеле и привезти в Москву, но Тимошку шведы укрыли; Тимошка ушел в Голштинию, и только тамошний герцог Фридрих приказал его выдать. Его четвертовали в Москве в конце 1653 года.

Другого рода недоразумения между Москвой и Швецией, поважнее прежних, возникли при Карле-Густаве, преемнике Христины. В то время, когда Алексей Михайлович считал себя полным обладателем Литвы и титуловался великим князем литовским, гетман литовский Януш Радзивилл отдался шведскому королю в подданство, а шведский король обещал возвратить ему и другим панам литовским их владения, уже занятые московскими войсками. Это сочтено было за покушение отнять у русских их достояние, приобретенное оружием, покушение, которое могло, как тогда казалось, повториться и в будущем. Кроме того, шведский полководец Делагарди, призывая литовцев к подданству шведскому королю, отзывался неуважительно о царе. В конце 1655 года в Москву приехал императорский посланник Алегретти, человек очень ловкий, родом рагузский славянин, знавший по-русски, прибыл, как видно, с придуманною заранее целью произвести раздор между Россией и Швецией.

В то время, в ноябре, царь возвратился из похода. Его въезд в Москву и на этот раз послужил поводом к торжеству. Патриарх, в сопровождении двух гостей: александрийского и антиохийского патриархов, с собором духовенства, со множеством образов, встречали царя, который шел пешком по городу в собольей шубе, с белою покрывкою без шапки, с одной стороны сопровождаемый сибирским царевичем, а с другой – боярином Ртищевым и предшествуемый множеством юношей, которые держали в руках листы бумаги и пели. Так государь, при колокольном звоне и выстрелах из пушек, отнятых у неприятеля, достиг лобного места и приказал спросить весь мир о здоровье. Вся густая толпа народа закричала «многие лета» государю и поверглась на землю.

В эти-то дни царского торжества ловкий императорский посланник подействовал на бояр и раздражил их против Швеции. Он представлял, что шведский король уже и тем показал свое нерасположение к царю, что напал на поляков в то время, когда царь воевал с ними. Алегретти вооружал русских бояр и против Хмельницкого, намекал, что рано или поздно Хмель-

ницкий изменит и отдастся Швеции, потому что и теперь уже находится в приязни с шведским королем. От имени своего государя Алгретти предлагал свое посредничество в примирении с Польшею и, вместе с тем, делал замечание, что папа, цезарь, французский и испанский короли и все государи католической веры вступятся за единоверную Польшу, если придется спасать ее существование. Представившись государю 15 декабря, Алгретти, между прочими дарами, поднес ему миро Св. чудотворца Николая.

Наушения и советы Алгретти оказали действие: окольный Хитров и думный дьяк Алмаз Иванов, в переговорах с приехавшим польским послом Петром Галинским, дали обязательство, из уважения к просьбе императора Фердинанда, прекратить войну с Польшей, назначить съезд для мирных переговоров и объявить войну Швеции, если шведский король будет нарушать мирный договор. Шведский посол Густав Бельке с товарищами с конца 1655 по 1656 год жил в Москве безвыездно, стараясь устранить недоразумения; но бояре с своей стороны придирались к нему всеми способами, с явным намерением довести дело до войны, упрекали короля за принятие литовских городов, доставшихся царю, за сношения с казаками будто с целью отвлечь их от царя и привлечь в подданство Швеции и пр. В мае 1656 года в Москве стали умышленно стеснять шведское посольство и держать как в плену, а наконец 17 числа объявили, что мирное докончание нарушено с шведской стороны. Царя Алексея Михайловича более всего расположило к войне с Швецией то, что и патриарх Никон был за эту войну из вражды к протестантству.

Война с Швецией началась удачно в Ливонии; русские взяли Динабург, переименовавши его в Борисоглебов, взяли Кокенгаузен и переименовали его в Царевичев-Димитриев; взяли, наконец, Дерпт, но не могли взять Риги, потерпели поражение и после двухмесячной осады, при которой находился сам царь, удалились из Ливонии. Между тем в Вильне еще с июня начались переговоры с Польшей. Московские политики думали, что теперь путем переговоров можно с Польшей сделать все, что угодно; от царского имени велено было разослать по Литве грамоту о собрании сеймиков, на которых, при рассуждении о делах, иметь в виду, что царь не уступит великого княжества литовского, и стараться непременно, чтобы, после Яна Казимира, избран был польским королем московский государь или его сын. С такими требованиями явились на виленский съезд московские послы – князь Никита Иванович Одоевский с товарищами. Цезарский посланник Алгретти был на этом съезде в качестве посредника и оказался совершенно на стороне Польши; он отклонял поляков от избрания царя. Поляки со своей стороны стали смелее, когда увидали, что их враги поссорились между собою. Наконец, в октябре, виленская комиссия постановила договор, по которому поляки обещали добровольно избрать Алексея Михайловича на польский престол, а царь обещал возвратить земли, отлученные от Речи Посполитой, кроме тех, которые прежде принадлежали московским государям. Ничто не могло быть неразумнее этого договора: Московское государство разом лишало себя того, что уже было в его руках. Поляки никогда не думали искренно избирать московского государя на свой престол: московский государь и шведский король перестали быть им страшны в той мере, как прежде; вдобавок виленский договор произвел разлад между Москвою и Малороссиею. Сам Хмельницкий, хотя не отпал совершенно от царя, но был так сильно огорчен и раздражен, что умер от огорчения. В Малороссии распространилось недоверие к московскому правительству. Виленский договор не мог иметь силы: прежде чем он был утвержден сеймом, поляки умышленно тянули окончание этого дела, пока наконец в сентябре 1659 года преемник Хмельницкого, Выговский, заключил договор с Польшей в ущерб Москве. Надеясь теперь снова прибрать казаков в руки, поляки перестали уже манить московского царя лестными обещаниями. Комиссары с обеих сторон снова съехались в Вильне, толковали о мире, но соглашались мириться с Москвою не иначе, как только на основании поляновского договора, и в то же время польские войска начали неприязненные отношения против русских.

В литовских областях эта война сначала пошла неудачно для поляков. Князь Юрий Долгорукий победил и взял литовского гетмана Гонсевского. Затем и в Малороссии дела пошли не «на корысть полякам». Выговскому хотя и удалось было, при помощи крымцев, разбить московское войско под Конотопом, но народ малорусский не разделял планов Выговского и его соумышленников, прогнал Выговского и избрал нового гетмана Юрия Хмельницкого на условиях повиновения московскому государю. То было в 1659 году, но с 1660 года начались несчастья для Московского государства с двух сторон. В Литве московский военачальник, князь Иван Хованский, 18 июня был поражен наголову, потерял весь обоз и множество пленных. Литовские города, находившиеся уже в руках московских воевод, один за другим сдавались королю. Сам Ян Казимир осадил Вильну: тамошний царский воевода князь Данило Мышецкий решился лучше погибнуть, чем сдаться, но был выдан своими и казнен королем за жестокости, как повествуют поляки. Еще хуже шли дела в Малороссии: в октябре боярин Василий Васильевич Шереметьев был разбит, взят в плен поляками и изменнически отдан татарам. Современники поляки заявляли, что если бы тогда в польском войске была дисциплина и, вообще, если бы поляки действовали дружно, то не только отняли бы все завоеванное русскими, но покорили бы самую Москву.

Нелепая война с Швецией приостановилась еще в 1657 году. Сам Карл-Густав, через своих послов, задержанных в Москве перед объявлением войны, предлагал Алексею Михайловичу мир и соглашался титуловать его великим князем литовским, волынским и подольским. Московское правительство приостановило военные действия против шведов, но не вступало в переговоры с ними до весны 1658 года; наконец оно назначило для этой цели боярина князя Ивана Прозоровского и думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордын-Нащокина. Последний был официально товарищем Прозоровского, но пользовался особым доверием государя. Царь поручал ему лично вести все дело и сообщаться с ним тайно через приказ тайных дел. Русские послы более двух лет тянули дело. Они то спорили со шведскими послами о месте переговоров, то ссорились между собою. Нащокина не терпели ни его главный товарищ Прозоровский, ни воевода Хованский, которому надлежало с войском охранять посольский съезд: шведы также не любили Нащокина, потому что не надеялись от него уступчивости и считали его приверженцем поляков. Между тем шведский король Карл-Густав умер, а преемник его, КОроль Карл XI, в мае 1660 года поспешил заключить мир с Польшей в Оливе, по которому Польша уступила Швеции Ливонию. Понятно, что после того шведы стали неуступчивее, а военные дела Москвы с Польшей пошли как нельзя хуже для первой. Нащокин, по царской милости, уже не занимал второстепенного места в посольстве, но получил звание великого посла и начального воеводы. Он, однако, уклонился от дела, которое не могло быть окончено с пользою для государства, и боярин князь Иван Прозоровский, назначенный вновь главным послом, заключил в июне 1661 года вечный мир в Кардиссе (между Дерптом и Ревелем), по которому уступил Швеции взятые Московским государством города в Ливонии; затем отношения Москвы к Швеции возвратились к условиям Столбовского мира.

Война со Швецией не принесла никакой выгоды и, напротив, сбила Московское государство с того пути, по которому оно так удачно пошло было в деле векового спора за русские земли, захваченные Польшей.

Затруднения московского правительства не ограничивались одними военными неудачами. Внутри государства господствовало расстройство и истощение. Война требовала беспрепятственного пополнения ратных сил; служилых людей то и дело собирали и отправляли на войну; они разбегались; сельские жители разных ведомств постоянно поставляли даточных людей, и через то край лишался рабочих рук; народ был отягощаем налогами и повинностями; поселяне должны были возить для продовольствия ратным людям толокно, сухари, масло; торговые и промышленные люди были обложены десятою деньгою, а в 1662 году наложена на них пятая деньга. Налоги эти производились таким образом: в посадах воеводы собирали сходку, которая

избирала из своей среды своих окладчиков; эти окладчики окладывали прежде самих себя, потом всех посадских по их промыслам, сообразно сказкам, подаваемым самими окладываемыми лицами; причем происходили нескончаемые споры и доносы друг на друга. Тяжела была эта пятая деньга, но финансовая проделка, к которой прибегло правительство, думая поправить денежные дела, произвела окончательное расстройство. Правительство, желая скопить как можно более серебра для военных издержек, приказало всеми силами собирать в казну ходячие серебряные деньги и выпустить на место их медные копейки, денюжки, грошовики и полтинники. Чтобы привлечь к себе все серебро, велено было собирать недоимки прошлых лет, а равно десятую и потом пятую деньгу, не иначе, как серебряными деньгами, ратным же людям платить медью. Вместе с тем правительство издало распоряжение, чтобы никто не смел подымать цену на товары и чтобы медные деньги ходили по той же цене, как и серебряные. Но это оказалось невозможным. Стали на медные деньги скупать серебряные и прятать их; этим подняли цену серебра, а затем поднялась цена и на все товары. Служилые люди, получая жалованье медью, должны были покупать себе продовольствие по дорогой цене. Кроме того, легкость производства медной монеты тотчас искусила многих: головы и целовальники из торговых людей, которым был поручен надзор за производством денег, привозили на денежный двор свою собственную медь и делали из нее деньги; сверх того, денежные мастера, служившие на денежном дворе, всякие оловянщики, серебряники, медники, делали тайно деньги у себя в погребах и выпускали в народ; таким образом медных денег делалось больше, чем было нужно. В одной Москве было выпущено поддельной монеты на 620000 рублей. Медные деньги были пущены в ход в 1658 году, и по первое марта 1660 года дошли до того, что на рубль серебряных денег нужно было прибавить десять алтын; к концу этого года прибавочная цена дошла до 26 алтын 4 деньги; в марте 1661 года за рубль серебряных денег давали два рубля медью, а летом 1662 возвысилась ценность серебряного рубля до 8 рублей медных. Правительство казнило нескольких делателей медной монеты: им отсекали руки и прибавали к стене денежного двора, заливали растопленным оловом горло. Но тут распространился слух, что царский тесть Милославский и любимец Матюшкин брали взятки с преступников и выпускали их на волю. По Москве стали ходить подметные письма; их прибавали к воротам и стенам. 25-го июля, когда царь был в Коломенском селе, в Москве в этот день на лобном месте собралось тысяч пять народу. Стали читать во всеуслышание подметные письма. Толпа закричала: «Идти к царю требовать, чтобы царь выдал виновных бояр на убиение!» Бывшие в Москве бояре поспешно дали знать царю. Одна часть народа бросилась грабить в Москве дома ненавистных для них людей, другая еще большею толпою двинулась в село Коломенское, но без всякого оружия. Царь был у обедни. Когда к нему пришла весть о московской смуте, он приказал Милославскому и Матюшкину спрятаться у царицы, а сам оставался на богослужении до конца. Выходя из церкви, он встретил толпу, которая бежала к нему с криком и требовала выдачи тестя и любимца. Царь ласково стал уговаривать москвичей и обещал учинить сыск. «А чему нам верить?» – кричали мятежники и хватали царя за пуговицы. Царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку. Тогда один из толпы ударил с царем по рукам, и все спокойно вернулись обратно в Москву. Немедленно царь отправил в столицу князя Ивана Андреевича Хованского, велел уговаривать народ и обещал приехать в тот же день в Москву для розыска. В это время москвичи ограбили дом гостя Шорина, который тогда собирал со всего Московского государства пятую деньгу на жалованье ратным людям и через то опротивел народу. Гостя не было тогда в Москве: мятежники схватили его пятнадцатилетнего сына, который оделся было в крестьянское платье и хотел убежать. Приехал Хованский, стал уговаривать толпу. Москвичи закричали: «Ты, Хованский, человек добрый, нам до тебя дела нет! Пусть царь выдаст изменников своих бояр». Хованский отправился назад к царю, а вслед за ним толпа, подхвативши молодого Шорина, бросилась из города в Коломенское. Мятежники страхом принудили молодого Шорина говорить на своего отца, будто он уехал в Польшу с боярскими письмами. Бояре

Федор Федорович Куракин с товарищами, которым была поручена Москва, выпустивши из города эту толпу, приказали запереть Москву со всех сторон, послали стрельцов останавливать грабеж и наловили до 200 человек грабителей, а потом отправили в Коломенское до трех тысяч стрельцов и солдат для охранения царя.

Толпа, вышедшая из Москвы с Шориним, встретила с той толпою, которая возвращалась от царя, и уговорила последнюю снова идти к царю. Мятежники ворвались на царский двор; царица с детьми сидела запершись и была в большом страхе. Царь в это время садился на лошадь, собираясь ехать в Москву. Нахлынувшая в царский двор толпа поставила перед царем Шорина, и несчастный мальчик из страха начал наговаривать на своего отца и на бояр. Царь, в угождение народу, приказал взять его под стражу и сказал, что тотчас едет в Москву для сыску. Мятежники сердито закричали: «Если нам добром не отдашь бояр, то мы сами их возьмем по своему обычаю!» Но в это время царь, видя, что к нему на помощь идут стрельцы из Москвы, закричал окружавшим его придворным и стрельцам: «Ловите и бейте этих бунтовщиков!» У москвичей не было в руках никакого оружия. Они все разбежались. Человек до ста в поспешном бегстве утонуло в Москве-реке; много было перебито. Московские жители всяких чинов, как служилые, так и торговые, не приставшие к этому мятежу, отправили к царю челобитную, чтобы воров переловить и казнить. Царь в тот же день приказал повесить до 150 человек близ Коломенского села; других подвергли пытке, а потом отсекали им руки и ноги. Менее виновных били кнутом и клеймили разженным железом буквою «б» (т.е. бунтовщик). Последних сослали на вечное жительство с семьями в Сибирь, Астрахань и Терк (город, уже не существующий на реке Тереке). На другой день прибыл царь в Москву и приказал по всей Москве на воротах повесить тех воров, которые грабили дома. По розыску оказалось, что толпа мятежников состояла из мелких торгашей, боярских холопов, разного рода гулящих людей и отчасти служилых, именно рейтар. В числе виновных пострадали и невинные. Медные деньги продолжали еще быть в обращении целый год, пока наконец дошло до того, что за рубль серебряный давали 15 рублей медных. Тогда правительство уничтожило медные деньги и опять были пущены в ход серебряные.

Понятно, что при таких настроениях, охватывавших все стороны общественной жизни, желанием правительства было помириться с Польшею во что бы то ни стало. Первая попытка к этому была сделана еще в марте 1662 года; но польские сенаторы надменно отвечали, что мира не может быть иначе, как на основании Поляновского договора. Тяжело было на это решиться, – потерять плоды многолетних усилий, отдать снова в рабство Малороссию и потерпеть крайнее унижение. Но и противной стороне не во всем была удача. В 1664 г. король Ян-Казимир попытался было отвоевать Малороссию левого берега Днепра, и не успел, потерпевши поражение под Глуховым. В Малороссии происходили междоусобия и неурядица, но полякам все-таки было мало на нее надежды. Московские ратные люди, правда, успели своими насилиями и бесчинством поселить раздражение против великоруссов, а безрассудное поведение московского правительства заставляло все более и более терять к нему доверие, но тем не менее малороссийский народ считал польское владычество самым ужасным для себя бедствием и отвращался от него с ожесточением. Поляки не в силах были сладить с казаками одни, и если бы московское правительство уступило всю Малороссию Польше, то последней удержать ее за собою не было бы возможности. Это-то обстоятельство заставляло поляков, несмотря на упоение своими успехами, быть податливее на московские предложения. Королевский посланник Венцлавский договорился в Москве с Ордын-Нащокиным устроить съезд послов. С московской стороны были назначены: князь Никита Иванович Одоевский, князь боярин Юрий и окольничий Димитрий Алексеевич Долгорукий; к ним приданы были думные дворяне, в числе которых были Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин и дьяк Алмаз Иванов. С польской стороны были комиссары; коронный канцлер Пражмовский и гетман Потоцкий. Душою этого важного начинавшегося дела был Ордын-Нащокин.

Этот человек еще прежде был расположен к Польше, он отчасти проникся польским духом, с увлечением смотрел на превосходство Запада и с презрением отзывался о московских обычаях. Был у него сын Воин. Отец поручил его воспитание польским пленникам, и плодом такого воспитания было то, что молодой Ордын-Нащокин, получивши от царя поручение к отцу с важными бумагами и деньгами, ушел в Польшу, а оттуда во Францию. Поступок был ужасный по духу того времени: отец мог ожидать для себя жестокой опалы, но Алексей Михайлович сам написал ему дружеское письмо, всячески утешал в постигшем его горе и даже к самому преступнику, сыну его, относился снисходительно: «Он человек молодой, – писал царь, – хочет создание Владычне и руку его видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки к гнезду своему прилетит. Так и сын ваш воспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание ко св. купели, и к вам скоро возвратится». Афанасий Нащокин был столько же привязан к Польше, сколько предубежден против Швеции. Он считал шведов естественными, закоренелыми врагами Руси и, напротив, союз с Польшею самым спасительным делом. Явно находясь под влиянием поляков, он повторял царю то, что много раз высказывали поляки: что Московское государство, в союзе с Польшей, может сделаться страшным для басурман. Нащокин не терпел казаков и советовал прямо возвратить Малороссию Польше. На первый раз благочестивый царь возмущился мыслью об отдаче Польше казаков и, отправляя посольство из Москвы, только в крайнем случае соглашался сделать Днепр границею между Польшею и Московским государством.

Начались съезды уполномоченных; они то прерывались, то опять возобновлялись. Московские послы предлагали то одно, то другое; польские стояли на одном, чтобы не уступать ни пяди земли. Заключили только перемирие до июня 1665 года. По истечении его, переговоры были отложены до мая 1666 года и начались в это время в деревне Андрусове над рекою Городнею. На этот раз Нащокин был уже главным послом. Сын его Воин возвратился из-за границы, и, по просьбе отца, царь простил его: так любил царь Афанасия Нащокина. Оказалось, что заключить так называемый вечный мир, как сперва предполагалось, было слишком трудно. Мешали этому главным образом казаки, потому что не хотели ни за что идти под власть Польши, не прекращали военных действий против поляков и, по заключении мира, скоро втянули бы в войну обе державы. Притом же Московскому государству, после недавних успехов, было слишком тяжело отречься на вечные времена от прав на русские земли. Царь решительно был против этого.

В конце переговоров сильно спорили за Киев; Нащокин убеждал царя уступить и Киев. Он смотрел на него не более, как на порубежный город, указывал, что в данное время в Московском государстве уменьшились доходы, нечем давать жалованье ратным людям; денег мало; турки и татары угрожают овладеть Малороссиею, а на верность казаков нельзя полагаться. Когда наконец в исходе 1666 года Нащокин известил, что если не будет заключено перемирие, то польские войска войдут в смоленский уезд, царь согласился на уступки. В это время заднепровский казацкий гетман Дорошенко, напрасно хлопотавший перед царем, чтобы не допустить русских до примирения с Польшею, призвал татар и начал ожесточенную борьбу с поляками. Татары разорили польские области и увели до 100000 пленных. Это событие было признано польскими комиссарами за главное препятствие к вечному миру. Они боялись, что если будет заключен вечный мир, то это озлобит турок и татар. 12 января 1667 г. заключено было перемирие на 13 лет до июня 1680 года. Днепр назначен был границею между русскими и польскими владениями; Киев оставлен за Россиею только на два года, а на удовлетворение шляхте, разоренной казаками, царь обещал миллион злотых. Когда потом в Москве утверждалось это перемирие, Нащокин и польские послы пришли обоюдно к сознанию необходимости обоим государям, русскому и польскому, общими силами усмирить казаков. Нащокин ненавидел их потому, что считал их беспокойными мятежниками. Такой взгляд совпадал с теми понятиями, какие человек этот составил себе о государственных порядках. Он с презрением

отзывался о голландцах, называл их мужиками и, услышавши, что французский и датский короли соединялись с голландцами против Англии, называл их безрассудными, именно за то, что вступают в союз с республиканцами. «Надобно бы, говорил он, – соединиться всем европейским государям, чтобы уничтожить все республики, которые есть не что иное, как матери ересей и бунтов».

Андрусовский мир считался в свое время успехом. Действительно, Россия приобрела то, чем владела до смутного времени, и даже несколько более; но эти приобретения были слишком ничтожны, сравнительно с потерей нравственного значения государства. Достигши цели стремления многих веков, овладевши почти добровольно теми древними областями, где началась и развивалась русская жизнь, потерять все это – было большою утратою и унижением. Андрусовский договор носил в себе зародыш тяжелых бедствий, кровопролитий и народных страданий на будущие времена. Несчастливая Малороссия испытала прежде всего его пагубное влияние. Эта страна, выбившись с такими усилиями из-под чуждой власти, соединившись добровольно с другой половиною Руси и, несмотря на жестокую борьбу с поляками, стоившую ей много крови, еще довольно населенная и в некоторых местностях цветущая, ни за что не желала возвращаться под власть поляков и потерпела такое опустошение, что через несколько лет плодоносные поля ее, начиная от Днепра до Днестра, представлялись совершенно безлюдною пустынею, где только развалины людских поселений да человеческие кости указывали, что она была обитаема. Сама Польша только временно и по наружности выигрывала, а не на самом деле, как показали события. Все это, однако, было последствием не столько самого Андрусовского договора, сколько тех прежних ошибок, которые привели к необходимости заключить Андрусовский договор. В истории, как в жизни, раз сделанный промах влечет за собою ряд других и испорченное в несколько месяцев и годов исправляется целыми веками. Богдан Хмельницкий предвидел это, сходя в могилу, когда московская политика не хотела слушать его советов.

Война отразилась многими изменениями во внутреннем порядке. Это время было замечательно, между прочим, тем, что тогда умножилось число вотчин и земля более и более стала делаться наследственной частною собственностью. Обыкновенная царская награда служилым людям за их воинские заслуги состояла в обращении их поместной земли в вотчинную; впрочем, это делалось так, что в награду обращалась в вотчину только часть поместной земли.⁵⁰

Скудость средств для ведения войны заставила прибегать к усиленным и ненавистным путям приобретения. В 1663 году возобновлены были снова винные откупы. Горячие напитки продавались в государстве двумя способами: на веру и с откупа. Дело винной продажи чаще всего соединялось с таможенным делом, и там, где продажа вина и таможенные сборы были «на веру» – то и другое поверялось назначаемым от правительства таможенным и кружечным головам и выборным целовальникам при них. Должности эти были до крайности затруднительны и разорительны для тех, на кого возлагались, потому что головы и целовальники, находя таможенню и кружечный двор в расстройстве, должны были заводить на свой счет всякого рода материал. Правительство требовало, чтобы как можно более доставлялось доходов, и, в случае недобора, им приходилось доплачивать в казну и из собственного состояния. Для увеличения доходов от вина, правительство приказывало смешивать плохое вино с хорошим, «лишь бы казне было прибыльнее», и стараться, чтобы к концу года был выпит весь наличный запас вина. Кроме того, таможенным головам и целовальникам запрещалась всякая другая торговля во время исполнения своей должности. Неудивительно, что эти блюстители царской выгоды пополняли свои убытки всевозможными злоупотреблениями. Таможенные и кружечные сборы отдавались на откуп в приказах «с наддачею», т.е. тому, кто больше дает, иногда компании

⁵⁰ Боярам по 500, окольных по 300, думным боярам по 250, думным дьякам по 200, а прочим со 100 четей по 20 четей, а в дву потому ж.

торговых людей, а иногда целому посаду. Кружечные дворы были, собственно, в посадах, а в селах и деревнях учреждались временные «торжки», куда таможенные головы посылали особых целовальников для торговли. В 1666 году начали появляться и в селах постоянные кабаки. Они утаивали в свою пользу все, что получали сверх оклада, занимались тайно торговлею, вопреки запрещению пропускали беспошлинно одних торговых людей по свойству, по дружбе, а более всего за посулы, другим же торговцам причиняли ущерб и разорения своими придирами. В особенности предлогом к придирам и задержкам служило подозрение в торговле заповедными товарами, как, например, табаком. За покушение торговать табаком и даже за следы существования этого зелья бралась в это время огромная пеня.

Стараясь ухватиться за всякую меру увеличения казенного дохода, правительство осталось глухо к убеждениям посланника английского короля Карла II, графа Карлейля, который от имени своего государя просил о возобновлении привилегий английской компании и рачтал множество доводов в подтверждение мысли, что беспошлинная торговля принесет обогащение и московской казне и народу; Карлейль уехал ни с чем: англичане были сравнены с прочими иноземцами. В этом случае правительство делало угодное московским гостям и вообще крупным торговцам, которые и прежде не терпели привилегий, даваемых иноземцам, тогда как, напротив, мелким торговцам эти привилегии были выгодны, потому что доставляли возможность непосредственно торговать с иноземцами и тем освобождали их от зависимости, в которой иначе они находились бы у русских крупных торговцев. Правительство, нуждаясь в деньгах, в это время до того мирволило интересам крупных торговцев, доставлявших ему деньги, что во Пскове согласилось было даже на возобновление выборного самоуправления, устроенного в выгодах крупных торговцев. С 1665 года, по ходатайству бывшего тогда во Пскове воеводою Афанасия Ордын-Нащокина (который по своей любви к иноземщине склонен был к порядкам, смахивавшим на магдебургское право), правительство положило учредить выборное начальство из пятнадцати членов, из которых пять управляли бы погодно; с этим вместе вводилась свободная продажа питей, с платежом в казну оброка, и беспошлинная торговля с иноземцами на два двухнедельных срока в год. Хотя мера эта, как говорилось, предпринималась с целью оградить маломочных людей от сильных, но такая цель не только не могла быть достигнута, а была противоположна смыслу устава, по которому правление сосредотачивалось в руках этих сильных людей, маломочным же людям не дозволялось вступать в прямые сношения с иноземцами: им оставлялось только право служить комиссионерами у русских крупных торговцев для скупки русских товаров, которые будут переходить в руки иноземцев не иначе, как от крупных торговцев. Вскоре место Нащокина во Пскове занял враг его, Хованский; маломочные люди подали последнему челобитную, доказывая, что новое правление, выдуманное при Нащокине, будет выгодно только для лучших людей и не принесет пользы казне. Все затеи псковских лучших людей, покровительствуемых Нащокиным, были уничтожены; продажу вина велено производить с откупа; все управление осталось опять в руках воевод и дьяков, со всеми вопиющими злоупотреблениями, свойственными тогда этого рода управлению в России.

Скудость казны побуждала правительство к стеснению торговли. В 1666 году прежняя рублевая пошлина заменена двойною (по 20 денег с рубля), но в 1667 издан был новый торговый устав, по которому возобновлена прежняя десятая пошлина с разными видоизменениями.⁵¹ Тогда, по челобитью торговых людей, установлены в Москве и в порубежных городах особые головы и целовальники по торговым делам, независимые от таможенных голов. Понятно, что торговля стеснялась тем, что купцы, разъезжая с товарами, много раз подвер-

⁵¹ Так, русские и иноземцы в Архангельске платили с весомых товаров 10 денег, а с невесомых и с монеты 8 денег. За продажу соли везде брали 20 денег. Сахар и вино подлежали особой возвышенной пошлине. Иноземцы, торговавшие внутри России, платили 12 денег, да, кроме того, проезжих пошлин 20 денег. Иноземцы, под страхом отобрания товаров, не смели торговать с иноземцами русскими товарами и, приезжая в русский город, могли вести торговлю только с купцами этого города.

гались задержанию, осмотру и разным платежам. Правительство старалось как можно более привлечь в казну золотой и серебряной монеты и приказывало собирать с иноземных купцов пошлину золотыми, считая каждый золотой в рубль, и ефимками (серебряные монеты), считая ефимок в полтину, а потом приказывало прикладывать к ефимкам штемпели и пускало их в обращение по рублю. С тех иноземцев, которые покупали русские товары на чистые деньги, не бралось вовсе пошлин. В видах скопления в казенное достояние всякого рода драгоценных металлов, запрещалось людям низкого состояния покупать золотые вещи, под благовидным предлогом, чтобы не дать им промотаться.

Правительство обращало тогда внимание на торговлю с Персией, главным образом оттого, что через эту страну можно было получать из Индии драгоценные камни, жемчуг, золото и разные редкости, так называемые узорочные товары; но торговля эта для русских купцов была очень затруднительна, так как на пути они подвергались грабёжам, в особенности в Шемахе и Тарках. В 1667 году армянин Григорий Усиков, член армянской компании в Персии, при посредстве Ордын-Нащокина, заключил договор, по которому компании, с платежом пошлин пяти денег с рубля, было дано право торговать в Астрахани, Москве, Архангельске и ездить за границу. Договор этот важен был потому, что повлек за собою постройку первого русского корабля с целью плавания по Каспийскому морю.⁵² Постройка его производилась в селе Деделове Яковом Полуектовым с большими препятствиями: Полуектов с трудом мог найти рабочих, жаловался на их неисправность, а они жаловались на то, что он их бьет и морит голодом. Корабль, однако, был изготовлен, назван Орлом и спущен в 1669 году на Оку, а потом на Волгу. Одновременно с Орлом построена была яхта, два шенска и бот. Постройка Орла обошлась в 2021 рубль, а капитаном его назначен голландец Давид Бутлер. Все матросы на нем были иноземцы. Этим не ограничивались: хотели построить еще суда с целью плавания по морю. Но Стенька Разин сжег первый русский корабль.

Планы армянской компании после того пошатнулись. Между тем гости и торговые люди, у которых правительство просило совета, были против дозволения торговать армянам с иностранцами. Армянам дозволили только продавать шелк в казну. Русским не позволяли ездить в Персию, а персиянам дозволили торговать только в одной Астрахани.

Одновременно с собиранием в казну серебряной и золотой монеты правительство старалось об отыскании в своем государстве всякого рода руды, особенно серебряной. В 1659 году приказано было в Сибири кликать через биричей, чтобы всяк, кто ведает где-нибудь по рекам золотую, серебряную и медную руды и слюдные горы, приходил бы в съезжую избу и доносил об этом воеводе. По этим кликам было несколько заявлений, которые, однако, не привели к важным последствиям. Сибирским удалцам, отправлявшимся для отыскания новых земель, давался наказ высматривать: нет ли где серебряной и золотой руды. Правительство также думало найти ее на северо-востоке европейской России в Пустозерском уезде. Тамошние жители обязаны были искать руду, и это было для них до крайности затруднительно, потому что они должны были бороться с большими препятствиями, а добиться чего-либо не могли, потому что были неискусны и несведущи в этом деле.⁵³

Медь добывалась близ Соликамска и доставлялась в казну по два и по три рубля за пуд, а продавалась из казны на месте добывания частным лицам по четыре с полтиною, но, по своему малому количеству, не приносила большого дохода. В конце царствования Алексея Михайло-

⁵² Русские хотели было прежде завести флот на Балтийском море, в курляндской земле, для торговых целей; но курляндцы отклонили русских от этого намерения.

⁵³ Сам царь Алексей Михайлович очень любил золотые и серебряные вещи и часто проводил время в рассматривании работ серебряников и ювелиров. Обычай наших предков украшать образа окладами развил серебряное мастерство в разных видах, но в это время царь приказал лучших из мастеров выбирать в приказ золотого и серебряного дела на вечную службу, и вообще старался скупать в казну такого рода работы. За неимением своих драгоценных металлов, золото и драгоценные камни привозили в Россию из-за границы, между прочим, с востока греки, персияне и армяне.

вича найдена была медная руда около Олонца и на реках, впадающих в Мезень.⁵⁴ Обработка железа производилась на юг от Москвы, близ Тулы и Каширы. Один из самых больших заводов принадлежал Петру Марселису: его работы производились на тридцати верстах между Серпуховым и Тулою. Другой завод на реке Протве за 90 верст от Москвы по калужской дороге находился в заведывании Акемы. Заводчики имели свои привилегии и приписные села. На заводах выделывалось полосовое, листовое и прутковое железо, якоря, гвозди, мельничные снаряды, двери, ставни, ступы, ядра. У Марселиса делались и пушки. Величайшее затруднение этих заводчиков состояло в том, что трудно было достать мастеровых, и вообще работники обходились очень дорого.⁵⁵

Крестьяне во времена войн Алексея Михайловича находились в утесненном положении, так как владельцы, нуждаясь в издержках по поводу военной службы, старались доставлять себе через их работу более доходов. Тогда крестьяне еще более потеряли свои права и уравнивались с холопами. Прежде запрещено было брать крестьян во двор, но теперь вошли в обычай такие случаи. Когда помещик уклонялся от службы и не могли его отыскать, то брали его крестьян и держали в тюрьме. Когда давалась вотчина, то вотчинник ничем не был связан по отношению к крестьянам: не было постановлено никаких твердых правил, ограничивающих произвол владельцев; напротив того, крестьянам вменялось в долг делать все, что прикажет помещик, и платить все, чем он их изборочит.⁵⁶ В боярских вотчинах еще существовали в это время выборные старосты и целовальники по давнему обычаю, но над ними выше стоял приказчик, назначенный от владельца. Находясь в полном повиновении у владельца, крестьяне должны были иногда исполнять, по их повелению, и незаконные дела; так вотчинные и помещичьи крестьяне, по приказанию господина, нападали на крестьян другого владельца, с которым их господин был в ссоре.

Эти явления совпадали с произволом, господствовавшим во всем и повсюду. Сильнейший давил слабейшего; низший исполнял незаконные приказания высшего. Служилые люди, по повелению воевод, делали всевозможные насилия посадским и крестьянам.

Неудивительно, что при такой неурядице разбой были постоянным явлением. В 1655 году правительство, не в силах будучи справиться со множеством воров и разбойников, решилось объявить им всем прощение, если они принесут покаяние и перестанут совершать преступления. Эта кроткая мера, естественно, не могла привести к желаемому успеху, так как не прекращались причины, побуждавшие к побегам и разбоям. Через два года, в 1657 году, грабежи, убийства, поджоги усилились до такой степени, что правительство разослало сыщиков из дворян ловить разбойников, которые были большею частью из беглых крестьян и прежде всего обращали свои злодеяния на господ. Сыщики, гонявшиеся за беглыми с отрядами стрельцов, пушкарей и собранных волостных людей, были вместе и судьями, казнили смертью обвиненных и тут же пользовались своею властью для обдирательства народа. Не говоря уже о том, что они отягощали жителей доставкой себе лошадей, пищи, питья, сторожей, они, подобно воеводам, нередко научали ябедников или пойманных ими преступников клеветать то на того, то

⁵⁴ Правительство давало на обработку этой руды привилегии: нидерландцу Иовису и Петру Марселису с условием выпустить мастеров из Дании.

⁵⁵ Надзиратель за работами получал 300 рублей в год, мастер с пуда алтын, простой рабочий две копейки с пуда, а кочегар деньгу. Дрова обходились по 14 к. за квадратную сажень.

⁵⁶ Крестьяне, бывшие на издельной работе, по-прежнему разделялись на выти, полагая обыкновенно в выти по две десятины в каждом поле. Эту господскую землю должны были они обработать, убрать хлеб, связать в снопы, собрать в копны, которые назывались сотницами и записывались приказщиками в ужинные книги. В других местах вместо господской работы брали в пользу господина выдельный хлеб пятый, шестой или четвертый сноп. Кроме того, владелец облагал крестьян многими мелкими поборами. Иные обрабатывали у помещиков землю на условиях половины, четверти и т.п. Такие условия заключались обыкновенно с нетяглыми гулящими людьми. До какой степени было скудно население, видно из того, что в 44 деревнях и 23 починках на северо-востоке России было сто крестьянских дворов и 106 чел. крестьян. Это, однако, не было повсеместным правилом. Напр., в Хлыновском уезде: 53 деревни и 44 починка, дворов 133, людей 714 или: 103 деревни, 209 дворов, 1055 чел. крест.

на другого в участии в разбоях или в пристанодержательстве разбойников, чтобы потом при-тянуть оклеветанных к делу и обирать их. Само собою разумеется, от такого обращения только усиливалось бродяжничество, которое правительство хотело искоренить. Военные обстоятель-ства тысяча шестьсот шестидесятих годов прибавляли к числу беглых людей множество рат-ных, ушедших со службы. Поимка беглых и борьба с разбойниками усиливалась с каждым годом; правительство то и дело, что посылало то в тот, то в другой край сыщиков ловить посад-ских, чернососшных, вотчинных крестьян, служилых людей, наказывать их и отправлять на места жительства, а разбойников вешать. За всяким таким сыском следовали новые беспо-рядки. Разбойничьи шайки становились все многочисленнее и смелее; народ делался все недо-вольнее, и таким образом подготовлялась почва для страшного бунта Стеньки Разина, нанес-шего такое потрясение в конце царствования Алексея Михайловича.

Это событие, возмущившее государство, стоило много крови; произведено было много бесчеловечных казней. Правительство, – силу которого составляли бояре, воеводы, дьяки слу-жилые и приказные люди, – вышло с победою из борьбы с черным народом, потерявшим тер-пение. Но оно не воспользовалось этим уроком для народной пользы. Только служилые и при-казные люди получили свои выгоды и награды за службу во время мятежа. Управление по-прежнему оставалось в руках воевод и приказных людей: они могли брать посулы и поминки, делать всякого рода насилия и ускользать от наказания. Соблюдалась более всего форма, осо-бенно, когда дело касалось имени государя.⁵⁷ Страх за царскую безопасность или честь стал еще более предметом заботливости, и в это время последовало запрещение ездить в Кремль мимо царского дворца. Ужасное «государево слово и дело» получало более силы после каж-дого народного волнения.

Польский король Ян Казимир отказался от престола еще в 1668 году. В Польше обра-зовалась партия, желавшая избрания сына Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексее-вича. Нащокин, имевший по-прежнему большое влияние на государя, отговорил его посылать в Польшу послов для этой цели, представивши, что русский государь потратит понапрасну много денег, а избрание не состоится. На польский престол избрали Михаила Корибута Виш-невецкого. Малороссия никак не могла успокоиться; гетман Дорошенко всеми силами сопро-тивлялся Андрусовскому договору 1667 года, делившему Малороссию на две половины между Россиею и Польшею: Киев не мог быть отдан Россиею вовремя Польше. Это повлекло к новым переговорам в 1670 году. После нескольких предварительных съездов Нащокин подтвердил Андрусовский договор в Мигновичах. Вопрос о сдаче Киева Польше оставили нерешенным. В конце 1671 года договор этот был подтвержден польскими послами в Москве: здесь уже глав-ную роль играл боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Нащокин уже сошел со сцены.⁵⁸ Русский государь обещал давать помощь полякам против турок, и гетман Дорошенко, не желая оста-ваться под властью Польши, готовился поднять силы турок и татар за Малороссию. Московское правительство заключило мирный договор и с Крымом: крымский хан обещался отпустить

⁵⁷ Дьяк мог безнаказанно грабить и утеснять «сирот государевых», как назывались на деловом языке все неслужилые люди, но за малейшую ошибку или опisku в государевом титуле приказному человеку еще строже прежнего грозили батоги или, по крайней мере, выговор вроде следующего: «Ты, дьячишко, страдник, страдничий сын и плутишко, ты не смотришь, что к нам, великому государю, в отписке писано непристойно; знатно пьешь и бражничаешь, и довелся ты жестокого наказания».

⁵⁸ После Андрусовского договора Нащокин вошел в чрезвычайную силу. Царь дал ему небывалый еще титул «Царствен-ные большие печати и государственных великих посольских дел оберэгателя». Самолюбивый до чрезвычайности, желчный и неуживчивый, Нащокин постоянно выставлял себя перед царем единственно умным и способным человеком в государстве, бранил и унижал бояр и дьяков, вооружал против них царя и был всеми ненавидим. Он явно добивался, чтобы царь во всем слушал его одного, и постоянно играл роль сироты гонимого и обижаемого врагами, а между тем ворочал по своему усмот-рению. Но такое могущество, при всеобщем раздражении против него других, близких к царю людей, не могло быть продол-жительно. Царь сблизился с Матвеевым. Нащокин в 1671 году потерял место начальника посольского приказа, на которое назначен был Матвеев. Ближайшие причины этой перемены неизвестны, но, без сомнения, удаление Нащокина показывает, что он потерял доверие царя. Нащокин не помирился со своим падением и постригся в Кривецком монастыре близ Пскова, под именем Антоний.

всех пленников, но бедный Шереметев был задержан и оставался в плену до выплаты большого выкупа в 30000 червонцев. Надеясь, как видно, на мир с Крымом, правительство обратило внимание на заселение южной части государства, и в 1672 году состоялось замечательное постановление о раздаче духовным лицам и служилым людям «диких полей» в украинских областях. Но примирение с Крымом, дававшее надежду на спокойствие украинских земель, было непродолжительно. Смуты в Малороссии скоро привели Россию к военным действиям против турок и татар, когда Дорошенко призвал тех и других для противодействия разделу Малороссии, учиненному Польшею и Россиею.

Совокупные действия против турок и Дорошенка сдружили московское правительство с Польшею. В Варшаве стал жить постоянный русский посланник, резидент. Из Польши прислали в Москву такого же резидента. В конце 1673 года скончался польский король Михаил, и в Польше опять образовалась партия, состоявшая преимущественно из литовских панов (гетмана Паца, Огинского, Бростовского и др.), которая желала избрать на польский престол сына Алексея Михайловича – царевича Федора с условиями: принять католичество, вступить в брак со вдовою покойного Михаила, возвратить Польше все завоеванные земли и давать деньги Польше на войну против турок. Ближние царские бояре, Матвеев и Юрий Долгорукий, отвечали на это, что царь сам желает быть избранным в польские короли, но от принятия католичества отказывается. Такой ответ уничтожил планы соединения польской короны с московскою; и 8 мая 1674 года польский сейм выбрал в короли коронного гетмана Яна Собеского. Московское государство, связанное по договору обещанием войны против турок, продолжало и при этом короле оставаться в приязненных отношениях с Польшею.

Царь Алексей Михайлович, как мы уже не раз говорили, любивший всякий блеск, парадность, дорожил как своей славою, так и славою своего государства в чужих землях. Прием иноземных послов был для него большим праздником; любил он рассылать и своих послов в иноземные государства. В его царствование мы встречаем несколько посольств, отправляемых без особенной нужды и потому не имевших важных последствий. Так, еще в 1656 году стольник Чемоданов, отправленный в Венецию с целью попытаться занять денег, после многих приключений на море, испытанных на пути от Архангельска до Италии, прибыл случайно в Ливорно и вместо Венеции попал во Флоренцию. Тосканский герцог Фердинанд Медичи так отлично принял московское посольство, что царь посылал туда одно за другим еще два посольства (Лихачева и Желябужского). В 1667 году посылаем был в Испанию, а в следующем году во Францию стольник Петр Потемкин. Московский государь искал дружбы и союза с государями этих стран. Со своей стороны в Испании и Франции московскому посланнику делали мирные предложения, которые он не мог принять, не имея наказа. Таким образом, из этих посольств ровно ничего не вышло, кроме разве того, что царь Алексей Михайлович из рассказов посланников узнавал о порядках и обычаях далеких иноземных государств и само русское царство становилось известнее на западе.

Также бесплодно было и посольство к папе майора Менезиуса в 1674 году, отправленного для переговоров по поводу войны с турками. Папа Климент X ни за что не хотел дать Алексею Михайловичу царского титула, не зная, что этот титул, собственно, означает по смыслу западной дипломатии. С Персией Алексей Михайлович был постоянно в мирных и частых сношениях, хотя грузинские дела, набеги казаков на персидские берега и задержки русских купцов на пути в Персию возбуждали между двумя дворами некоторые недоразумения. В 1675 году царь отправлял посольство в отдаленную Индию искать дружбы одного из тамошних государей. В тот же год отправлен был переводчик посольского приказа, волох Николай Спафари, в Китай. Русские в Сибири, двигаясь к востоку, дошли наконец до пределов китайской империи. Возникли столкновения по поводу власти над берегами Амура, они повели к враждебным действиям с обеих сторон. Для прекращения столкновений, царь Алексей Михайлович отправил посольство в Китай, в надежде заключить договор. Спафари с большим трудом, при

посредстве иезуитов, добился представления богдыхану, но выехал из Пекина ни с чем, даже без грамоты, и привез в Москву такое мнение о китайцах, «что в целом свете нет таких плутов, как китайцы».

1669 год был замечательно несчастлив для царского семейства. 2 марта скончалась царица Марья Ильинишна, родивши дочь, которая умерла через два дня после рождения. Марья Ильинишна была очень любима за свой добрый нрав и готовность помогать людям во всякой беде. Вслед за ней через три месяца умер царевич Симеон, а через несколько месяцев другой царевич – Алексей. В это время царь, требовавший себе дружеского утешения, особенно сблизился с Матвеевым, который и прежде пользовался его благорасположением. Артамон Сергеевич был из немногих русских людей нового покроя, сознававший пользу просвещения, любивший чтение, ценивший искусство. Начальствуя посольским приказом, он обратил его некоторым образом в ученое учреждение. Под его руководством там переводились и составлялись книги: Василиологион – история древних царей, Мусы (музы), или семь свободных учений. Написана была также русская история под названием «Государственной большой книги» с приложением портретов государей и патриархов. При своей любознательности, чаще всякого другого находясь в обращении то с иноземцами, то с малороссиянами, Матвеев познакомился с иноземными обычаями, начал признавать превосходство их. К этому способствовала его семейная жизнь. Он был женат на иностранке из немецкой слободы, Гамильтон, шотландке по происхождению, принявшей при переходе в православную веру имя Авдотьи (Григорьевны). Матвеев служил в иноземных полках и сделан был рейтарским полковником. Он находился по жене в родстве с родом Нарышкиным: это были старинные рязанские дворяне, происходившие от одного крымского выходца в XV столетии. В XVII веке Нарышкины были наделены поместьями в Тарусе. Один из них, Федор Полуектович, был женат на племяннице жены Матвеева, также из рода Гамильтон и также в крещении названной Авдотьей (по отцу Петровной). Брат Федора, Кирилл Полуектович, стрелецкий голова, потом пожалованный в стольники (женатый на Анне Леонтьевне Леонтьевой), кроме сыновей, имел дочь Наталью, которая с одиннадцати или двенадцати лет воспитывалась в доме Матвеева и познакомилась сызмала с иноземными обычаями.

В конце 1669 года царь Алексей Михайлович возымел намерение вступить во второй брак и, по обычаю, велел собрать девиц на смотр. Много привозили их и увозили. В начале февраля 1670 года царю понравилась более всех Наталья Нарышкина, но царь продолжал смотреть девиц, в надежде найти еще покрасивее. В апреле, как видно, он колебался между Нарышкиной и Авдотьей Беляевой. Между тем против Нарышкиной и, главное, против Матвеева начались козни; боялись, чтобы брак с Нарышкиной не сделал всемогущим Матвеева, уже без того пользовавшегося доверием и любовью царя Алексея Михайловича. Подкинута была подметные письма с целью отклонить царя от брака. Подозрение в составлении этих писем пало на дядю Беляевой, Шихарева. Его обыскали, но не нашли ничего, кроме травы зверобоя, которою он лечился. В то время трав очень боялись, потому что с ними соединяли разные суеверия. Найденной травы было достаточно, чтобы подвергнуть несчастного ее хозяина пытке; от него не добились ничего. Выбор царя остановился на Нарышкиной; но свадьба почему-то была отложена. Так как у Алексея Михайловича были уже взрослые дочери почти одних лет с Натальей, то у них явилось нерасположение к будущей мачехе; притом же тетки царя, пожилые девы, богомольные хранительницы старых порядков, не терпели Матвеева и его родню за преданность иноземным обычаям. Это обстоятельство, вероятно, также способствовало замедлению брака, но не могло предотвратить его. 22 января 1671 года Алексей Михайлович сочетался с Натальей.

Опасения ревнителей старины были не напрасны. Алексей Михайлович, как натура увлекающаяся, способная вполне отдаться тем, кто в данное время был близок его сердцу, подчинился влиянию жены и Матвеева. Он называл Матвеева не иначе, как «другом», писал к нему

такого рода письма: «Приезжай скорее, дети мои и я без тебя осиротели. За детьми присмотреть некому, а мне посоветовать без тебя не с кем». Матвеев, однако, вел себя с необыкновенным благоразумием и хотя официально управлял разом и посольским и малороссийским приказами, однако носил только звание думного дворянина. По желанию царя, Матвеев построил себе большие палаты у Никиты на Столпах и, сообразно своему вкусу, украсил их по-европейски картинами иностранных мастеров и мебелью в европейском вкусе; даже в домовую его церкви иконостас был сделан на итальянский образец. Он не держал взаперти ни своей жены, ни своих родственниц и воспитанниц. В его доме введена была музыка и даже устроен домашний театр, в котором играли немцы и его дворовые люди.

30 мая 1672 г. родился царевич Петр, будущий русский император. Матвеев и отец царицы Натальи были возведены в звание окольничьих. Царица Наталья получила еще более силы над царем. В противность прежним обычаям, она позволяла себе ездить в открытой карете и показывалась народу, к соблазну ревнителей старины, видевших в подобных явлениях приближение Антихриста. Алексей Михайлович до такой степени изменился, что допускал то, о чем и не смел бы подумать назад тому несколько лет, когда церковные ходы и царские выходы доставляли единственную пищу его врожденной страсти к художественности. Теперь, под влиянием Матвеева и жены, у царя заведен был театр: вызвана была в Москву странствующая немецкая труппа Ягана Готфрида Григори, устроена в Преображенском селе «комедийная хоромина», а потом «комедийная палата» в кремлевском дворце. Это была сцена в виде полукружия, с декорациями, занавесом, оркестром, состоявшим из органа, труб, флейт, скрипки, барабанов и литавров. Царское место было на возвышении, обитое красным сукном; за ним была галерея с решеткой для царского семейства и места в виде полукружия для бояр, а боковые места назначались для прочих зрителей. Директор театра, по царскому приказанию, набирал детей из Новомещанской слободы, заселенной преимущественно малоруссами, и обучал их в особой театральной школе, устроенной в немецкой слободе. Сначала представлялись такие пьесы, которых содержание было взято из Священного Писания. Таковы были: «История Олоферна и Юдифи», комедия о «Навуходоносоре», комедия о «Блудном сыне», о «Грехопадении Адама», об «Иосифе», о «Давиде и Соломоне», «Товия», об «Артаксерксе и Амане», «Алексей Божий человек» и прочие. Комедии эти писались силлабическими виршами; две из них о «Навуходоносоре» и «Блудном сыне» принадлежат перу Симеона Полоцкого, бывшего, так сказать, придворным поэтом и проповедником Алексея Михайловича. Остальные комедии были сочинены малоруссами, как показывает язык. Совесть Алексея Михайловича успокаивалась тем, что его духовник объяснил ему, что и византийские императоры допускали при своем дворе такие увеселения. Мало-помалу молодое театральное искусство стало переходить и к мирским предметам. Так, в числе игранных у Алексея Михайловича пьес, была пьеса «Баязет», которой содержанием была борьба Баязета с Тамерланом. Гордый и самоуверенный Баязет насмехается над своим противником, на сцене происходит сражение. Баязет побежден, заключен в клетку и представлен победителю, сидящему на коне. В отчаянии Баязет разбивает себе голову. Трагический элемент смешан здесь с комическим: на сцену выводится шут, потешающий публику веселыми песнями. В 1675 году театральное искусство развилось уже до того, что на сцене давался на масленице балет, главным лицом которого был мифологический Орфей. Царь несколько смущался, когда пришлось допустить пляску с музыкой, да еще с мифологическим сюжетом: плясовая музыка соблазняла его еще более самой пляски, но он потом успокоился, когда ему представили, что при дворах европейских государей употребительны такого рода увеселения. Шаг был важный, если вспомним, что названный Димитрий, между прочими отступлениями от русских обычаев, за музыку и танцы потерял и корону и жизнь.

Таким образом, именно в то время, когда родился человек, которому суждено было двинуть русскую жизнь на европейскую дорогу, в Москве уже занималась заря этой новой жизни. Ее веяние чувствовалось во всем. Матвеев, возведенный, наконец, в 1674 году в сан боярина,

был так же могуч, как некогда Борис Морозов. Сколько нам известно, он не только не возбуждал против себя зависти и ненависти, но, напротив, пользовался всеобщей любовью. Его приверженность к иноземщине не умаляла его в глазах народа, тем более, что, при склонности к иноземному просвещению, он был человек благочестивый, готовый на всякое христианское дело и совершенно чуждый спеси и корыстолюбивых целей. Это уже одно показывает, что русский человек мог бы ужиться с новым направлением, лишь бы оно было благоразумно ведено.⁵⁹ Увлекаясь театральными представлениями, царь устраивал и другого рода «действия», имевшие государственное значение. 1 сентября 1674 года, в Успенском соборе, с возвышенного места, устланного персидскими коврами, царь «объявлял» народу своим наследником достигшего совершеннолетия царевича Феодора; для этого составлен был особый обрядный чин с приличными событию чтением из Евангелия, Апостола, Пророчеств, с водоосвящением и кроплением святою водою, с произнесением речей от патриарха к царю, от царя и царевича к патриарху, с поздравлениями от духовных и мирских людей, обращенными к царю и царевичу и с обратным поздравлением от последних к освященному собору, синклиту и ко всем православным христианам; в заключение был царский пир. В ознаменование этого торжественного события царь пожаловал всем служилым людям придачу к их окладам.

Через несколько дней народ смотрел на другое зрелище. В Москву привезли из Малороссии человека, который задумал было повторить давно избитую и потерявшую силу комедию «самозванства». То был один малороссиянин из Лохвицы, назвавший себя, по наущению какого-то Миюски, царевичем Симеоном Алексеевичем, покойным сыном царя от царицы Марьи Ильинишны. Но кошевой атаман Сирко, несколько времени покровительствовавший самозванцу, наконец схватил его и препроводил в Москву. Его казнили всенародно с теми же муками, какие испытал Стенька Разин.

Еще царь Алексей Михайлович был не стар. Он долго пользовался хорошим здоровьем; только чрезмерная тучность расстроила его организм и подготовила ему преждевременную смерть. В январе 1676 года он почувствовал упадок сил. 28 января он благословил на царство сына Феодора, поручил царевича Петра деду его Кириллу Нарышкину вместе с князем Петром Прозоровским, Федором Алексеевичем Головиным и Гаврилою Ивановичем Головкиным. Затем он приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить из ссылки всех сосланных, простить все казенные долги и заплатить за тех, которые содержались за долги частные, причастился Св. Тайн, соборовался и спокойно ожидал кончины.

На другой день, 29 января, в 9 часов вечера, три удара в колокол Успенского собора возвестили народу о смерти тишайшего царя, самого доброго из русских царей, но вместе с тем лишенного тех качеств, какие были необходимы для царя того времени.

⁵⁹ О Матвееве сохранилось такое предание: когда разнесся в народе слух, что Матвеев хочет себе строить дом, но не находит камня для фундамента, то народ пришел к нему толпою и «поклонился ему камнем на целый дом», т.е. подарил ему камень. «Я подарков ваших не хочу, – сказал Матвеев, – но если у вас есть лишний камень, то продайте мне, я могу купить». – «Ни за что не продадим, ни за какие деньги», – сказали москвичи. На другой день они привезли ему камень, собранный с могил, и говорили: «Вот камни с гробов отцов и дедов наших, для того-то мы их ни за какие деньги продать не могли, а дарим тебе, нашему благодетелю». Матвеев уведомил о том царя. «Прими, друг мой, – сказал Алексей, – видно, они тебя любят; я бы охотно принял такой подарок». Если этот случай и выдуман, то в самом подобном вымысле все-таки нельзя не видеть доказательства большой любви к нему народа.

Глава 4

Патриарх Никон

В XVII столетии достижение важного значения в обществе лиц простого происхождения было редкостью. Порода и богатство ценились выше личных достоинств; одна только церковь, безразлично для всех по происхождению, открывала путь и к высшим должностям и ко всеобщему уважению.

Патриарх Никон, один из самых крупных, могучих деятелей русской истории, родился в мае 1605 года, в селе Вельманове, близ Нижнего Новгорода, от крестьянина, именем Мины, и наречен в крещении Никитою. Мать умерла вскоре после его рождения. Отец Никиты женился на другой жене, которая ввела к нему в дом детей от первого мужа. Злоба мачехи в древней Руси вошла в поговорку; но жена Мины была женщина особенно злого нрава. Стараясь кормить своих детей как можно лучше, она ничего не давала своему бедному пасынку, кроме черствого хлеба, беспрестанно бранила его, нередко колачивала до крови, и однажды, когда голодный Никита хотел было забраться в погреб, чтобы достать себе пищи, мачеха, поймавши его, так сильно ударила в спину, что он упал в погреб и чуть не умер. За такое обращение отец Никиты нередко бранился с женою, а когда слова не действовали, то и бил ее. Но это не помогало несчастному: мачеха отомстила мужнины побои на пасынке и даже, как говорят, замышляла извести его.⁶⁰ Когда мальчик подрос, отец отдал его учиться грамоте. Книги увлекли Никиту. Выучившись читать, он захотел изведать всю мудрость божественного писания, которое, по тогдашнему строю понятий, было важнейшим предметом, привлекавшим любознательную натуру. Он взял из дома отца несколько денег, удалился в монастырь Макария Желтоводского, нашел какого-то ученого старца и прилежно занялся чтением священных книг. Здесь с ним случилось событие, глубоко запавшее в его душу. Однажды отправился он с монастырскими служками гулять и зашел с ними к какому-то татарину, который во всем околodge славился тем, что искусно гадал и предсказывал будущее. Гадатель, посмотревши на Никона, спросил: «Какого ты роду?» – «Я простолюдин», – отвечал Никита. «Ты будешь великим государем над царством российским!» – сказал ему татарин.

Через несколько времени отец Никиты, вероятно, уже вдовый в то время, узнавши, где находится его сын, послал к нему своего приятеля звать домой и сказать, что бабушка его лежит при смерти. Никита воротился домой и вскоре лишился не только бабки, но и отца.⁶¹

Оставшись единственным хозяином в доме, Никита женился, но его неудержимо влекли к себе церковь и богослужение. Будучи человеком грамотным и начитанным, он начал искать себе места и вскоре посвящен был в приходские священники одного села. Ему было тогда не более 20 лет от роду.

Никита перешел в Москву по просьбе московских купцов, узнавших об его начитанности. Он имел от жены троих детей, но все они померли в малолетстве один за другим. Это обстоятельство сильно потрясло впечатлительного Никиту. Смерть детей принял он за небесное указание, повелевающее ему отрешиться от мира, и решился удалиться в монастырь. Никита уговорил жену постричься в Московском Алексеевском монастыре, дал за нею вклад, оставил ей денег на содержание, а сам ушел на Белое море и постригся в Анзерском ските, под именем Никона. Ему было тогда 30 лет.

⁶⁰ В житии Никона, написанном Шушерою, сохранился такой рассказ: однажды бедный мальчик, плохо одетый, от зимнего холода залез погреться в печь. Мачеха наложила туда дров и затопила печь. Мальчик начал отчаянно кричать: прибежала его бабка, вытащила дрова из печи и, таким образом, спасла его от смерти.

⁶¹ Это был обыкновенный прием гадателей и гадалыщиц – предсказывать знатность и величие.

Житие в Анзерском ските было трудное. Братия, которой было не более двенадцати человек, жила в отдельных избах, раскинутых по острову, и только в субботу вечером сходилась в церковь. Богослужение продолжалось целую ночь; сидя в церкви, братия выслушивала весь псалтырь; с наступлением дня совершалась литургия; потом все расходились по своим избам. Царь ежегодно давал в Анзерский скит «руги» (царское жалованье хлебом и деньгами) по три четверти хлеба на брата, а рыбаки снабжали братию рыбою, в виде подавания. Над всеми был начальный старец по имени Елеазар.

Спустя несколько времени, Елеазар отправился в Москву за сбором милостыни на построение церкви и взял с собою Никона. В Москве анзерских монахов наделили щедро; они собрали до пятисот рублей и возвратились в свой скит. Но деньги нарушили доброе согласие, которое до того времени существовало между начальным старцем и Никоном. Первый держал деньги в ризнице; последний боялся, чтоб их не отняли лихие люди. Ссора дошла до того, что Елеазар не мог равнодушно смотреть на Никона, а Никон, сойдясь с каким-то богомольцем, посещавшим Анзерский скит, отправился вместе с ним на судне. Чуть было не погибнувши на пути от бури, Никон прибыл в Кожеозерскую пустынь, находившуюся на островах Кожеозера, и по своей бедности отдал в монастырь, – куда не принимали без вклада, – свои последние богослужebные две книги. Никон по своему характеру не любил жить с братиею и предпочитал свободное уединение; он поселился на особом острове и занимался там рыбною ловлею. Спустя немного времени, по кончине тамошнего игумена, братия пригласила Никона быть игуменом. На третий год после своего поставления, именно в 1646 году, он отправился в Москву и здесь явился с поклоном молодому царю Алексею Михайловичу, как вообще в то время являлись с поклоном к царям настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился кожеозерский игумен, что он тотчас же велел ему остаться в Москве, и, по царскому желанию, патриарх Иосиф посвятил его в сан архимандрита Новоспасского монастыря. Место это было особенно важно, и архимандрит этого монастыря скорее, чем многие другие, мог приблизиться к государю: в Новоспасском монастыре была родовая усыпальница Романовых; набожный царь часто ездил туда молившись за упокой своих предков и давал на монастырь щедрое жалованье. Чем более беседовал царь с Никоном, тем более чувствовал к нему расположение. Алексей Михайлович был из таких сердечных людей, которые не могут жить без дружбы, легко привязываются к людям, которые им нравятся по своему складу, и всею душою к ним пристращаются. Алексей Михайлович приказал Никону ездить к нему во дворец каждую пятницу. Беседы с Никоном западали ему в душу. Никон, пользуясь расположением государя, стал просить его за утесненных и обиженных; это было по нраву царя. Алексей Михайлович еще более пристрастился к Никону и сам дал ему поручение принимать просьбы от всех тех, которые искали царского милосердия и управы на неправду судей; и Никона беспрестанно осаждали такие просители не только в его монастыре, но даже на дороге, когда он ездил из монастыря к царю. Всякая правая просьба скоро исполнялась.

Никон приобрел славу доброго защитника, ходатая и всеобщую любовь в Москве. Никон, как близкий человек к царю, стал уже большим человеком.

Вскоре в судьбе его произошла новая перемена. В 1648 г. скончался новгородский митрополит Афанасий. Царь всем предпочел своего любимца, и бывший тогда в Москве иерусалимский патриарх Паисий, по царскому желанию, рукоположил новоспасского архимандрита в сан новгородского митрополита. Этот сан был вторым по значению в русской иерархии.

Алексей Михайлович был доверчив к тем, которых особенно любил. Помимо всех официальных властей, он возложил на Никона наблюдать не только над церковными делами, но и над мирским управлением, доносить ему обо всем и давать советы. Это приучило Никона и на будущее время заниматься мирскими делами. Подвиги нищелюбия, совершаемые митрополитом в Новгороде, увеличивали любовь и уважение к нему государя. Когда в новгородской земле начался голод, бедствие, как известно, очень часто поразившее этот край, Никон отвел у

себя на владычном дворе особую палату, так называемую «погребную», и приказал ежедневно кормить в ней нищих. Дело это возложено было на одного блаженного, ходившего босиком летом и зимою; кроме того, этот блаженный каждое утро раздавал нищим по куску хлеба и каждое воскресенье от имени митрополита раздавал старым по 2 деньги, взрослым по деньге, а малым по полденьге. Митрополит устраивал также богадельни для постоянного призрения убогих и испросил у царя средства на их содержание.

Всеми этими подвигами благочестивого нищепитательства Никон никому не становился на дороге, но вместе с тем он совершал иного рода подвиги, такие, которые тогда уже навлекли на него врагов: по царскому приказанию он посещал тюрьмы, расспрашивал обвиненных, принимал жалобы, доносил царю, вмешивался в управление, давал советы, и царь всегда слушал его. В письмах своих к Никону царь величал его «великим солнцем сияющим», «избранным крепкостоятельным пастырем», «наставником душ и телес», «милостивым, кротким, милосердным», «возлюбленным своим и содружбником» и т.п.; царь поверял ему тайное свое мнение о том или другом боярине. От этого уже тогда в Москве бояре не терпели Никона, как царского временщика, и некоторые говорили, что лучше им погибать в Новой Земле за Сибирью, чем быть с новгородским митрополитом. Не любили его подначальные духовные за чрезмерную строгость и взыскательность, да и мирские люди в Новгороде не питали к нему расположения за крутой властолюбивый нрав, несмотря на его нищелюбие, которое в сущности было таким же делом обрядового благочестия, как и заботы о богослужении. Будучи новгородским митрополитом, Никон начал совершать богослужение с большею точностью, правильностью и торжественностью. Несмотря на наружную набожность, в те времена, по старому заведенному обычаю, богослужение отправлялось нелепо: боялись греха пропустить что-нибудь, но для скорости, разом читали и пели разное, так что слушающим ничего нельзя было понять. Никон старался прекратить этот обычай, но его распоряжения не нравились ни духовным, ни мирянам, потому что через это удлинялось богослужение, а многие русские того века хотя и считали необходимостью бывать в церкви, но не любили оставаться там долго. Для благочиния Никон заимствовал киевское пение, да еще, кроме того, ввел в богослужение пение на греческом языке пополам со славянским. Каждую зиму ездил митрополит из Новгорода в Москву со своими певчими, и царь был в восторге, услышавши это пение, но многим – и в том числе патриарху Иосифу – не понравились эти нововведения.

В 1650 году вспыхнул новгородский бунт. Никон, и без того уже мало любимый, на первых же порах раздражил народ своею энергической мерою: он сразу наложил на всех проклятие. Если бы это проклятие было наложено только на некоторых, то могло бы подействовать на остальных, но проклятие, наложенное без разбора на всех, только ожесточило и сплотило новгородцев.⁶² Ненависть к митрополиту выразилась уже тем, что мятежники поставили одним из главных начальников Жеглова, митрополичьего приказного, бывшего у него в опале. Сам Никон в письме своем к государю рассказывает, что когда он вышел уговаривать мятежников, то они его ударили в грудь, били кулаками и камнями: «И ныне, – писал он, – лежу в конце живота, харкаю кровью и живот весь распух; чаю скорой смерти, маслом соборовался»; но относительно того, в какой степени можно вполне доверять этому письму, следует заметить, что в том же письме Никон сообщает, что перед этим ему было видение: увидел он на воздухе царский золотой венец, сперва над головой Спасителя на образе, а потом на своей собственной. Новгородцы, напротив, жаловались царю, что Никон жестоко мучил всяких чинов людей и чернецов на правее, вымучивая у них деньги; что он делает в мире великие неистовства и смуты. Царь во всем поверил Никону, хвалил его за крепкое стояние и страдание и еще более стал благоговеть перед ним; наконец, Никон, увидевши, что строгостью нельзя потушить мятежа, начал сам советовать царю простить виновным.

⁶² Здесь уже мы видим проявление того же крутого и неподатливого характера, который виден в деле раскола.

В 1651 году Никон, приехавши в Москву, подал царю совет перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Дело было важное: оно должно было внушить в народе мысль о первенстве церкви и о правоте ее, а вместе с тем обличить неправду светской власти, произвольно посягнувшей на власть церковную. В видах царского самодержавия этот совет должен был бы встретить противоречие; но царь сильно подчинился своему любимцу; притом же Никон представлял ему пример греческого царя Феодосия, который перенес мощи Иоанна Златоустого, изгнанного матерью царя Евдокией; Феодосий этим поступком исходатайствовал для грешной матери прощение у Бога. Царь не только согласился на предложение Никона, но еще сказал, что ему во сне явился Святой Филипп и велел перенести его мощи туда, где почивают прочие митрополиты. 20 марта 1652 года духовный собор, в угоду царю, одобрил это благочестивое желание, а вместе с тем царь, также по совету Никона, велел перенести в Успенский собор гробы патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря. Воображение царя пленялось торжественностью церемоний, сопровождавших эти религиозные события.⁶³

В то время, когда Никон ездил в Соловки за мощами, скончался патриарх Иосиф. Это было вскоре после перенесения праха Иова, в четверг на страстной неделе. Царь извещал об этом Никона в очень пространным письме, в котором подробно описывал последние минуты умершего патриарха, а в заключение просил Никона, вместе с Василием юродивым, иначе Вавилом (тем самым блаженным, который у Никона распорядился питанием нищих), молить Бога, чтоб дал нового пастыря и отца; царь при этом делает намек, что преемник Иосифу есть уже на примете и говорит: «Ожидаем тебя, великого святителя, к выбору; того мужа три человека знают, я, да казанский митрополит, да мой духовный отец, сказывают: святой муж!»

Письмо это составляет драгоценный памятник, как для характера царя и его отношений к Никону, так и вообще для духа того времени. Царь, посещавший умирающего патриарха, так уважал его сан, что кланялся ему в землю и целовал в ногу, но забыл спросить его о духовной, вменил себе это в грех и за то просил прощения у Никона. «Великий святитель, – писал царь, – равноапостольный богомolec наш, преосвященная глава, прости меня за то грешного; обманулся я тем, что думал так себе с ним, трясовица, а оно впрямь смертная; по языку можно было признать, что худо говорит и сквозь зубы; и помышлял я в себе, что знобит его больно, оттого он и без памяти, и пришло мне на ум великое сомнение: стану я ему говорить про духовную, а он скажет „вот меня и сбывают!“ да станет сердечно гневаться; и думаю я себе: утро еще я побываю у него. Прости меня, Христа ради, великий святитель, за такое согрешение, что я не вспомянул о духовной. Не с хитрости я это сделал, ей-ей не с хитрости это сделалось; сатана помешал такое дело совершить. У тебя, великого святителя, прошу согрешениям моим прощения и благословения и разрешения...» Но вот к царю прибежали сказать, что патриарха не стало, царь так описывает впечатление, произведенное этим событием: «В ту пору ударил царь-колокол три краты, а на нас такой страх и ужас нашел, и в соборе у певчих и у властей от страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да к таким дням великим кого мы грешные отбыли...» Когда тело усопшего патриарха было одето и положено, царь любовался им: «Лежит, – выражался он, – как есть, жив, и борода расчесана, как у живого, и сам немерно хорош... таков хорош во гробе лежит, только что не говорит...» Но в ночь с пятницы на субботу умерший патриарх уже не был так хорош и напугал царя Алексея Михайловича: тело его, разлагаясь, начало вздуться, священник, читавший псалтырь, услышал шум от трупа и, когда

⁶³ «8 апреля, встретили (власти и бояре), – писал царь Никону, – честные мощи патриарха Иова в селе Тушине; а оттуда несли их стрельцы на головах до самой Москвы, а я, многогрешный царь, с патриархом и с освященным собором и со всем государством, от мала до велика, встречал его; и так многолюдно было, что не вместились от Тверских ворот по Неглинские. По кровлям и по переулкам яблоку негде было упасть, нельзя ни пройти, ни проехать, а Кремль велел запереть; и так на злую силу пронесли в собор. Такая теснота была; старые люди говорят, лет за семьдесят не помнят такой многолюдной встречи, и патриарх наш отец, плачучи, говорил: вот смотри, государь, каково хорошо за правду стоять!»

царь вошел в церковь, где лежал труп, сказал царю: «Меня такой страх взял, думал, что ожил! Я двери отворил, хотел бежать». – «Прости, владыка святой, – писал царь Никону, – от этих речей меня такой страх взял, что я чуть с ног не свалился... и пришло мне такое помышление от врага: побеги ты вон, тотчас вскочит, да тебя ударит! А нас только я, да священник, что псалтырь говорит. Я перекрестился, да взял за руку его света, и стал целовать, а в уме держу такое слово: от земли создан и в землю идет; чего бояться...» В Великую субботу хоронили патриарха, и митрополит казанский Корнилий положил ему в гроб разрешительную грамоту; царь писал об этом так: «Все мы надседались плачучи; не было человека, который не плакал, на него смотря, потому что вчера с нами, а ныне безгласен лежит, а се к таким великим дням стало!» Но после похорон царю были нового рода хлопоты: покойный патриарх был большой стяжатель, копил деньги, собираясь купить себе вотчину и дать по душе в собор. Много было у него дорогих материй и серебряной посуды; все было заботливо вычищено, обернуто бумагою, на чердаке лежало оружие: пищали, сабли, и все смазано; но очень немного было записано: патриарх знал на память все, что у него есть, а келейники не заведывали его вещами. Сам царь ходил описывать достояние умершего патриарха. «Прости, – пишет он Никону, – владыка святой, и половины не по чем отыскать, потому что все без записки; не осталось бы ничего, все бы разокрали, да и в том меня, владыка святой, прости, немного и я не покусился иным сосу-дам, да милостью Божиею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыка святой, ни маленькому ничему неточен...» Много из казны патриарха царь раздал на милостыню, на окуп пленных, по тюрьмам, по монастырям, созвал всю патриаршую прислугу и всем давал по десяти рублей; тут оказалось, что «свет-патриарх» не по-христиански обращался со своими подначальными. «Все вконец бедны; и он, свет, жалованья у них гораздо убавил», – сообщает царь Никону. Раздавая это жалованье слугам, царь произнес им такое знаменательное в духе своего времени нравоучение: «Есть ли из вас кто-нибудь, кто бы раба своего или рабыни без дела не оскорбил? Иной раз за дело, а иной раз, пьян напившись, оскорбит и напрасно побьет; а он, великий святитель и отец наш, если кого и напрасно оскорбил, от него можно потерпеть, да уж что бы ни было, так теперь пора всякую злобу покинуть. Молите и поминайте с радостью его, света, елико сила может».

Этот святой муж, втайне предназначенный царем, был не кто иной, как его любимец Никон. Ему готовил царь неожиданное величие.

Между тем Никон 3 июня прибыл в Соловки с грамотою от царя Алексея Михайловича к митрополиту Филиппу. Живущий на земле царь обращался к «небесному жителю, Христову подражателю, вышеестественному и бесплотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю», просил простить грех «прадеда» своего, царя Ивана, – чтобы, по выражению Святого Писания, «не было оскомины детям за то, что отцы ели терпкое», – и просил возвратиться с миром восвояси. Царь своею рукою приписал: «О, священная глава, святой владыка Филипп, пастырь, молим тебя, не презри нашего грешного моления и приди к нам с миром! Царь Алексей. Желая видеть тебя и поклониться святым мощам твоим!»

Это послание было прочитано у гроба Филиппа. Подняты были мощи страдальца. 9 июля привезены они были в Москву и торжественно положены в Успенском соборе.

Блюстителем патриаршего престола, до избрания нового патриарха, был назначен ростовский митрополит Варлаам. По прибытии Никона созван был духовный собор. Все знали, что царь желал избрания Никона. Боярам очень не хотелось видеть его на патриаршем престоле. «Царь выдал нас митрополиту, – говорили они, – никогда нам такого бесчестья не было». Для соблюдения буквы устава выбрали двух кандидатов: Никона и иеромонаха Антония, того самого, который некогда был учителем Никона в Макарьевском монастыре. Жребий, как будто назло царю, пал на Антония. Последний, вероятно, в угоду царю, отказался. Тогда стали просить Никона. Никон отрекался, пока наконец 22 июля царь Алексей Михайлович, окруженный

боярами и бесчисленным народом, в Успенском соборе, перед мощами Святого Филиппа, стал кланяться Никону в ноги и со слезами умолял принять патриарший сан.

«Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховнейшего, и дадут ли мне устроить церковь?» – спросил Никон. Царь, а за ним власти духовные и бояре поклялись в этом. 25 июля Никон сделался патриархом.

Первым делом его было основать для себя монастырь и прославить его новою святынею. То было давним церковным обычаем. Иерархи всегда почти старались положить начало какому-нибудь монастырю и, по возможности, дать ему высокий почет. Никон выбрал для этого место близ Валдайского озера и назвал свой монастырь Иверским, в честь Иверской иконы Богородицы, находящейся на Афоне. В то же время он отправил на Афон сделать список Иверской иконы, и когда каменная церковь была построена, поставил в ней эту икону, украсивши ее золотом и драгоценными камнями.⁶⁴ Вместе с тем он перенес туда мощи Иакова Боровицкого. Таким образом, новооснованный монастырь сделался предметом двойного поклонения. Пошли слухи о совершающихся в нем чудесах и исцелениях.⁶⁵

Но гораздо важнейшее дело предпринял Никон в церковном строе богослужения. Давно уже, еще со времен Максима Грека, замечались разноречия в богослужбных книгах; естественно, отсюда возникала мысль о вкравшихся в этих книгах искажениях, о необходимости найти и узаконить единообразный правильный текст. Эта потребность усиливалась ощутительнее со введением книгопечатания, так как книгопечатание вообще, распространяя сочинения и расширяя круг читателей, давало последним побуждение доискиваться правильной передачи сочинений и возможность удобнее замечать и сравнивать разноречия. Печатное внушало к себе более доверия, чем писаное, так как предполагалось, что приступавшие к печатанию старались изыскивать средства передать издаваемое правильно. Введение книгопечатания сильно подвинуло и поставило на вид вопрос об исправлении богослужбных книг; при всяком печатании разноречие списков вызывало необходимость справщиков, которые должны были из многих различных списков выбирать то, что, по их убеждениям, надлежало признать правильным. Вопрос этот занимал умы возрастающим образом по мере умножения печатных книг церковного содержания.

Уже при патриархе Филарете сильно сознавалась потребность правильности текстов и необходимость обличать и уничтожать ошибки и искажения. В 1610 году уставщик Логгин напечатал устав, который Филарет приказал сжечь, потому что там статьи были напечатаны «не по апостольскому и отеческому преданию, а своим самовольством». По повелению Филарета, был исправлен и напечатан несколько раз Потребник и Службник и, кроме того, Минеи, Октоих, Шестоднев, Псалтырь, Апостол, Часослов, Триодь цветная и постная и Евангелие на престольное и учительное. В предисловии к Минеи выражено сознание, что хотя издавна богослужбные книги переведены были с греческого языка на славянский, но многие переводчики и переписчики иное выбросили, другое смешали. Филарет, как говорится в его Требнике 1633 года, приказывал собирать по всем городам древние харатейные списки разных переводов, по ним исправлять те погрешности, которые вошли туда по неисправности переписчиков и вследствие многолетних обычаев, дабы сочетать «во единогласие» все потребности и чины церковного священноначалия. Сам Филарет приказывал приносить к себе эти списки и просматривал их. Хотя он был человек умный и любознательный, но не имел той ученой подготовки, которая необходима была для такого дела, да и никто в то время не имел ее, потому что нужно было сличать переводы с греческими подлинниками и, следовательно, обладать основательными сведе-

⁶⁴ Царь в угоду своему любимцу приписал к Иверскому монастырю пригород Холм, с крестьянами, деревнями и угодьями.

⁶⁵ Никон завел, или лучше сказать, перенес из Хутынского монастыря типографию (которая заведена им была еще во времена пребывания его в Новгороде) в свой любимый Иверский монастырь. В этой типографии напечатаны были: «Учебный Часослов», «Мысленный Рай» Стефана Святогорца, самого Никона: «Сказание об Иверской иконе», о Создании Онежского Крестного монастыря, Поучение к духовным и мирским, Канон о соединении веры и пр.

ниями в греческом языке, литературе, церковной истории и древностях. Сознавая необходимость науки, Филарет основал при Чудовом монастыре еллино-славянскую школу, вероятно, по образцу западно-русских, и поставил там учителем грека иеромонаха Арсения. Преемник Филарета патриарх Иосиф также занимался печатанием богослужебных книг и также приказывал собирать из городов пергаментные списки, сличать их и издавать по исправлению, но сам лично не занимался этим. До какой степени были подготовлены к своему делу тогдашние московские справщики – показывает суждение о них грека Арсения: «Иные из этих справщиков едва азбуке умеют, а уж, наверное, не знают, что такое буквы согласные, доегласные и гласные, а чтоб разуместь восемь частей речи и тому подобное, как то: род, число, времена, лица, наклонения и залогии, то этого им и на ум не приходило!»⁶⁶ После него, при патриархе Иосифе, выбрана была, так сказать, особая комиссия справщиков.⁶⁷ Они напечатали целый ряд богослужебных книг; сам Иосиф, человек неученый, вовсе не прикасался к этому делу и во всем положился на них. Увидя перед собою множество разнородных списков и не имея нужных сведений, чтобы сладить с ними, они руководствовались только наиболее распространенным обычаем; полагаясь на свою начитанность, они думали, что исполняют свое дело в совершенстве. Но вот в 1649 году приехал в Москву иерусалимский патриарх Паисий.⁶⁸ Он заметил, что в московской церкви есть разные нововведения, которых нет в греческой церкви, и особенно стал порицать двуперстное сложение при крестном знамении. Царь Алексей Михайлович очень встревожился этими замечаниями и отправил троицкого келаря Арсения Суханова на восток за сведениями. Но пока Арсений странствовал на востоке, Москву успели посетить другие греческие духовные особы и также делали замечания о несходстве русских церковных обрядов с греческими, а на Афоне монахи даже сожгли богослужебные книги московской печати, как противные православному чину богослужения.⁶⁹ Патриарх Иосиф был сильно озабочен и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Смерть избавила его от дальнейших тревог. Никон заступил его место, уже вполне задавшись мыслью о необходимости сделать такого рода исправления в богослужебных книгах и обрядах, которые бы привели русскую церковь к полному единству с греческой.

Чрезмерно сильная воля и жажда деятельности этого человека требовала себе пищи. Никон был не из таких натур, которые удовольствуются старою колеєю. Ему нужно было что-нибудь необычайное. Он хотел быть творцом, строителем, но воспитание, полученное Никонем, осудило его на слишком узкий кругозор: любимец Алексея Михайловича не мог вполне сделаться московским Петром Могилою. Ему негде было приобрести и усвоить ясных и сильных убеждений о необходимости просвещения, о научном образовании. Он не учился за границею, подобно Могиле, и в среде, в которой он жил, не было ничего, что бы могло возбуждать его к высокому призванию сделаться просветителем своего народа. Он получил воспитание у желтоводского монаха, ограничивался чтением кое-каких церковных книг в плохих переводах, часто непонятных. Пробывши десять лет приходским священником, Никон поневоле усвоил себе всю грубость окружавшей его среды и перенес ее с собою даже на патриарший престол. В

⁶⁶ Невежество тогдашних справщиков действительно отразилось в изданных ими книгах, куда вошли разные освященные временем нелепости, напр., в молитвах на рождение младенца упоминается, как достоверный факт, басня о бабе Соломии, которая, в качестве повивальной бабки, принимала Иисуса Христа и свидетельствовала: не нарушено ли девство Богородицы, а в отпусках говорится о праздниках, как о лицах, наравне со святыми: напр. молитвами Пречистыя твоея матери, честного ея Благовещения или честного Успения и т.п.

⁶⁷ Это были протопопы, москвичи: Степан Вонифатьев, царский духовник; Иван Неронов, протопоп Казанского собора; дьякон Благовещенского собора Федор; приглашенные из городов протопопы: Аввакум из Юрьевца Повольского, Логин из Муромы, Лазарь из Романова, Никита Пустосвят из Суздаля и Даниил из Костромы.

⁶⁸ Он обратил особое внимание на Никона, который в это время из новоспасских архимандритов был посвящен в новгородские митрополиты. Паисий дал ему грамоту, в которой восхвалял его достоинства и предоставил ему в знак отличия право носить мантию с красными «источниками» (пришивками).

⁶⁹ Между прочими константинопольский патриарх Афанасий, умерший на возвратном пути в Лубнах и чтимый в Лубенском Мгарском монастыре, под именем Афанасия сидящего.

этом отношении он был вполне русский человек своего времени, и если был истинно благочестивым, то в старом русском смысле. Благочестие русского человека состояло в возможно точном исполнении внешних приемов, которым приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; и у Никона благочестие не шло далеко за пределы обрядности. Буква богослужения приводит к спасению; следовательно, необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильнее. Таков был идеал церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнем лежала на русской духовной жизни; эта буква подавляла богатую натуру Никона. Никон, как человек со светлым природным умом, начал говорить проповеди, которые с давних времен уже не говорились, но все-таки, подчиняясь духу своего времени и воспитания, он более или менее был буквалист, как называли его противники, в продолжение целых веков упорно стоявших и до сих пор стоящих за свою букву. Но горячо любя и уважая церковь, Никон заботился не только о приведении внешней ее стороны в надлежащее состояние; нужно было, чтобы и власть, которая наблюдала над церковью, была высоко поставлена. Задачей Никона было правильное однообразие церковной практики. Из этой задачи прямо истекала потребность и единой церковной власти, а эту власть находил он в себе, в своем патриаршем сане; и вот Никон, ревностно взявшись за дело достижения единообразия в церковной обрядности, логически должен был сделаться борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти.

Подготовленный замечаниями восточных духовных, по своем вступлении в сан патриарха, Никон начал рыться в рукописях патриаршего книгохранилища. И вот – как рассказывается в предисловии к изданному при Никоне служебнику – патриарх, рассматривая грамоту вселенских патриархов на учреждение патриаршества в Московском государстве, обратил внимание на то, что в ней говорилось: «Православная церковь приняла свое совершение не только по богоразумию и благочестию догматов, но и по священному уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новизну ради церковных ограждений, ибо мы видим, что новины всегда были виною смятений и разлучений в церкви; надлежит последовать уставам святых отец и принимать то, чему мы от них научились, без всякого приложения или убавления. Все святые озарились от единого Духа и уставили полезное; что они анафеме предают, то и мы проклинаяем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем: пусть православная великая Россия во всем будет согласна со вселенскими патриархами».

В то же время Никон обратил внимание на символ веры, вышитый на саккосе митрополита Фотия; этот символ разнился с символом в том виде, в каком пели его во времена Никона: в старом символе не было прибавления слова «истинного» о Св. Духе; против этого прибавления еще вооружался Дионисий; равным образом, в старом символе написано было: «его же царствию не будет конца», тогда как при Никоне проносили: «его же царствию несть конца». Пересматривая богослужебные книги, Никон убедился, что в них есть значительные отмены против греческого текста. В это время Никон находился под влиянием Арсения грека, который, по подозрению в латинстве, был сослан в Соловки при патриархе Иосифе и возвращен Никон. Не меньше влияния оказывал Епифаний Славинецкий, который с другими киевскими монахами был призван боярином Ртищевым в Москву. С Востока воротился Арсений Суханов и 26 июля 1653 года подал царю и патриарху свой отчет о путешествии по греческим островам, о пребывании в Александрии, Иерусалиме и Грузии. Записки его носят название: «Проскинитарий» (Поклонник). Арсений остался приверженцем русской старины и описал черными красками поведение восточных духовных, недостаток благоговения при богослужении; однако он не скрыл и того, что везде на Востоке употребляется троеперстное крестное знамение и соблюдаются те приемы, по поводу которых греческие духовные укоряли русскую церковь.

По этим-то побуждениям Никон убедил царя созвать собор русских иерархов, архимандритов, игуменов и протопопов. Всех духовных было 34 человека. Царь со своими боярами присутствовал на этом соборе. Никон произнес на нем речь и тогда же высказал в ней свой взгляд

на равенство церковной власти со светскою. «Два великих дара даны человеком от Вышнего по Божьему человеколюбию – священство и царство. Одно служит божественным делам, другое владеет человеческими делами и печется о них. Оба происходят от одного и того же начала и украшают человеческое житие; ничто не делает столько успеха царству, как почтение к святителям (святительская честь); все молитвы к Богу постоянно возносятся о той и другой власти... Если будет согласие между обоими властями, то настанет всякое добро человеческой жизни». Никон указал на слова грамоты вселенских патриархов, поразившие его, и сказал: «Надлежит нам исправить как можно лучше все нововведения в церковных чинах, расходящиеся с древними славянскими книгами. Я прошу решения, как поступать: последовать ли новым московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятся разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а прямее сказать, ошибки, или же руководствоваться древним, греческим и славянским (текстом), так как они оба представляют один и тот же чин и устав?» На этот вопрос собор дал в ответ такое же решение, какое высказываемо было не раз при прежних патриархах. «Достоинственно и праведно исправлять, сообразно старым харатейным и греческим спискам».

Вслед за этим Никон отставил всех прежних справщиков и передал как типографию, так и дело исправления книг Епифанию Славинецкому с его киевскою братией и греку Арсению. Никон и царь дали приказание усиленно собирать по всем монастырям старые харатейные списки и присылать в Москву. Никон снова отправил Арсения Суханова на Афон просить греческих книг. Между тем у Никона явились враги: то были отставленные справщики, которых самолюбие было сильно задето. Они кричали против Никона, что он поддается наущениям киевлян, зараженных латинской ересью. Горячими его противниками сделались тогда протопоп Иван Неронов и друг Неронова юрьевский протопоп Аввакум, живший в доме его, во время своего пребывания в столице.⁷⁰ К ним присоединились епископ коломенский Павел и несколько архимандритов и протопопов, присутствовавших на соборе и не подписавших его приговора.

Чтобы придать более освящения начатому делу, Никон отправил, через одного грека, по имени Мануила, к константинопольскому патриарху Паисию двадцать шесть «вопросов», которые касались разных вопросов богослужения и в том числе спорных пунктов; вместе с тем Никон жаловался на коломенского епископа Павла, на протоиерея Неронова и на их сообщников. Московский патриарх спрашивал совета константинопольского: как поступить с непослушными.

Началась у московского государства война за Малороссию; Никон с особенным рвением благословлял царя на эту войну своим советом, вероятно, побуждаемый к тому же своими киевскими справщиками, хлопотавшими в Москве о помощи своему отечеству. Отправляясь в поход, царь доверил патриарху, как своим ближайшему другу, свою семью, свою столицу и поручил ему наблюдение за правосудием и ходом дел в приказах. Все боялись Никона: ничего важного не делалось без его совета и благословения. Он не только, по примеру Филарета, стал называть себя «великим государем», но, во время отсутствия Алексея Михайловича, как верховный правитель государства, писал грамоты (напр. о высылке подвод на службу под Смоленск), в которых выражался так; «Указал государь, царь, великий князь всея Руси, Алексей Михайлович и мы, великий государь...» Во время постигшей Москву заразы, Никон сделал распоряжение поставить в разных местах заставы, чтобы, на время заразы, пресечь сообщение с войском, в котором был государь, приказал в Москве заложить кирпичом царские кладовые и

⁷⁰ Неронов пока оставлял в тени вопрос об исправлении и нападал на Никона за его жестокость. «Патриарх, – писал он к своим друзьям, – мучитель, терзает свою братию, членов церкви, творит над ними поругание, одних расстригает, других проклинает. Беззаконное дело будет быть у него в послушании без прекословия. Он хочет, чтоб мы просили у него прощения; пусть он у нас просит! Государь всю свою душу и всю Русь положил на патриархову душу; не хорошо так мудрствовать государю!...»

не выпускать никого из тех дворов, где появится зараза, а сам выехал вместе с царским семейством в Вязьму. Тогда враги, в его отсутствие, начали возмущать народ и толковать, что бедствие постигает православный народ за еретического патриарха. Толпа принесла на сходку к Успенскому собору образ Спасителя, на котором стерлось изображение; некто Софрон Лапотников говорил, что этот образ выскоблен был по приказанию патриарха, и ему, Софрону, было от этого образа видение: велено показать образ мирским людям, чтобы все восстали за поругание икон. Народ сердился за то, что Никон дал волю еретикам печатать книги; какая-то женщина из Калуги кричала всенародно, что ей было видение, запрещающее печатать книги. Никону ставили в вину, что он покинул столицу, а за ним разбежались и приходские священники. Патриарх в своем управлении был до чрезвычайности строг, и множество попов находилось у него под запрещением; они-то и были повсеместными возмутителями толпы. Оставленный в столице князь Пронский с большим трудом успокаивал народное волнение, и вопрос о состоявших под запрещением полах был до того важен, что старосты и сотские московских сотен и слобод, не пристававшие к мятежникам, ради всеобщего успокоения, били челом патриарху, чтоб он разрешил опальных священников, потому что много церквей остается без богослужения, некому напутствовать умирающих и погребать мертвых.

По возвращении царя в Москву, Никон опять занялся церковным преобразованием. Арсений Суханов, не жалея издержек, достал с Афона до пятисот рукописей, из которых некоторым приписывали глубокую древность. Славинецкий и грек Арсений с братией ревностно трудились над исправлением богослужебных книг, а между тем пришел ответ от константинопольского патриарха Паисия. Паисий извещал, что он созывал собор в Константинополе и на этом соборе составлены ответы на присланные Никоном «вопрошения». «Вижу, – писал Паисий, – в грамотах преблаженства твоего, что ты жалеешь о несогласиях, возникших по поводу некоторых церковных чинов, и думаешь, что это различие чинов растлевает веру нашу. Хвалим твою мысль: кто бережется малого преступления, тот соблюдается от великого. Еретиков и раздорников следует убежать, если они соглашаются в самых важных предметах, но не вполне согласны с православием и придерживаются чего-нибудь своего, чуждого церковной и соборной мысли. Но если случится, что какая-нибудь церковь различествует от другой в некоторых не особенно важных и несущественных вещах, т.е. не прикасающихся „свойственным составам веры“, – напр., во времени отправления богослужения и т.п., то это не должно быть поводом к разлучению, лишь бы только непреложно сохранялась та же вера. Церковь наша не сначала приняла на себя тот образ и последование, какое держит ныне; не сразу, а помалу». Паисий ссылается на Епифания кипрского в том, что церковь в разных местах принимала различные степени поста и мясоядения, ссылается на Василия Великого, из которого видно, что неокесарийская церковь не принимала того, что принималось в других местах. «Не следует, – продолжает Паисий, – и ныне думать, будто наша православная вера развращается оттого, если один говорит свое последование немного различно от другого в несущественных вещах, лишь бы только согласовался в важнейших, свойственных соборной церкви». Ответ довольно уклончивый: можно было давать по произволу то более широкий, то более узкий смысл тому, что признавать несущественным. Сам Паисий, представивший в «Ответях» на «Вопрошения» Никона подробное объяснение литургии, говорит: «Именем Иисуса Христа молим твое преблаженство, утоли эти распри твоим разумом; не подобает ссориться рабам Господним, а наипаче в вещах неважных и несущественных; увещевай их принять сей чин, который мы пишем вам, которого держится вся восточная церковь. Изначала у нас, по преданию, он сохраняется; ни в единой вещи не было изменения; за это нам хвала, потому что прочие церкви, отделившись от нас, приняли многие нововведения, а мы – ничем не растлеваемся». Таким образом, предоставляя свободу в неважных приемах богослужения, константинопольский патриарх, однако, требовал точного единства с восточной церковью в литургии и вообще в богослужении. О коломенском епископе и протопопе Неронове Паисий дал такое решение: «Все это знамение ереси и раздора,

и кто так говорит и верует, как они, тот чужд православной нашей веры»; Паисий советует их отлучить, если они не примут нелицемерно все так, как «держит и догматствует церковь»; он сравнивает их с арианами, кальвинистами, лютеранами, которые, под видом исправления, покинули «недвижное и истинное» в церкви. «Их молитвы, – говорит патриарх, – хулы, потому что они полагают в сомнение моление наших святых и затевают вводить новые чины, которым мы никогда не научились от наших отцов, предавших нам веру». В «Ответах» Паисия много излагается и такого, что уже в русской церкви было согласно с греческою; но относительно крестного знамения Паисий указывает на сложение трех первых перстов, как на древний обычай поклонения, и различает молебное перстосложение от благословящего, которое должно изображать имя Иисуса Христа в четырех буквах (IC XC). «До нас дошло, – замечает Паисий, – что в ваших церковных чинах есть еще кое-какие различия, несогласные с нашей восточной церковью; удивляемся, что ты о них не спрашиваешь. Желаем, чтобы все это исправилось». Между прочим, патриарх порицал русскую церковь за то, что в русских храмах женщины и мужчины сходятся вместе и во время богослужения не стоят раздельно: «Женщине следует безмолвствовать, а тут невозможно сохранять безмолвие, когда сойдется с женщинами много мужчин разного возраста».

По этому ответу, Никон собрал снова собор, на котором, кроме русских архиереев, был антиохийский патриарх Макарий, сербский Михаил и митрополиты никейский и молдавский. Сам Никон называл себя «великий государь, старейший Никон, архиепископ московский и всея Великие, Малые и Белые России и многих епархий, земли же и моря сея земли патриарх».

Этот собор положил держаться того, что решено было на предшествовавшем московском соборе и как велит константинопольский патриарх. Голос антиохийского патриарха Макария энергически решал правильность троеперстия. Замечательный ответ его был выражен так: «Мы приняли предание изначала веры от Св. апостол и Св. отец и семи соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами десной руки, и кто из христиан православных не творит крестного знамения по преданию восточной церкви, сохраняемого от начала веры до сих пор, тот еретик и подражатель арменов: того ради, мы считаем такового отлученным от Отца и Сына и Св. Духа и проклятым». Никейский митрополит прибавил: «На том, кто не крестится тремя перстами, пребудет проклятие трехсот восьмидесяти Св. отец, собиравшихся в Никее и прочих соборов».

Таким образом, собор этот объявил решительную войну двуперстному сложению. Дело было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложение, как повсеместное у восточных православных народов, действительно имело за собою все признаки древности и правильности, то не надобно было забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстным сложением и уважала многих святых, которые несомненно осеняли себя таким же крестным знаменем. Возложить проклятие на двуперстие, в глазах противников Никона, значило предать проклятию святых русской церкви, отрешиться разом от священных преданий. Восточные архиереи, чуждые России, могли отнестись, не зная ни духа русского народа, ни склада его понятий, так легко к этому вопросу, не сообразивши всех условий; Никон, природный русский человек, мог поступить так круто и легкомысленно в этом деле, только по тому безмерному властолюбию, которое очень часто бывает свойством людей с твердым характером, горячо принимающихся за важное дело своего убеждения. При более благоразумном и осторожном способе действий исправление буквы в русской церкви совершилось бы тихо, без больших потрясений. Никон своим упорством и горячностью дал зародыш печальных событий на будущее время, тем более, что его ошибка неизбежно повлекла за собою другие; так всегда в истории мы замечаем, что стоит только историческому деятелю в важную минуту стать на ложную дорогу, то уже трудно бывает сойти с нее, и ему самому, и его преемникам и последователям.

Никон издал новый служебник с текстом, исправленным против прежних печатных изданий и сверенным с греческим. В предисловии к этому служебнику он изложил поводы, побудившие его к исправлению богослужебных книг, и деяния первого собора в Москве, одобрявшего его предприятие. Он приказывал повсюду рассылать и вводить в употребление при богослужении новый служебник. Затем, по его приказанию, грек Арсений перевел с греческого книгу «Скрижаль», заключающую в себе порядок и объяснение литургии и таинств. В эту Скрижаль внесено изложение бывших при Никоне соборов об исправлении книг, ответ константинопольского патриарха Паисия и статьи, относящиеся к вопросу о крестном знамении в защиту троеперстного сложения. Статья «О еже коими персты десные руки изображается крест» вооружается против разных способов неправильного исполнения крестного знамения. Были такие, которые крестились, полагая руку сначала на лоб, а потом – не на живот, а на правое плечо. «Такие, – говорит статья, – должны быть отлучаемы и проклинаемы. Это – поругание крестного знамения, а не знамение его. Это значит – исповедать вознесение сына Божия на небеса, не творя его соития на землю». Люди, таким образом полагавшие крестное знамение, составляли, вероятно, незначительное исключение; зато двуперстников было очень много. «Скажите, – говорится в этом сочинении, – вы, соединяющие великий перст с двумя малыми последними, имеющими между собою неравенство и местный разлад, как можете вы исповедывать таинство Пресвятой Троицы, соприсущной и равнославной? Поистине, неприличен ваш способ изображения того первообразного, в котором нет ни первенства, ни последовательности, ни большинства, ни меньшинства!» Защитники двуперстия объясняли свое крестное знамение, будто оно изображает божественную и человеческую природу Спасителя. Им на это делается такое замечание: «Смотрите, чтоб вы не впали в мудрование о двух ипостасях в Иисусе Христе, подобно Несторию, говорившему, что иной Сын Бог Слово, а иной – Иисус из Назарета, простой человек. Так и вы, в трех пальцах, изображающих Св. Троицу, уже указываете сыновнюю ипостась, а потом, особо отделивши, указываете еще иную ипостась в указательном и среднем пальцах». Двуперстники говорили, что некогда антиохийский патриарх Мелетий спорил с арианами; желая убедить их в силе крестного знамения, он показал им три перста, и от этого не произошло никакого знамения, а как сложил два перста и один пригнул, то «бысть знамение – огонь изыде». Никон доказывал им, что они здесь не понимают смысла того, что читают: Мелетий показал три перста отдельно и не было знамения, а как сложил указательный и средний вместе, да к ним пригнул большой перст, так и сотворилось тогда знамение. Вот оно и значит – троеперстное знамение! Двуперстники ссылались на ходившее в разных сборниках слово Феодорита; Никон возражал, что не знает, о каком Феодорите идет дело.⁷¹ Наконец, двуперстники ссылались на Максима Грека; им на это замечали, что Максим Грек, хотя был человек ученый, но, снисходя к русскому обычаю и много пострадавши, мог писать и неправильно от страха наветов.

Снова, в апреле 1656 года, собран был собор, на котором Никон представил свою скрижаль. Собор утвердил ее и еще раз произнес проклятие над двуперстниками. По мудрствованию этого собора, соединение двух последних пальцев с большим выражало неравенство Св. Троицы, а два простертые пальца, средний и указательный, означали последование Несториевой ереси. Вместе с тем предано проклятию (мнимое) слово Феодоритово, на которое ссылались двуперстники. Никон подвинул этим еще далее разрыв с прошедшим. Противники его с ужасом толковали, что Никон и согласные с ним духовные, таким образом, признали еретиками всех святых русской церкви, которые, без сомнения, употребляли двуперстное знамение.

По совету, данному константинопольским патриархом, Никон начал поступать решительно со своими противниками: Павел Коломенский был лишен сана и сослан; Неронов был

⁷¹ Антиохийский ли или Кирский, или какой иной; и если Кирский, то перевода его на славянском языке нет; если же где и есть, то нельзя принимать на веру всего, что он писал, потому что он был противник Кирилла Александрийского.

отправлен в заточение в Вологодский монастырь. Вонифатьев покорился и скоро сам ходатайствовал за Неронова; Никон простил последнего; Неронов постригся в монахи под именем Григория. Аввакум, самый зазорнейший противник нововведения, был сослан в Даурию с женою и семьею. Протопопы Логгин и Данило заключены в тюрьмы и там скоро умерли. Но этими ссылками и заточениями нельзя было утишить волнения. Когда патриарх разослал свои новые богослужебные книги и приказывал служить по ним и креститься тремя перстами, ропот поднялся разом во многих местах. Оставшиеся пока нетронутыми, бывшие справщики: Никита Пустосвят в Суздале и Лазарь в Романове, возбуждали народ к неповиновению. Соловецкий монастырь, исключая немногих старцев, воспротивился вместе со своим архимандритом. Новые учителя восстали, – говорили там, – они отвращают нас от истинной веры, велят служить на ляцких крыжах по новым службникам; не будем принимать латинской службы и еретического чина. Пример такого уважаемого монастыря, как Соловецкий, придал много силы противодействию Никоновым намерениям. Кроме крестного знамения, поднялись старые толки о сугубом и трегубом аллилуия; защитники старины видели ересь в написании имени Иисус, вместо Исус, как писали и печатали прежде по невежеству. Начались толки об осьмиконечном и четвероконечном кресте. Распространились мистические предсказания о скором появлении Антихриста, которое, по апокалипсическим вычислениям, приходилось на 1666 год. Пошли ходить по рукам грамотеев книги «О вере» и «Орел», где тогдашние мудрецы излагали свои прорицания о последних временах мира. Всего более помогло развитию противодействия то, что было много не любивших Никона. Бояре, за исключением немногих, не терпели его за постоянное вмешательство в мирские дела и за резкие выходки. Духовенство было озлоблено против него за надменность, строгость и притеснения, которые терпело оно от его приказных. Никон требовал от священников трезвой жизни, точного исполнения треб и, сверх того, заставлял их читать в церкви поучения народу – новость, которая не нравилась невежественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность в исполнении своих обязанностей, посадить на цепь, мучить в тюрьме и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Патриарх был суров в обращении: «У него, – говорили духовные, – устроено подобно адову подписанию; страшно к воротам приблизиться». Нельзя было явиться перед ним без трепета: «Знаете ли, кто он, – говорили священники, – зверь лютый, медведь или волк?» Ставленники проживали в Москве по несколько месяцев, стесняемые разными формальностями, давали взятки патриаршим дьякам, по несколько часов должны были они выстаивать на морозе, тогда как прежде их пускали дожидаться в доме. Никон имел привычку часто переводить священников из церкви в церковь. Это было разорительно не только от неизбежных расходов при перемещении с места на место, но еще и потому, что такие переводимые попы должны были брать в Москве «перехожие» грамоты, а пока их достанут – проживаться в столице, между тем как их семейства бедствовали без всяких средств. Патриарший дьяк Иван Кокошилов, известный своим взяточничеством еще при патриархе Иосифе, бесцеремонно брал взятки со священников, имевших дело в патриаршем приказе, не только сам, но через жену свою и людей. По всем городам патриарх обложил данью дворян священно- и церковнослужителей и просвирен, брал с каждой четверти земли, с копны сена; у него даже нищие были обложены данью. Так, по крайней мере, говорили о нем. В челобитной, поданной государю на Никона, говорилось: «Видишь ли, свет премилостивый, он возлюбил стоять высоко и ездить широко». Указывая на его вмешательство в мирские дела, духовные выражались: «Он принял власть строить, вместо Евангелия – бердыши, вместо креста – топорки на помощь государю, на бранные потребности». Народ осуждал его за бегство из Москвы во время моровой язвы, которая и потом повторялась в России, и приписывал это бедствие правлению и поступкам своего патриарха. Пророки и сновидцы возмущали умы своими ложными откровениями против Никона. Патриарх в 1656 году написал всенародную грамоту, где убеждал не верить лжепрорицателям, и доказывал Священным Писанием, что убежать от моровой язвы и вообще от бедствия – не составляет греха. Но народ, привыкши

к прежнему крестному знамени, увидя внезапное изменение церковных обычаев, более расположен был верить врагам Никона, убеждавших русских людей хранить древнее благочестие, чем голосу патриарха, ненавидимого духовенством. Русские архиереи, участвовавшие вместе с Никоном в преобразованиях, также не терпели его за гордое обращение. Была у Никона одна сильная подпора в царе, но скоро он потерял и ее.

До сих пор мы не знаем в подробностях, как произошло охлаждение царя Алексея Михайловича, считавшего прежде патриарха своим лучшим другом. В 1656 году Никон был еще в силе, и его влиянию, между прочим, принадлежит несчастная война, предпринятая против Швеции. В 1657 году, по-видимому, также отношения между царем и патриархом еще были хороши. В это время патриарх занимался постройкой нового монастыря. Верстах в сорока от Москвы понравилось ему место, принадлежавшее Роману Боборыкину, на реке Истре. Никон купил у владельца часть его земли с селом и начал основывать там монастырь. Сперва он построил деревянную ограду с башнями, а в середине деревянную церковь и пригласил на освящение церкви царя Алексея Михайловича. «Какое прекрасное место, – сказал царь, – как Иерусалим!» Никону понравилось это замечание, и он задумал создать подобие настоящего Иерусалима: послал Арсения Суханова снова на Восток с целью достать и привезти точный снимок с иерусалимского храма Воскресения. Между тем он дал палестинские названия окрестностям своей начинающейся обители: явился Назарет, явилось село Скудельничье и т.п.; гору, с которой любовался царь, назвал Никон Елеоном, а реку Истру – Иорданом. Но потом, мало-помалу, на Алексея Михайловича начали оказывать влияние враги Никона, бояре: Стрешнев, Никита Одоевский, Трубецкой и другие. Бояре, как видно, задели чувствительную струну в сердце царя; бояре указали ему, что он не один самодержец, что, кроме него, есть еще другой великий государь. Алексей Михайлович был из таких натур, которые не могут жить без друзей и всегда поддаются их влиянию, но когда спохватятся и увидят свою зависимость – им делается стыдно, досадно и прежняя дружба начинает тяготить их. Царь, не ссорясь с Никоном, стал отдаляться от него. Никон понял это и не искал объяснений с царем, но вельможи, заметивши, что патриарх уже не имеет прежней силы, не утерпели, чтобы не дать ему этого почувствовать.

Сам царь развил в этом человеке властолюбие; он приучил его вмешиваться в государственные дела, и патриарху трудно было держаться в стороне от них. Зависимость церкви от государственной власти казалась ему нестерпимой, по мере того, как он терял прежнюю силу и влияние на дела государственные. С этих пор у него естественно, если не в первый раз явилось, то сильнее развилось стремление поставить духовную власть независимо от светской и церковь – выше государства. Это ясно видно из его критики на Уложение, которое подчинило духовных лиц суду приказов: монастырского и дворцового. «Ответ» Никона, хотя написан позже, но в нем отразился тот взгляд патриарха, который неминуемо должен был привести его в столкновение с верховною светскою властью.

Он называл ложью слова Уложения, будто бы бояре, составлявшие его, выписывали статьи из правил Св. апостол, Св. отец, вселенских соборов и законов греческих царей. В Уложении говорится: «Суд государя царя». – «Нет, – возражает Никон, – суд Божий есть, а не царев, не человека суд, а Богом дан человекам. Цари только слуги Божии». В Уложении запрещено судить в приказах, кроме великих царственных дел, в большие праздники и в дни рождения государя и членов его семейства. Никон возмущается сопоставлением царских дней с господскими праздниками: «Что это за праздники? Что это за таинство? Все любострастно и по-человечески! Не только уподобил человека Богу, но и предпочел Богу!» По поводу денежного бесчестия и телесных наказаний, положенных за оскорбление духовных, Никон восклицает: «Откуда ты, беззаконник, выдумал, в противность божественных заповедей и уставов Св. апостол и Св. отец, возмерять против зла злом, побоями и платою серебра по качеству и количеству!» Его возмущало то, что какое бы то ни было дело, касающееся патриарха и духо-

венства, может разбираться и судиться светскою властью. 83 и 84 ст. гл. X Уложения говорят о бесчестии, положенном на духовных лиц, за оскорбление бояр, окольных и других лиц: «Не дьявольский ли это закон? – спрашивает Никон. – Ей-ей, самого Антихриста; выдуман для того, чтобы никто не смел от страха проповедывать правды Божией, по написанному: не обличай безумных, да не возненавидят тя. В X гл. в 1 статье написано: суд один от мала до велика, без различия чина и достояния стало быть, и казни одинаковые, как простым людям, так и священному чину! Хорошо сделал бы всякий человек священного чина от патриарха до последних причетников, если бы не послушал и не пошел на твое незаконное судище, но наплевал на закон и на судью незаконного, как поступали отроки по повелению цареву. Вот, в книге Прологе пишется, как святые мученики и исповедники, влекомые на судище, не только не повиновались, но оплевали и прокляли их беззакония. Так и теперь, если кто хочет мужественно подвигнуться за заповеди Христовы и за каноны Св. апостол и Св. отец, тот пусть не только судьи не слушает, но оплюет и проклянет его повеление и закон. И если кто у пристава отнимет наказную или приставную память (за что в 142 ст. X гл. положено наказание кнутом), и издерет ее, и оплюет ее и потопчет, тот не погрешит, как и первые мученики... О богоборче, князь Никита, что ты это говоришь про слободы патриаршие, владычни и монастырские? Не все ли Божии и мы все Божии, кроме тебя и подобных тебе? Священническая часть – Божья часть и достояние. Не должно рассуждать об управлении епископом церковного имения: он имеет власть управлять им, как перед лицом Бога. Если епископам поручены человеческие души, то тем паче следует им поручить имения, чтобы они устанавливали в них все власти и через руки честных пресвитеров и дьяконов подавали требуемое убогим... Где написано, чтобы парям и князьям, и боярам, и дьякам судить духовных? Перечти все правила не только христианские, но и мучительские: нигде не найдешь, чтобы можно было судить патриарха! Епископов и митрополита, по 9 правилу четвертого вселенского и карфагенского соборов, могут судить только епископы всей области, если их будет не менее двенадцати. Пресвитера судят шесть епископов, дьяка три причетника вместе с епископом. По каким же ты законам вымыслил судить в монастырском приказе простым людям митрополитов, епископов, архимандритов, игуменов, попов, дьяконов, причетников?» Так относился Никон к Уложению, книге законов государства, которая была утверждена приговором выборных людей всей русской земли. Никон не давал значения этому приговору: «Всем ведомо, – говорил он, – что сбор был не по воле, от боязни междоусобия всех черных людей, а не ради истинной правды». О дьяках и приказных людях, в руках которых было Уложение, Никон отзывался так: «Это – ведомые враги Божии и дневные разбойники: без всякой боязни днем людей Божиих губят!»

Выходки подобного рода, без сомнения, Никон позволял себе и в то время, когда его могущество уже пошатнулось, но еще не доходило до явной размолвки. Никон говорит в письме к константинопольскому патриарху Дионисию: «У его царского величества составлена книга, противная Евангелию и правилам Св. апостолов и Св. отец. По ней судят, ее почитают выше Евангелия Христова. В той книге указано судить духовных архиереев и их стряпчих, детей боярских, крестьян, архимандритов, и игуменов, и монахов, и монастырских слуг, и крестьян, и попов, и церковных причетников в монастырских приказах мирским людям, где духовного чина нет вовсе. Много и других пребеззаконий в этой книге! Мы об этой проклятой книге много раз говорили его царскому величеству, но за это я терпел унижение и много раз меня хотели убить. Царь был прежде благоговеен и милостив, во всем искал Божиих заповедей, и тогда милостию Божиею и нашим благословением победил Литву. С тех пор он начал гордиться и возвышаться, а мы ему говорили: перестань! Он же в архиерейские дела начал вступаться, судами нашими овладел: сам ли собою он так захотел поступать, или же злые люди его изменили, – он уподобился Ровоаму, царю израильскому, который отложил совет старых мужей и слушал совета тех, которые с ним воспитывались».

Летом 1658 наступила явная размолвка. Приехал в Москву грузинский царевич Теймураз; по этому поводу был во дворце большой обед. Никона не пригласили, хотя прежде в подобных случаях ему оказывали первую честь. Патриарх послал своего боярина, князя, по имени Дмитрий, за каким-то церковным делом, как он сам говорил, или для того, чтобы высмотреть, что там делалось, как говорили другие. Окольничий Богдан Матвеевич Хитрово, расчищавший в толпе путь для грузинского царевича, ударил по голове палкой патриаршего боярина.

– Напрасно бьешь меня, Богдан Матвеевич, – сказал патриарший боярин, – мы пришли сюда не просто, а за делом. – А ты кто таков? – спросил окольничий. – Я патриарший человек, за делом послан, – отвечал Дмитрий.

– Не дорожись! – сказал Хитрово и еще раз ударил Дмитрия по лбу.

Патриарший боярин Дмитрий с плачем вернулся к Никону и жаловался на обиду.

Никон написал царю письмо и просил суда за оскорбление своего боярина.

Царь отвечал ему собственноручно: «Сыщу и по времени сам с тобою видеться буду».

Однако прошел день, другой: царь не повидался с Никоном и не учинил расправы за оскорбление его боярина.

Наступило 8-е июля, праздник иконы Казанской Богородицы. В этот праздник патриарх обыкновенно служил со всем собором в храме Казанской Божией Матери. Царь с боярами присутствовал на богослужении. Накануне, когда пришло время собираться к вечерне, патриарх послал к царю священника с вестью, что патриарх идет в церковь. Царь не пришел; не было его в церкви и в самый день праздника. Никон понял, что царь озлобился на него. 10-го июля был праздник ризы Господней. Тогда, по обычаю, царь присутствовал при патриаршем богослужении в Успенском соборе. Никон посылал к царю перед вечернею, а потом и перед заутренею. Царь не пришел и послал к Никону своего спальника, князя Юрия Ромодановского, который сказал: «Царское величество на тебя гневен: оттого он не пришел к заутрени и повелел не ждать его к святой литургии». Никон спросил: за что царь на него гневается? Юрий Ромодановский отвечал: «Ты пренебрег его царским величеством и пишешься великим государем, а у нас один великий государь – царь».

Никон возразил на это: «Я называюсь великим государем не собою. Так восхотел и повелел его величество. На это у меня и грамоты есть, писанные рукою его царского величества».

Ромодановский сказал: «Царское величество почтил тебя, яко отца и пастыря, и ты этого не уразумел; а ныне царское величество велел тебе сказать: отныне не пишись и не называйся великим государем; почитать тебя впредь не будет».

Самолюбие Никона было уязвлено до крайней степени. Стал он думать и решился произнести торжественно отречение от патриаршей кафедры, вероятно, рассчитывая, что кроткий и набожный царь испугается и поспешит помириться с первосвятителем. В тот же день, после посещения Ромодановского, он сказал о своем намерении патриаршему дьяку Каликину. Каликин уговаривал Никона не делать этого; Никон стоял на своем. Каликин сообщил боярину Зюзину, другу Никона. Зюзин велел передать Никону, чтобы он не гневил государя; иначе – захочет воротиться назад, да будет поздно. Никон несколько призадумался, стал было писать, но потом разорвал написанное, сказал: «Иду!» Он приказал купить себе простую палку, какую носили попы.

В тот же день патриарх отслужил в Успенском соборе литургию, а во время причастия дал приказание, чтобы никого не выпускали из церкви, потому что он намерен говорить поучение. При конце обедни Никон стал говорить поучение. Прочитавши сначала слово из Златоуста, Никон повернул речь о себе: «Ленив я стал, – сказал он, – не гоюсь быть патриархом, окоростевел от лени, и вы окоростевели от моего неучения. Называли меня еретиком, иконоборцем, что я новые книги завел, камнями хотели меня побить; с этих пор я вам не патриарх...»

От такой неожиданной речи в церкви поднялся шум; трудно было расслышать, что далее говорил Никон. Одни после того показывали, будто он сказал: «Будь я анафема, если захочу

быть патриархом!» Другие отрицали это. Как бы то ни было, кончивши свою речь, Никон облачился, ушел в ризницу, написал царю письмо, надел мантию и черный клобук, вышел к народу и сел на последней ступени амвона, на котором облачаются архиереи. Встревоженный народ кричал, что не выпустит его без государева указа. Между тем царь уже узнал о том, что происходит в Успенском соборе. «Я будто сплю с открытыми глазами!» – сказал он и отправил в собор князя Трубецкого и Родиона Стрешнева.

– Для чего ты патриаршество оставляешь? – спросил Трубецкой. – Кто тебя гонит?

– Я оставляю патриаршество сам собою, – сказал Никон и послал письмо царю.

В другой раз пришел к нему от царя Трубецкой с товарищем сказать, чтобы он не оставлял патриаршества. – Даю место гневу царского величества, – сказал Никон. – Бояре и всякие люди церковному чину обиды творят, а царское величество управы не дает и на нас гневает, когда мы жалуемся. А нет ничего хуже, как царский гнев носить.

– Ты сам, – сказал боярин Трубецкой, – называешь себя великим государем и вступаешься в государевы дела.

– Мы, – сказал Никон, – великим государем не сами назвались и в царские дела не вступаемся, а разве о правде какой говорили или от беды кого-нибудь избавляли, так мы архиереи, – на то заповедь приняли от Господа, который сказал: «Слушая заповедь Мене слушает».

Вдобавок он просил у государя себе келью; ему отвечали, что келей на патриаршем дворе много: может жить в любой.⁷² Затем Никон снял с себя мантию, вышел из церкви и ушел пешком на подворье Воскресенского монастыря.

Он пробыл там два дня, быть может, дожидаясь, что царь, по крайней мере теперь, позовет его и захочет с ним объясниться, но царь не звал его. Никон отправился в Воскресенский монастырь на двух плетеных повозках, которые тогда назывались киевскими, написавши царю письмо в таком смысле: «По отшествии боярина вашего Алексея Никитича с товарищами, ждал я от вас, великого государя, милостивого указа по моему прошению; не дождался, – и многих ради болезней велел отвезти себя в Воскресенский монастырь».

Вслед за Никоном приехал в Воскресенский монастырь боярин Трубецкой, но не с мировой, не с просьбой о возвращении в столицу. Боярин сказал ему: «Поддай великому государю, государыне царице и их детям свое благословение, благослови того, кому Бог изволит быть на твоём месте патриархом, а пока патриарха нет, благослови ведать церковь крутицкому митрополиту». Никон дал на все согласие; просил, чтоб государь, царица и их дети также его простили, бил челом о скорейшем избрании преемника, чтобы церковь не вдовствовала, не была беспастырною и, в заключение, подтвердил, что он сам не хочет быть патриархом.

Казалось, дело было совершенно покончено. Правитель церкви сам отрекся от управления ею, – случай не редкий в церковной истории, – оставалось избрать на его место другого законным порядком. Но царь начал колебаться: с одной стороны, в нем говорило прежнее дружеское чувство к Никону, с другой – бояре настраивали его против патриарха, представляя ему, что Никон умалял самодержавную власть государя. Царь боялся раздражить бояр, не принимал явно стороны ненавидимого ими патриарха, но отправил через Афанасия Матюшкина Никону свое прощение; потом – посылал к нему какого-то князя Юрия, приказывал передать,

⁷² Вся эта беседа Никона с Трубецким основана на собственном письме Никона к константинопольскому патриарху. По другим известиям, Никон в это время говорил только, что сходит с патриаршества по своей воле. Ничто не подает повода сомневаться в известии, сообщаемом письмом Никона. Всему церковному ведомству нанесена была жестокая обида после того, как оскорбление, сделанное патриаршему боярину, оставлено самим государем без внимания. Притом патриарху было объявлено, что царь на него гневается. Московскому патриарху приходилось, естественно, говорить присланным боярам именно те слова, какие он сообщает в письме константинопольскому патриарху. Это согласно и с характером Никона, который в это время должен был находиться в сильно раздраженном состоянии. Он, конечно, надеялся, что, после заявленного отречения, царь так или иначе сам захочет с ним объясниться. Но Алексей Михайлович как будто назло прислал к нему недоброжелателей. Со своей стороны и боярам вполне естественно было сделать ему упрек о вмешательстве в государственные дела, за что они и прежде на него злобствовали.

что все бояре на него злобствуют, – один только царь и посланный князь Юрий к нему добры. Между тем царь не посмел тогда просить его о возвращении на патриаршество. Никон, как будто забывши о патриаршестве, деятельно занимался каменными постройками в Воскресенском монастыре, копал возле монастыря пруды, разводил рыбу, строил мельницы, рассаживал сады, расчищал леса, всегда показывал пример рабочим, трудясь наравне с ними. Царь не раз жаловал ему щедрую милостыню на создание монастыря, на прокормление нищих и, в знак особого внимания, в большие праздники и свои семейные торжества, посылал ему лакомства, которые он отдавал на трапезу всей братии.

Но потом вмешательство Никона в церковные дела опять вооружило против него царя, и царь, по наговору бояр, запретил сноситься с Никоном, приказал сделать обыск в его бумагах и перестал оказывать ему прежние знаки внимания.⁷³

В июле 1659 года Никон, узнавши о том, что делается в Москве с его бумагами, написал царю резкое письмо: «Ты, великий государь, – писал он, – через стольника своего Афанасия Матюшкина прислал свое милостивое прощение: теперь же слышу, поступаешь со мной не как с прощенным, а как с последним злодеем. Ты повелел взять мои вещи, оставшиеся в кельи, и письма, в которых много тайного, чего не следует знать мирянам. Божьим попусшением, вашим государским советом и всем освященным собором я был избран первым святителем, и много ваших государевых тайн было у меня; кроме того, многие, требуя прощения своих грехов, написывали их собственноручно и, запечатавши, подавали мне, потому что я, как святитель, имел власть, по благодати Божией, разрешать им грехи, которые разрешать и ведать никому не подобало, да и тебе, великому государю. Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения: ты прежде страшился судить простых церковных причетников, потому что этого святые законы не повелевают, а теперь захотел ведать грехи и тайны бывшего пастыря, и не только сам, да еще попустил и мирским людям: пусть Бог не поставит им во грех этой дерзости, если покаются! Если тебе, великий государь, чего нужно было от нас, то мы бы для тебя сделали все, что тебе подобает. Все это делается, как мы слышали, лишь для того, чтобы у нас не осталось писания руки твоей, где ты называл нас великим государем. От тебя, великий государь, положено было этому начало. Так писал ты во всех твоих государевых грамотах; так писано было и в отписках всех полков к тебе и во всяких делах. Этого невозможно уничтожить. Пусть истребится оное злое, горделивое, проклятое проименование, происшедшее не по моей воле. Надеюсь на Господа: нигде не найдется моего хотения или веления на это, разве кроме лживых сплетен лжебратий, от которых я много пострадал и страдаю. Все, что нами сказано смиренно, – перетолковано, будто сказано было гордо; что было благохвально, то пересказано тебе хульно, и от таких-то лживых словес поднялся против меня гнев твой! Думаю, и тебе памятно, великий государь, как, по нашему приказанию, велели кликать нас по трисвятом великим господином, а не великим государем. Если тебе это не памятно, изволь допросить церковников и соборных дьяков, и они тебе тоже скажут, если не солгут. Прежде я был у твоей милости единотрапезен с тобою: ты меня кормил тучными брашнами; а теперь, июня в 25 день, когда торжествовалось

⁷³ Весною 1659 года Никон, услышавши, что крутицкий митрополит в Москве совершал обряд шествия на осле в день вербного воскресенья, написал государю письмо, в котором осуждал этот поступок, считаемый им исключительно принадлежностью патриаршего звания. «Некто, – писал он царю, – дерзнул олюбодействовать седалище великого архиерея. Пишу это – не желая возвращения к любоначалию и ко власти. Если хотите избирать патриарха благозаконно и правильно, то начните избрание соборно, и кого божественная благодать изберет, того и мы благословим. Если это совершилось по твоей воле, государь, Бог тебя прости, только вперед воздержись брать на себя то, что не в твоей власти!» Царь отправил к Никону приближенных лиц объяснить, что уж издавна в России митрополиты совершали это действие. Никон возразил, что это прежде делалось неведением. Вероятно, во время Никонова патриаршества, уже прежде сделано было распоряжение о том, что означенное действие должно принадлежать только патриарху. Ему заметили, чтобы он более не вмешивался в этого рода дела. Никон отвечал, что он паству свою оставил, но не оставлял попечения об истине. «И простые пустынники, – сказал он, – говорили царям греческим об исправлении духовных дел». – «Но ведь ты от патриаршества отрекся, – сказали ему, – и дал благословение на избрание себе преемника». – «Да, отрекся, – отвечал Никон, – не думаю о возвращении на святительский престол, и теперь даю благословение на избрание преемника; но я не отрицаюсь называться патриархом».

рождение благоверной царевны Анны Михайловны, все веселились от твоей трапезы; один я, как пёс, лишен богатой трапезы вашей! Если бы ты не считал меня врагом, то не лишил бы меня малого кусочка хлеба от богатой вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлеба лишаюсь, а потому, что желаю милости и любви от тебя, великого государя. Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гневаться. Не попускай истязать мои худые вещи. Угодно ли было бы тебе, чтобы люди дерзали ведать твои тайны, помимо твоей воли? Не один я, но многие ради меня страдают. Еще недавно, ты, государь, приказывал мне сказать с князем Юрием, что только ты, да князь Юрий ко мне добры; а теперь вижу, что ты не только сам стал немилостив ко мне, убогому своему богомольцу, а еще возбраняешь другим миловать меня: всем положен крепкий заказ не приходиться ко мне! Ради Господа молю, перестань так поступать! Хотя ты и царь великий, но от Господа поставлен правды ради! В чем моя неправда перед тобою? В том ли, что, ради церкви, просил суда на обидящего? Что же? Не только не получил я праведного суда, но и ответы были исполнены немилосердия. Теперь слышу, что, противно церковным законам, ты сам изволишь судить священные чины, которых не поверено тебе судить. Помнишь Мануила, царя греческого, как хотел он судить священников, а ему Христос явился: в соборной, апостольской церкви есть образ, где святая десница Христова указывает указательным перстом, повелевая ангелам показнить царя, за то, чтоб не отваживался судить рабов Божиих прежде общего суда! Умилились, Господа ради, и из-за меня грешного не озлобляй тех, которые жалеют обо мне. Все люди – твои и в твоей руке, того ради паче милуй их и заступай, как и божественный апостол учит: ты слуга Божий, в отомщение злодеям и в похвалу добрым; суди праведно, а на лица не смотри; тех же, которые озлоблены и заточены по малым винам или по оболганию, тех, ради Бога, освободи и возврати; тогда и Бог святой оставит многие твои согрешения». В заключение Никон уверял царя, что он не забирал с собой патриаршей казны и ризницы, как на него говорили.⁷⁴

Письмо это не понравилось государю, а бояре намеренно усиливали в нем досаду против бывшего друга. Под предлогом небезопасности от нашествия врагов, его хотели удалить от Москвы и от имени царя предложили переехать в крепкий монастырь Макария Колязинского. «У меня, – сказал Никон, – есть свои крепкие монастыри: Иверский и Крестный, а в Колязин я не пойду; лучше уже мне идти в Зачатейский монастырь в Китай-городе, в углу». – «Какой это Зачатейский монастырь?» – спросил его посланный. «Тот, – сказал Никон, – что на Варварском кресте, под горою». – «Там тюрьма», – заметил посланный. «Это и есть Зачатейский монастырь», – сказал Никон. Его не услали в Колязинский монастырь. С царского разрешения Никон приезжал в Москву, давал всем разрешение и прощение, а через три дня, по царскому повелению, отправился в Крестный монастырь, построенный им на Белом море, в память своего избавления от кораблекрушения, когда он был еще простым иеромонахом.

Никона удалили с тем, чтобы, во время его отдаления, решить его судьбу. В феврале 1660 года в Москве собран был собор, который положил не только избрать другого патриарха, но лишить Никона чести архиерейства и священства. Государь смутился утвердить такой приговор и поручил просмотреть его греческим архиереям, случайно бывшим в Москве. Греки, сообразивши, что против Никона вооружены сильные мира сего, не только одобрили приговор русских духовных, но еще нашли, в подтверждение справедливости этого приговора, какое-то сомнительного свойства объяснение правил Номоканона. Тогда энергически поднялся за Никона ученый киевский старец Епифаний Славинецкий. Он, в поданной царю записке, на основании церковного права, ясно доказал несостоятельность применения указанных греками

⁷⁴ «Говорят, будто я много ризницы и казны взял с собою – я взял один только саккос, и то недорогой, а омофор прислал мне халкидонский митрополит. Казны я с собой не взял, а удержал немного, сколько нужно было на церковное строение, чтобы расплатиться с работниками. Где другая казна, то всем явно, куда она пошла: двор московский стоит тысяч десять, на постройку насадов истрачено тысяч десять, а этим, тебе государь, я челом ударил на подъем ратный; да лошадей куплено прошлым летом тысячи на три, да тысяч десять есть в казне. Шапка архиерейская тысяч в пять-шесть стала».

мест к приговору над Никоном. Епифаний признавал, что собор имеет полное право избрать другого патриарха, но не может лишить Никона чести патриаршего сана и архиерейского служения, так как добровольно отрекающиеся архиереи не могут, без вины и суда, лишаться права носить сан и служить по архиерейскому чину. Доказательства Славинецкого оказались так сильны, что царь остался в недоумении. Он решился снова обратиться к Никону с лаской и просить его, чтоб он дал свое благословение на избрание нового патриарха. Никон отвечал, что если его позовут в Москву, то он даст свое благословение новоизбранному патриарху, а сам удалится в монастырь. Но Никона не решались призвать в Москву на собор; ему только дозволили воротиться в Воскресенский монастырь. Туда прибыл снова Никон и жаловался, что когда он находился в Крестном монастыре, то его хотел отравить черный дьякон Феодосий, подсланный крутицким митрополитом, его заклятым врагом. Феодосий со своими соумышленниками был в Москве подвергнут пытке; но темное дело осталось неразъясненным.

В Воскресенском монастыре Никона ожидала другая неприятность: окольный Роман Боборыкин завладел угодьями, принадлежащими Воскресенскому монастырю. Монастырский приказ утвердил за ним эту землю. Между крестьянами Боборыкина и монастырскими произошли, по обычаю, споры и драки. Боборыкин подал жалобу в монастырский приказ, а приказ притянул к ответу монастырских крестьян. Тогда Никон написал царю длинное и резкое письмо, называл церковь гонимую, сравнивал ее с апокалипсической женою, преследуемой змием. «Откуда, – спрашивал он царя в своем письме, – взял ты такую дерзость, чтобы делать сыски о нас и судить нас? Какие законы Божии повелели тебе обладать нами, Божиими рабами? Не довольно ли тебе судить правильно людей царствия мира сего? Но ты и об этом не стараешься... Мало ли тебе нашего бегства? Мало ли тебе, что мы оставили все на волю твоего благородия, отрясая прах ног своих ко свидетельству в день судный! Рука твоя обладает всем архиерейским судом и достоянием. По твоему указу – страшно молвить – владык посвящают, архимандритов, игуменов и попов поставляют, а в ставильных грамотах дают тебе равную честь со Святым Духом, пишут: „По благодати Св. Духа и по указу великого государя“. Как, будто Святой Дух не волен посвятить и без твоего указа! Как много Бог тебе терпит, когда написано: „Аще кто на Св. Духа хулит, не имать оставления, ни в сий век, ни в будущий“. Если тебя и это не устрасило, то что может утратить! Уже ты стал недостойным прощения за свою дерзость. Повсюду твоим насилием отнимаются у митрополий, епископий и монастырей движимые и недвижимые вещи. Ты обратил ни во что установления и законы Св. отец, благочестивых царей греческих, великих царей русских и даже грамоты и уставы твоего отца и твои собственные. Прежде, по крайней мере, хотя и написано было по страсти, ради народного смущения, но все-таки сказано: в монастырском приказе сидеть архимандритам, игуменам, священникам и честным старцам; а ты все это упразднил: судят церковный чин мирские судьи; ты обесчестил Св. Духа, признавши его силу и благодать недостаточной без твоего указа; обесчестил святых апостолов, дерзая поступать противно их правилам; – лики святых, вселенские соборы, Св. отец, благочестивых царей, великих князей, укрепивших православные законы. Ордынские цари восстанут против тебя в день судный с их ярлыками; и они, неверные, не судили сами церковных судов, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архиереев, не отнимали Божия возложения, а сами давали грамоты, которые всюду по митрополиям, монастырям и соборным церквам соблюдались до твоего царствования. Того ради, Божия благодать исполняла царские обиходы и мир был весь строен, а в твое царствие все грамоты упразднены и отняты у церкви Божией многие недвижимые вещи; за это Бог оставил тебя и вперед оставит, если не покаешься...» Никон в том же письме рассказывал, что ему было видение во время дремоты в церкви на заутрени: являлся ему митрополит Петр и повелел сказать царю, что за обиды, нанесенные церкви, был два раза мор в стране и царское войско терпело поражение. Вслед за тем Никону, как он уверял, представился царский дворец, и некий седой муж сказал:

«Псы будут в этом дворе щенят своих родить, и радость настанет бесам от гибели многих людей».

Само собою разумеется, после этого письма примирение царя с патриархом стало еще труднее. Между тем монастырский приказ, назло Никону, особенно ненавидевшему этот приказ, решил дело спорное в пользу Боборыкина. Никон, раздраженный этим до крайности, отслужил в Воскресенском монастыре молебен и, за этим молебном, велел прочитать жалованную грамоту царя на землю Воскресенского монастыря, в доказательство того, что монастырский приказ решил дело неправильно, а потом произнес проклятие, выбирая пригодные слова из 108 псалма.⁷⁵

Боборыкин донес, что эти проклятия относились к государю. Набожный царь пришел в ужас, собрал к себе архиереев, плакал и говорил: «Пусть я грешен; но чем виновата жена моя и любезные дети мои и весь двор мой, чтобы подвергаться такой клятве?»

В это время стал приближен к царю грек митрополит газский, Паисий Лигарид, человек ученый, получивший образование в Италии: впоследствии, он был в Палестине посвящен в архиерейский сан, но подвергся запрещению от иерусалимского патриарха Нектария за латинумудрствование. Никон, еще до своего отречения, по ходатайству грека Арсения, пригласил его в Москву. Паисий приехал уже в 1662 году, когда патриарх находился в Воскресенском монастыре. Никон надеялся найти себе защитника в этом ученом греке. Паисий сперва пытался примирить патриарха с царем и письменно убеждал его смириться и отдать кесарево кесареви, но увидел, что выходки Никона до того раздражили царя и бояр, что на примирение надежды нет – и открыто стал на сторону врагов патриарха. Этот приезжий грек подал царю совет обратиться ко вселенским патриархам. Царь Алексей Михайлович, по своей натуре, всегда готов был прибегнуть к полумерам, именно тогда, когда нужно было действовать прямо и решительно. И в этом случае было так поступлено. Составили и порешили отправить ко всем вселенским патриархам двадцать пять вопросов, относящихся к делу Никона, но не упоминая его имени: представлены были на обсуждение патриархов случаи, какие происходили в России, но представлены так, как будто неизвестно: когда и с кем они происходили; казалось даже, что они не происходили вовсе, а приводились только для того, чтобы знать, как следует поступить, если бы они произошли. Доставить эти вопросы патриархам царь доверил одному греку, по имени Мелетий, которого Паисий Лигарид поручил вниманию государя.

Затем, в ожидании ответов от вселенских патриархов на посланные вопросы, царь отправил в Воскресенский монастырь к Никону того же Паисия Лигарида с астраханским архиепископом Иосифом; вместе с ними поехали к Никону давние недоброжелатели патриарха: боярин князь Никита Иванович Одоевский, окольный Родion Стрешнев и думный дьяк Алмаз Иванов.

Никон был озлоблен против Паисия, которого еще не видал в глаза: он надеялся, что приглашенный им грек будет за него; теперь до Никона дошло, что Паисий не только дает советы царю ко вреду Никона, но даже толкует, будто Никон неправильно носит звание патриарха, два раза получивши архиерейское рукоположение: как митрополит новгородский и потом, как патриарх московский. Как только явился к нему на глаза этот грек на челе посольства, Никон обругал его самоставником, вором, собакой. «Привыкли вы тыкаться по государствам, да мутить – и у нас того же хотите!» – сказал он, обращаясь уже, по смыслу своей речи, не к одному лицу Паисия, а вообще к грекам.

– Отвечай мне по-евангельски, – сказал Паисий по-латыни, – проклинал ли ты царя?

⁷⁵ «Молитва его да будет грехом; да будут дни его кратки; достоинство его да получит другой; дети его да будут сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавец захватит все, что у него есть, и чужие люди разграбят труды его; пусть дети его скитаются и ищут хлеба вне своих опустошенных жилищ... Пусть облечется проклятием, как одеждою, и оно проникнет, как вода, во внутренности его, и, яко елей, в кости его» и пр...

– Я служу за царя молебны, – сказал Никон, когда ему перевели слова Паисия, – а ты зачем говоришь со мной на проклятом латинском языке?

– Языки не прокляты, – сказал Паисий, – когда огненный дух сошел в виде языков; не говорю с тобой по-еллински, потому что ты невежда и не знаешь этого золотого языка. Ты сам услышишь латинский язык из уст папы, когда поедешь в Рим для оправдания. Ведь ты ищешь у него апелляции.

Это было, по всему видно, златоркование слов, произнесенных Никоном о древнем праве суда римских первосвященников.

– Ты, – продолжал Паисий, – выписывал правила о папском суде, бывшем в то время, как папы еще сохраняли благочестие, а не написал, что после них суд перешел ко вселенским патриархам.

Никон, обратившись к товарищу Паисия Иосифу, сказал:

– И ты, бедный, туда же! А помнишь ли свое обещание? Говорил, что и Царя слушать не станешь! Что? видно, тебе что-нибудь дали, бедняку?

Вступили в разговор бояре и стали допрашивать патриарха насчет читанного им проклятия со сто восьмым псалмом.

– Клятву я произносил на Романа Боборыкина, а не на государя, – сказал Никон. Он вышел и возвратился снова с тетрадкой. – Вот что я читал! – сказал он.

– Вольно тебе, – сказали бояре, – показать нам и совсем иное!

Никон выходил из себя, стучал посохом, перебивал речи бояр и, в порыве досады, как уверяют, сказал:

«Да если б я и к лицу государя говорил такие слова... я и теперь за его обиды стану молить: приложи зла, Господи, сильным земли!»

Сыпались взаимные укоры. Никон роптал, что царь вступает в святительские суды и в церковные порядки, а бояре упрекали Никона за то, что патриарх вступался в государственные дела.

Среди жаркого спора с боярами, Никон обратился к Паисию и сказал:

– Зачем против правила ты надел красную мантию?

– Затем, – отвечал Паисий, – что я из настоящего Иерусалима, где пролита пречистая кровь Спасителя, а не из твоего лжеименного Иерусалима, который есть ни старый, ни новый, а третий – антихристов!

Никон опять вступил в спор с боярами:

– Какой это там у вас собор затевается? – сказал он.

– Собор собирается по царскому велению для твоего неистовства, а тебе до него нет дела. Ты уже более не патриарх! – сказали бояре.

– Я вам не патриарх, – сказал Никон, – но патриаршеского сана не оставлял.

Спор становился горячее. Никон закричал:

– Вы на меня пришли, как жида на Христа!

От него потребовали его подначальных для допроса по делу о проклятии со сто восьмым псалмом.

– Я не пошлю никого из своих людей, – сказал Никон. – Берите сами, кого вам надобно.

Около монастыря поставили стражу, чтоб никто не убежал. Начались допросы. Все, бывшие в церкви во время обряда, совершенного Никоном над царской грамотой, не показали ничего обличающего, чтобы Никон относил свое проклятие к особе царя; все, кроме того, показывали, что в этот день читалось на ектениях царское имя.

Бояре еще принялись спорить с Никоном. Разгоряченный патриарх грозил, что он «оточтет» царя от христианства, а бояре сказали: «Поразит тебя Бог за такие дерзкие речи против государя; если бы ты был не такого чина, – мы бы тебя за такие речи живого не отпустили».⁷⁶

После таких бесед, которых содержание сообщено было царю, быть может и с прибавлениями, примирение сделалось невозможнее.

– Видел Никона? – спросил царь Алексей Михайлович Паисия.

– Лучше было бы мне не видеть такого чудища, сказал грек, – лучше оглохнуть, чем слушать его циклопские крики! Если бы кто его увидел, то почел бы за бешеного волка!

На следующий 1664 год получены ответы четырех патриархов, привезенные Мелетием. Ответы эти были как нельзя более против Никона, хотя в них, сообразно вопросам, не упоминалось его имя. Главная суть состояла в том, что, по мнению вселенских патриархов, московский патриарх и все духовенство обязаны повиноваться царю, не должны вмешиваться в мирские дела; архиерей, хотя бы носящий и патриарший титул, если оставит свой престол, то может быть судим епископами, но имеет право подать апелляцию константинопольскому патриарху, как самой верховной духовной власти, а лишившись архиерейства, хотя бы добровольно, лишается тем самым вообще священства. Здесь именно оправдывалось то, что хотел постановить собор в 1660 году и что было задержано возражениями Славинецкого. Но тут возникли сомнения. Греки, наплывшие тогда в Москву и допускаемые царем вмешиваться в церковную смуту, возникшую в русском государстве, ссорились между собою и доносили друг на друга. Явился какой-то иконийский митрополит Афанасий, называл себя (неправильно, как после объяснилось) экзархом и вместе родственником константинопольского патриарха: он заступался за Никона; явился другой грек Стефан, также как будто от константинопольского патриарха с грамотой, где патриарх назначал своим экзархом Лигарида Паисия. Этот Стефан был против Никона. Афанасий иконийский уверял, что патриаршие подписи на ответах, привезенных Мелетием, подложные. Царь, бояре, духовные власти сбились с толку и отправили в Константинополь монаха Савву за справками о наехавших в Москву греках и с просьбой к константинопольскому патриарху прибыть в Москву и решить дело Никона своею властью. Патриарх Дионисий отказался ехать в Москву, советовал царю или простить Никона или поставить, вместо него, иного патриарха, а о греках, озадачивших царя и его синклит своими противоречиями, дал самый невыгодный отзыв. Ни Афанасию Иконийскому (которого вовсе не признавал за своего родственника), ни Стефану он не давал никаких полномочий; о Паисии Лигариде сказал, что, по многим слухам, он – папешник и лукавый человек; наконец, о самом Мелетии, которого царь посылал к патриархам с вопросами, отозвался неодобрительно. Таким образом, хотя ответы, привезенные Мелетием от четырех патриархов, не оказались фальшивыми, однако, важно было то, что сам константинопольский патриарх, которого суд ценился выше всего в этих ответах, изъявлял мнение, что Никона можно простить, следовательно, не признавал его виновным до такой степени, чтобы низвержение его было неизбежно. Еще сильнее заявил себя в этом смысле иерусалимский патриарх Нектарий. Хотя он и подписался на ответах, которые могли служить руководством для осуждения Никона, но, вслед за тем, прислал к царю грамоту, и в ней убедительно и положительно советовал царю, для избежания соблазна, помириться с Никоном, оказать ему должное повиновение, как к строителю благодати и как предписывают божественные законы. Патриарх изъявлял, кроме того, полное недоверие к тем обвинениям против московского патриарха, какие слышал от присланного к нему из Москвы Мелетия. Отзывы константинопольского и иерусалимского патриарха задержали дело.

⁷⁶ Замечательно, что для Никона ничего не значило изречь церковное проклятие по собственным делам. У одного купца, Щепоткина, взял он в долг 500 пуд. меди на отливку колокола. Щепоткин в уплату этого долга роздал товары, которые патриарх поручил ему продать. Никон нашел счет Щепоткина неправильным и вместо судебного иска поразил его проклятием.

Собирать собор и осудить Никона после этого казалось уже зазорно, тем более, когда ответы патриархов не относились положительно к лицу Никона; осужденный, сообразно тем же ответам, мог подать апелляцию к константинопольскому патриарху и даже ко всем четырем патриархам. Дело затянулось бы еще далее; русская церковь на долгое время предана была бы раздору и смутам, так как, судя по отзывам двух патриархов, могло быть между этими вселенскими судьями разноречие и даже можно было опасаться, что дело повернулось бы в пользу Никона.

Однако патриаршие отзывы не поколебали вполне доверия царя к врагам Никона, Паисию и Мелетию. После рассуждений и толков, царь, бояре и власти решили отправить того же Мелетия к трем патриархам (кроме константинопольского) и просить их прибыть в Москву на собор для решения дела московского патриарха, а в случае, если нельзя будет приехать им всем, то настаивать, чтобы, по крайней мере, приехали двое.

Никон, узнавши, что враги его собирают над ним грозу суда вселенских патриархов, попытался снова сблизиться с царем и написал к нему в таком смысле: мы не отменяем собора и хвалим твое желание предать все рассуждению патриархов по божественным заповедям евангельским, апостольским и правилам святых отец. Но вспомни, твое благородие: когда ты был с нами в добром совете и любви, мы, однажды, ради людской ненависти, писали к тебе, что нельзя нам предстательствовать во святой великой церкви; а какой был твой ответ и написание? Это письмо спрятано в тайном месте в одной церкви, и этого никто, кроме нас, не знает. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебе суда перед Богом и созываемым тобою вселенским собором! Епископы обвиняют нас одним правилом первого и второго собора, которое не о нас написано, а как о них предложится множество правил, от которых никому нельзя будет избыть, тогда, думаю, ни один архиерей, ни один пресвитер не останется достойным своего сана; пастыри усмотрят свои деяния, смущающие твое преблаженство... крутицкий митрополит с Иваном Нероновым и прочими советниками!.. Ты посылаешь к патриархам Мелетия, а он злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает... Есть у тебя, великого государя, и своих много, кроме такого воришки».

Это ли письмо, для нас не вполне понятное, или обычное благодушие тишайшего государя побудило его в кругу бояр выразиться так, что из слов его можно было вывести, что он и теперь не прочь помириться с Никоном. Этим воспользовался друг и почитатель Никона Зюзин и написал к Никону, будто царь желает, чтобы патриарх неожиданно явился в Москву, не показывая, однако, вида, что царь его звал; а чтоб ему не было на пути задержки, он у ворот городских должен был скрыть себя и сказать, будто едет архимандрит Саввинского монастыря. Никон доверился Зюзину, который заверял патриарха, что царь милостиво его примет. Никона к тому же успокаивало сновидение: ему приснилось, что в Успенском соборе встают из гробов святители и митрополит Иона собирает их подписи для призвания Никона на патриарший престол.

Согласно подробным наставлениям Зюзина, 19-го декабря 1664 года, Никон со свитой, состоявшей из монахов Воскресенского монастыря, ночью приехал в Кремль и неожиданно вошел в Успенский собор в то время, когда там служилась заутреня и читались кафизмы. Блустителем патриаршего престола был тогда уже не Питирим, переведенный в Новгород митрополитом, а ростовский митрополит Иона: он находился в церкви. Никон приказал остановить чтение кафизм, приказал дьякону прочесть ектению, взял посох Петра митрополита, прикладывался к мощам, потом стал на своем патриаршем месте.

Духовные растерялись, не знали, что им начать. Народ оторопел. Патриарх подозвал к себе Иону, благословил его, потом подходили к нему прочие, бывшие в храме, духовные. Они недоумевали, что это значит, и не смели послушаться патриарха, думая, что, быть может, он явился с царского согласия. За ними народ стал толпиться и принимать благословение архипастыря. Наконец, Никон приказал ростовскому митрополиту идти к государю и доложить ему

о прибытии патриарха. Иона с трепетом, опасаясь себе чего-нибудь недоброго, отправился. Царь, слушавший заутреню в своей домовой церкви, немедленно послал звать властей и бояр.

И духовные сановники и бояре собрались к царю в большом волнении. Явился Паисий Лигарид и более всех начал вопить против Никона. «Как смел он, яко разбойник и хищник, наскочить на верховный патриарший престол, когда он должен ожидать суда вселенских патриархов?» Так говорил грек, русские духовные потакали ему. Бояре, давние враги Никона, представляли поступок патриарха преступным. Зюзина между ними не было. Зюзин, сидя дома, ожидал развязки смелой козни, устроенной им в надежде на кроткий нрав царя, на пробуждение в царском сердце прежней любви к патриарху.

Совещание царя происходило с лицами, которые имели причины всеми силами препятствовать, ради собственной целости, примирению с царем человека, которому они успели насолить. Его примирение с царем было бы ударом для них. Неудивительно, что царь, уже без того сильно огорченный Никоном, поддался их влиянию. В Успенский собор посланы были те же лица, которые бранились с ним в Воскресенском монастыре (Одоевский, Стрешнев и Алмаз Иванов), и сказали ему:

– Ты самовольно покинул патриарший престол и обещался вперед не быть патриархом; уже об этом написано ко вселенским патриархам: зачем же ты опять приехал в Москву и вошел в соборную церковь без воли государя, без совета освященного собора? Ступай в свой монастырь!

– Я сошел с патриаршества никем не гонимый, – сказал Никон, – и пришел никем не званный, чтоб государь кровь утолил и мир учинил. Я от суда вселенских патриархов не бегаю. Сюда пришел я по явлению.

Он отдал им письмо к государю.

В письме описано было явление святителей, бывшее Никону в сновидении. Но если в те времена охотно верили всяким видениям и откровениям, когда они были полезны, то умели давать им дурной смысл, когда они вели ко вреду. Первый Лигарид сказал пред государем: «Ангел сатаны преобразился в святого ангела! Пусть скорее удалится этот лжевидец, чтоб не произошло смуты в народе или даже кровопролития!» Все были согласны с греком.

В Успенский собор отправилось трое архиереев и в числе их Паисий.

– Уезжай из соборной церкви туда, откуда приехал! – сказали патриарху.

Таков был последний ответ Никону. Ему ничего не оставалось. Он видел ясно, что его подвели, обманули. Он приложился к образам и вышел из церкви.

– Оставь посох Петра митрополита! – сказали ему бояре.

– Разве силой отнимете, – сказал Никон.

Он садился уже в сани; подле саней стоял стрелецкий полковник, которому приказано было провожать его.

Никон отряс прах от ног и произнес известный евангельский текст по этому случаю.

– Мы этот прах подметим! – сказал стрелецкий полковник.

– Разметет вас вон та метла, что на небе – хвостатая звезда! – сказал Никон, указывая на видимую тогда комету.

Вслед за Никоном послали требовать от него посоха. Он уже не упряился и отдал посох. От него требовали отдать письмо, по которому он приезжал в Москву. Никон отослал и это письмо государю.

Тогда Зюзин был подвергнут допросу и пытке. Он указывал на соумышление с Нащокиным и Артамоном Матвеевым. Оба заперлись. По всему видно, однако, Нащокин действительно своими рассказами о том, что царь не гневается на патриарха, побудил Зюзина на смелое дело. Зюзина приговорили бояре к смертной казни, но царь заменил казнь ссылкой в Казань. Досталось немного и митрополиту Ионе. Царь поставил ему в вину, что он брал благословение

от Никона; впрочем, ему не сделали большого зла; его только отрешили от должности блюстителя патриаршего престола.

Никон был жестоко посрамлен. До сих пор он стоял твердо на своем; он говорил, что не хочет править патриаршим престолом, будучи, однако, всегда в душе согласным возвратиться на этот престол, если его станут сильно просить и пообещают, что все будет по его желанию, – одним словом, если обойдутся с ним так, как обошлись в 1652 г. при его посвящении на патриаршее достоинство. Теперь – после стольких заявлений своего нежелания, он сам явился на свое патриаршее место в Москву – и был изгнан с этого места! Понятно, как должна была озлобить его неловкая услуга Зюзина. Никон еще раз попытался, если уже не быть на патриаршестве, то, по крайней мере, покончить дело без вселенских патриархов, сколько-нибудь сносно для своего будущего существования. Никон благословлял избрать другого патриарха, отрекался от всякого вмешательства в дела, просил только оставить за ним патриарший титул, монастыри, им настроенные, со всеми их вотчинами, с тем, чтобы новый патриарх не касался их и, равным образом, с тем, чтобы эти монастыри не подлежали мирским судам. Никон затем прощал и разрешал всех, кого прежде проклинал. Предложение его было предметом предварительного рассуждения, с целью обсудить его на предстоявшем соборе, но потом оставлено без внимания.

Никон, видя, что не удастся ему покончить дела без восточных патриархов, послал одного родственника своего, жившего в Воскресенском монастыре, пробраться в Турцию и доставить письмо к константинопольскому патриарху. В этом письме Никон изложил всю свою распрю с царем и боярами, порицал Уложение (как мы привели выше), осуждал поступки царя, замечал, что царь Алексей весь род христианский отягчил данями сугубо и трегубо, и более всего жаловался на Паисия Лигарида; указывал, что он верует по-римски, принял от папы рукоположение, в Польше служил в костеле римско-католическую обедню; а между тем царь его прибрил к себе, слушается его и сделал председателем на соборе; на этом соборе перевели крутицкого митрополита в Новгород, противно закону, запрещающему переводить архиереев с одного места на другое.

Не дошло это письмо к Дионисию. За Никоном и всеми его поступками зорко следили его противники. Посланный был схвачен; письмо Никона доставлено царю и окончательно вооружило против него Алексея Михайловича.

Чувствовалась и сознавалась потребность скорейшего прекращения смут в церкви. Удаление патриарха и долгое отсутствие верховной церковной власти развязали противников преобразования, начатого Никоном. У них неожиданно явилось общее с сильными земли, с самим царем, со всем, что тогда было не в ладах с патриархом, главным виновником ненавистных изменений церковной буквы и обряда. Расколоучители подняли головы; сильно раздавался их голос. Аввакум был возвращен из Сибири, жил в Москве, был вхож в знатные дома, и если верить ему, сам царь видел его и обращался с ним ласково. Этот человек, вкрадчивый, умевший озадачивать слушателей беззастенчивой ложью о своих чудесах и страданиях, приобретал сторонников; он совратил двух знатных госпож, урожденных сестер Соковниных: княгиню Урусову и боярыню Морозову, которые, как женщины влиятельные и богатые, способствовали распространению раскола. Слишком горячая проповедь не дала Аввакуму долго проживать в Москве: он был сослан в Мезень. Но, видно, он имел сильных покровителей; его скоро воротили, а потом – опять принуждены были сослать в Пафнутьевский монастырь. Никита Пустосвят и Лазарь муромский написали сочинения против новшества, как называли тогда церковное преобразование противники; они подавали к царю свои сочинения в виде челобитных и распространяли их списки в народе. Тогда же архимандрит Покровского монастыря Спиридон написал сочинение «О правой вере», а дьякон Федор – другое, в котором обвинял всю восточную церковь в отступлении от православия. Кроме Москвы, в разных пределах государства появились рьяные расколоучители. В Костромском уезде успешным распространителем рас-

кола был старец Капитон, крестьянин дворцового села Даниловского; за свое строгое постничество он приобрел в народе славу святого и увлекал толпы своей проповедью; его влияние было так велико, что некоторое время всех раскольников вообще называли капитонами. Во Владимирском уезде проповедывал раскол бывший наборщик печатного двора Иван; в Нижегородском, Ветлужском, Балахонском уездах проповедывали Ефрем Потемкин и иеромонах Авраамий; в Смоленске – протопоп Серапион; на севере скитались и проповедывали раскол монахи Кирилло-Белозерского монастыря Иоасаф и Кожезерского Боголеп; в Соловецком – Герасим Фирсов, Епифаний и другие; монахи Досифей и Корнилий странствовали по Дону и возмущали монахов и народ против церковного нововведения, а монах Иоасаф Истомин волновал народ в Сибири. В разных местах появились святоши, отшельники, странники, постники, блаженные, которые возвещали народу, что приходят последние времена, наступает царство Антихриста, искажается древняя праведная вера, страшали, что кто примет трехперстное сложение, трегубое аллилуия, произношение и начертание имени Христа Иисус, вместо Иисус, четверокопечный крест и другие отмены в богослужебных обрядах и богослужебных книгах, того ожидает вечная погибель, а кто не покорится и претерпит до конца – тот спасется.

Невозможным более казалось ждать; надобно было принимать меры; с этою целью положили открыть собор: необходимо было рассеять нелепые толки о том, что в 1666 году будет что-то страшное, роковое. Наконец, в ожидании прибытия вселенских патриархов, хотели показать пред этими патриархами, что русская церковь деятельно борется со лжеучениями и осуждает их.

Собор этот, под председательством новгородского митрополита Питирима, открылся в начале 1666 года и продолжался около полугода. Заседания его происходили в патриаршей крестовой палате.

Члены собора рассматривали те и другие раскольничьи сочинения, призывали авторов и других распространителей мнений, противных церкви; обличали их, а в заключение предлагали им или отречься от своих заблуждений или подвергнуться наказанию. Большинство их принесло покаяние, хотя вообще неискренно.⁷⁷ Никита Пустосвят отрекся от своего учения, получил прощение, но с тайным намерением опять действовать в пользу раскола, и был отправлен в монастырь Николая на Угреше. Все другие покаявшиеся были разосланы по монастырям. Аввакум был непоколебим и не только не покорился никаким убеждениям, но еще называл неправославным весь собор, ПОЭТОМУ 13 мая 1666 года в Успенском соборе он был лишен сана, предан проклятию, отдан мирскому суду и отправлен в Пустозерский острог. Лазарь был еще задорнее; ему дали несколько месяцев на размышление, но никакие убеждения на него не действовали. Впоследствии его предали анафеме, но он и после того так нестерпимо ругался, что, наконец, ему отрезали язык и отправили в Пустозерск. Дьякон Федор сначала притворился, будто кается и отрекается от своих заблуждений, и был послан в Угрешский монастырь, а потом ушел оттуда, хотел увезти свою жену и детей и бежать, но был схвачен и начал открыто хулить собор и никоновские новшества. За это он отдан был мирскому суду, лишен языка и отправлен вместе с Лазарем в заточение. В заключение собор подтвердил все прежние постановления собора, бывшего по поводу исправления книг.

Этот собор 1666 г. был все еще как бы предуготовительным. Его постановления о расколе предполагалось предать суду и обсуждению вселенских патриархов.

Из четырех вселенских патриархов только двое: антиохийский Макарий, еще прежде бывавший в Москве, и александрийский Паисий отправились в Москву по приглашению царя; остальные два дали им свое полномочие. Путь ехавших в Россию лежал через Малую Азию, Персию и Грузию до Астрахани; от Астрахани до Москвы они ехали с большою торжествен-

⁷⁷ Ефрем Потемкин, инок Григорий, бывший протопоп Миронов, игумен Златоустовского монастыря Феоктист, Герасим Фирсов, иеромонах Сергий, Серапион смоленский, Антоний муромский, иеромонах Авраамий, игумен Сергий.

ностью. Царь приказал доставлять им всевозможные удобства и даже устраивать мосты для проезда. По близости к столице, к ним, по обычаю, высылали несколько почетных встреч, одна за другою. У городских ворот встречала их часть духовенства, и они шли до Успенского собора крестным ходом при звоне колоколов, среди огромного стечения народа. Это было 2 ноября 1666 года.

После первых церемоний и угощений, патриархи предварительно занялись исследованием дела, которое им предстояло решить. Царь назначил для этого занятия с ними двух архиереев, Павла крутицкого и Илариона рязанского, а к ним присоединил одноязычного с патриархами Паисия Лигарида. «Имейте его отныне при себе, – сказал царь. – Он знаком с делом; от него все подробно узнаете».

Собственно, Лигарид был докладчиком по делу Никона перед вселенскими патриархами. Он составил обвинительную записку против московского патриарха, которая заранее настроила судей против обвиняемого. Достоин замечания, что Паисий в своей записке старался вооружить патриархов тем, как будто Никон посягал на право и власть вселенских патриархов, и доказывал это с разными натяжками, указывая, главным образом на то, что Никон из высокомерия вымышлял себе разные титулы.

Наконец, 29 ноября, отправлены были псковский архиепископ Арсений, ярославский архимандрит Сергей и суздальский Павел звать Никона на собор. Никон сказал им:

«Откуда святейшие патриархи и собор взяли такое бесчиние, что присылают за мною архимандритов и игуменов, когда по правилам следует послать двух или трех архиереев?»

Ярославский архимандрит на это сказал:

«Мы к тебе не по правилам пришли, а по государеву указу. Отвечай нам: идешь или не идешь?»

«Я с вами говорить не хочу, – сказал Никон, – а буду говорить с архиереями. Александрийский и антиохийский патриархи сами не имеют древних престолов и скитаются; я же поставление святительское имею от константинопольского». Затем, обратившись к Арсению, он продолжал: «Если эти патриархи прибыли по согласию с константинопольским и иерусалимским, то я поеду».

На другой день, 30 ноября, Никон отслужил заутреню с елеосвящением, потом литургию в архиерейском облачении, поучал братию о терпении, а к вечеру выехал в санях. Посланные за ним успели, однако, дать знать в Москву, что Никон принял их нечестно, не идет и не сказал, когда поедет.

Тогда в столовой избе, в присутствии государя и бояр, собравшиеся вселенские патриархи и русские духовные лица послали другой вызов Никону, с упреком за непослушание, с приказанием прибыть в Москву 2 декабря, во втором или в третьем часу ночи, не более как с десятью человеками и остановиться в кремле на Архангельском подворье. Никон был уже в дороге, когда его встретило это второе посольство. Никон остановился в селе Чернове, так как ему велено было ждать до ночи 2 декабря, а 1 декабря к нему послали третье приглашение: оно было не нужно, так как Никон ехал туда, куда его звали, но, видно, враги хотели усугубить его вину и дать делу такой ход, как будто бы Никон не слушался соборного призыва.⁷⁸

«Некому на вас жаловаться, – сказал Никон, – разве только единому Богу! Как же я не еду? И для чего велите въезжать ночью с немногими людьми? Хотите, верно, удавить, как митрополита Филиппа удавили!» Никон приехал около полуночи, и только что въехал в Никольские ворота кремля, как за ним заперли ворота; стрелецкий полковник произнес: «Великого государя дело». За Никоном ехал его клирик Шушера с патриаршим крестом. У него хотели

⁷⁸ По древним правилам, если призываемый на собор ослушивается, его приглашали три раза и после третьего приглашения обвиняли.

отнять крест, но Шушера передал его патриарху. Шушере повели к царю, который его допрашивал о чем-то втайне и приказал отдать под стражу.

Дом, где поместили Никона, находился у самых Никольских ворот, в углу кремля. Его окружили стражею; самые Никольские ворота не отпирались: разобрали даже мост у этих ворот.

В 9 часов утра весь собор собрался в столовой избе, и за Никоном отправили Мстиславского епископа, блюстителя киевской митрополии, Мефодия, прославившегося своими кознями в Малороссии.

Мефодий объявил Никону, чтобы он шел смиренно, без креста, который обыкновенно носили перед патриархом. Никон уперся и ни за что не хотел идти без креста. Ему наконец дозволили идти с крестом.

Никон вошел в столовую избу торжественно, как патриарх, прочитал молитву, поклонился царю, патриархам и всем присутствующим.

Все встали и царь должен был встать, потому что перед Никоном несли крест. Царь указал ему место между архиереями.

– Благочестивый царь, – сказал Никон, – я не принес с собою места: буду говорить стоя!

Он стоял, опершись на свой посох. Перед ним держали крест. Никон сказал: «Зачем я призван на это собрание?» Тогда царь, которому приходилось говорить, сам встал со своего места. Дело получило такой вид, как будто собор должен произнести приговор между двумя тяжущимися. Царь излагал все прежнее дело: жаловался, что Никон оставил церковь на девятилетнее вдовство, восстали раскольники и мятежники, начали терзать церковь; царь предложил сделать по этому поводу допрос Никону. Речь царя была переведена по-гречески, и патриархи через толмача спросили Никона:

– Зачем ты оставил патриарший престол? «Я ушел от государева гнева, – сказал Никон, – и прежние святые отцы, Афанасий александрийский и Григорий Богослов, бегали от царского гнева». – Никон рассказал дело об обиде, нанесенной окольныхчим Хитрово патриаршему боярину.

Царь сказал:

«У меня обедал тогда грузинский царь; в ту пору мне некогда было разыскивать и давать оборону. Он говорит, будто присылал своего человека для строения церковных вещей, а в ту пору нечего было строить на Красном крыльце. Хитрово зашиб его человека за невежество, потому что пришел не вовремя и учинил смуту. Это Никона не касается».

Патриархи заметили Никону, что ему можно было бы и потерпеть. «Я царский чин исполнял, – сказал при этом Хитрово, – а его человек пришел и учинил мятеж. Я его зашиб не зная. Я у Никона просил прощения, и он меня простил».

– Ты отрекался от патриаршества и говорил, что будешь анафема, если станешь снова патриархом?

– Я никогда не говорил этого, – отвечал Никон.

Тогда царь сказал: «Он написал на меня многие бесчестия и укоризны». – Царь велел прочесть перехваченное письмо Никона к константинопольскому патриарху Дионисию. Оно послужило нитью для целого допроса.

Когда в письме дочитались до слов: «Нас посылали в Соловецкий монастырь за мощами святого Филиппа, которого царь Иван замучил несправедливо за правду», Алексей Михайлович сказал:

«Для чего Никон такое бесчестие и укоризну царю Ивану написал, а о себе утаил: как он низверг без собора коломенского епископа Павла и сослал в Хутынь, где тот безвестно пропал!»

Никон отвечал: «Не помню и не знаю, где он; о нем есть на патриаршем дворе дело».

Письмо к Дионисию перебирали пункт за пунктом, спрашивали Никона о разных мелочах и подробностях. Он отвечал коротко и большею частью отрицательно. Дочитали до того места, где Никон говорил, что царь приказал посадить в Симонов монастырь иконийского митрополита Афанасия. Царь прервал чтение и спросил Никона: «Знаешь ты в лицо этого Афанасия?»

– Не знаю! – сказал Никон.

Царь позвал к себе одного из среды архиереев и, указывая на него, сказал:

– Вот Афанасий!

Наконец дочитали до самого важного, до тех обвинений, которые щедро расточал в своем письме Никон на Лигарида. Никон прямо обвинял Паисия в латинстве перед Дионисием, находил незаконным собор, на котором Паисий был председателем, и писал так: «С этого беззаконного собора прекратилось соединение святой восточной церкви, и мы от благословения вашего отлучились, а начаток волями своими приняли от римских костелов». За это место особенно уцепились, потому что оно подавало повод обвинить Никона в самой тяжелой вине: в хуле на православную церковь. Царь сказал:

«Никон отчел нас от благочестивой веры и благословения святых патриархов, причел к католической вере и назвал нас всех еретиками. Если бы Никоново письмо дошло до вселенских патриархов, то всем православным христианам быть бы под клятвою; за такое ложное и затаенное письмо нам нужно всем стать и умирать, а от этого очиститься».

– Чем Россия отступила от соборной церкви? – спросили Никона патриархи.

– Тем, – сказал смело Никон, – что Паисий перевел Питирима из одной митрополии в другую и на его место посадил иного митрополита; да и других архиереев переводили с места на место. Ему того делать не довелось, потому что он от иерусалимского патриарха отлучен и проклят. Да если бы он и не был еретик, то все-таки ему не для чего долго быть на Москве. Я его митрополитом не почитаю. У него нет ставленной грамоты. Этак всякий мужик наденет на себя мантию, так он и митрополит! Я писал о нем, а не о всех православных христианах!

Это и обратили враги Никона особенно ему во вред. И духовные и светские, все закричали:

– Он назвал еретиками всех нас! Надобно об этом указ учинить по правилам! – Сарский митрополит Павел, рязанский Иларион и Мефодий задорнее других горячились тогда против Никона.

– Если б ты Бога боялся, – сказал Никон царю, – то не делал бы так надо мною.

Продолжали читать письмо, по-прежнему останавливаясь на мелочах. По окончании чтения Никон сказал царю:

– Бог тебя судит: я узнал на своем избрании, что ты будешь ко мне добр шесть лет, а потом я буду возненавидим и мучим!

– Допросите его, – сказал царь, – как он это узнал?

Никон не отвечал.

На второе заседание, как только Никон вошел, царь встал со своего места и сказал:

– Никон! Поссорясь с газским митрополитом, ты писал, будто все православное христианство отложилось от восточной церкви к западному костелу, тогда как наша соборная церковь имеет спасительную ризу Господа нашего Бога и многих московских чудотворцев мощи, и никакого отлучения не бывало. Мы все держим и веруем по преданию апостолов и Св. отец, истинно; бьем челом, чтобы патриархи от такого названия православных христиан очистили!

С этими словами царь поклонился патриархам до земли; то же сделали все присутствующие на соборе.

– Дело великое, – сказали патриархи, – за него надобно стоять крепко. Когда Никон всех православных христиан назвал еретиками, то он назвал еретиками и нас, будто мы пришли

еретиков рассуждать; а мы в Московском государстве видим православных христиан. Станем за это патриарха Никона судить и православных христиан оборонять по правилам.

Затем Никона старались уличить во лжи и найти противоречие в том, что он отказывался от патриаршества, а потом называл себя патриархом. Вспомнивши снова о Хитрово, прибывшем Никонова боярина, патриархи произнесли такое суждение: «Никон посылал своего человека, чтобы учинить смуту, а в законах написано: кто между царем учинит смуту, тот достоин смерти; и кто Никонова человека ударил, того Бог простит: так тому и подобало быть».

С этими словами антиохийский патриарх, назвал Никону, благословил Хитрово.

Никон, воротясь из заседания в свое помещение, находился в затруднительном положении: все его запасы отправлены были на Воскресенское подворье; его людей не пускали за ними. Царь послал ему запасов от своего стола, но Никон не принял их; царь дозволил его людям взять патриаршские запасы с подворья, но был сильно огорчен и жаловался на Никона патриархам.

5 декабря опять собрался собор. У Никона на этот раз отняли крест, который прежде носили перед ним. Никона спрашивали в перебивку то о том, то о другом, а более всего старались его уличить в том, что он будто бы сказал: «Будь я анафема, если захочу патриаршества!» На него показывали новгородский митрополит Питирим, тверской архиепископ Иосиф и Родион Стрешнев. Никон по-прежнему уверял, что не произносил такого слова и, наконец, объявил, что нечего более говорить о патриаршестве; в этом волен царь и вселенские патриархи.

Никона опять допрашивали отрывочно о других случаях. Он давал короткие ответы и, наконец, сказал:

– Не буду с патриархами говорить, пока не приедут патриархи константинопольский и иерусалимский.

Ему тогда показали подписи полномочия других патриархов и стали читать правила, по которым епископ, оставивши свою кафедру, лишается ее.

– Я этих правил не принимаю, – сказал Никон. – Это правило не апостольское и не вселенских и не поместных соборов. Их нет в русской Кормчей, а греческие правила печатали еретики!

После этого опять отклонились, начали спорить о разных прежних случаях. Никон (как сообщает по дошедшим слухам посаженный под стражу его крестonosитель Шушера) сострил тогда и над царскими боярами: «Ты, царское величество, девять лет вразумлял и учил предстоящих тебе в сем сонмище, и они все-таки не умеют ничего сказать. Вели им лучше бросить на меня камни; это они сумеют; а учить их будешь хоть еще девять лет – ничего от них не добьешься!»

Когда Никона укоряли за то, что им оставлено самовольно патриаршество, то он сказал царю:

– Я, испугавшись, ушел от твоего гнева; и ты, царское величество, неправду свидетельствовал, когда на Москве учинился бунт!

– Ты непристойные речи говоришь и бесчестишь меня, – сказал царь. – На меня никто бунтом не прихаживал, а приходили земские люди не на меня, но ко мне бить челом об обидах.

– Как ты не боишься Бога говорить непристойные речи и бесчестить великого государя!.. – стали кричать со всех сторон.

Наконец поднялся с места антиохийский патриарх и сказал: «Ясно ли всякому из присутствующих, что александрийский патриарх есть судия вселенной?»

– Знаем и признаем, что он есть и именуется судия вселенной.

– Там себе и суди, – сказал Никон. – В Александрии и Антиохии ныне патриархов нет: александрийский живет в Египте, антиохийский в Дамаске.

– А где они жили, когда благословили на патриаршество Иова? – возразили патриархи.

– Я в то время невелик был, – сказал Никон.

Александрийский патриарх сказал: «Хоть я и судия вселенной, но буду судить Никона по Номоканону. Подайте Номоканон».

Прочитали 12-е правило антиохийского собора: «Кто потревожит царя и смутит его царствие, тот не имеет оправдания».

– Греческие правила не прямые, – сказал Никон, – печатали их еретики. – Патриархи вознесли похвалами греческий Номоканон и поцеловали книгу. Потом спросили греческих духовных: «Принимаем ли эту книгу яко праведную и нелестную?»

Греки объясняли, что хотя их церковные книги за неимением типографий и печатаются в Венеции, но все они принимают их.

Принесли русский Номоканон.

Никон сказал:

– Он неисправно издан при патриархе Иосифе.

– Как это ты Бога не боишься, закричали со всех сторон, – бесчестишь государя, вселенских патриархов, всю истину во лжу ставишь!

Александрийский патриарх сделал запрос греческим духовным: «Чего достоин Никон?»

– Да будет отлучен и лишен священнодействия, – отвечали греки.

– Хорошо сказано, – произнес патриарх. – Пусть теперь будут спрошены русские архиереи.

Русские архиереи повторили то же, что и греческие. Тогда оба патриарха встали, и александрийский, в звании судии вселенной, произнес приговор, в котором было сказано, что, по изволению Святого Духа и по власти, данной патриархам, вязать и решить, они, с согласия других патриархов, постановляют, что отселе Никон за свои преступления более не патриарх и не имеет права священнодействовать, но именуется простым иноком, старцем Никоном.

Никон возвращался на Архангельское подворье, уже не смея благословлять народ.

Тогда по рассказу Шушеры найден был человек, переводивший на греческий язык грамоту Никона к константинопольскому патриарху. Это был грек по имени Димитрий, живший у Никона в Воскресенском монастыре. Когда его повели к царю, он до того впал в отчаяние, ожидая для себя ужасных мук, что вонзил себе нож в сердце.

12 декабря собрались вселенские патриархи и все духовные члены собора в небольшой церкви Благовещения, в Чудовом монастыре. Все были в мантиях, в митрах, с омофорами. Царь не пришел; из бояр были только присланы царем: князья Никита Одоевский, Юрий Долгорукий, Воротынский и другие.

Привели Никона. На нем была мантия и черный клобук с жемчужным крестом. Сначала прочитан был приговор по-гречески, потом рязанским митрополитом Иларионом по-русски. В приговоре обвинили бывшего московского патриарха, главным образом за то, что он произносил хулы: на государя, называя его латиномудренником, мучителем, обидчиком; на всех бояр; на всю русскую церковь – говоря, будто она впала в латинские догматы; а в особенности – хулы на газского митрополита Паисия, к которому питал злобу за то, что он говорил всесветлейшему синклиту о некоторых гражданских делах Никона. Ему поставили в вину низвержение коломенского епископа Павла, обвиняли сверх того в жестокости над подчиненными, которых он наказывал кнутом, палками, а иногда и пытал огнем. «Призванный на собор Никон, – говорилось в приговоре, – явился не смиренным образом, как мы ему братски предписали, но осуждал нас; говорил, будто у нас нет древних престолов, и наши патриаршие рассуждения называл блядословиями и баснями...»

– Если я достоин осуждения, – сказал Никон, – то зачем вы, как воры, привели меня тайно в эту церковку; зачем здесь нет его царского величества и всех его бояр? Зачем нет всенародного множества людей российской земли? Разве я в этой церкви принял пастырский жезл? Нет, я принял патриаршество в соборной церкви перед всенародным множеством, не по

моему желанию и старанию, но по прилежным и слезным молениям царя. Туда меня ведите и там делайте со мною, что хотите!

– Там ли, здесь ли, все равно, – отвечали ему. – Дело совершается советом царя и всех благочестивых архиереев. А что здесь нет его царского величества, – на то его воля.

С Никона сняли клобук и панагию.

– Возьмите это себе, – сказал Никон, разделите жемчуг между собою: достанется каждому золотников по пяти, по шести, сгодится вам на пропитание на некоторое время. Вы бродяги, турецкие невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтоб было чем дань заплатить султану!

С присутствовавшего тут греческого монаха сняли клобук и надели на Никона.

Когда его вывели, то, садясь в сани, Никон громко произнес:

– Никон! Никон! Все это тебе случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивал дорогие трапезы, да вечерял с ними, то этого бы тебе не случилось!

Его повезли, в сопровождении стрельцов, на земский двор. За санями шли приставленные к нему архимандриты: Павел и Сергей. Последний (из Спасо-Ярославского монастыря) тешился падением патриарха:

– Молчи, молчи, Никон! – кричал он ему.

Воскресенский эконоом Феодосий по приказанию Никона обратился к нему с таким словом: «Патриарх велел тебе сказать: если тебе дана власть, то приди и зажми ему рот».

– Как ты смеешь называть патриархом простого монаха! – закричал Сергей. Но кто-то из толпы, следовавшей за Никоном, сказал:

– Патриаршее наименование дано ему свыше, а не от тебя гордого.

Стрельцы по приказанию Сергея тотчас схватили сказавшего это слово и увели.

– Блажени изгнанные правды ради! – сказал тогда Никон.

Когда его привезли на двор, Сергей нарочно сел, развалясь перед ним, снял с себя камиллавку и начал его в насмешку утешать.

На другой день утром царь прислал к Никону Родиона Стрешнева с запасом денег и разных мехов и одежд.

– Его царское величество прислал тебе это, – сказал Стрешнев, – потому что ты шествуешь в путь дальний.

– Возврати все это пославшему тебя и скажи, что Никон ничего не требует! – сказал Никон.

Стрешнев сказал, что царь просит прощения и благословения.

– Будем ждать суда Божия! – сказал Никон.

13 декабря толпы народа стали собираться, чтобы поглазеть, как повезут низверженного патриарха. Но, во избежание соблазна, народу сказали, что Никона повезут через Спасские ворота по Стретенке, и народ устремился в Китай-город, а Никона повезли через противоположные ворота. Его провожало 200 стрельцов. На пути одна вдова поднесла Никону теплую одежду и двадцать рублей денег. Он принял это, как милостыню, ни за что не хотевши взять подачки от царя.

В Ферапонтовом монастыре (находившемся недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря) Никон содержался под надзором присланного архимандрита Новоспасского монастыря. Ему запрещено было писать и получать письма. Никон долго не хотел принимать никаких государевых запасов. Обаяние его было так велико, что и ферапонтовский игумен и архимандрит, приставленный к Никону, и, наконец, сам царский пристав Наумов величали его патриархом и принимали от него благословение. Царь снова через пристава заговорил с прежним своим другом о примирении. Никон написал царю: «Ты боишься греха, просишь у меня благословения, примирения, но я тебя прощу только тогда, когда возвратишь меня из заточения».

В сентябре 1667 года царь повторил свою просьбу, и Никон отвечал, что благословляет царя и все его семейство, но когда царь возвратит его из заточения, то он тогда простит и разрешит его совершенно.

Но царь не возвращал Никона. Приставленный к Никону архимандрит Иосиф в 1668 году сделал донос, что к нему приходили воровские донские казаки и намеревались освободить его из заточения. Никона стали содержать строже. Перед его кельей стояло всегда двадцать стрельцов с дубинами; много несчастных, по подозрению в сношениях с опальным патриархом, было схвачено и подвергнуто пыткам.

Вскоре царь опять сожалел над ним: умерла царица Марья Ильинишна, и он отправил к Никону Стрешнева с деньгами. Никон не принял денег.

Но долгие страдания стали надламывать волю Никона. В конце 1671 года он написал царю примирительное письмо и просил прощения за все, в чем был виноват перед царем. «Я болен, наг и бос, – писал Никон, – сижу в келье затворен четвертый год. От нужды цинга напала, руки больны, ноги пухнут, из зубов кровь идет, глаза болят от чада и дыму. Приставы не дают ничего ни продать, ни купить. Никто ко мне не ходит и милостыни не у кого просить. Ослабь меня хоть немного!»

На Никоне лежало важное подозрение в сношениях со Стенькой Разиным. Сам Стенька показывал, что к нему приезжал старец от Никона. Никон уверял царя, что этого никогда не было. Царь поверил, и хотя не перевел Никона, по его желанию, ни в Иверский, ни в Воскресенский монастырь, но приказал содержать его в Ферапонтовом без всякого стеснения. Тогда Никон отчасти примирился со своей судьбой, принимал от царя содержание и подарки, завел собственное хозяйство, читал книги, лечил больных и любил ездить верхом. Стол его в это время не только был обильный, но и роскошный. Кирилловскому монастырю велено было доставлять ему все потребное. Никон заметно слабел умом и телом от старости и болезни; его стали занимать мелкие дрязги; он ссорился с монахами, постоянно был недоволен, ругался без толку и писал царю странные доносы, как, например, на кирилловского архимандрита, что он ему в келью напускает чертей.

Но в то время как низложенный патриарх таял в заточении, дело, начатое им, продолжало волновать русское общество и вызывать усиленную деятельность власти. Собор русских архиереев избрал по жребию из трех кандидатов, преемников Никону, троицкого архимандрита Иосафа, и во главе с избранным передал обсуждению вселенских патриархов вопросы, касающиеся исправлений в русской церкви. Главнейшим из этих вопросов был вопрос о расколе. Вселенские патриархи вполне утвердили приговор русского собора 1666 года, и новый собор, уже с участием вселенских патриархов и греческих архиереев, произнес анафему на раскольников в самых сильных выражениях.

«Сие наше соборное повеление и завещание ко всем вышереченным чином православным предаем и повелеваем всем неизменно хранить и покоряться святей Восточней церкви. Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей Восточней церкви и сему освященному собору, или начнет преклословити и противлятися нам: и мы такового противника, данною нам властью от всесвятаго и животворящаго Духа, аще будет от освященнаго чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и благодати, и проклятию предаем; аще же от мирскаго чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго всеочленения и стада и от церкви Божия отсекаем яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще ли кто не вразумится и не возвратится в правду покаянием, и пребудет в упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и непощен, и часть его и душа со Иудою предателем, и с распятыми Христа Жидовы, и со Арием и с прочими проклятыми еретиками, железо, камень и древесина да разрушатся и да растлятся, а той да будет неразрешен и неразрушен и яко тимпан, во веки веков аминь. Сие соборное наше узаконение

и изречение подписахом и утвердихом нашими руками, и положихом в дому Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, в патриархии богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея России, в вечное утверждение и в присное воспоминание, в лето от сотворения мира 7175, от воплощения же Бога слова 1667, индикта 5, месяца мая в 13 день».

Этот приговор имел чрезвычайную важность в последующей истории раскола; он утвердил непримиримую вражду между господствующею церковью и несогласными с нею противниками никоновских исправлений. С одной стороны, православная русская церковь с трудом могла снисходительно относиться к заблуждениям и невежеству раскольников, после того, как над ними состоялось такое страшное проклятие, утвержденное вселенскими патриархами; а с другой – раскольники лишены были уже права и возможности надеяться на какую-нибудь сделку с церковной властью и становились непримиримыми врагами существующего церковного строя, а вместе с тем и государственной власти, стоявшей на стороне церкви. Такое положение дел выказалось тотчас же после собора в бунте Соловецкого монастыря.

Этот монастырь, с самого же начала, показал себя против исправлений и все более и более делался пристанищем недовольных. В 1666 году там был архимандрит Варфоломей. Братия не любила его. Царь пригласил его на собор и после собора назначил ему другой монастырь, а в Соловки отправил архимандритом иного, по имени Иосиф. Прежний архимандрит поехал в Соловки вместе с новым, чтобы сдать последнему монастырь. Тут вспыхнул мятеж. Братия не хотела принимать нового архимандрита и прогнала его вместе с прежним. Царь, по окончании собора, отправил в Соловецкий монастырь для увещания спасо-ярославского архимандрита Сергия, того самого, который был приставом у Никона после его осуждения. Его также прогнали. Зачинщиками противодействия были тогда келарь Азарий, казначей Геронтий, а в особенности живший на покое архимандрит Никанор. Этот последний был прежде архимандритом в Саввином монастыре, пользовался расположением царя Алексея Михайловича, воспротивился было исправлению книг, на соборе принес покаяние, но, будучи отпущен в Соловки на покой, показал себя самым заклятым раскольником. «Не принимаем новоизданных книг, – кричали Соловецкие мятежники, – не хотим знать троеперстного сложения, имени Иисусе, трегубого аллилуйя! Все это латинское предание, антихристово учение; хотим оставаться в старой вере и умирать за нее!..»

Но прежде открытого сопротивления, соловецкие раскольники отправили к царю челобитную (одно из наиболее распространенных и любимых раскольниковых сочинений). Они просили дозволить им отправлять богослужение по старым книгам. Царь требовал послушания, а за противность и своеволие указывал отобрать у монастыря все вотчины и не пропускать в монастырь никаких запасов. Раскольники отвечали, что они ни за что не согласны на принятие новопечатных книг, предоставляли на волю царя послать на них свой царский меч и «переселить от сего мятежного жития в безмятежное, вечное».

Царь послал войско под начальством Волохова. Раскольники заперлись в монастыре, надеясь отсидеться и отбиться. Стены монастыря, построенные Филиппом, были крепки, на стенах было 90 пушек; запасов было собрано на многие годы. В монастырь набежало до 500 человек разного непокорного люда и в том числе воровских казаков с Дона.

Волохов вел осаду самым нелепым образом. Он сидел в Сумском остроге и беспрестанно ссорился с находившимся близ него архимандритом Иосифом: они друг на друга писали царю доносы, а между тем мятежники спокойно провозили в монастырь для себя все нужное. Наконец, ссора Волохова с архимандритом дошла до того, что они подрались, и царь в 1672 году удалил Волохова, а на место его послал стрелецкого голову Иевлева.

Иевлев действовал не лучше своего предшественника, и в 1673 году царь, недовольный им, сменил его, а на его место назначил воеводу Ивана Мещеринова.

Осада Соловецкого монастыря не могла быть ведена быстро, потому что военные действия возможны были только во время короткого лета. Летом 1674 года подошел Мещери-

нов к монастырю и стал палить в него из пушек. Между раскольниками сделалось раздвоение, замечательное потому, что оно, так сказать, наметило будущее раздробление раскола. Геронтий, ярый противник новых книг, находил, что хотя не следует соглашаться на принятие новой веры, но не должно сопротивляться царю. К нему пристали священники. Никанор, напротив, возбуждал мятежников к битве, ходил по стене, кадил, кропил святою водою пушки и говорил: «Матушки наши, галаночки, надежда у нас на вас, вы нас обороните!» Спор между двумя партиями дошел до того, что Никанор засадил в тюрьму Геронтия и его соумышленников священников. Келарь Наонаил Тугин и сотники: Исачко Воронин и Самко, были главными сообщниками Никанора; они положили не молиться за царя, говорили об его особе так, что, по общеупотребительному выражению их противников, «не только написать, но и помыслить страшно», и положили защищаться до последней степени. Продержавши несколько дней в тюрьме Геронтия и его сообщников, Никанор выгнал их из монастыря и стал учить, что можно жить и без священников, можно самим говорить часы и прочее. Этим положен был зародыш «беспоповщины», одного из важнейших видов, на которые разделился раскол.

Приступ не удался Мещеринову. Летом 1675 года он начал опять палить в монастырь и также неудачно.

Наступала зима. Мещеринов на этот раз не ушел в Сумский острог, а остался под монастырем, несмотря на все трудности. 22 января 1676 года при помощи перебежчика Феоктиста Мещеринов через отверстие в стене, заложеное камнями, вошел в монастырь со стрельцами. Никанор и главные его соумышленники были схвачены и казнены. Упорнейшие из раскольников сосланы в Пустозерск и Колу, а прочие, которые обещали повиноваться церкви и государю, получили прощение и оставлены на месте.

Но это укрощенное возмущение было только сигналом для множества других, кончавшихся более кровавым образом. Раскол, по-видимому, подавленный в Соловецком монастыре, быстро, как пожар, распространялся по всей Руси. К нему примыкало, как к знамени, все, что было в русском народе недовольного властями и светскими и духовными. Смело можно сказать, что половина Великой Руси отпала тогда от церкви и стояла враждебно к мирской власти, защищавшей церковь земным оружием. Соловецкие раскольники получили славу святых страдальцев и служили примером для своих последователей на долгие времена. Их жития перечитывались и пересказывались в народе со всевозможными баснями и чудесами. Преследуемые властями, раскольники бежали в леса, пустыни и готовились умирать за старую веру. Распространился страшный и своеобразный способ противодействия. Власти, преследуя раскольников, приняли древний способ казни – сожжение, но раскольники составили себе убеждение, что этого рода мученическая смерть ведет в царствие небесное, а потому не только не устрашались ее, но сами искали.⁷⁹ Так, когда правительство посылало отыскивать сопротивлявшихся церкви, то они, собираясь большими толпами, по приближении военной силы, сами сжигали себя, нередко тысячами. Эти самосожжения начались вскоре после Соловецкой осады в семидесятых годах XVII века и шли, возрастая. Один пример порождал другие. Самосожжения сделались обычным делом; фанатики учили, что это вернейший путь к царствию небесному. Православие в глазах народа, не хотевшего подчиниться церкви, носило название «никонианства». Имя Никона произносилось с проклятиями и ругательствами. Между тем сам виновник продолжал находиться в изгнании, и положение его, облегченное царем Алексеем Михайловичем, опять стало хуже на некоторое время.

⁷⁹ Так, 1681 года 1 апреля, в Пустозерске сожжены были в срубе, за хулы на церковь, протопоп Аввакум, бывший поп Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний, сосланные в Пустозерск 14 лет назад. По преданию, сохранившемся у раскольников, Аввакум перед смертью показал народу двуперстное крестное знамение и сказал: «Коли будете таким крестом молиться, во век не погибнете, а покинете этот крест, и город ваш песок занесет и свету конец настанет!»

Преемник Никона, патриарх Иосиф, скончался в 1672 году. После него стал патриархом Питирим, заклятый враг Никона, но власть его была бессильна над ферापонтовским изгнанником, находившимся под защитой царя. Питирим скончался.

Был избран в патриархи Иоаким. Некогда он был ратным человеком и участвовал в войне с Польшей, постригся в Киеве в монахи, был выписан Никоном в Москву и назначен келарем Чудова монастыря. По удалении Никона, он пристал к врагам его и, в звании чудовского архимандрита, открыто осуждал поведение Никона; и Никон был за это озлоблен против него. Этот новый патриарх сильно не желал возвращения Никона из далекого изгнания и удерживал царя, который, по своему добродушию, был способен приблизить к себе своего бывшего друга. В последнее время своей жизни царь особенно был милостив к Никону и щедро посылал к нему подарки и лакомства. В 1676 году умер Алексей Михайлович; преемник его отправил к Никону с дарами и с вестью Федора Лопухина, а вместе с тем приказал просить прощения и разрешения покойному царю на бумаге. Никон сказал: «Бог его простит, но в страшное пришествие Христово мы будем с ним судиться: я не дам ему прощения на письме!» Это естественно огорчило и молодого царя, и подало врагам Никона орудие, чтобы сделать худшим положение изгнанника. На Никона посыпались доносы. Находившийся при нем писарь Шайсупов и старец Иона, бывший прежде келейником у Никона, писали, что «он называет себя по-прежнему патриархом, занимается стрельбою; застрелил птицу баклана за то, что птица поела у него рыбу, дает монахам целовать руку, называет вселенских патриархов ворами, лечит людей, которые от его лекарства умирают, напивается пьян, рассердившись, дерется сам и другим приказывает бить монахов». Доносы эти, без сомнения, написаны были в уверенности, что, при изменившихся обстоятельствах, их примут на веру. Патриарх Иоаким подействовал на молодого государя, и Никона приказали перевести в Кирилло-Белозерский монастырь под надзор двух старцев, которые должны были постоянно жить с ним в келье и никого к нему не пускать: Никон отвергал взводимые на него обвинения, но сознавался, что вместе с игуменом бил кого-то за воровство.

За Никона, однако, при дворе молодого Федора явилась заступница; то была сестра покойного царя Татьяна Михайловна. Она издавна уважала Никона. Со своей стороны, учитель Федора, Симеон Полоцкий, также хлопотал за сверженного патриарха. Царь опять облегчил положение Никона, не велел его стеснять и предложил патриарху перевести изгнанника в Воскресенский монастырь. Со своей стороны, иноки Воскресенского монастыря подали царю челобитную и умоляли возвратить им Никона «как пастыря к стаду, как кормчего к кораблю, как главу к телу». Патриарх Иоаким заупрямился. «Дело учинилось не нами, – говорил он царю, – а великим собором и волею святейших вселенских патриархов; не снесясь с ними, мы не можем этого сделать». Царь, несколько раз повторивши такую просьбу, собрал собор; но и собор, руководимый патриархом Иоакимом, не исполнил желания царя. Царь только написал к Никону утешительное послание. Так проходило время; наконец, кирилловский архимандрит известил Иоакима, что Никон болен, принял схиму и близок к смерти, и спрашивал разрешения: как и где похоронить Никона? Тогда царь снова молил патриарха и собор сжалиться над заточником и, по крайней мере, перед смертью порадовать его свободой. На этот раз патриарх и освященный собор благословили царя возвратить Никона из заточения.

Немедленно царь послал дьяка Чепелева привезти Никона в Воскресенский монастырь. То было в 1681 году. Никон от болезни и старости едва уже двигал ноги. Его привезли на берег Шексны, посадили в струг и поплыли по его желанию, на Ярославль. Везде по берегу стекался народ, просил благословения и приносил все потребное Никону. Его сопровождал кирилловский архимандрит Никита. 16-го августа утром достигли они Толгского монастыря, близ Ярославля. Никон причастился Св. Тайн и готовился переплыть на другую сторону Волги к Ярославлю. Здесь явился к нему архимандрит Сергей, тот самый, который издевался над

ним во время его низложения. Сергей кланялся ему в ноги, просил прощения за прежнее и говорил, что оскорблял его поневоле, творя угодное собору. Никон простил его.

На другой день, 17-го августа, Никона повезли на другой берег реки. Сергей сопровождал его в струге. Народ из города и сел встречал его на берегу реки Которости, куда вошел струг с Волги. Толпа бросилась в воду и тащила струг на берег. Никон был в совершенном изнеможении и ничего уже не мог говорить. Народ целовал ему руки и ноги. День склонялся к вечеру; начали благовестить к вечерне. Никон в это время немного ободрился, оглянулся вокруг себя и начал оправлять себе волосы, бороду, одежду, как будто готовясь в путь. Архимандрит Никита понял, что настает последний час его и начал читать отходную. Никон протянулся на постели, сложил руки на груди и скончался.

Дьяк поспешил в Москву известить о смерти бывшего патриарха. Ему встретилась царская карета, посланная за Никоном.

Царь приказал привезти тело Никона в Воскресенский монастырь и отправил к патриарху Иоакиму приглашение ехать на погребение со всем освященным собором.

– Воля государева, – сказал Иоаким, – я на погребение поеду, а именовать Никона патриархом не буду и назову его просто монахом. Так собор повелел. Если царь захочет, чтобы я его именовал патриархом, я не поеду.

– Я, сказал царь, – все беру на себя и сам буду просить вселенских патриархов, чтобы дали разрешение и прощение покойному патриарху.

Патриарх Иоаким был неумолим, но отпустил новгородского митрополита Корнилия, позволивши ему поминать Никона так, как царь ему прикажет.

Погребение было совершено Корнилием с несколькими архимандритами; других архиереев не было. Никона при погребении помянули патриархом. Царь целовал мертвому руки. Тело Никона было погребено в церкви Святого Иоанна Предтечи, на том месте, где он некогда завещал себя похоронить.

По возвращении в Москву, царь послал патриарху Иоакиму митру Никона и просил поминать покойного. Но патриарх не принял этого дара и ни за что не хотел поминать Никона патриархом.

Тогда царь написал ко вселенским патриархам, и в ответ были получены грамоты, которыми вселенские патриархи разрешали причесть Никона к лику прочих московских патриархов и поминать его вечно под этим званием. Грамоты эти уже не застали царя Федора в живых. Патриарх Иоаким волею-неволею должен был поминать Никона патриархом, а за ним и вся русская церковь поминала его и поминает в этом сане.

Выпуск пятый: XVII столетие

Глава 5

Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий

Древняя киевская земля, находившаяся под управлением князей Владимирова дома, ограничивалась на юг рекою Росью. Пространство южнее Роси, начиная от Днепра на запад к Днестру, ускользает из наших исторических источников. Наш древний летописец, пересчитывая ветви славянорусского народа, указывает на угличей и тиверцев, которых жилища простирались до самого моря. Угличи представляются народом многочисленным, имевшим значительное количество городов. Бесчисленное множество городищ, валов и могил, покрывающих юго-западную Россию, свидетельствует о древней населенности этого края. Почти непонятно, каким образом киевские, волынские и галицкие князья, владея множеством городов, возникших один за другим в их княжениях, занимавших северную половину нынешней Киевской губернии, Волынь и Галицию, упустили плодороднейшие соседние земли. Из нашей летописи мы узнаем, что языческие князья вели упорную войну с угличами. После сильного сопротивления, князья одолевали их, брали с них дань, а потом, со времен Владимира, угличи со своим краем как будто исчезают куда-то. Только в XIII веке во время Данила, в краю между Бугом и Днестром, являются какие-то загадочные бологовские князья, владевшие городами и поладившие с покорившими их татарами. В так называемой литовской летописи мы находим смутное известие, что в XIV веке Ольгерд, покоривши Подол, нашел там местное население, живущее под начальством атаманов. Из польских и литовско-русских источников узнаем, что в XV столетии нынешний край юго-западной России был уже значительно населен сплошь до самого моря, в южных его пределах были обширные владения знатных родов: Бучацких, Язловецких, Сенявских, Лянскоронских и пр. Плодородные земли изобиловали хлебопашеством и скотоводством; велась постоянная торговля с Грецией и Востоком; ходили купеческие караваны в Киев.

Но после разрушения греческой империи и после основания в Крыму хищнического царства Гиреев, беспрестанные грабежи и набеги татар не допустили свободного мирного развития жизни в этом крае и вызвали в нем необходимость населения с чисто воинственным характером. В конце XV века введен был в Руси польский обычай отдавать города с поселениями под управление лиц знатного рода, под названием старост. В начале XVI века являются староства: черкасское и каневское, а в них военное сословие под названием казаков. Самая страна, занимаемая этими староствами, названа «Украиной»; название это переходит на все пространство до Днестра, именно на землю древних угличей и тиверцев, а потом, по мере расширения казачества, распространяется и на киевскую землю и на левый берег Днепра.⁸⁰

Мы уже объясняли происхождение слова «казак» в жизнеописании Ермака. Положение южной Руси было таково, что здесь казак, чем бы он ни был, вначале должен был сделаться воином. Черкасские и каневские старосты, а за ними и другие старосты в южнорусском крае, например, хмельницкие и брацлавские, для безопасности своих земель, по необходимости должны были учредить из местных жителей военное сословие, всегда готовое для отражения татарских набегов. Необходимо было, вместе с тем, дать этому сословию права и привилегии

⁸⁰ Слово угличи от слова «угол», вероятно, однозначно со словом Украина, «у края». «Украина» слово древнее, встречается в XII веке.

вольных людей, так как, по понятиям того века, воин должен был пользоваться сословными привилегиями перед земледельцами. Организаторами казацкого сословия в начале XVI века являются преимущественно два лица: черкасский и каневский староста Евстафий Дашкович и Хмельницкий староста Предислав Лянскоронский.

Но в то время, когда, собственно, в Украине образовывалось местное военное сословие под названием казаков и состояло под начальством старост, началось и в других местах южной Руси стремление народа в казаки. Таким образом, из Киева плавали вниз по Днепру за рыбою промышленники и также называли себя казаками. Они, будучи промышленниками, были вместе с тем и военными людьми, потому что пребывание их в низовьях Днепра для своего промысла было небезопасно и требовало с их стороны умения владеть оружием для своей защиты от внезапного нападения татар.

Развитию казачества более всего содействовал предприимчивый и талантливый преемник Дашковича, черкасский и каневский староста Димитрий Вишневецкий. Он увеличивал число казаков приемом всякого рода охотников, прославился со своими казаками геройскими подвигами против крымцев и поставил себя по отношению к польскому королю почти в независимое положение. Его широкие планы уничтожить крымскую орду и подчинить черноморские края Московской державе разбились об ограниченное упрямство царя Ивана Грозного. В 1563 году Вишневецкий со своими казаками овладел было Молдавией, но затем изменнически был схвачен турками и замучен.⁸¹ Поход Вишневецкого на Молдавию проложил путь другим казацким походам в эту страну под начальством Сверчовского и Подковы. Польские паны Потоцкие и Корецкие также покушались овладеть Молдавией при помощи казаков. Походы эти усиливали и развивали казачество. Еще более поднимали его начавшиеся со второй половины XVI века казацкие морские походы, предпринимаемые из Запорожской Сечи на турецкие владения.

Еще в 1533 году Евстафий Дашкович на польском сейме в Пиотркове представлял необходимость держать от правительства казацкую сторожу на днепровских островах. Но на сейме не последовало по этому поводу решения. В пятидесятых годах XVI века Димитрий Вишневецкий построил укрепление на острове Хортице и поместил там казаков. Появление казацкой селитьбы поблизости к татарским пределам не понравилось татарам, и сам хан Девлет-Гирей приходил выгонять казаков оттуда. Вишневецкий отразил хана, но, покинутый в своих предприятиях царем Иваном, покорился воле Сигизмунда-Августа и затем вывел казаков с низовья Днепра. Тем не менее казаки не оставили пути, намеченного Дашковичем и Вишневецким, и через несколько лет после того явилась Запорожская Сеча.⁸²

Река Днепр, хотя и своенравная в своем течении, представляет, однако, возможность безопасного плавания вплоть до порогов; но вслед за тем плавание на протяжении 70 верст делается очень опасным, иногда и совершенно невозможным. Русло Днепра в разных местах пересекается грядою скал и камней, через которые прорывается вода с различною силою падения.⁸³ По окончании порогов Днепр проходит через гористое ущелье, называемое «Волчьим Горлом» (Кичкас), а потом разливается шире и делается уже, хотя судоходен до самого устья, но по всему своему течению разбивается на множество извилистых рукавов, образующих бесчисленные острова и плавни (острова и луга, заливаемые в полноводье и покрытые лесом, кустар-

⁸¹ О нем сохранилась такая легенда, что султан приказал его повесить ребром на крюк, и Вишневецкий, повиснув на крюке, славил Иисуса Христа и проклинал Мугаммеда. В одной малорусской думе он является под именем казака Байды. Он висит на крюке, а султан предлагает ему принять мугаммеданскую веру и жениться на его дочери. Байда просит себе пук стрел убить голубя на ужин своей невесте и поражает стрелою царскую дочь в голову, проклиная неверных.

⁸² Т.е. засека. В 1568 году она уже существовала.

⁸³ Всех порогов на Днепре считается до десяти: Койдацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий, Тягинский, Ненасытицкий (самый значительный и опасный), Волнигский, Будило, Лишний и Гадючий или Вильный и, кроме того, несколько «забор»: так называются камни, которых гряда не доходит от одного берега до другого, не идущие поперек всей реки. Из них самая значительная Воронова забора в 6 верстах от Ненасытицкого порога.

ником и камышом). Первый из островов, вслед за Волчьим Горлом, есть возвышенный и длинный остров Хортица. За ним – следуют другие острова различной величины и высоты. Острова эти представляли привольное житье для удальцов того времени по чрезвычайному изобилию рыбы, дичины и отличных пастбищ. И вот с половины XVI века этот край, называемый тогда вообще «Низом», стал более и более делаться приютом всех, кому только почему-нибудь было немилым житье на родине, и всех тех, кому по широкой натуре были по вкусу опасности и удалые набегии. Запорожская Сеча установилась прежде всего на острове Томаковке, близ впадения в Днепр реки Конки. Против этого острова, на левом берегу рос огромный лес, называемый «Великий Луг». Через несколько времени Сеча переносилась ниже на Микитин Рог (близ нынешнего Никополя), а потом еще несколько ниже и надолго основалась близ нынешнего села Капуловки. Главный центр ее был на одном из островов, до сих пор называемом Сечею. Казаки, поселившиеся в Сечи, носили название «запорожцев»; а весь состав их назывался «кошем». Они выбирали вольными голосами на «раде» (сходке) главного начальника, называемого «кошевым атаманом». Кош разделялся на «курени», и каждый курень состоял под начальством избранного «куренного атамана». Поселения низовых казаков не ограничивались одною Сечею. В разных местах на днепровских островах и на берегах образовывались казацкие селитьбы и хутора. Таким образом, за порогами слагалось новое людское общество с военным характером, населяемое выходцами и беглецами из южной Руси, совершенно независимыми от властей, управлявших южной Русью: пороги препятствовали этим властям добраться до поселенцев. Сначала жители Запорожья состояли из одних только мужчин, так как война была главною целью переселения за пороги; притом же значительная часть людей, прибывавших туда, не имела намерения оставаться там навсегда; побывавши на Запорожье, повоевавши с татарами в степи или совершивши какой-нибудь морской поход, они возвращались на родину. Другие же по-прежнему отправлялись на Запорожье, не с целью войны, но для звериной охоты и рыбной ловли и, следовательно, также на время. Только мало-помалу стали переселяться туда с семьями и заводить хутора. В самую Сечу никогда не дозволено было допускать женщин.

Таким образом казаки разделились на два рода: городских, или украинских, и запорожских, или сечевых. Первые, по месту своего жительства, должны были над собою признавать польские власти; вторые были совершенно независимы. Между теми и другими была тесная связь; очень многие из городских казаков проводили несколько лет в Сечи и вменяли это себе в особую доблесть и славу. Польские паны своими поступками содействовали расширению казачества, не предвидя губительного влияния, какое оно, при тогдашних условиях, носило в себе для строя польского общества. Один из знатнейших польских панов, Самуил Зборовский, был казацким предводителем. Паны приглашали казаков в своих походах; так Мнишки и Вишневецкие с их помощью водили в Московское государство самозванцев. Польские короли не раз пользовались их услугами. Еще Сигизмунд-Август изъял украинских казаков из-под власти старост и поставил над ними особого «старшого». При Стефане Батории заведены были реестры, или списки, куда записывались казаки; и только вписанные в эти реестры должны были называться казаками. Старшой над казаками, назначенный королем, назывался гетманом. Вероятно, в это же время последовало разделение казаков на полки (которое, собственно, известно нам в несколько позднее время). Полков было шесть: Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Чигиринский, Переяславский (последний на левой стороне Днепра); каждый полк находился под начальством полковника и его помощника есаула; полк делился на десять сотен. Каждая сотня была под начальством сотника и его помощника сотенного есаула. Гетману или старшому дан был для местопребывания город Трехтемиров. При гетмане были чины: есаул, судья, писарь, составлявшие генеральную старшину. Всех реестровых казаков было только шесть тысяч. Они пользовались свободным правом владения своими землями, не несли никаких податей и повинностей и получали жалованья по червонцу на каждого простого казака и по тулупу. Кроме этих реестровых казаков, польское правительство

долго не хотело знать никаких других казаков. По закону только реестровые были казаками. Но такой взгляд шел вразрез с народным стремлением. В южной Руси, напротив, все хотели быть казаками, т.е. вольными людьми; все искали путей и средств обратиться в казаков. Одним из таких путей была Запорожская Сеча. Жители, бывшие по закону панскими холопами в имениях наследственных или коронных, бегали на Запорожье, возвращаясь оттуда, не хотели уже служить своим панам, называли себя казаками и, как вольные люди, считали своею собственностью ту землю, на которой жили и которую обрабатывали, тогда как владелец признавал эту землю своею. Владельцы и их управители ловили таких беглецов и казнили смертью, но не всегда можно было это исполнить. Многие землевладельцы заводили тогда слободы и приглашали к себе всякого, давая льготы. В такие слободы убегали те, которых преследовали на их прежнем жительстве. Между самими владельцами возникали за это ссоры, часто происходили наезды друг на друга. Иногда и сами паны приглашали к себе своевольных чужих холопов, называли их казаками и с их помощью бесчинствовали против своей же братии. Такие казаки, при первом неудовольствии, готовы были поступать со своими новыми панам, как с прежними. Реестровые казаки мало имели охоты замыкать свое сословие и охотно принимали в него новых братьев, так что количество реестровых было на деле гораздо больше, чем на бумаге. Иногда такие польские подданные, назвав себя казаками, не пытались ни вступать в реестр, ни примыкать к панам, а собирались вооруженными толпами и выбирали себе предводителя, которого называли гетманом. Так поступали в особенности те, которые бывали на Сечи, воевали против турок и татар и приобретали себе там – как выражались тогда – «рыцарскую славу». Эти так называемые «своевольные купы» (шайки) уже в конце XVI века стали страшны для Польши и возбуждали против себя строгие постановления сейма. На деле эти постановления не исполнялись, тем более, что и польский король, и польские паны, объявивши шайки самозванных казаков противозаконными скопищами, сами употребляли их в войнах с Москвой, Швецией и Турцией. Таким образом, кроме казаков городских, записываемых в реестры, и казаков сичевых, беспрестанно пополняемых беглецами из Украины, то убавляемых уходившими назад в Украину, было еще множество казаков своевольных, состоявших из панских холопов, выбиравших себе гетманов. Правительство делало пересмотры реестрам; из них исключались лишние казаки; эти лишние носили название «выписчиков»; но выключенные из реестра продолжали называть себя казаками.

Понятно, что при таких условиях южнорусского общества того времени у польского правительства, а главное, у польских панов, явилось среди простого народа много врагов; эти враги становились тем ожесточеннее и опаснее, чем сильнее выказывалось с польской стороны стремление удержать наплыв народа в казачество. Польское право предавало хлопа в безусловное распоряжение его пана. Понятно, что такое положение не могло быть приятным нигде; но там, где народу не было никакой возможности вырваться из неволи, он терпел, из поколения в поколение привыкал к своей участи до такой степени, что перестал помышлять о лучшей. В Украине было не то. Здесь для народа было много искушений к приобретению свободы. Перед глазами у него было вольное сословие, составленное из его же братьев; по соседству с ним были днепровские острова, куда можно было убежать от тяжелой власти; наконец, близость татар и опасность татарских набегов приучали украинского жителя к оружию; сами паны не могли запретить своим украинским холопам носить оружие. Таким образом в народе южнорусском поддерживался бодрый воинственный дух, несовместный с рабским состоянием, на которое осуждал его польский общественный строй. Между тем, как способы панского управления в Украине, так и свойство отношений, в какие поставлен был высший класс к низшему, никак не мирили русского хлопа с паном и не располагали его к добровольной зависимости.

Стремление народа к оказаченью, или, так называемое поляками, «украинское своевольство», начало принимать религиозный оттенок и получать в собственных глазах русского народа нравственное освящение. Уже восстания Наливайка и Лободы прикрывались до неко-

торой степени защитой религии. Вслед за введением унии последовало быстрое отступление русского высшего класса от своей религии, а вместе с тем и от своей народности. Русские паны стали для русского народа вполне чужими и власть их получила вид как бы иноземного и иноверного порабощения. Мещане и хлопы только от страха, а не по убеждению, принимали унию и, пока не свыклись с нею в течение многих поколений, долго были готовы отпасть от нее. В Украине, где народ был бодрее и менее подвергался рабскому страху, уния трудно пускала свои корни. Реестровые казаки не принимали ее вовсе, потому что не боялись панов; знакомство с войною делало их отважными. Самовольные казаки еще более возненавидели унию, как один из признаков панского насилия над собою. Таким образом, православная религия сделалась для русского народа знаменем свободы и противодействия панскому гнету.

Согласное свидетельство современных источников показывает, что в конце XVI и первой половине XVII века безусловное господство панов над хлопами привело последних к самому горькому быту. Иезуит Скарга, фанатический враг православия и русской народности, говорил, что на всем земном шаре не найдется государства, где бы так обходились с земледельцами как в Польше. «Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что он зарабатывает, но и убивает его самого, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова». Между панами в это время распространилась страсть к непомерной роскоши и мотовство, требующее больших издержек. Один француз, живший тогда в Польше, заметил, что повседневный обед польского пана стоит больше, чем званый во Франции. Тогдашний польский обличитель нравов Старовольский говорит: «В прежние времена короли хаживали в бараньих тулупах, а теперь кучер покрывает себе тулуп красной материей, чтобы отличиться от простолюдина. Прежде шляхтич ездил на простом возе, а теперь катит шестерней в коляске, обитой шелковой тканью с серебряными украшениями. Прежде пивали доброе домашнее пиво, а теперь и конюшни пропахли венгерским. Все наши деньги идут на заморские вина и на сласти, а на выкуп пленных и на охранение отечества у нас денег нет. От сенатора до последнего ремесленника все проедают и пропивают свое достояние и входят в неоплатные долги. Никто не хочет жить трудом, а всякий норовит захватить чужое; легко достается оно, и легко спускается. Заработки убогих подданных, содранные иногда с их слезами, а иногда со шкурой, потребляются господами, как гарпиями. Одна особа в один день пожирает столько, сколько зарабатывает много бедняков в долгое время. Все идет в один дырявый мешок – брюхо. Верно пух у поляков имеет такое свойство, что они могут на нем спать спокойно, не мучась совестью». Знатный пан считал обязанностью держать при своем дворе толпу ничего не делающих шляхтичей, а жена его такую же толпу шляхтянок. Все это падало на рабочий крестьянский класс. Кроме обыкновенной панщины, зависевшей от произвола владельцев, они были обременены множеством разных мелких поборов. Каждый улей был обложен налогом под именем «очкового»; за вола платил крестьянин роговое; за право ловить рыбу – ставщину; за право пасти скот – спасное; за измол муки – сухомельщину. Крестьянам не позволялось ни готовить себе напитков, ни покупать их иначе, как у жида, которым пан отдает корчму в аренду. Едет ли пан на сейм, или на богомолье, или на свадьбу, – на подданных налагается какая-нибудь новая тягость. В королевских имениях, управляемых старостами или же управителями, положение хлопов было еще хуже, хотя закон предоставлял им право жаловаться на злоупотребления; никто не смел жаловаться, – по замечанию Старовольского, – потому что обвиняемый будет всегда прав, а хлоп виноват. «В судах у нас, – говорит тот же писатель, завелись неслыханные поборы, подкупы; наши войты, лавники, бурмистры – все подкупны, а о доносчиках, которые подводят невинных людей в беду, и говорить нечего. Поймают богатого, запутают и засадят в тюрьму, да и тянут с него подарки и взятки». Кроме безграничного произвола старосты или его дозорцы, в коронных имениях свирепствовали жолнеры (солдаты), которые тогда отличались буйствами и своеволием. «Много, – замечает Старовольский, – толкуют у нас о турецком рабстве: но это касается только военнопленных, а не тех, которые, живя под

турецкой властью, занимаются земледелием или торговлей. Они, заплативши годовую дань, свободны, как у нас не свободен ни один шляхтич. В Турции никакой паша не может последнему мужику сделать того, что делается в наших местечках и селениях. У нас в том только и свобода, что вольно делать всякому, что вздумается; и от этого выходит, что бедный и слабый делается невольником богатого и сильного. Любой азиатский деспот не замучит во всю жизнь столько людей, сколько их замучат в один год в свободной Речи Посполитой».

Но ничто так не тяготило и не оскорбляло русского народа, как власть иудеев. Паны, ленясь управлять имениями сами, отдавали их в аренды иудеям с полным правом панского господства над хлопами. И тут-то не было предела истязаниям над рабочей силой и духовной жизнью хлопа. Кроме всевозможнейших проявлений произвола, иудеи, пользуясь унижением православной религии, брали в аренды церкви, налагали пошрины за крещение младенцев («дудки»), за венчание («поемщина»), за погребение и, наконец, вообще за всякое богослужение; кроме того, и умышленно ругались над религией. Отдавать имения на аренды казалось так выгодным, что число иудеев-арендаторов увеличивалось все более и более, и южная Русь очутилась под их властью. Жалобы народа на иудейские насильства до сих пор раздаются в народных песнях. «Если, – говорится в одной думе, – родится у бедного мужика или казака ребенок, или казаки либо мужики задумают сочетать браком своих детей, – то не иди к попу за благословением, а иди к жиду и кланяйся ему, чтобы позволил отпереть церковь, окрестить ребенка или обвенчать молодых». Даже римско-католические священники, при всей своей нетерпимости к ненавистной для них «схизме», вопияли против передачи русского народа во власть иудеев. Так, в одной проповеди – сказанной уже тогда, когда Хмельницкий разбудил дремавшую совесть панов – говорится: «Наши паны вывели из терпения своих бедных подданных в Украине тем, что, отдавая жидам в аренды имения, продали схизматиков в тяжелую работу. Иудеи не позволяли бедным подданным крестить младенцев или вступать в брак, не заплатив им особых налогов».

Понятно, что народ, находясь в таком положении, бросался в казачество, убежал толпами на Запорожье и оттуда появлялся вооруженными шайками, которые тотчас же разрастались. Восстания следовали за восстаниями. Паны жаловались на буйство и своеволие украинского народа. Вместе с этим шли непрерывные набеги на Турцию. Толпы удальцов, освободившись бегством от тяжелого панского и иудейского гнета, убегали на Запорожье, а оттуда на чайках (длинных лодках) пускались в море грабить турецкие прибрежные города. Жизнь на родине представляла так мало ценного, что они не боялись подвергаться никаким опасностям; а нападать на неверных, по понятиям того времени, считалось богоугодным делом, тем более, что целью этих набегов было столько же освобождение пленных христиан, сколько и приобретение добычи от неверных. Турецкие послы постоянно жаловались польскому правительству на казаков. Поляки, при возможности, ловили виновных и казнили их, но когда сами ссорились с турками или татарами, то давали волю тем же украинским удальцам. Эти походы были особенно важны тем, что послужили дальнейшей военной школой для украинского народа и способствовали ему дружно и решительно подниматься против поляков; на это не отваживался в других местах русский народ, страдавший под таким же гнетом.

Частные местные восстания народа были многочисленны и не все нам известны. Правительство то и дело что производило новые реестры, желая ограничить число казаков. Но после каждого реестрования, число казаков удваивалось, утраивалось: лишних снова исключали из списков, а эти лишние не повиновались и увеличивали число свое силами охотников. По временам хлопы возмущались против владельцев, собирались в шайки, нападали на владельческие усадьбы. Жестокие казни следовали за каждым укрощением; но мятежи вспыхивали снова. Все хотели быть казаками; невозможно было разобрать: кто настоящий казак и кто только называет себя казаком. В 1614 году коронный гетман Жолкевский разогнал в Брацлавщине большую шайку, называвшую себя казаками, а 15 октября под Житомиром заключил с

реестровыми казаками договор, по которому они обязались не принимать в свое товарищество своевольных шаек, называвших себя казаками и нападавших на шляхетские имения, не собирать народа на рады; всем тем, которые самовольно называли себя казаками, велено оставаться под властью панов. Этот договор тотчас же был нарушен. Шляхта жаловалась королю; король писал универсалы; но в этих универсалах уже проглядывало сознание бессилия. «Несмотря на все прежние наши меры, – писал король в 1617 году, – казачье своеволие дошло до ужасающих крайностей; громады казаков не дают Речи Посполитой покою; шляхта не может безопасно проживать в своих имениях». Впрочем, в первой четверти XVII века, казацкая удаль находила себе поле деятельности то в Московском государстве, то на Черном море, то в Турции и Молдавии. Под начальством Сагайдачного казаки помогали полякам в войне с Турцией. Но когда кончилась эта война, казацкие восстания стали принимать значительно более широкий размер. В 1625 году казаки отправили своих депутатов на сейм с требованием признать законными духовных, посвященных иерусалимским патриархом, удалить унитов от церквей и церковных имений, уничтожить всякие стеснительные постановления против казаков и не ограничивать их числа. Они, при своей просьбе, послали перечень разных утеснений, которые терпели русские в Польше и Литве, указывали, что повсюду отнимают у православных церкви, тянут в суды православных под разными предлогами, отдаляют их от цеховых ремесл, сажают в тюрьмы и бьют священников; жаловались, что православные дети вырастают без крещения, люди живут без венчания и отходят от мира без исповеди и св. причащения. Просьба эта не имела никаких последствий, и казаки, под начальством гетмана Жмайла, стали расправляться сами собой: ворвались в Киев, убили киевского войта Федора Ходьку за ревность к унии, ограбили католический монастырь, убили в нем священника и отправили к московскому царю посольство с просьбой принять казаков под свое покровительство. Этого не хотели им простить поляки, и коронный гетман Станислав Конецпольский получил повеление укротить казаков оружием. Казаков было тысяч до двадцати; но между ними происходили несогласия, так что часть их разошлась. Конецпольский прижал их к Днепру, недалеко от Крылова; реестровые казаки решились мириться: сменили Жмайла, выбрали гетманом Михайла Дорошенка и заключили с польским гетманом, на урочище «Медвежьи Лозы», договор, по которому казаки должны были оставаться в числе шести тысяч и находиться под властью коронного гетмана; затем все, называвшие себя казаками, должны были подчиняться своим старостам и панам; все земли, которые они себе присвоили и считали казацкими, должны быть возвращены владельцам. Договор этот не мог разрешить спорных вопросов по желанию поляков. Число исключенных из казацкого звания значительно превышало число реестровых и еще увеличивалось вновь составляемыми шайками. Непокорные хлопы бежали толпами в Сечу. По смерти Дорошенка, убитого в битве с татарами, поляки назначили над реестровыми казаками предводителем Грицка Черного, человека преданного полякам; но самовольные казаки, собравшись в Сечи, избрали гетманом Тараса и двинулись на Украину. Реестровые казаки выдали Грицка Черного Тарасу; запорожцы совершили над ним жестокую казнь за то, что он принял унию. Тарас, признанный реестровыми, распустил по Украине универсал и убеждал весь народ податься и идти на поляков во имя веры. Многие духовные возбуждали русских к защите веры и жизни, потому что в те времена раздраженные поляки кричали, что надобно уничтожить схизму и истребить весь мятежный народ, а Украину заселить поляками. Польские историки уверяют, будто и Петр Могила, будучи еще печерским архимандритом, возбуждал народ к восстанию.

Поляки совершали тогда ужаснейшие варварства. Самуил Лаш, коронный стражник (блюститель пограничных областей) обрезаем людям носы и уши, отдавал девиц и женщин на поругание своим солдатам, и в первый день Пасхи 1639 г. в местечке Лысяпке вырезал поголовно всех жителей, не разбирая ни пола, ни возраста: многие из них были побиты в церкви. Для внушения народу страха, и в других местах делалось то же. Тарас сосредоточил свои силы

на левой стороне Днепра, у Переяславля. Конецпольский вступил с ним в битву, которая была так неудачна для поляков, что, по свидетельству их самих, у Конецпольского в один день пропало более войска, чем за три года войны со шведами. К сожалению, исход этой войны для нас остался неизвестным. Тарас каким-то образом попал в руки поляков и был казнен.

Через два года умер Сигизмунд III. Реестровые казаки, при сыне его Владиславе, участвовали в походе против Москвы, но зато другие казаки самовольно спустились в Черное море, делали нападения на турецкие владения и собирались на днепровских островах, чтобы снова идти войной на поляков. Чтобы пресечь бегство народа за пороги, гетман Конецпольский заложил на Днепре перед самыми порогами крепость Кодак и оставил там гарнизон под начальством француза Мариона. Но в августе 1635 года предводитель самовольных казаков Сулима разорил эту крепость, перебил гарнизон и стал призывать народ к восстанию. Ему не удалось предприятие. Подосланные Конецпольским реестровые казаки схватили Сулиму, еще не успевшего собрать большого ополчения. Ему отрубили голову в Варшаве.

Вслед за тем объявлено снова строгое приказание самовольным казакам повиноваться своим панам, а чтобы привести эту меру в исполнение, расставили в Украине польские войска, которые тотчас же начали делать народу всякие насилия. Это вынудило реестровых казаков в 1636 году обратиться с жалобой к королю; они избрали своими послами двух сотников: черкасского Ивана Барабаша и чигиринского Зиновия Богдана Хмельницкого.

Зиновий Богдан был сын казацкого сотника Михайла Хмельницкого. В юности он учился в Ярославле (галицком) у иезуитов и получил по своему времени хорошее образование. Отец его был убит в Цоцорской битве, несчастной для поляков, где пал их гетман Жолкевский. Зиновий, участвовавший в битве вместе с отцом, был взят турками в плен; он пробыл два года в Константинополе, научился там турецкому языку и восточным обычаям, что ему впоследствии пригодилось. После примирения Польши с Турцией, Зиновий возвратился в отечество, служил в казацкой службе и получил чин сотника. Есть известие, что он был под Смоленском в 1632 году и получил от Владислава саблю за храбрость.⁸⁴

Для рассмотрения казацких жалоб назначен был сенатор и воевода брацлавский Адам Кисель, православный пан, считавший себя отличным оратором и искусным дипломатом. Он начал хитрить с казаками и водить их, стараясь успокоить реестровых обещаниями денег, а главное добиваясь исключения из реестра лишних казаков и возвращения их под власть своих панов. Старшим над реестровыми казаками был тогда Василий Томиленко, человек старый, нерешительный, но тем не менее сердечно преданный казацкому делу. В то время как он в Украине толковал с Киселем, новый предводитель самовольных казаков Павлюк ворвался из Сечи в Украину с 200 человек, захватил в Черкасах всю казацкую артиллерию и ушел обратно в Сечь, а оттуда писал убеждение к реестровым казакам соединиться с «выписчиками» и дружно защищаться против поляков. Томиленко колебался, а Кисель, который, по собственному его признанию, производил между казаками раздоры, подобрал кружок реестровых казаков и составил из них раду на реке Русаве. Эта рада низложила Томиленка и выбрала в гетманы переяславского полковника Савву Кононовича, родом великорусса, преданного панским видам. Вместе с Томиленком отрешили других старшин, и только лукавый писарь Онушкевич остался в своем звании. Павлюк, узнавши о таком перевороте, послал своего друга, чигиринского полковника Карпа Скидана, с отрядом в Переяславль, а сам стал с войском у Крылова. Скидан вошел ночью в Переяславль, схватил Кононовича, писаря Онушкевича, новопоставленных старшин и привез их в Крылов. Казаки осудили их и расстреляли. Гетманом выбрали Павлюка. Томиленко, добровольно уступая ему первенство, остался его товарищем и другом.

⁸⁴ Так говорит одна малорусская летопись, прибавляя, что через двадцать два года, когда он сделался подданным Алексея Михайловича, то говорил: «Сабля эта порочит Богдана».

Павлюк разослал универсал по всем городам, местечкам и селам и призывал весь русский народ к восстанию: «Повелеваем вам и убеждаем вас, чтобы вы все единодушно, от мала до велика, покинувши все свои занятия, немедленно собирались ко мне».

На призыв Павлюка прежде всего отозвались, на левой стороне Днепра, так называемые новые слободы, а потом и на правой раздался, говорит современник, крик: «На свободу! на свободу!» Одни бежали к Павлюку; другие составляли шайки, бросались на панские дворы и забирали там запасы, лошадей, оружие... Сам Павлюк, разославши универсал, уехал в Сечь собирать запорожцев, а начальство в Украине поручил Скидану.

Все реестровые полки, один за другим, перешли на сторону восстания. Скидан заложил свой стан в Мошнах (черкасского уезда). Конецпольский послал против казаков своего товарища Потоцкого.

6 декабря 1637 года произошла битва близ деревни Кумейки. Русские бились отчаянно; но сильный холодный ветер дул им в лицо; они были разбиты, ушли к Днепру и стали в местечке Боровицах. Прибыл Павлюк; но казаки возмутились против него за то, что он не в пору ушел в Сечь и пропустил удобное время. Кисель, находившийся с Потоцким, уговорил казаков выдать Павлюка с товарищами, поручившись, что король дарует им прощение. Реестровые казаки низложили Павлюка с гетманства, провозгласили было гетманом одного из старшин Дмитра Томашевича-Гуню, но Гуня не согласился на старшинство ценой выдачи своих товарищей. Тогда реестровые казаки схватили Павлюка, Томиленка и какого-то Ивана Злого и привели к Потоцкому. Заключен был с польским военачальником договор: казаки обещали повиноваться польскому правительству. Договор этот был подписан Зиновием Богданом Хмельницким, носившим уже звание генерального писаря. Потоцкий назначил над казаками старшим Ильяша Караимовича. Гуня, Скидан и другие убежали.

Павлюка, Томиленка и Злого привезли в Варшаву. Напрасно Кисель перед сеймом умолял даровать им жизнь, ссылаясь на свое поручительство. Его протеста не уважили. Казацким предводителям отрубили головы.

Потоцкий между тем, покончивши в Украине, начал безжалостно казнить мятежников. Вся дорога от Днепра до Нежина уставлена была посаженными на кол хлопами. Но в то время, когда Потоцкий казнил сотнями мятежников и кричал: «Я из вас восковых сделаю!», русские смело говорили ему: «Если ты, пан гетман, хочешь казнить виновных, то посади на кол разом всю правую и всю левую сторону Днепра».

Как только началась весна 1638 года, по всей Украине разнеслась весть, что с Запорожья идет новое ополчение. Там выбрали гетманом полтавца Острина. С ним шел Скидан. Толпы народа бросились к ним со всех сторон. Потоцкий выступил против них и потерпел поражение под Голтвою. Но между казацкими предводителями не было ладу. Поляки, поправившись от поражения, атаковали Острина под Жовнином, близ Днепра. Острин убежал из войска в Московское государство. Казаки избрали старшим Дмитра Томашевича-Гуню. Реестровые тогда не пристали к восстанию, потому что находились с польским войском под начальством чиновников, назначенных поляками. Гуня, с половины июня до половины августа, упорно стоял против поляков, соглашался мириться, но не иначе, как на сколько-нибудь выгодных условиях. Наконец казаки положили оружие. Гуня ушел в Московское государство. Скидан, еще прежде отправившийся за Днепр для собрания новых сил, попался в плен.

С этих пор поляки, хотя оставили реестровых казаков в прежнем числе, но давали им начальников из лиц шляхетского звания. Вместо гетмана у них был назначен комиссар, некто Петр Комаровский; генеральный писарь Зиновий Богдан Хмельницкий лишился своей должности и остался по-прежнему чигиринским сотником. Чтобы преградить побегу народа за пороги, возобновлен был Кодак. Рассказывают, что Конецпольский, приехавши осматривать восстановленную крепость, созвал к себе казацких старшин и насмешливо спросил их: «Как

вам кажется Кодак?» – «Manu facta, manu de-struo» (что человеческими руками создается, то и человеческими руками разрушается), – отвечал ему Хмельницкий.

Поляки пришли к убеждению, что, для укрощения страсти к мятежам, овладевшей русским народом, надобно принимать самые строгие меры; за малейшую попытку к восстанию казнили самым варварским образом. «И мучительство фараоново, говорит малорусская летопись, – ничего не значит против ляшского тиранства. Ляхи детей в котлах варили, женщинам выдавливали груди деревом и творили иные неисповедимые мучительства».⁸⁵

Казакам уже трудно было начинать восстание. Сами реестровые казаки были почти обращены в хлопов и работали паншину на своих начальников шляхетского звания. Иной поворот всему русскому делу дан был во дворце короля Владислава.

Этот король, от природы умный и деятельный, тяготился своим положением, осуждавшим его на бездействие; тяжела была ему анархия, господствовавшая в его королевстве. Его самолюбие постоянно терпело унижение от надменных панов. Королю хотелось начать войну с Турцией. По всеобщему мнению современников, за этим желанием укрывалось другое: усилить посредством войны свою королевскую власть. Хотя нет никаких письменных признаний с его стороны в этом умысле, но все шляхетство от мала до велика было в этом уверено и считало соумышленником короля канцлера Оссолинского. Впрочем, последний, если и потакал замыслам короля, то вовсе не был надежным человеком для того, чтобы их исполнить. Это был роскошный, изнеженный, суетный, малодушный аристократ, умел красно говорить, но не в состоянии был бороться против неудач и, более всего заботясь о самом себе, в виду опасности всегда готов был перейти на противную сторону.

В 1645 году прибыл в Польшу венецианский посланник Тьеполо побуждать Польшу вступить с Венецией в союз против турок; он обещал с венецианской стороны большие суммы денег и более всего домогался, чтобы польское правительство дозволило казакам начать свои морские походы на турецкие берега. Папский нунций также побуждал польского короля к войне. Надеялись на соучастие господарей молдавского и валашского, на седмиградского князя и на московского царя. В начале 1646 года польский король заключил с Венецией договор; Тьеполо выдал королю 20000 талеров на постройку казацких чаек; король пригласил в Варшаву четырех казацких старшин: Ильяша Караимовича, Барабаша, Богдана Хмельницкого и Нестеренка. Хмельницкий незадолго был во Франции, где совещался с графом Дебрежи, назначенным посланником в Польшу, насчет доставки казаков во французское войско. Затем 2400 охочих казаков отправилась во Францию и в 1646 году участвовали при взятии Дюнкерка у испанцев.

Король виделся с казацкими старшинами ночью, обласкал их, обещал увеличить число казаков до 20000 кроме реестровых, отдал приказание построить чайки и дал им 6000 талеров, обещая заплатить в течение двух лет 60000.

Все это делалось втайне, но не могло долго сохраняться в тайне. Король выдал так называемые приповедные листы для вербовки войска за границей. Вербовка пошла сначала быстро. В Польшу стали прибывать немецкие солдаты, участвовавшие в тридцатилетней войне и не привыкшие сдерживать своего произвола. Шляхта, зорко смотревшая за неприкосновенностью своих привилегий, стала кричать против короля. Сенаторы также подняли ропот. Королю ничего не оставалось, как предать свои замыслы на обсуждение сейма.

В сентябре 1646 года открылись предварительные сеймики по воеводствам. Шляхта повсюду оказалась нерасположенной к войне и толковала в самую дурную сторону королевские замыслы. «Король, – кричали на сеймиках, – затевает войну, чтобы составить войско, взять его себе под начальство и посредством его укоротить шляхетские вольности. Он хочет обратить

⁸⁵ Достоверность этих известий подтверждается и современными великорусскими известиями: «Польские и литовские люди их христианскую веру нарушили и церкви их, людей сбирая в хоромы, пожигали, и пишальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают и сосцы у жен их резали...»

хлопов в шляхту, а шляхту в хлопов». Возникали самые чудовищные выдумки; болтали, что король хочет устроить резню вроде Варфоломеевской ночи; Оссолинского обзывали изменником отечества.

В ноябре собрался сейм в Варшаве. Все единогласно закричали против войны. Королю оставалось покориться воле сейма и приказать распустить на вербованное войско, а казакам запретить строить чайки. Короля обязали вперед не собирать войск и не входить в союзы с иностранными державами без воли Речи Посполитой.⁸⁶

Казацкие чиновники, Караимович и Барабаш, видя, что предприятие короля не удастся, припрятали королевскую привилегию на увеличение казацкого сословия и на постройку чаек. Хмельницкий хитростью достал эту привилегию в свои руки. Рассказывают, что он пригласил в свой хутор Субботово казацкого старшого (неизвестно, Караимовича или Барабаша), и, напоивши его допьяна, взял у него шапку и платок и отправил слугу своего к жене старшого за привилегией. Признав вещи своего мужа, жена выдала важную бумагу.

Вслед за тем с Хмельницким произошло событие, вероятно, имевшее связь с похищением привилегии. Его хутор Субботово (в 8 верстах от Чигирина) был подарен отцу его прежним чигиринским старостой Даниловичем. В Чигирине был уже другой староста Александр Конецпольский, а у него подстаростой (управителем) шляхтич Чаплинский. Последний выпросил себе у Конецпольского Субботово, так как у Хмельницкого не было документов на владение. Получивши согласие старосты Конецпольского, Чаплинский, по польскому обычаю, сделал наезд на Субботово в то время, когда Хмельницкий был в отлучке; и когда десятилетний мальчик сын Хмельницкого ему сказал что-то грубое, то он приказал его высечь. Слуги так немилосердно исполнили это приказание, что дитя умерло на другой день. По некоторым известиям, кроме того, Чаплинский обвенчался по уставу римско-католической церкви со второй женой Хмельницкого, которую Хмельницкий взял после смерти первой своей супруги, Анны Сомко.⁸⁷ Впрочем, это известие о жене может подвергаться сомнению.

Хмельницкий искал судом на Чаплинского, но не мог ничего сделать, потому что не имел письменных документов. В польском суде того времени трудно было казаку тягаться с шляхтичем, покровительствуемым важным паном.⁸⁸

Тогда Хмельницкий собрал сходку до тридцати человек казаков и стал с ними советовать, как бы воспользоваться привилегией, данной королем, восстановить силу казачества, возвратить свободу православной вере и оградить русский народ от своеволия польских панов. Один сотник, бывший на этой сходке, сделал донос на Хмельницкого. Коронный гетман Потоцкий приказал арестовать Хмельницкого. Но переяславский полковник Кречовский, которому был отдан Хмельницкий под надзор, освободил арестованного. Хмельницкий верхом убежал степью в Запорожскую Сечь, которая была тогда на «Микитином Роге».

Здесь застал Хмельницкий не более трехсот удальцов, но они кликнули клич и стали собирать с разных днепровских островов и берегов проживавших там беглецов. Сам Хмельницкий отправился в Крым. Он показал привилегию короля Владислава хану. Хан Ислам-Гирей увидел ясные доказательства, что польский король затевал против Крыма и против Турции войну; кроме того, хан был уже зол на короля за то, что уже несколько лет не получал из Польши обычных денег, которые поляки называли подарками, а татары считали данью. Представился татарам отличный и благовидный повод к приобретению добычи. Однако хан сам

⁸⁶ По замечанию Тьеполо, королю стоило только подкупить нескольких послов, чтобы созвать сейм, так как в Польше голос одного посла уничтожал решение целого сейма. Но король не решился на эту меру, потому что боялся междоусобий. Притом он старался поддерживать к себе расположение нации, в надежде, что поляки выберут его сына.

⁸⁷ Матери сыновей Хмельницкого, Тимофея и Юрия, и дочерей: Стефаниды и Екатерины.

⁸⁸ Осталось предание, записанное в современных летописях, за достоверность которого поручиться нельзя. Рассказывается, будто Хмельницкий обращался к королю, и Владислав сказал ему: «Вы воины и носите сабли; кто вам за себя стать запрещает?»

не двинулся на Польшу, хотя обещал сделать это со временем, но дозволил Хмельницкому пригласить с собой кого-нибудь из мурз. Хмельницкий позвал Тугай-бея, перекопского мурзу, славного своими наездами: у Тугай-бея было до четырех тысяч ногаев.

Это делалось зимой с 1647 по 1648 год. Коронный гетман Николай Потоцкий и польный (его помощник) Мартин Калиновский собирали войско, приглашали панов являться к ним на помощь со своими отрядами, которые, по тогдашнему обычаю, паны держали у себя под названием надворных команд. Между тем Потоцкий пытался как-нибудь хитростью выманить Хмельницкого из Сечи, отправлял к нему письма в Сечу. Но попытки его в этом роде не удались.

Между тем русский народ готовился к восстанию. Казаки, переодетые то нищими, то богомольцами, ходили по городам и селам и уговаривали жителей то отворить казакам Хмельницкого ворота города, то насыпать песку в польские пушки, то бежать в степь в ряды воинов запорожских. Поляки принимали строгие меры: запрещали ходить толпами по улицам, собираться в домах, забирали у жителей оружие или отвинчивали у их ружей замки, жестоко мучили и казнили тех, кого подозревали в соумышлении с Хмельницким. Потоцкий объявил своим универсалом, что всякий убежавший в Запорожье отвечает жизнью своей жены и детей. Такие меры обратились во вред полякам и раздражили уж и без того ненавидевший их русский народ. С левой стороны Днепра убежать было удобнее, и толпы спешили оттуда к Хмельницкому. Весной у него образовалось тысяч до восьми. В апреле до предводителей польского войска дошел слух, что их враг выступает из Сечи; вместо того, чтоб идти на него всем своим войском, они отправили против него реестровых казаков с их начальниками по Днепру на байдаках (больших судах), а берегом небольшой отряд конницы, под начальством молодого сына коронного гетмана Стефана с казацким комиссаром Шембергом. «Стыдно, – говорил тогда коронный гетман, – посылать большое войско против какой-нибудь презренной шайки подлых хлопов».

Казаки, плывшие на байдаках по Днепру, достигли 2-го мая урочища, называемого «Каменным Затеком», и остановились, ожидая идущего берегом польского отряда. Часть казаков вышла на берег. Ночью с 3-го на 4-е мая явился к ним посланец Хмельницкого, казак Ганжа, и смелой речью воодушевил их, уже и без того расположенных к восстанию. Полковник Кречовский, находившийся в высланном реестровом войске, со своей стороны, возбуждал за Хмельницкого казаков. Реестровые утопили своих шляхетских начальников, угодников панской власти; в числе их погибли Караимович и Барабаш. Утром все присоединились к Хмельницкому.

Усиливши реестровыми казаками свое войско, Хмельницкий разбил 5-го мая польский отряд у протока, называемого «Желтые Воды». Сын коронного гетмана Стефан умер от ран; других панов взяли в плен; в числе пленных было тогда два знаменитых впоследствии человека: первый был Стефан Чарнецкий, которому суждено было сделаться искусным польским полководцем и свирепым мучителем русского народа, второй был Иван Выговский, русский шляхтич: попавшись в плен, этот человек до того сумел поддаться к Хмельницкому, что в короткое время стал генеральным писарем и важнейшим советником гетмана.

Главное польское войско стояло близ Черкас, когда один раненый поляк принес туда известие о поражении высланного в степь отряда. Потоцкий и Калиновский не ладили друг с другом, делали распоряжения наперекор один другому, согласились, однако, на том, что надобно им отступить поближе к польским границам. Они двинулись от Черкас и достигли города Корсуна, на реке Роси; здесь они услышали, что Хмельницкий уже недалеко, и решили остановиться и дать сражение; но 15-го мая появился Хмельницкий под Корсуном: пойманные поляками казаки насажали им много преувеличенных известий о количестве и силе войска Хмельницкого. Калиновский готов был дать битву; Потоцкий не дозволил и велел уходить по такому пути, по которому удобно было бы ускользнуть от неприятеля. Поляки взяли

себе в проводники одного русского хлопа, который, как видно, с намерением был подослан Хмельницким. Между тем, рассчитывая наперед, куда поляки пойдут, казацкий предводитель заранее усил своих казаков и приказал им при спуске с горы в долину, называемую «Крутая Балка», обрезать гору и сделать обрыв, преграждающий путь возам и лошадям. План удался как нельзя лучше. Поляки со всем своим обозом наткнулись прямо на это роковое место, кругом поросшее тогда лесом, и в то же время на них ударили со всех сторон казаки и татары: их постигло полное поражение. Оба предводителя попались в плен: вся артиллерия, все запасы и пожитки достались победителям. Шляхтичи, составлявшие войско, не спасли себя бегством. Хлопы ловили их, убивали или приводили к казакам. Хмельницкий отдал польских предводителей в плен татарам, с тем, чтобы заохотить их к дальнейшей помощи казакам.

Корсунская победа была чрезвычайно важным, еще небывалым в своем роде событием; русскому народу как бы разом открылись глаза: он увидел и понял, что его поработители не так могучи и непобедимы; панская гордыня пала под дружными ударами рабов, решившихся наконец сбросить с себя ярмо неволи.

После этой первой победы Хмельницкий приостановился и отправил в Варшаву казацких послов с жалобами и объяснениями, но в это самое время короля Владислава постигла смерть в Мерече, подавшая повод к толкам об отраве. В Польше наступило безкорольевье, предстоял новый выбор короля.

По усиленной просьбе брацлавского воеводы Адама Киселя, хотевшего как-нибудь протянуть время, Хмельницкий согласился вступить в переговоры и до сентября не шел с войском далее на Польшу, но мало доверяя возможности примирения с поляками, написал грамоту к царю Алексею Михайловичу, в которой изъявлял желание поступить под власть единого русского государя, чтоб исполнилось, как он выражался, «из давних лет глаголемое пророчество». Он убеждал царя пользоваться временем и наступить на Польшу и Литву в то время, когда казаки будут напирать на ляхов с другой стороны. Московский царь не воспользовался тогда удобным случаем, а сам Хмельницкий напрасно потерял несколько месяцев в бесполезных переговорах с Киселем и его товарищами, облеченными званием комиссаров.

Южнорусский народ смотрел совсем не так на обстоятельства, постигшие его. Как только разошлась весть о победе над польским войском, во всех пределах русской земли, находившейся под властью Польши, даже и в Белоруссии, более свykшейся с порабощением, чем южная Русь, вспыхнуло восстание. Хлопы собирались в шайки, называемые тогда загонами, нападали на панские усадьбы, разоряли их, убивали владельцев и их дозорцев, истребляли католических духовных; доставалось и униатам и всякому, кто только был подозреваем в расположении к полякам. «Тогда, – по замечанию современника-летописца, – гибли православные ремесленники и торговцы за то единственно, что носили польское платье, и не один щеголь заплатил жизнью за то, что, по польскому обычаю, подбривал себе голову». Убийства сопровождались варварскими истязаниями: сдирали с живых кожи, распиливали пополам, забивали до смерти палками, жарили на углях, обливали кипятком, обматывали голову по переносице тетивой лука, повертывали голову и потом спускали лук, так что у жертвы выскакивали глаза; не было пощады грудным младенцам. Самое ужасное остервенение показывал народ к иудеям: они осуждены были на конечное истребление, и всякая жалость к ним считалась изменой. Свитки закона были извлекаемы из синагог: казаки плясали на них и пили водку, потом клали на них иудеев и резали без милосердия; тысячи иудейских младенцев были бросаемы в колодцы и засыпаемы землей.⁸⁹ По сказанию современников, в Украине их погибло тогда до

⁸⁹ В Ладзыжине, по известию современника, казаки положили несколько тысяч связанных иудеев на лугу, сначала предложили им принять христианство и обещали пощаду, но иудеи отвергли эти предложения; тогда казаки сказали: так вы сами виноваты; мы перебьем вас за то, что вы ругались над нашею верою. И потом всех истребили, не щадя ни пола, ни возраста. Страшное избиение постигло иудеев в Полонном, где так много их перерезали, что кровь лилась потоками через окошки домов. В другом месте казаки резали иудейских младенцев и перед глазами их родителей рассматривали внутренности заре-

ста тысяч, не считая тех, которые померли от голода и жажды в лесах, болотах, подземельях и потонули в воде во время бесполезного бегства. «Везде: по полям, по горам – лежали тела наших братьев, – говорит современный иудейский раввин, – не было им спасения, потому что гонители их были быстры, как орлы небесные». Только те спасли себя, которые, из страха за жизнь, приняли христианство: таким русские прощали все прежнее и оставляли их живыми с их имуществами; но перекресты скоро объявили себя снова иудеями, как только миновала опасность и они могли выбраться из Украины.

Все польское, все шляхетское в южной Руси несколько времени поражено было каким-то безумным страхом, не защищалось и бежало. Паны, имевшие у себя вооруженные команды, не в силах были и не решались противостоять народному восстанию. Только один из панов не потерял тогда присутствия духа: то был Иеремия Вишневецкий, сын Михаила и молдавской княжны из дома Могил. Он родился в православной вере, но соvrащен был иезуитами в католичество и сделался жестоким ненавистником и гонителем всего русского. При начале восстания, Вишневецкий жил в Лубнах, на левой стороне Днепра, где у него, как и на правой, были обширные владения; он принужден был со своей командой, состоявшей из шляхты, содержимой на его счет, перейти на правый берег и начал в своих имениях казнить мятежников с таким же зверством, какое выказывали ожесточенные хлопы над поляками и иудеями, выдумывал самые затайливые казни, наслаждался муками, совершаемыми перед его глазами, и приговаривал: «Мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают!» Своим примером увлек он за собой нескольких панов и вместе с ними начал давать отпор народу, сражался несколько раз с многочисленным отрядом русских хлопов и казаков, бывших под начальством полковника Кривоноса, несмотря на всю свою горячность, не мог сломить его и уехал в Польшу. Хмельницкий считал его своим первейшим врагом и жестокости, совершенные Вишневецким над русским народом, ставил поводом к разрыванию начатых переговоров.

Паны, заправлявшие делами во время безкоролья, составили ополчение из шляхты; начальства над этим ополчением добивался себе Вишневецкий, но вместо него назначены были три полководца: князь Доминик Засловский, Александр Конецпольский (сын недавно умершего гетмана Станислава) и Остророг. Хмельницкий, пропустивши лето, в сентябре отправился против них.

Всего войска, выставленного против Хмельницкого, было тридцать шесть тысяч. Польское шляхетство в это время не отличалось воинственностью, проводило в своих имениях спокойную и веселую жизнь, пользуясь изобилием, которое доставляли ему труды порабощенного народа: в войске, выставленном против Хмельницкого, большая часть была таких, которые только в первый раз выходили на войну. Привычка считать хлопов полускотами побуждала поляков смотреть легкомысленно на войну. «Против такой сволочи, – говорили паны, – не стоит тратить пуль: мы их плетью разгоним по полю!» Другие были до того самонадеянны, что произносили такую молитву: «Господи, не помогай ни нам, ни им, а только смотри, как мы разделаемся с этим негодным мужичьем!» Польский военный лагерь сделался сборным местом, куда поляки ехали не драться с неприятелем, а повеселиться и пощеголять. Друг перед другом они старались выказать ценность своих коней, богатство упряжи, красоту собственных нарядов, позолоченные луки на седлах, сабли с серебряной насечкой, чепраки, вышитые золотом, бархатные кунтуши, подбитые дорогими мехами, на шапках кисти, усеянные драгоценными камнями, сапоги с серебряными и золотыми шпорами, – но более всего паны силились отличиться, один перед другим, роскошью стола и кухни. За ними в лагерь везли огромные склады посуды; ехали толпы слуг; в богато украшенных панских шатрах блистали чеканные кубки, чарки, тарелки, даже умывальники и тазы были серебряные; и было в этом лагере,

занных, насмехаясь над обычным у евреев разделением мяса на кошер (что можно есть) и трэф (чего нельзя есть), и об одних говорили: это кошер – ешьте! а о других: это трэф – бросайте собакам!

по замечанию современников, больше серебра, чем свинца. Привезли паны с собой бочки с венгерским вином, старым медом, пивом, запасы варенья, конфет, разных лакомств, везли за ними богатые постели и ванны; одним словом, это был увеселительный съезд панов. С утра до вечера отправлялись пиры с музыкой и танцы. Между тем многочисленная прислуга, прибывшая с панами для служения их затеям, и наемные солдаты, которые, получив жалованье вперед, истратили его, бесчинствовали над окрестными жителями, грабили их, и жители говорили, что защитники, какими выставляли себя эти военные люди, хуже их разоряют, чем казаки, которых поляки старались выставить неприятелями и разорителями народа.

20 сентября приблизился Хмельницкий к этому роскошному польскому стану; маленькая речка Пилявка отделяла казаков от поляков. После незначительной схватки русские пленники напугали поляков, что у Хмельницкого шло огромное войско и он с часу на час дожидается хана с ордой. Это произвело такой всеобщий и внезапный страх, что ночью все побежали из лагеря, покинув свое имущество на волю неприятеля. Утром рано Хмельницкий ударил на бегущих: тогда смятение усилилось, поляки кидали оружие, каждый кричал: стойте! а сам бежал; покидали раненых и пленных; иные погибли в толпе от давки. Победителям почти без выстрела досталось сто двадцать тысяч возов с лошадьми; знамена, щиты, шлемы, серебряная посуда, собольи шубы, персидские ткани, рукомойники, постели, кушанья, сласти – все лежало в беспорядке; вина и водки было так много, что, при обыкновенном употреблении, стало бы их для всего войска на месяц... Хлопы набросились на драгоценности, лакомства, вина – и это дало возможность убежать полякам. Хмельницкий двинулся ко Львову, не стал добывать этого города приступом, а только истребовал с жителей окуп в двести тысяч злотых, для заплаты татарам, помогавшим казакам 1. 24 октября из-под Львова двинулся Хмельницкий к Замостью в глубину уже настоящей Польши. Под Замостью стоял он до половины ноября.

В Варшаве между тем происходило избрание нового короля. На этот раз близость казаков не позволила панам тянуть избрания целые месяцы, как прежде случалось: потребность главы государства слишком была очевидна. Хмельницкий со своей стороны отправил на сейм депутатов от казаков.

Было тогда три кандидата на польский престол: седмиградский князь Ракочи и двое сыновей покойного короля Сигизмунда III, Карл и Ян-Казимир. Седмиградский был устранин прежде всех; из двух братьев взяла верх партия Яна-Казимира; казацкие депутаты стояли также за него; Оссолинский склонил многих на сторону Яна-Казимира, уверяя, что иначе Хмельницкий будет воевать за этого королевича. Дело между двумя братьями уладилось тем, что Карл добровольно отказался от соискательства в пользу брата. Ян-Казимир был избран, несмотря на то, что был прежде иезуитом и получил от папы кардинальскую шапку. Что располагало Хмельницкого быть на стороне этого государя – неизвестно, как равным образом трудно теперь определить, в какой степени участвовало желание Хмельницкого в этом избрании. Тем не менее Хмельницкий показывал большое довольство, когда услышал о выборе Яна-Казимира. 19 ноября ему привезли от короля письмо с приказанием прекратить войну и ожидать королевских комиссаров. Хмельницкий тотчас потянулся от Замостья со всем войском назад в Украину.

Город, который был только что перед тем порядочно обобран панами, бежавшими из-под Константинова, не мог дать чистою монетою более, как на шестнадцать тысяч злотых, а все остальное доплатил товарами и вещами по раскладке между жителями, причем приходилось бедняку расставаться с последнею дорогою вещицею, которую он берег про черный день.

Хмельницкий в последнее время действовал противно всеобщему народному желанию. Восставший народ требовал, чтобы он вел его на Польшу. Хмельницкий уже из-под Львова думал было воротиться и только, уступая народному крику, ходил к Замостью. Хмельницкий мог идти прямо на Варшаву, навести страх на всю Речь Посполитую, заставить панов согласиться на самые крайние уступки; он мог бы совершить коренной переворот в Польше, разру-

шить в ней аристократический порядок, положить начало новому порядку, как государственному, так и общественному. Но Хмельницкий на это не отважился. Он не был ни рожден, ни подготовлен к такому великому подвигу. Начавши восстание в крайности, спасая собственную жизнь и отомщая за свое достояние, он, как сам потом сознавался, очутился на такой высоте, о которой не мечтал, и потому не в состоянии был вести дело так, как указывала ему судьба. Эпоха Хмельницкого в этом отношении представляет один из тех случаев в истории, когда народная масса по инстинкту видит, что следует в данное время делать, но ее вожаки не в состоянии облечь в дело того, что народ чувствует, чего народ требует. Хмельницкий был сын своего века, усвоил польские понятия, польские общественные привычки, и они-то в нем сказались в решительную минуту. Хмельницкий начал дело превосходно, но не повел его в пору далее, как нужно было. На первых порах совершил он историческую ошибку, за которой последовал ряд других, и, таким образом, восстание южной Руси пошло по другому пути, а не по тому, куда вели его вначале обстоятельства. Увидим, как Хмельницкий стал вразрез с народом и в отношении общественного идеала, созданного народной жизнью в его время.

Хмельницкий, возвратившись из-под Замостья, прибыл прежде всего в Киев. При звоне колоколов и громе пушек он въехал в полуразрушенные Ярославовы Золотые ворота и у стен Св. Софии был приветствуем митрополитом Сильвестром Коссовым, духовенством и киевскими гражданами. Бурсаки пели ему русские и латинские песни, величали его спасителем народа, русским Моисеем. Здесь дожидал его дорогой гость, Паисий, иерусалимский патриарх, ехавший в Москву. Он от лица православного мира на Востоке приносил Хмельницкому поздравление с победами, дал ему отпущение грехов, возбуждал на новую войну против латинства. Гетман был в это время почему-то грустен. В его характере начало проявляться что-то странное: он то постился и молился, то предавался пьяному разгулу и пел думы своего сочинения; то был ласков и равен в обращении со всеми, то вдруг делался суров и надменен; то молился Богу, то советовался с чаровницами.

Из Киева он уехал в Переяславль и там женился. Женой его, как говорят, сделалась Чаплинская, о прежнем муже ее разноречат источники: по одним, он был еще жив, по другим, убит. Прибавляют к этому, что Чаплинская была Хмельницкому кума и что патриарх Паисий разрешил ему такой недозволенный брак. Но есть также известие одного из современников, что подлинно неизвестно: действительно ли эта Чаплинская была жена того, который отнял у Хмельницкого Субботово, или другая, сходная с ней по фамилии?

В Переяславле съехались к Хмельницкому послы соседних государств, искавших своих выгод в связи с начинавшимся могуществом казаков. Из Турции прибыл посол от визиря, управлявшего государством за малолетством султана, и предлагал Хмельницкому союз против Польши. Тогда заключен был договор, по которому казакам предоставлялось свободное плавание по Черному морю и Архипелагу с правом беспошлинной торговли на сто лет. Казаки обязывались не нападать на турецкие города и защищать их. Седмиградский князь Юрий Ракочи предлагал Хмельницкому вступить в союз и двинуться вместе на Польшу, чтобы доставить корону Юрию; за это Юрий обещал во всех польских областях свободу православной веры, а самому Хмельницкому удельное государство в Украине с Киевом. Прислали к Хмельницкому послов господари: молдавский и валахский, также с предложением дружбы. Хмельницкий, узнавши, что у молдавского господаря есть дочь, просил руки ее для своего сына. Прибыл посланник царя Алексея Михайловича, Унковский, привез по обычаю в подарок меха и ласковое слово от царя; но царь уклонялся от разрыва с Польшей и желал успеха казакам только в том случае, когда поводом к восстанию у них действительно была одна только вера. Наконец, в феврале прибыли в Переяславль обещанные от нового короля комиссары: сенатор Адам Кисель, его племянник, новгород-северский хорунжий Кисель, Захарий, князь Четвертинский, и Андрей Мясковский с их свитой. Последний оставил очень любопытное описание свидания с Хмельницким.

Комиссары привезли Хмельницкому от короля грамоту на гетманство, булаву, осыпанную сапфирами, и красное знамя с изображением белого орла. Хмельницкий назначил им аудиенцию на площади, собрал казацкую раду; здесь-то высказался народный взгляд, не хотевший никаких сделок, стремившийся к решительному разрешению вопроса между Русью и Польшей.

«Зачем вы, ляхи, принесли нам эти детские игрушки, – закричала толпа, – вы хотите нас подманить, чтобы мы, скинувши панское ярмо, опять его надели! Пусть пропадут ваши льстивые дары! Не словами, а саблями расправимся. Владейте себе своей Польшей, а Украина пускай нам, казакам, остается».

Хмельницкий с сердцем останавливал народный говор; но потом, за обедом, в разговорах с Адамом Киселем и его товарищами, подпивши, выразил такие же задушевные чувства:

«Что толковать, – говорил он, – ничего не будет из вашей комиссии. Война должна начаться недели через две или четыре. Переверну я вас, ляхов, вверх ногами, а потом отдам вас в неволю турецкому царю. Пусть бы король был королем: чтоб король казнил шляхту, и дуков, и князей ваших. Учинит преступление князь, отруби ему голову; а учинит преступление казак – и ему то же сделай. Вот будет правда! Я хоть себе небольшой человек, да вот Бог мне так дал, что я теперь единовластный самодержец русский! Если король не хочет быть вольным королем, ну как ему угодно».

Адам Кисель источал пред казацким вождем все свое красноречие, обещал увеличение казацкого войска до пятнадцати и даже до двадцати тысяч, наделение его новыми землями, давал позволение казакам идти на неверных; но Хмельницкий на все это сказал ему:

«Напрасные речи! Было бы прежде со мной об этом говорить: теперь я уже сделал то, о чем не думал. Сделаю то, что замыслил. Выбью из ляцкой неволи весь русский народ! Прежде я воевал за свою собственную обиду; теперь буду воевать за православную веру. Весь черный народ поможет мне по Люблин и по Краков, а я от него не отступлю. У меня будет двести тысяч, триста тысяч войска. Орда уже стоит наготове. Не пойду войной за границу; не подыму сабли на турок и татар; будет с меня Украины, Подоли, Волыни; довольно достаточно нашего русского княжества по Холм, Львов, Галич. Стану над Вислой и скажу тамошним ляхам: „Сидите, ляхи! молчите, ляхи! Всех тузов ваших, князей туда загоню, а станут за Вислой кричать – я их и там найду! Не останется ни одного князя, ни шляхтишки на Украине; а кто из вас с нами хочет хлеб есть, тот пусть войску запорожскому будет послушен и не брыкает на короля“.

Слушая эту речь, паны, как сами потом говорили, подеревенели от страха.

Окружавшие Хмельницкого полковники при этом говорили: «Уже прошли те времена, когда ляхи были нам страшны; мы под Пилявцами испытали, что это уже не те ляхи, что прежде бывали. Это уже не Жолкевские, не Ходкевичи, это какие-то Тхоржевские, да Заенчковские (Хорьковские от хорька – tchyrz и Зайцовские от зайца – zajas), дети, нарядившиеся в железо! Померли от страху, как только нас увидели».

Однако, по усиленной просьбе польских комиссаров, Хмельницкий подал Адаму Киселю условия мира в таком смысле: во всей Руси уничтожить память и след унии; униатским церквам не быть вовсе, а римским костелам оставаться только до времени; киевскому митрополиту дать первое место в сенате после примаса польского; все чины и должности в Руси должны быть замещены православными; казацкий гетман должен зависеть только от одного короля; жидам не дозволять жительство в Украине. Наконец, в условия было включено, чтобы Иеремия Вишневецкий не получал начальства над польским войском.

Комиссары отказались подписать эти условия, в сущности довольно умеренные, и уехали. Предложения Хмельницкого возбудили негодование в польском сенате. В те времена поляки, по фанатизму, ни за что не решались на уничтожение унии. Кроме того, требования Хмельницкого угрожали панам в будущем лишением их имений и владельческих прав на Руси.

Поляки выставили войско под начальством трех предводителей: Лянскоронского, Фирлея и Иеремии Вишневецкого. Сверх того, королю дали право на собрание посполитого руже-

ния, т.е. Всеобщего ополчения шляхты: мера эта предпринималась только тогда, когда отечеству угрожала крайняя опасность.

В Украине происходил сбор целого народа на войну. Пустели хутора, села, города. Поселянин бросал свой плуг, надеясь пожить на счет панов, на которых прежде работал; ремесленники покидали свои мастерские, купцы свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевых курганов), банники бежали в казаки. В тех городах, где было магдебургское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли в казаки, обривши себе бороды (по обычаю того времени военные брили себе бороды). «Так-то, – замечает современник, – дьявол учинил себе смех из почтенных людей». Презрение и насмешки ожидали людей, не участвовавших в восстании; только калеки, старики, женщины и дети оставались дома, да и то по большей части больной человек или бездетный старик, стыдясь оставаться безучастным в деле освобождения отечества, ставил за себя наемщика. Хмельницкий разделял их на полки, которых тогда составилось двенадцать на правой стороне Днепра⁹⁰ и двенадцать на левой.⁹¹ Но не все войско было с Хмельницким; он отправил часть его в Литву возмущать белорусских хлопков.

Хмельницкий выступил из Чигирина в мае и шел медленно, ожидая крымского хана. Ислам-Гирей соединился с ним в июне на Черном шляху. В его ополчении были крымские горцы, отличные стрельцы из лука, степные нагаи в вывороченных шерстью вверх тулупах, питавшиеся кониной, согретой под седлом; буджацкие татары, сносившие с удивительным терпением жар и холод, изумлявшие своим знанием бесприметной степи, способные, как говорили о них, подолгу оставаться в воде; были с ханом черкесы с бритыми головами и длинными чубами. Явились по зову Хмельницкого удалыцы с Дона. Никто не просил жалованья вперед; каждый без торга шел на войну, надеясь разгромить богатую Речь Посполитую.

Хмельницкий со своим полчищем осадил польское войско под Збаражем 30 июня (10 июля нового стиля) и держал его в осаде, надеясь принудить к сдаче голодом и беспрестанной пальбой. Поляки заготовили себе так мало запасов, что через несколько недель у них сделался голод. Роскошные паны принуждены были питаться конским мясом; простые жолнеры пожирали кошек, мышей, собак, а когда этих животных не хватало, то срывали кожу с возов и обуви и ели, разваривая в воде. Много умирало их; казаки нарочно бросали в воду трупы, чтобы испортить ее. Поляки доходили до такого положения, в каком были их отцы в Москве. Русские хлопья насмеялись над ними и кричали:

«Скоро ли вы, господа, будете оброк собирать с нас? Вот уже целый год, как мы вам ничего не платим; а может быть, вздумаете заказать нам какую-нибудь барщину?.. Сдавайтесь-ка лучше! а то напрасно кунтуши свои испачкали, лазаячи по шанцам! Ведь это все наше, да и сами вы попадете в добычу голодным татарам! Вот что наделали вам: очковые, да панцины, да пересуды, да сухомельщины! Хороша вам была тогда музыка, а теперь так славно вам в дудку заиграли казаки!»

⁹⁰ Чигиринский, черкасский, корсунский, лысянский, белоцерковский, наволоцкий, уманский, калницкий, каневский, животовский (иначе брацлавский), полесенский и моголевский. Пространство, занимаемое этими полками, составляло нынешние губернии: Киевскую, Вольнскую по р. Горынь, Подольскую, часть Червонной Руси и часть Минской губернии. Каме-нец, твердая, неприступная крепость, оставался еще в руках поляков.

⁹¹ Переяславский, нежинский, черниговский, прилуцкий, ичанский, лубенский, ирклевский, миргородский, кропивнянский, галицкий, полтавский и зенковский. Они занимали нынешние Полтавскую и Черниговскую губернии и часть Моголевской по Гомель. Полки разделялись на сотни; сотня заключала в себе села и города и носила название по имени какого-нибудь значительного местечка. Иная сотня заключала в себе до тысячи человек; сотня делилась на курени. Верховное место управления называлось войсковою канцеляриею; там, вместе с гетманом, заседали генеральная или войсковая старшина: обозный (начальник артиллерии и лагерной постройки), есаул, писарь, судья и хорунжий (главный знаменосец). В каждом полку была полковая канцелярия и полковая старшина: полковник, обозный, писарь, судья и хорунжий. В сотне была сотенная канцелярия и сотенная старшина. Куренями начальствовали атаманы. Чиновники избирались на радах и утверждались гетманами. Этот порядок в сущности издавна велся в казацком войске, но на этот раз распространился на целый народ, так что слово «казак» перенеслось на всю массу восставшего южнорусского населения.

Несколько раз уже распространялось между жолнерами намерение разбежаться, хотя это значило идти всем на явную смерть, потому что хлопы не оставили бы в живых никого; но весь обоз удерживал тогда воинственный князь Иеремиа Вишневецкий. По его совету, один шляхтич, по имени Стомпковский, причесавшись по-мужицки, взял с собой письмо к королю; ночью он перелез окопы, бросился в пруд, примыкавший с одной стороны к польскому обозу, переплыл пруд, прополз среди спящих неприятелей, к свету пробрался до болотистого места, где просидел целый день; следующую ночь опять полз среди спящих неприятелей, при малейшем шуме припадая к земле и затаивая дыхание, как делают охотники за медведем. Минувши неприятельский стан, он пустился бежать, выдавая себя за русского хлопа, потом взял почтовых лошадей и прискакал в местечко Топоров, где застал Яна-Казимира.

Король, получивши от папы благословение, освещенное знамя и меч, выехал из столицы и следовал медленно, ожидая прибытия из разных воеводств ополчений посполитого рушения. У него было регулярного войска тысяч двадцать (а может быть, несколько более). Посполитое рушенье беспрестанно прибывало по частям. Получивши письмо от осажденных и расспросивши Стомпковского о положении войска, король двинулся на выручку осажденным; но путь его был труден по причине дождей, испортивших дороги. Поляки потом жаловались, что никак не могли добыть точных сведений о неприятеле: «Эта Русь – все наголо мятежники, – говорили они, – хоть жги их, а они правды не скажут!» Хмельницкий, напротив, знал о всех движениях своего неприятеля. Русские хлопы, привозившие припасы в королевское войско, отправлялись после того к своим братьям казакам рассказывать о положении неприятельского войска. Много слуг перебежало от своих панов к казакам.

Король прибыл наконец к местечку Зборову, уже недалеко от Збаража. Зборовские мещане тотчас же дали знать Хмельницкому о королевском приходе и обещали помогать ему. Оставивши пешее войско под Збаражем, Хмельницкий взял с собой конницу и, в сопровождении крымского хана и татар, отправился к Зборову.

В воскресенье, 5 августа (15 нов. ст.), поляки стали переправляться через реку Стрипу. День был пасмурный и дождливый. Казаки из леса видели, что делается у неприятеля. Когда половина посполитого рушения успела переправиться, а другая оставалась на противоположном берегу и шляхтичи, не ожидая нападения, расположились обедать, – казаки и татары ударили на них и истребили всех до последнего из бывших на одной стороне реки. Вслед за тем началось сражение на противоположном берегу. Король выказал большую деятельность и подвергал себя опасности; но в сумерки поляки сбились в свой обоз и неприятель окружил их со всех сторон.

Ночью паны хотели было каким-нибудь способом вывести короля тайно из обоза, но Ян-Казимир отвергнул это постыдное предложение. По совету канцлера Оссолинского, король написал крымскому хану письмо, предлагая ему дружбу, с тем, чтобы отвлечь его от Хмельницкого.

С солнечным восходом битва возобновилась. Казаки ударили на польский лагерь с двух сторон. Сражение было кровопролитное. Казаки ворвались в польский стан и достигали было уже до короля. Вдруг все изменилось. Из казацкого стана раздался крик: «Згода!» Победители отступили. Нужно было, однако, еще много времени, чтобы унять рассвирепевших воинов.

Вслед за тем явился в польский обоз татарин с письмом от крымского государя. Ислам-Гирей желал польскому королю счастья и здоровья, изъявлял огорчение за то, что король не известил его о своем вступлении на престол, и выразился так: «Ты мое царство ни во что поставил и меня человеком не счел; поэтому мы пришли зимовать в твои улусы и по воле Господа Бога останемся у тебя в гостях. Если угодно тебе потолковать с нами, то вышли своего канцлера, а я вышлю своего». Прислал королю письмо и Хмельницкий, уверял, что он вовсе не мятежник и только прибегнул к великому хану крымскому, чтобы возвратить себе милость короля. «Вашему величеству, – писал Хмельницкий, – угодно было назначить вместо меня

гетманом казацким пана Забусского; извольте прислать его в войско; я тотчас отдам ему булаву и знамя. Я с войском запорожским, при избрании вашем, желал и теперь желаю, чтобы вы были более могущественным королем, чем был блаженной памяти брат ваш».

Трудно решить, что было причиной этого внезапного прекращения сражения. Украинский летописец того времени говорит, что Хмельницкий не хотел отдавать христианского государя в басурманскую неволю; поляки приписывают это дело главным образом хану. Прежде заключен был договор с ханом. По этому договору польский король обязался платить крымскому хану 90 000 злотых ежегодно и сверх того дать 200 000 злотых единовременно. Татары называли это данью; поляки оскорблялись и говорили, что это «не дань, а подарок». Татары отвечали: «Все равно, как ни называйте, данью или даром, лишь бы деньги были».

Затем был заключен договор с казаками. Войска казацкого положено быть 40000, с правом записывать их из королевских и шляхетских имений на пространстве, занимаемом Киевским, Брацлавским и Черниговским воеводствами (нынешними губерниями: Киевской, Полтавской, Черниговской и частью Подольской). В черте, где будут жить казаки, не позволено квартировать коронному войску и проживать иудеям: все должности и чины в означенных воеводствах будут даваться только православным; иезуитам не дозволяется жить в Киеве и других местах, где будут русские школы; киевский митрополит будет заседать в сенате; а относительно уничтожения унии как в королевстве Польском, так и в Великом княжестве Литовском будет сделано сеймовое постановление. Обещана всем полная амнистия за все прошлое.

После заключения договора, Хмельницкий 10 августа (20 н.с.) был допущен к королю (взявши, однако, заложников на то время, когда отправится в польский лагерь). Он держал себя с достоинством, говорил хотя почтительно, но смело, изложил в кратком виде насилия и оскорбления, которые были делаемы польскими панами и довели народ до восстания. «Терпение наше потерялось, – выразился Хмельницкий, – мы принуждены были призвать чужеземцев против шляхетства. Нельзя осуждать нас за то, что мы защищали нашу жизнь и наше достоинство! И скот бодается, если его мучат!»

Литовский подканцлер Сапега, от имени короля, тут же присутствовавшего, объявил ему забвение всего прошлого.

Мирный договор избавил остаток войска, погибавшего от голода под Збаражем. Вслед за тем дано было приказание прекратить войну и в Белоруссии. Восстание приняло было в этой стране уже значительный размер, когда туда явились с казаками два предводителя, Подобойло и Кречовский. Они успели поднять несколько десятков тысяч хлопков, но польский литовский гетман Радзивилл, после упорного с их стороны сопротивления, уничтожил их скопище близ Речицы. Раненый Кречовский попался в плен и, чтобы не доставаться на поругание победителю, разбил себе голову о воз, на котором его везли взявшие в плен неприятели.

Первое время после заключения мира было временем всеобщего восторга, эпохой небывалой народной славы. Скоро осмотрелись русские, опомнились от упоения победы; настали для них опять скорби, заботы и беды. Весь прошлый год поселяне не пахали полей, находясь в рядах казацкого войска; много набрали они добычи, но все это продавалось дешево московским и турецким купцам; хлеб поднялся в цене; тяжело стало бедным. Но то было начало скорбей; – только цветики, как говорится. Оказалось, что Хмельницкий не так-то благотельно для народа устроил его дело и что Зборовский договор, по своему содержанию, представлял решительную невозможность как для русских, так и для поляков соблюдать его; обе стороны должны были его нарушить.

По силе Зборовского договора, митрополит Сильвестр Коссов явился в Варшаву занять свое почетное место в сенате. Но римско-католические духовные подняли ропот и объявили, что они сами оставят сенат, если рядом с ними будет допущен схизматик, враг апостольской столицы. Митрополит должен был удалиться. Еще менее возможно было уничтожение унии. Король 12 января дал грамоту, утверждающую права православной церкви и неприкосновен-

ность церковных и монастырских имений; ведомству киевского митрополита возвращались епархии: луцкая, холмская и витебская, соединенная с мстиславской. Дозволялось возобновлять православные церкви: предоставлялись надзору русского духовенства школы, типографии и цензура духовных книг. Эта грамота короля Яна-Казимира мало могла иметь силы, как и те, которыми наделял православную церковь король Владислав. Пока существовала уния, православная церковь не могла быть свободной.

Права, предоставленные русскому народу Зборовским договором, не могли удовлетворить народа. Можно сказать, что договор этот был бы уместен, если бы заключен был лет двадцать назад; но условия, в которые поставила русский парод сцена недавних бурных событий, не соответствовали статьям этого договора. Сообразно Зборовскому договору, Хмельницкий занялся составлением реестра казацкого войска; нужно было записать в него сорок тысяч казаков. Хмельницкий записал туда несколькими тысячами более чем следовало. Каждый казак поступал в казачество со своею семьею. Гетман набирал казаков преимущественно из имений Вишневецкого и Конецпольского. Вместе с казаком отходил от пана и земельный участок, занимаемый и обрабатываемый казаком. Хмельницкий отбирал у панов целые волости под предлогом, что паны захватили казенные владения, и отдавал их генеральной старшине и полковым чиновникам. Таким образом, на будущее время образовался класс ранговых поместий, таких, которыми владели казацкие чиновники, пока носили свой чин. Для гетманского чина — на булаву, как говорилось, — отдано было королем чигиринское староство. Кроме него, Хмельницкий захватил в свою пользу богатое местечко Млиев, доставлявшее бывшему своему владельцу Конецпольскому до двухсот тысяч талеров дохода. Каждый казак был самостоятельный владелец своего участка, обязан был за то нести военную службу и был освобожден от всяких других тягостей и поборов. Казаки разделены были по полкам: всех полков в 1650 году было устроено шестнадцать, и каждый полк означал край с полковым городом и сотенными городами и селами. В городах (Брацлаве, Виннице, Черкасах, Василькове, Овруче, Киеве, Переяславле, Остре, Нежине, Мглине, Чернигове, Почепе, Козельце, Новгород-Северске, Стародубе) оставлено было прежнее магдебургское право для мещан, с общинным самоуправлением и самосудом, с разделением ремесленников по их занятиям на цеха, с предоставлением цехам права иметь свои гербы и печати. 1) Брацлавский, под начальством Данила Нечая, в нынешних уездах Могилевском, Ямпольском, значительной части Винницкого и Брацлавского уезда. В нем заключалась двадцать одна сотня. 2) Уманьский, под начальством Иосифа Глуха, в нынешнем уезде Уманьском, в восточной части Гайсинского и Липовецкого и западной части Звенигородского. Эта земля носила название Уманьщины. В нем было тринадцать сотен. Умань был его полковой город. 3) Кальницкий, под начальством Ивана Федоренка, в нынешнем уезде Липовецком, в северной части Брацлавского, в северовосточной Винницкого, в западной части Таращанскою и в южной половине Махновского. Всех сотен было в нем восемнадцать. 4) Чигиринский, под начальством Федора Якубовича-Вешняка, в нынешних уездах: Чигиринском, Звенигородском и в западной части Кременчугского. В нем было восемнадцать сотен. 5) Корсунский, под начальством Лукьяна Мозыры, в нынешних уездах Таращанском и Каневском. Его главным городом был Корсунь, возобновленный от пожара. В этом полку было девятнадцать сотен. 6) Черкасский, под начальством Яська Воронченка, в нынешнем Черкасском уезде и в западной части Золотоношского. В нем было девятнадцать сотен с полковым городом Черкасы. 7) Каневский, под начальством Семена Савича, занимал правый берег Днепра, уезд Каневский и южную часть Киевского, с полковым городом Каневом: в нем было пятнадцать сотен. 8) Киевский, под начальством Антона Ждановича, занимал большую часть Киевского уезда, восточную часть Васильковского, Радомысльский, Овручский уезд и западную часть Остерского. Его полковым городом был Киев. Всех сотен было семнадцать. 9) Белоцерковский, под начальством Михайла Громыки, в уездах: Сквирском, в западной части Васильковского и в северной Таращанского. Местечко Белая-Церковь было его полковым юродом. 10) Кро-

пивинский, под начальством Филона Джеджалыка, занимал земли в восточной части Золотоношского уезда, в западной части Лубенского, в восточной части Пирятинского. Полковой его город был Кропивна. Всех сотен было в нем одиннадцать. 11) Переяславский, под начальством Федора Лободы, на левой стороне вдоль Днепра, в нынешних уездах: Переяславском, Остерском и южной половине Козелецкого. Всех сотен было восемнадцать; полковой город был Переяславль. 12) Прилуцкий, под начальством Тимофея Посача, в нынешнем Прилуцком уезде, захватывал небольшую часть Нежинского. В нем было девятнадцать сотен. 13) Миргородский, под начальством Матвея Гладкого, в нынешних уездах: Миргородском, восточной части Лубенского, в Лохвицком, Роменском, Хорольском. В нем было шестнадцать сотен. 14) Полтавский, под начальством Мартына Пушкаренко, в нынешних уездах: Полтавском, Годяцком, Зеньковском и Кобыляцком. В нем считалось семнадцать сотен. 15) Нежинский, под начальством Прокопа Шумейки, в нынешних уездах: Нежинском и Козелецком. Всех сотен было в нем девять. 16) Черниговский, под начальством Мартына Небабы, в уездах: Черниговском, Борзнянском, Сосницком, Конотопском. Сотен было шесть. В нынешней же Черниговской губернии, в уездах: Стародубском, Мглинском, Городнецком, Новгород-Северском, Глуховском, Суражском, казаков тогда не было. Эта часть южнорусской земли обращена в казачество уже после Хмельницкого.]

Все остальное народонаселение, под именем «посполства», должно было поступать снова под власть панов. В этом была вопиющая несправедливость. Все народонаселение было призвано к борьбе за общую свободу; все равно участвовали в этой борьбе, а теперь оказалось, что они боролись и проливали кровь только для каких-нибудь сорока тысяч избранных, сами же должны были поступать в прежнюю неволю. По окончании реестрования, Хмельницкий дозволял владельцам возвращаться в свои имения и приказывал всем, не вошедшим в реестр, повиноваться господам под опасением смертной казни. Вместе с этим и король издал универсал ко всем жителям Украины, в котором извещал, что, в случае бунтов хлопов против владельцев, коронное войско вместе с запорожским будет укрощать их. Как только об этом услышал народ, вспыхнуло всеобщее волнение. «Как, – кричал народ, – где обещание гетмана? Разве мы не все были казаками!» Владельцы, едва вступивши в свои владения, должны были снова бежать из них, а иным пришлось поплатиться жизнью. Беглецы столпились в Киеве, под покровительство Адама Киселя, сделанного киевским воеводой, и чуть не пропадали с голода, достигшего ужасающих размеров. Богатые паны стали приезжать в свои имения с командами, отыскивать зачинщиков прежнего мятежа и казнить их. Где только паны чувствовали силу, там поступали жестоко с непокорными хлопами: отрезали им уши, вырывали ноздри, выкалывали глаза и т.п. Хмельницкий, по жалобе владельцев, вешал, сажал на кол непослушных. Хлопы, со своей стороны, где только было возможно, жгли панские усадьбы, убивали и мучили владельцев. Жители берегов Буга и Днестра отличались перед всеми буйством и отвагой.⁹²

Сами реестровые казаки недовольны были исключительностью своих привилегий. Когда Хмельницкий, в первых числах марта 1650 г., собрал в Переяславле генеральную раду для утверждения реестра, то, по собственным его словам, претерпевал большие затруднения.

После этой рады Хмельницкий отправился в Киев для совета с Киселем и готовился у него обедать в замке, как вдруг вооруженная толпа посполства бросилась с яростными криками на замок и кричала, что пора расправиться с Киселем. Хмельницкий бесстрашно вышел к народу, клялся, что за Киселем нет никакой измены, и обещал не пускать панов в их имения. Толпа на этот раз послушалась, но Хмельницкий, после того, говорил Киселю так: «Паны поддели меня; по их просьбе я согласился на такой договор, какого не могу исполнить никаким образом. Сами посудите: сорок тысяч казаков, – а с остальным народом что я буду делать? Они

⁹² По известиям малороссийской летописи, брацлавский полковник Нечай отличался смелостью и заступился за народ. «Разве ты ослеп, – говорил он гетману, – не видишь, что ляхи обманывают тебя и хотят поссорить с верным народом?»

меня убьют, а на поляков все-таки подымутся». Уступая народному волнению, Хмельницкий позволил идти в казаки всякому, под тем предлогом, что, кроме реестровых, могут быть еще охочие казаки, а между тем отправил посольство к королю: напоминал, что следует уничтожить унию и просить, чтобы паны являлись в свои украинские поместья не иначе, как без военных команд.

Землевладельцы, которые были победнее, решались покориться судьбе. Хлопы собирались на сходки и рассуждали, как им жить с панами. В Немирове, на подобной сходке, какой-то атаман Куйка подал такой совет: «Дадим своему пану плуг, волов, да четыре меры солода. Довольно с него, лишь бы не умер с голоду!» В других местах хлопы уговаривались давать панам «поклоны» по большим праздникам и отказывались от всякой барщины. Самые богатые паны не получали ни гроша с огромных имений. Шляхтичи принялись сами за полевые работы. «Не было деревни, – говорит современный польский историк-стихотворец Твардовский, – где бы бедный шляхтич мог зевнуть свободно. Чуть мало кто погорячится – тотчас бунт: а сорок тысяч реестровых, словно горох из мешка, рассыпавшись по Украине, производили страшный для нас шорох».

Гетману очень хотелось затянуть Московское государство в войну с Польшей. После Зборовского договора, он был огорчен отказом царя помочь ему. Когда приехал к нему гонец толковать о пограничных делах, Хмельницкий, по своему обычаю, сдержанный в трезвом виде и откровенный в пьяном, бывши тогда навеселе, произнес ему такие речи:

«Что вы мне все про дубье и про пасеки толкуете? Вот я пойду, изломаю Москву и все Московское государство; да и тот, кто у вас на Москве сидит, от меня не отсидится: зачем не дал он нам помощи на поляков ратными людьми?» Казаки говорили великорусским гонцам так: «Мы пойдем на вас с крымцами. Будет у нас с вами, москали, большая война за то, что нам от вас на поляков помощи не было».

Московское правительство поняло, что если оно не будет заодно с Хмельницким, то наживет себе в Хмельницком врага, и начало, по выражению того времени, «задирать Польшу». В июле 1650 года приехал в Варшаву послом Гаврило Пушкин с жалобой на то, что, во-первых, в некоторых официальных бумагах неточно был написан царский титул, а во-вторых, на то, что в Польше печатались «бесчестные книги», в которых с неуважением отзывались о царе и московском народе. Так, например, между прочим, в латинской истории Владислава IV, написанной Вассенбергом, было сказано: «Москвитяне только по одному имени христиане, а по делам и обычаям хуже всяких варваров: мы их часто одолевали, побивали и лучшую часть их земли покорили своей власти». Московский посол требовал, чтобы все «бесчестные книги» были собраны и сожжены; чтобы не только слагатели их, но и содержатели типографий, где они были напечатаны, наборщики и печатальщики и самые владельцы имений, где находятся типографии, были казнены смертью. «Из таких требований, – сказали сенаторы послу, – мы видим, что его царское величество ищет предлога к войне; несколько строк, которыми погрешали литераторы, не дают повода к разрыву мира. Стоит ли из-за того проливать кровь!»

Московское посольство настаивало на своем. Несколько книг было сожжено в их присутствии; но это их не удовлетворило. Они уехали, сказав последнее слово, что только наказание слагателей «бесчестных книг» и людей, писавших царский титул с пропусками, может отклонить Польшу от разрыва с Московским государством.

Хмельницкий между тем, сдружившись с крымским ханом, отправил казаков с татарами на Молдавию мстить молдавскому господарю Василию Лупуле за то, что последний не хотел исполнять своего обещания отдать дочь свою за сына Хмельницкого. Казаки и татары навели такой страх на молдавского господаря, что он просил мира и союза. Во время этого похода коронный гетман Потоцкий, воротившись из крымского плена, расположился на Подоли. Он не решался помогать молдавскому господарю, но занимался укрощением подольских хлопов, которые образовали тогда шайки под названием «левенцов» и открыто вели войну с корон-

ными жолнерами. Польский отряд, под начальством Кондратского, разбил их и привел к Потоцкому главного их предводителя Мудренка с двадцатью другими атаманами. Потоцкий приказал их изуродовать и распустить, чтобы они наводили страх на всякого, кто не захочет повиноваться панам. Этих изуродованных привели к Хмельницкому. Хмельницкий отправил к Потоцкому полковника Кравченко.

– Или ты еще не напился крови нашей, пан гетман, – сказал Потоцкому Кравченко. – Зачем нарушаешь договор? Зачем переходишь за черту на казацкую землю, когда не слышно неприятеля?

– Земля никогда не была казацкой! – гневно закричал Потоцкий, схватившись даже за саблю. – Земля принадлежит Речи Посполитой. Имею право стоять и на черте и за чертой.

– Речь Посполитая, – сказал Кравченко, – может положиться на казаков; мы защищаем отечество.

– Какие вы защитники, – сказал Потоцкий, – когда вы делаете насилие шляхетству и вынуждаете владельцев бежать из своих имений?

– А зачем паны мучат и утесняют народ? – сказал Кравченко. – Владельцы должны ласково и кротко обращаться с поселянами, потому что они, хотя и подданные ваши, а в ярмо шеи класть не станут.

После этого крупного разговора коронный гетман Потоцкий доносил королю, что Хмельницкий обманывает поляков и полякам остается напасть на Хмельницкого и уничтожить казачество.

Предвидя, что война неизбежна, Хмельницкий начал готовить себе союзников: сношиться с Турцией, с седмиградским князем Ракочи, убеждал их действовать вместе против Польши, наконец, завел сношения и с Швецией.

Эти сношения сделались известны в Варшаве. Король в конце 1650 года издал универсал для предварительных сеймиков; король извещал в нем все польское шляхетство, что Хмельницкий строит козни против Речи Посполитой; что в Украине чернь неистовствует против шляхетства; что на будущую весну надобно ожидать войны с казаками.

В декабре собрался сейм. Хмельницкий прислал на него депутатов: Марковича, Гурского и Дорошенка. Они привезли требование: во-первых, уничтожить унию; во-вторых, чтобы знатнейшие чины Польского государства утвердили присягой Зборовский договор; в-третьих, чтобы четыре знатнейших пана: Вишневецкий, Конецпольский, Любомирский и коронный обозный Калиновский, оставались заложниками мира и жили в своих украинских имениях без дворни и ассистенции; в-четвертых, чтобы русский народ не терпел никаких стеснений от панов духовных и светских.

Это требование произвело чрезвычайное волнение как в сенате, так и между послами. Адам Кисель стал было доказывать, что поляки действительно обязаны уничтожить унию, представляя, что тогда и сами православные будут поддерживать Речь Посполитую. Но заявление Киселя еще сильнее взволновало поляков. Они закричали: «Как козел не станет бараном, так и схизматик не будет искренним защитником католиков и шляхетских вольностей, будучи одной веры с бунтовщиками хлопами. Как! для схизматиков, для глупого хлопства не позволять шляхте верить, как повелевает Дух Святой, а пусть верит, – как предписывает пьяная, сумасшедшая голова Хмельницкого! Вот какой проявился доктор чертовской академии, хлоп, недавно выпущенный на волю! Хочет отнять у поляков веру святую! Им не нравится слово „уния“, а нам не нравится слово „схизма“. Пусть отрекутся от своего безумного схизматического учения. Пусть соединятся с западной церковью и назовутся правоверными».

Таков был голос всей католической и шляхетской Польши того времени. Домогательство русских уничтожить унию затронуло религиозную струну польского сердца. 24 декабря война была решена единогласно. Положили собрать посполитое рушение и сделать временный налог для платы регулярному войску.

Тем не менее казацкие депутаты получили шляхетское достоинство.

Неприятные действия начались в феврале 1651 года, неудачные для казаков.⁹³

Между тем вся Польша вооружилась. Папский легат привез королю первосвященническое благословение, мантию и освященный меч, а королеве золотую розу. Этим не совсем был доволен король, потому что папа не прислал ему денег, которых он просил; но когда король обнаружил, что святой отец благословляет отправлявшихся на брань и посылает отпущение грехов, то это сильно воодушевило поляков. Король назначил сборное место под Соколом и прибыл туда в мае.

У казаков было также религиозное побуждение. Приехал к ним из Греции коринфский митрополит Иоасаф. Он препоясал Хмельницкого мечом, который был освящен на самом гробе Господнем. Сам константинопольский патриарх прислал Хмельницкому грамоту, в которой одобрял войну, предпринятую против врагов православия. Но войска в этом году у Хмельницкого было меньше, чем прежде. За ним уже меньше было той нравственной силы, какую он прежде имел в глазах народа; хлопы стали не доверять ему за потачку панам, за казнь мятежников. Союз с татарами не по душе был народу, потому что эти союзники, вступая в русскую землю, под видом дружбы, уводили в плен женщин и детей. Многие реестровые казаки, пользуясь своими правами, охотнее бы хотели идти на турок. Находились даже такие, хотя в небольшом количестве, которые предложили свои услуги полякам. Притом Хмельницкий имел повод опасаться вторжения литовского войска и должен был оставить часть войска на северной границе, чем развлекал свои силы. Хмельницкий долго дожидался хана и дал время своим неприятелям собраться. Двинувшись на Волынь, он стоял под Збаражем, не отваживаясь один напасть на короля; а между тем в его стане распространились повальные болезни, так что казаки в одно время вывезли из своего стана двести шестьдесят возов с больными и умершими.

Простоявши несколько недель под Соколом, поляки перенесли свой стан на реку Стырь и избрали обширное поле под Берестечком. Хмельницкий, все еще ожидая хана, упустил удобное время напасть на неприятеля, когда поляки проходили по болотистым местам и переправлялись через реку Стырь. Ислам-Гирей прибыл, наконец, со своей ордой; но на этот раз крымский хан шел на войну поневоле и только по приказанию турецкого султана. Ему невыгодно было нарушать Зборовский договор; ему хотелось, напротив, идти войной на Москву, с которой Хмельницкий, к досаде его, дружил. Между татарскими беями были враги, недоброжелатели Хмельницкого.⁹⁴ 19 июня (29 нов. стили) появились казаки и татары в виду польского войска. 20 июня, в два часа пополудни, началось сражение; и вдруг хан стремительно бросился в бегство; за ним побежали все его мурзы и беи. Это бегство до того поразило всех татар, что они, не будучи никем преследуемы, побросали в беспамятстве свои арбы с женами и детьми, больных и даже мертвых, в противность алькорану, запрещавшему оставлять правоверных без погребения. Хмельницкий поручил начальство полковнику Джеджалыку, а сам погнался за ханом, думая остановить его. Хан, остановившись в трех верстах от поля битвы, сказал Хмельницкому: «На нас на всех страх напал. Татары биться не будут. Остаься со мной, подумаем. Завтра я пошлю своих людей помогать казакам». Но вместо того, на другой день он двинулся к Вишневу и потащил за собой Хмельницкого. Писарь Выговский поехал просить хана освободить Хмельницкого; хан и его задержал. Таким образом, гетман с писарем очутились в плену у хана.

⁹³ Коронный обозный гетман Калиновский в местечке Красном напал внезапно на полковника Данила Нечая и разбил его. Сам Нечай погиб в битве. Вслед за тем Калиновский разорил несколько подольских городов, но сам потерпел неудачу под Винницею против полковника Богуна, который приказал сделать на льду реки Буга проруби и покрыть их соломой. Поляки бросились на лед и во множестве потонули.

⁹⁴ Прежде своего соединения с Хмельницким Ислам-Гирей посылал к польскому королю тайное посольство; неизвестно содержание его: впоследствии подозревали, что тогда дано было обещание изменить казакам.

Поляки заняли все поле, где стояли татары, и начали теснить казаков. Джеджалык храбро отбивал натиски и отступил к реке Пляшовой. Здесь казаки сбили свои возы в четырехугольник: с трех сторон сделали окопы, а с четвертой большое болото защищало их лагерь. Десять дней выдерживали они неприятельскую пальбу, вступали с поляками в переговоры, но соглашались мириться с ними не иначе, как только на условиях Зборовского договора. Поляки знать этого не хотели, требовали совершенной покорности. Между тем в русском стане началась безурядица и смятение. Начальство перешло от Джеджалыка к полковнику Богуну. Между хлопам на сходках стали ходить такие речи: татары разоряют край наш; выдадим королю старшину и будем свободны. Богун, услышавши эти толки, составил план устроить наскоро плотину и уйти с казаками. Ночью с 28 на 29 июня казаки свозили на болото возы, кожухи, шатры, кунтуши, мешки, седла, устроили три плотины и стали уходить отрядами один за другим, незаметно ни для поляков, ни для толпы хлопов в своем стане. Утром, 29 июня, когда русские стали завтракать, вдруг кто-то закричал: «Братцы, все полковники ушли!» По всей массе пробежал внезапный страх; все бросились врассыпную; плотины не выдержали, и люди начали тонуть. Хлопы металась в разные стороны и впопыхах стремглав бросались в реку. Поляки долго не понимали, в чем дело, и только спустя несколько времени бросились в казацкий лагерь и стали добывать бегущих. Митрополит Иоасаф удерживал бегущих и был убит каким-то польским шляхтичем. Королю принесли его облачение и освященный меч.

После разгрома казацкого лагеря, король распустил посполитое рушение и уехал в столицу, а регулярное (иначе кварцянское) войско двинулось в Украину уничтожить казачество, как поляки надеялись.

Хан продержал Хмельницкого до конца июля под Вишневецом и отпустил, вероятно, взявши с него деньги в виде окупа, как сообщают о том польские источники. Хмельницкий, по своем освобождении, поехал прямо в Украину и, прибывши в местечко Наволочь, три дня и три ночи пил без просыпу. Тут начали сходиться к нему полковники с остатками разрепанных своих полков. Но никогда не показал Хмельницкий такого присутствия духа, такого мужества, неутомимой деятельности и силы воли, как в это ужасное время. Народ волновался, обвинял его. В народе было много недовольных за прежнюю потачку панам; сердились на него и за союз с татарами, которые разоряли край. В разных местах были мятежные сходбища, на которых думали выбирать иного гетмана. Хмельницкий на Масловом броде явился перед народным сборищем, успокоил толпу, уверял ее, что не все еще потеряно, что дела поправятся; собирал, одушевлял народ, пополнял полки, сносился снова с ханом, который опять обещал Украине помощь. В то же время Хмельницкий продолжал сноситься с московским правительством; к нему беспрестанно ездили разные подьячие и дети боярские; всем он говорил одно и то же о желании своем поступить под высокую руку православного государя. Но разом он и угрожал Москве, говоря, что если царь не примет его под свою руку, то казаки, поневоле, пойдут с поляками и крымцами на Московское государство. В минуты, когда гетман, любивший выпить, был навеселе, он говорил резко: «Я к москалям с искренним сердцем, а они надо мной насмеются. Пойду и разорю Москву, хуже Польши!» В эти дни, к удивлению поляков, Хмельницкий вновь женился: третья жена его была Анна Золотаренко; брат ее сделан был нежинским полковником.⁹⁵

Народ южнорусский, несмотря на понесенный удар и на новые усилия врагов покорить его, казался готовым лучше погибнуть, чем поступить в прежнее порабощение. Казацкие полки быстро наполнялись новыми охотниками; жители поголовно вооружались, за недостатком оружия, косами и ножами.

⁹⁵ По одним известиям, вторая была убита его сыном Тимофеем, по другим – им самим, по третьим – он услышал о ее смерти в мае 1651 г. и тосковал.

Польское войско вступило в Украину и встретило сильное и единодушное сопротивление. Жители истребляли запасы, жгли собственные дома, беспрестанно нападали на поляков отдельными шайками, отнимали у них возы, лошадей, портили дороги, ломали мосты. Польское войско стало терпеть недостаток продовольствия. Лишившись в Наволочи, скоропостижно умершего, лучшего из польских военачальников Иеремии Вишневецкого, поляки 13 августа пришли к местечку Трилисы. Казаки, засевшие там под начальством храброго сотника Александренка, вместе с жителями местечка, защищались до последнего и все погибли: женщины дрались наряду с мужчинами, и одна женщина убила косою полковника Штрауса. Поляки, за это сопротивление, пришли в такое неистовство, что, рассеявшись по окрестным хуторам, истребляли всех русских, не щадя даже грудных младенцев. Зато, со своей стороны, русские с особенным зверством мучили попавшихся к ним поляков и служивших в польском войске немцев. Приведя пленников куда-нибудь в лес или в ущелье, они сначала, для поругания, угощали их вином и медом, вели с ними приятельскую беседу, а потом прокалывали их рожнами, сдирали с живых кожи и тому подобное.

С северной стороны нахлынула на Украину другая военная сила: предводитель литовского войска Радзивилл послал отряд против черниговского полка, которому Хмельницкий поручил беречь границу. По причине оплошности черниговского полковника Небабы, казаки потерпели поражение. Радзивилл занял Чернигов, а потом, в последних числах июля, подступил к Киеву. Киевский полковник Жданович вышел из города в надежде напасть на литовцев, когда последние будут находиться в Киеве. Город был занят литовцами 6 августа; казаки с двух сторон: сухопутьем от Лыбеди и на судах по Днепру, стали приближаться к городу. Тут киевские мещане сами зажгли город, чтобы произвести в литовском войске замешательство и тем пособить нападавшим на него казакам. Но корсунский полковник Мозыра не послушался Ждановича, начал давать не в пору огнем сигналы плывшим по Днепру и тем испортил план Ждановича. Литовцы не могли быть застигнутыми врасплох и отбили нападение. Киев сильно пострадал от пожара. После этого Радзивилл снесся с Потоцким, и оба войска, по состоявшемуся между их предводителями договору, с двух противоположных концов, в конце августа сошлись под Белой Церковью, близ которой находился Хмельницкий со своим войском.

Хмельницкий предложил мир. Положение казаков было печально. Но поляки, с одной стороны, видели отчаяние русского народа, способного вести борьбу на жизнь и на смерть, с другой, затруднялись добывать продовольствие. Поэтому польские предводители согласились мириться и выслали для переговоров с гетманом и старшиной комиссаром Адама Киселя с товарищами в белоцерковский замок.

Народ узнал, что идет дело о сокращении казачества и о сужении границ казацкой земли. Толпа собралась под замком. Раздались яростные крики: «Ты, гетман, ведешь трактаты с ляхами и нас покидаешь, себя самого и старшину спасаешь, а нас знать не хочешь, отдаешь нас под палки, батоги, на колы да на виселицы! Нет, прежде чем до этого дойдешь – и ты положишь голову, и ни один лях отсюда живым не уйдет!» Они хотели схватить и убить комиссаров. Хмельницкий не устранился, вышел к толпе, которая грозила ему саблями и дубинами, уговаривал ее, представлял, что послов трогать нельзя, и, наконец, собственноручно положил своей булавой нескольких смельчаков, выдвинувшихся вперед.⁹⁶

Решительность Хмельницкого и влияние, которым он все еще пользовался, несмотря на разлад с народными требованиями, удержали на время народ от дальнейшего взрыва. Переговоры тянулись не один день. Хмельницкий посылал то одно, то другое добавление; между тем казаки делали нападения на польское войско: гетман отговаривался, что это происходит не по его желанию. Хмельницкому опасность угрожала с обеих сторон. Он не решался всту-

⁹⁶ Кисель, едучи с товарищами чрез ряды русского полчища, кричал: «Друзья мои, мы не ляхи; я русский, мои кости такие же русские, как и ваши!» – «Твои русские кости обросли польским мясом!» – отвечали ему казаки.

пить в решительную отчаянную битву, не надеясь выиграть победы, не решался и заключить мир, потому что народная толпа, по-видимому, готова была растерзать его за это. Так прошло время до 16-го сентября. В это время появилось моровое поветрие как в польском, так и в казацком войске. Обстоятельство это ускорило заключение мира. По договору, называемому в истории, от места его составления, Белоцерковским, у Хмельницкого, вместо трех воеводств, в пределах казацкой черты, осталось одно Киевское воеводство, и, в силу этого сужения границ, число реестрового войска было уменьшено до двадцати тысяч. Шляхетство вступало в свои владения с прежним правом; жида тоже могли жить везде.

По окончании договора, Хмельницкий посетил своих победителей и, по сознанию самих польских историков, его хотели было отравить, но он догадался, не пил предложенного вина и ускакал в свой стан.

Само собой разумеется, что такой мир не мог продержаться долго. Жители южной Руси, не желая быть в порабощении у панов, во множестве бежали в Московское государство на слободы. Уже в прежние годы совершались такие переселения и появились слободы около Рыльска, Путивля, Белгорода. В этот год переселение произошло в несравненно большем размере. Первый пример показали волынцы. Казаки возникшего было острожского полка, под предводительством Ивана Дзинковского, основали, с царского дозволения, на берегу реки Тихой Сосны Острожск и перенесли с собой все казацкое устройство. Таким образом, явился первый слободской полк. За ними – малоруссы начали переселяться в огромном количестве в привольные южные степи Московского государства с берегов Днестра, Буга и других мест. Они сжигали свои хаты и гумна, чтобы не доставались врагам, складывали на возы свои пожитки и отправлялись огромными ватагами искать новой Украины, где бы не было ни ляхов, ни жидов. Отряды польского войска заступали им дорогу; украинцы пробивались с ружьями и даже пушками на новое жительство. Тогда менее, чем в полгода, появились в пограничных областях многие малорусские слободы, из которых некоторые дали начало значительным городам: так основаны были Сумы, Короча, Белополье, Ахтырка, Лебедин, Харьков и другие. Поселенцы выбирали места, по возможности, безопасные, и потому большей частью вблизи болот, мешавших татарским внезапным нападениям.

По окончании реестрования, литовское войско вошло в Черниговское воеводство, а часть коронного пришла на левый берег Днепра, с тем, чтобы не пропускать переселенцев в Московское государство. Сам Хмельницкий своим универсалом запрещал народу дальнейшие выселения и строго приказывал не вошедшим в реестр повиноваться панам.

Но русский народ не думал повиноваться панам. Весной 1652 года вся Украина была уже в огне. По Бугу и Днестру жители бросали свои жилища, скрывались в ущельях и лесах, составляли шайки, нападали на поляков. На правой стороне русский шляхтич Хмелецкий собирал и возбуждал недовольных как против поляков, так и против своего гетмана. На левой – составлял ополчение бывший корсунский полковник Мозыра, смененный Хмельницким. В миргородском полку полковник Гладкий пристал к народному заговору против расставленных польских жолнеров, и в день Святого Воскресенья все они были перебиты. Такую же резню произвели над литовцами около Мглина и Стародуба. Около Лубен мятежные хлопы низлагали с гетманства Хмельницкого и выбрали какого-то Бугая своим предводителем.

Хмельницкий не был безопасен в собственном Чигирине. Пришедшая в отчаяние народная громада готова была нагрянуть на него и убить. Гетмана повсюду стали называть изменником, продавшим ляхам Украину. В таком положении Хмельницкий дозволил записываться в реестр более определенного числа. Польский военачальник Калиновский упрекал его за это. Хмельницкий объяснял, что сделал это распоряжение для пользы самих поляков, потому что иначе усмирить народ невозможно.

По требованию короля, Хмельницкий, однако, подписал смертный приговор Гладкому, Хмелецкому и Мозыре; им отрубили головы. Кроме этих жертв, было совершено еще

несколько смертных казней. Но скоро после того обстоятельства повернулись так, что Хмельницкий снова стал заодно с народом.

Молдавский господарь Василий Лупула обещал в 1650 году дочь свою Домну Локсандру в жены Тимофею Хмельницкому, но, извиняясь молодостью невесты, просил отсрочки на год. Потом он не только не хотел исполнять данного обещания, а еще и тайно вредил Хмельницкому во время второй войны последнего с поляками. В 1652 году Хмельницкий напомнил господарю его обещание и выслал своего сына с казаками к границам Молдавии, давая знать этим, что если господарь не захочет исполнить данного слова добровольно, то принужден будет исполнить его поневоле.

По уверению польских историков, Лупула известил об угрожающем ему насилии предводителя польского войска Калиновского, а Калиновский, расположивший свое войско над рекой Бугом, вздумал пресечь путь сыну Хмельницкого, идущему в Молдавию.

Гетман Хмельницкий предупредил Калиновского письмом, просил не трогать Тимофея и отступить с дороги, так как Тимофей идет себе жениться и не имеет никаких враждебных намерений против поляков, иначе не ручался, чтоб казаки, которых он называл свадебными боярами, не завели ссоры и не вышло бы нарушения мира. Но Калиновский, назло Хмельницкому, нарочно поступил против его предостережения и сам напал на Тимофея Хмельницкого, который шел не только с сильным казацким отрядом, но еще и в сопровождении татарского Карача-мурзы с его ордой. Во время нападения, русские хлопы, бывшие на работе в польском обозе, умышленно зажгли сено, распространился пожар. Казаки и татары стеснили поляков и совершенно разбили. Калиновский пал в битве. Поляки бежали во все стороны, казаки и окрестные хлопы гонялись за ними, не слушали никаких молений о пощаде и без сострадания убивали, приговаривая: «Вот вам за унию! вот вам за Берестечко! вот вам за ваши поборы!» и т.п. Все польское войско в числе двадцати тысяч погибло в этой знаменитой битве, прозванной, по урочищу, где она происходила, батогскою. Удар, нанесенный Польше, был не легче корсунского. Тимофей Хмельницкий благополучно достиг пределов Молдавии, по просьбе господаря, оставил свое войско на границе, сам приехал в Яссы и сочетался браком с молдавской принцессой.

Таким образом, недавно заключенный мир, тяжелый для Хмельницкого, был нарушен самими поляками. Жолнеры, стоявшие в других местах, были немедленно изгнаны.

Хмельницкий известил короля о случившемся под Батогом, доказывал, что виной всему Калиновский, а о своих казаках выразился так: «Простите их, ваше величество, если они, как люди веселые, далеко простерли свою дерзость». В Польше это приняли за насмешку. Польша не имела войска и поневоле должна была отложить военные действия до следующего года. Весной 1653 года польский военачальник Чарнецкий, ворвавшись в Брацлавщину по берегу Буга, истреблял села и местечки: поляки резали жителей без разбора. По выражению их же соотечественника, не щадили ни красивой девушки, ни беременной женщины, ни грудного младенца. Храбрый винницкий полковник Богун остановил этот варварский набег и обратил Чарнецкого в бегство.

Вслед за тем собралось большое польское войско под Глинянами, с намерением идти в Украину и предавать ее окончательному разорению; между тем война разыгрывалась и в другом краю, в Молдавии. Там, между Лупулою, тестем Тимофея Хмельницкого, и Стефаном Бурдуцом, купившим себе в Константинополе право на господарство, происходила борьба. Тимофей с казаками защищал тестя; венгерцы и поляки подали помощь врагу его из нежелания, чтоб родственник и союзник Хмельницкого владел Молдавией.

Гетман Хмельницкий обратился опять к царю Алексею Михайловичу, умолял принять его с казаками под свою руку. Царь на этот раз хотя все еще не дал согласия, но отвечал, что принимает на себя посредничество примирить польского короля с Хмельницким.

20 июля явился в Польшу царский посланник боярин Репнин-Оболенский с товарищами, припомнил прежнее требование о наказании лиц, делавших ошибки в царском титуле, и объявил, что царь простит виновных в этом, если поляки, со своей стороны, помирятся с Хмельником на основании Зборовского договора и уничтожат унию.

Паны на это отвечали, что уничтожить унию невозможно, что это требование равняется тому, если бы поляки потребовали уничтожить в Московском государстве греческую веру, что греческая вера никогда не была гонима в Польше, а с Хмельником они не станут мириться не только по Зборовскому, но даже и по Белоцерковскому договору, а приведут казаков к тому положению, в каком они находились до начала междоусобия.

Тогда московский посол сказал, что если так, то царь не будет более посылать в Польшу послов, а велит писать о неправдах польских и нарушении поляками мирного договора во все окрестные государства и будет стоять за православную веру, за святые Божие церкви, и за свою честь, как ему Бог поможет!

Поляки, соображая, что Хмельницкий пойдет с войском на помощь к сыну, который находился в стесненном положении в Молдавии, двинулись с войском на Подол к Каменцу. Король предводительствовал войском. Поляки надеялись перерезать путь Хмельницкому, который собирался идти в Молдавию на выручку сына, отправляясь в поход, он известил царя, что поляки идут на поругание веры и святых церквей, и прибавил: «Турецкий царь прислал к ним в обоз в Борки своего посланца и приглашает к себе в подданство. Если, ваше царское величество, не сжалишься над православными христианами и не примешь нас под свою высокую руку, то иноверцы подобьют нас и мы будем чинить их волю. А с польским королем у нас мира не будет ни за что».

Тесть Тимофея, Лупула, ушел из Молдавии, а Тимофей с тещей заперся в сочавском замке. С Тимофеем были казаки. Огромное войско, состоявшее из волохов, молдаван, сторонников Стефана Бурдуца, венгерцев и поляков осадило Сочаву. Осажденные храбро отбивались, ожидая выручки от Хмельницкого. Но однажды осколок разбитого ядром дерева ранил в ногу Тимофея; рана превратилась в антонов огонь; Тимофей умер. Казацкий полковник Федоренко продолжал несколько времени отбиваться, но голод принудил его сдать крепость. 9-го октября казаки вышли из сочавской крепости, выговорив себе свободный проход в Украину с телом Тимофея Хмельницкого. Богдан Хмельницкий встретил на дороге тело сына, приказал взять его на погребение в Чигирин, а сам пошел на поляков.

К нему пристал тогда крымский хан. Поляки, считая себя победителями татар под Берестечком, перестали ему платить сумму, постановленную под Зборовом. Хан захотелось вернуть себе этот доход.

Враги встретились на берегу Днестра под Жванцем, в пятнадцати верстах от Каменца, против Хотина. Была уже поздняя осень. Положение поляков было печальное. Войско их, составленное из непривычных к ратному делу воинов, разбегалось. Но хан наблюдал только одну свою выгоду и предложил полякам мир, с условием, если ему заплатят одновременно сто тысяч червонных, а потом станут платить ежегодно на основании Зборовского договора, и, вдобавок, дадут татарам право на возвратном пути брать, сколько угодно, пленников в польских областях.

Как ни диким казалось последнее требование, но поляки согласились и на него, выговоривши себе только то условие, чтобы татары брали в плен в продолжение сорока дней одних русских и не трогали поляков.

Ханский визирь договорился с поляками и в том, что с этих пор хан отступит от казаков, но в настоящее время просил для вида обещать им утвердить Зборовский договор, чтоб не раздражить казацкую толпу; впоследствии же хан сам обещал помогать полякам укротить казаков.

Хмельницкий узнал об этом тайном условии, умолял хана не покидать его – все было напрасно. Союз с поляками, по расчету хана, был выгоднее, чем с казаками. Хмельницкому невозможно было отважиться в данную минуту на борьбу разом и с поляками и с татарами. Он принужден был молчать. Одна надежда у него осталась тогда на царя московского. 16 декабря ушел король; за ним разошлось польское войско. Вслед за тем татары, по условию, страшно опустошили южную Русь до самого Люблина. Однако и поляки не остались без наказания за постыдный договор с ханом, которым они, всегда гордившиеся званием свободной нации, избавили себя от печальной для них необходимости предоставить свободу русскому народу: татары, не разбирая своих жертв, сжигали шляхетские дома и увели в плен множество шляхты обою пола.

Между тем после решительного ответа, данного панами московскому послу боярину князю Репнину-Оболенскому, московское правительство приступило наконец к решительному шагу. Оставаться зрителями того, что делалось по соседству, далее было невозможно; предстояла опасность, что казаки отдадутся Турции и, вместе с крымскими татарами, начнут делать опустошения в пределах Московского государства.

Дело было первой важности, и царь Алексей Михайлович 1 октября 1653 года созвал земский собор всех чинов Московского государства в Грановитой палате.

Думный дьяк изложил все дело о пропусках в титуле, о бесчестных книгах, о том, как гетман Богдан Хмельницкий много лет просил государя принять его под державную руку, о том, как царь предлагал полякам прощение виновных в оскорблении царской чести, с тем, чтоб поляки уничтожили унию и перестали преследовать православную веру, и как поляки отвергли это предложение. Извещалось, наконец, что турецкий царь зовет казаков под свою власть.

Потом отбирался ответ на вопрос; принимать ли гетмана Богдана Хмельницкого со всем войском запорожским под царскую руку?

Бояре дали такое мнение: Ян-Казимир, при избрании на королевство, присягал остерегать и защищать всех христиан, которых исповедание отлично от римско-католического, не притеснять никого за веру и другим не дозволять, а если своей присяги не сдержит, то в таком случае подданные его освобождаются от верности ему и послушания. Король Ян-Казимир присяги своей не сдержал: восстал на православную христианскую веру, разорил многие церкви, обратил в униатские. Стало быть, гетман Хмельницкий и все войско запорожское, после нарушения королевской присяги – вольные люди: от своей присяги свободны. А потому, чтобы не допустить их отдаться в подданство турецкому султану или крымскому хану, следует принять гетмана Богдана Хмельницкого, со всем войском запорожским, со всеми городами и землями, под высокую государеву руку.

Гости и торговые люди вызвались участвовать в помощи в предстоявшей войне; служилые люди обещались биться против польского короля, не щадя голов своих, и умирать за честь своего государя. Патриарх и все духовенство благословили государя и всю его державу и сказали, что они будут молить Бога, Пресвятую Богородицу и всех святых о пособии и одолении.

После такого земского приговора, царь послал в Переяславль боярина Бутурлина, окольничего Алферьева и думного дьяка Лопухина принять Украину под высокую руку государя. Послы эти прибыли на место 31 декабря 1653 года. Гостей с достою почестью принял переяславский полковник Павел Тетеря.

1 января прибыл в Переяславль гетман. Съехались все полковники, старшина и множество казаков. 8 января, после предварительного тайного совещания со старшиной, в одиннадцать часов утра, гетман вышел на площадь, где была собрана генеральная рада. Гетман говорил:

«Господа полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское! Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного православия, хотевших искоренить нас так, чтоб и имя русское

не упоминалось в нашей земле. Но нам нельзя более жить без государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтоб вы избрали из четырех государей себе государя. Первый – царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть; второй – хан крымский; третий – король польский, четвертый – православный Великой Руси, царь восточный. Турецкий царь басурман, и сами знаете: какое утеснение терпят братия наша христиане от неверных. Крымский хан тоже басурман. Мы по нужде свели было с ним дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленение и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно; сами знаете, что они почитали жида и собаку лучше нашего брата-христианина. А православный христианский царь восточный одного с нами греческого благочестия: мы с православием Великой Руси единое тело церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам ближних людей с царской милостью. Возлюбим его с усердием. Кроме царской высокой руки, мы не найдем благодетельнейшего пристанища; а буде кто с нами теперь не в совете, тот куда хочет: вольная дорога».

Раздались восклицания:

«Волим под царя восточного! лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганому».

Тогда переяславский полковник начал обходить казаков и спрашивал: – Все ли тако соизволяете? – Все! – отвечали казаки.

«Боже утверди, Боже укрепи, чтоб мы навеки были едино!» Прочитаны были условия нового договора. Смысл его был таков: вся Украина, казацкая земля (приблизительно в границах Зборовского договора, занимавшая нынешние губернии: Полтавскую, Киевскую, Черниговскую, большую часть Волынской и Подольской), присоединялась под именем Малой России к Московскому государству, с правом сохранять особый свой суд, управление, выбор гетмана вольными людьми, право последнего принимать послов и сношаться с иноземными государствами, неприкосновенность прав шляхетского, духовного и мещанского сословий. Дань (налоги) государю должна платиться без вмешательства московских сборщиков. Число реестровых увеличивалось до шестидесяти тысяч, но дозволялось иметь и более охочих казаков.

Когда приходилось присягать, гетман и казацкие старшины домогались, чтобы московские послы присягнули за своего государя так, как всегда делали польские короли при избрании своем на престол. Но московские послы уперлись, приводя, что «польские короли неверные, несамодержавные, не хранят своей присяги, а слово государево не бывает переменным», и не присягнули. Когда, после того, послы и приехавшие с ними стольники и стряпчие поехали по городам для приведения к присяге жителей, малороссийское духовенство неохотно соглашалось поступать под власть московского государя. Сам митрополит Сильвестр Коссов, хотя и встречал за городом московских послов, но внутренне не был расположен к Москве. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось посылать к присяге шляхтичей, служивших при митрополите и других духовных особах, монастырских слуг и, вообще, людей из всех имений, принадлежащих церквам и монастырям. Духовенство смотрело на московских русских, как на народ грубый, и даже насчет тождества своей веры с московской происходило у них сомнение. Некоторым даже приходило в мысль, что москали велят перекрещиваться. Народ присягал без сопротивления, однако и не без недоверия: малоруссы боялись, что москали станут принуждать их к усвоению московских обычаев, запретят носить сапоги и черевики, а заставят надевать лапти. Что касается до казацкой старшины и приставших к казакам русских шляхтичей, то они вообще, скрепя сердце, только по крайней нужде отдавались под власть московского государя; в их голове составилась идеал независимого государства из Малороссии.

Хмельницкий отправил своих послов, которые были приняты с большим почетом. Царь утвердил Переяславский договор и, на основании его, выдали жалованную грамоту.⁹⁷

Московское правительство формально объявило Польше войну. Она вспыхнула разом и в Украине и в Литве. Весной 1654 года польское войско вступило в Подол и начало производить убийственную резню. Город Немиров был истреблен до основания. 3000 жителей столпились в большом каменном погребе; поляки стали выкуривать их оттуда дымом, предлагали пощаду, если выдадут старших. Никто не был выдан, и все задохлись в дыму. Отсюда поляки разошлись по разным путям отрядами и где только встречали местечко, деревню, истребляли там и старого и малого, а жилища сжигали. Везде русские защищались отчаянно косами, дубьем, колодами; все решались лучше погибнуть, чем покориться ляхам. На первый день пасхи поляки вырезали 5000 русского народа в местечке Мушировке: и там русские не слушались никаких увещаний и погибали, защищаясь до последней капли крови. Но казаки отбили поляков от крепких городов Брацлавля и Умани, и они до времени вышли из Украины.

В Литве дела пошли счастливо для русских. Царь разослал грамоту ко всем православным польского королевства и великого княжества литовского, убеждал отделиться от поляков, обещая сохранить их дома и достояние от воинского разорения. В грамоте уговаривали православных постричь на головах хохлы, которые носили по польскому обычаю: так много придавали в Москве значения внешним признакам. Едва ли эта грамота имела большое влияние; гораздо более помогало успехам царя чувство единства веры и сознание русской единородности. Могилев, Полоцк, Витебск сами добровольно отворили ворота и признали власть царя. Смоленск держался упорнее; но князь Радзивилл, шедши на выручку Смоленска, 12 августа был разбит наголову князем Трубецким и казацким полковником Золотаренком. Смоленск держался еще до конца сентября, наконец воевода Филипп Обухович, видя, что ему нет ниоткуда помощи, сдал город, выговоривши себе с гарнизоном свободный пропуск; царь вступил в Смоленск и приказал обратить в православные церкви костелы, которые были поделаны поляками из церквей.

Между тем поляки нашли себе союзников в крымцах. Ислама-Гирея уже не было на свете: одна малороссиянка, взятая в его гарем, отравила его в отомщение за измену ее отечеству. Новый хан Махмет-Гирей, ненавистник Москвы, заключил договор с поляками. Зимой, в ожидании вспомогательных татарских сил, поляки опять ворвались в Подол и начали резать русских. Местечко Буша первое испытало их месть. В этом местечке, расположенном на высокой горе и хорошо укрепленном, столпилось до 12000 жителей обоого пола. Никакие убеждения польских военачальников Чарнецкого и Лянскоронского не подействовали на них, и когда, наконец, поляки отвели воду из пруда и напали на слабое место, русские, видя, что ничего не сделают против них, сами зажгли свои дома и начали убивать друг друга. Женщины кидали в колодцы своих детей и сами бросались за ними. Жена убитого сотника Завистного села на бочку пороха, сказавши: «Не хочу после милого мужа достаться игрушкой польским жолнерам», и взлетела на воздух. Семьдесят женщин укрылись с ружьями недалеко от местечка в пещере, закрытой густым терновником. Полковник Целарий обещал им жизнь и целостность имущества, если они выйдут из пещеры; но женщины отвечали ему выстрелами. Целарий велел отвести воду из источника в пещеру. Женщины все потонули; ни одна не сдалась. После разорения Буши, поляки отправились по другим местечкам и селам; везде русские обоого пола защищались до последней возможности: везде поляки вырезали их, не давая пощады ни старикам, ни младенцам. В местечке Демовке происходила ужаснейшая резня: там погибло 14000 русского народа. Коронный гетман писал королю: «Горько будет вашему величеству слышать о

⁹⁷ В это время вообще малорусских послов принимали с большим почетом, потому что малороссиян, как недавно поступивших в подданство, хотели расположить к себе ласковым обхождением.

разорении вашего государства; но иными средствами не может усмириться неукротимая хлопская злоба, которая до сих пор только возрастает».

Вслед за тем прибыла к полякам на помощь Крымская орда, и они вместе с татарами двинулись далее в глубь Украины. Полковник Богун отбил их от Умани. Поляки с татарами пошли на Хмельницкого, который с боярами Бутурлиным и Шереметевым стоял под Белой Церковью. Взяв с собой Шереметева, Хмельницкий пошел навстречу неприятелю. Близ деревни Бавы встретились неприязненные войска: оказалось, что у Хмельницкого и Шереметева войска было меньше. Русские отступили, но чрезвычайно храбро и стойко отбились от преследовавших их поляков и татар.⁹⁸ Не отваживаясь нападать на русский обоз под Белой Церковью, поляки опять пустились разорять украинские села и местечки.

Но вслед за тем, в 1655 году, московские русские получили чрезвычайный успех в Литве. Они взяли Минск, Ковно, наконец Вильно. Алексей Михайлович въехал в столицу Ягеллонов и повелел наименовать себя великим князем литовским. Города сдавались за городами, большей частью без всякого сопротивления. Мещане и шляхтичи, сохранившие православие, а еще более угнетенные владычеством панов поселяне, принимали московских людей как освободителей. Успех был бы еще действительнее, если бы московские люди вели войну с большим воздержанием и не делали бесчинств и насилий над жителями.

В то время, когда уже вся Литва была в руках Московского государя, Польшу наводнили шведы. Уже несколько лет Хмельницкий сносился со шведами и побуждал их к союзу против поляков. В 1652 году, вместе с Хмельницким, действовал с этой же целью изменник польский подканцлер Радзиевский; но пока царствовала королева Христина, предпочитавшая классическую литературу и словесность военной славе, трудно было впутать шведов в войну. В 1654 году она отреклась от престола: племянник и преемник ее Карл X объявил Польше войну за присвоение польским королем титула шведского короля. Летом 1655 года он вступил в Польшу. Познань, а потом Варшава – сдались без боя. Краков, защищаемый Чарнецким, держался до 7 октября и все-таки сдался. Король Ян-Казимир убежал в Силезию. В это время Хмельницкий с Бутурлиным двинулись в Червоную Русь, разбили польское войско под Гродеком, осадили Львов; но этот город, несмотря ни на какие убеждения, не хотел нарушить верности Яну-Казимиру и присягнуть Алексею Михайловичу. Между казацкими вождями и московскими боярами тогда уже происходили недоразумения. Хмельницкий ни за что не дозволял брать штурмом Львов.

Здесь явился к Хмельницкому, 29 октября, посланец от Яна-Казимира Станислав Любовицкий, давний знакомый Хмельницкого, и привез от своего короля письмо, исполненное самых лестных и даже униженных комплиментов, хотя у Любовицкого было в это время другое письмо к татарскому хану, враждебное Хмельницкому. Беседа с Любовицким в высшей степени замечательна как по отношению к характеру Хмельницкого, так и по духу времени.

«Любезный кум, – сказал ему Хмельницкий, – вспомните, что вы нам обещали и что мы от вас получили? Все обещания ваши давались по науке иезуитов, которые говорят: не следует держать слова, данного схизматикам. Вы называли нас холопами, били нагайками, отнимали наше достояние, и когда мы, не терпя ваших насилий, убежали и покидали жен наших и детей, вы насильовали жен наших и сжигали бедные наши хаты иногда вместе с детьми, сажали на колья, в мешках бросали в воду, показывали ненависть к русским и презрение к их бессилию; но что всего оскорбительнее, – вы ругались над верой нашей, мучили священников наших. Столько претерпевши от вас, столько раз бывши вами обмануты, мы принуждены были искать, для облегчения нашей участи, такого средства, какого никаким образом нельзя оставить. Поздно искать помощи нашей! Поздно думать о примирении казаков с поляками!»

⁹⁸ Поле, где происходило это дело, получило название Дрожи поле (поле дрожи в воспоминание бывшей тогда жестокой стужи).

Любовицкий, подделяваясь к Хмельницкому, стал бранить польское шляхетство за то, что оно оставило короля своего в беде, и сказал: «Теперь король будет признавать благородными не тех, которые ведут длинный ряд генеалогии от дедов, а тех, которые окажут помощь отечеству. Забудьте все прошедшее, помогите помазаннику Божьему. Вы будете не казаками, а друзьями короля. Вам будут даны достоинства, коронные имения; король уже не позволит нарушать спокойствия этим собакам, которые теперь разбежались и покинули своего господина».

«Господин посол, – сказал Хмельницкий, поговоривши с казацкой старшиной, – садитесь и слушайте; я вам скажу побасенку. В старину жил у нас поселянин, такой зажиточный, что все завидовали ему. У него был домашний уж, который никого не кусал. Хозяева ставили ему молоко, и он часто ползал между семьей. Однажды хозяйскому сыну дали молока; приполз уж и стал хлебать молоко; мальчик ударил ужа ложкой по голове, а уж укусил мальчика. Хозяин хотел убить ужа; но уж всунул голову в нору, и хозяин отрубил только хвост. Мальчик умер от укушения. Уж не выходил после того из норы. С этих пор хозяин начал беднеть и обратился к знахарям узнать причину этого. Ему отвечали: в прошлые годы ты хорошо обходился с ужом и уж принимал на себя все грозившие тебе несчастья, а тебя оставлял свободным от них. Теперь, когда между вами стала вражда, все бедствия обрушились на тебя; если хочешь прежнего благополучия, примиришься с ужом. Хозяин стал приглашать ужа заключить с ним прежнюю дружбу, а уж сказал ему: напрасно хлопчешь, чтобы между нами была такая дружба, как прежде. Как только я посмотрю на свой хвост, тотчас ко мне возвращается досада; а ты, как только вспомнишь сына – тотчас закипит в тебе отцовское негодование, и ты готов размозжить мне голову. Поэтому, достаточно будет дружбы между нами, если ты будешь жить в твоём доме, как тебе угодно, а я в своей норе, и будем помогать друг другу. То же самое, господин посол, произошло между поляками и русскими. Было время, когда мы вместе наслаждались счастьем, радовались общим успехам. Казаки отклоняли от королевства грозящие ему опасности и сами принимали на себя удары варваров. Тогда никто не брал добычи из Польского королевства. Польские войска совокупно с казацкими везде торжествовали. Но поляки, называвшие себя детьми королевства Польского, начали нарушать свободу русских, а русские, когда им сделалось больно, стали кусаться. Случилось, что и русских большая часть отсечена и сынов королевства немало пропало. С тех пор, как этим народам придут на память бедствия, нанесенные друг другу, тотчас возникает досада, и хотя начнут мириться, а дела не доведут до конца! Мудрейший из смертных не может восстановить между нами твердого и прочного мира, как только вот как: пусть королевство Польское откажется от всего, что принадлежало княжествам земли русской, пусть уступит казакам всю Русь до Владимира, Львов, Ярославль, Перемышль, а мы, сидя себе в своей Руси, будем отклонять врагов от королевства Польского. Но я знаю: если бы в целом королевстве осталось только сто панов, и тогда бы они не согласились на это. А казаки, пока станут владеть оружием, также не отстанут от этих условий. Поэтому – прощайте».

Любовицкий передал Хмельницкому украшение с драгоценным камнем, подарок жене Хмельницкого от польской королевы Марии-Людовики. «Боже Всемогущий, – воскликнул Хмельницкий, – что я значу перед лицом твоим, но вот как возвысила меня милость твоя, что к моей Ганне наияснейшая королева польская пишет письма и просит у ней заступничества перед мной!» Однако, обратившись к Любовицкому, Хмельницкий сказал: «Не могу исполнить желания ее величества; не могу нарушить тесного договора с русскими и шведами».

Взявши со Львова небольшую сумму в 60000 зл., Хмельницкий отступил от этого города, под предлогом, что татары разоряют Украину; но, кажется, к отступлению расположило его тайное посольство шведского короля, который обещал ему русские земли, когда утвердится в Польше. Московские войска, вместе с казацкими, взяли Люблин. Этот город присягнул Алексею Михайловичу, вскоре потом присягнул шведскому королю, а затем – прежнему своему государю Яну-Казимиру.

Весной 1656 года поляки снова попытались примириться с Хмельницким и просили помощи против шведов. С этой целью приехал к Хмельницкому пан Лянскоронский.

Хмельницкий отвечал: «Полно, господа, обманывать нас и считать глупцами; полякам за их всегдашнее вероломство никто в мире не верит; было время, мы соглашались на мир в угождение королю; а король таил в душе противное тому, что показывал на вид. Мы не войдем с Польшей ни в какие договоры, пока она не откажется от целой Руси. Пусть поляки формально объявят русских свободными, подобно тому, как испанский король признал свободными голландцев. Тогда мы будем жить с вами, как друзья и соседи, а не как подданные и рабы ваши; тогда напишем договор на вечных скрижалях; но этому не бывать, пока в Польше властвуют паны. Не быть же и миру между русскими и поляками».

Поляки успешнее обделали свои дела в Москве, чем в Чигирине. Посланник немецкого императора Алегретти, природный славянин, знавший по-русски, прибывши в Москву, умел расположить к миру с Польшей бояр и духовных, указывал надежду обратить оружие всех христианских государей против неверных. Патриарх Никон убеждал царя помириться с поляками и обратить оружие на шведов, чтобы отнять у них земли, принадлежащие Великому Новгороду. Царь прельстился возможностью сделаться королем польским мирным образом; царь отправил своих уполномоченных в Вильну, где, после многих споров и толков с уполномоченными Речи Посполитой, в октябре 1656 года заключен был договор, по которому поляки обязывались, после смерти Яна-Казимира, избрать на польский престол Алексея Михайловича; Алексей Михайлович, со своей стороны, обещал защищать Польшу против ее врагов и обратить оружие на шведов. Хмельницкий, узнавши, что в Вильне собираются уполномоченные для восстановления мира, отправил туда своих посланников; но московские послы напомнили им, что Хмельницкий и казаки – подданные, а потому не должны подавать голоса там, где решают их судьбу послы государей. Казацкие посланники, воротившись в Украину, в присутствии всей старшины, говорили гетману: «Царские послы нас в посольский шатер не пустили; мало того: до шатра издали не пускали, словно псов в церковь Божию. А ляхи нам по совести сказывали, что у них учинен мир на том, чтобы всей Украине быть по-прежнему во власти у ляхов. Если же войско запорожское со всей Украиной не будет у ляхов в послушании, то царское величество будет помогать ляхам ратью своей бить казаков».

Хмельницкий, услышав это, пришел в умоизумление: «Дитки, – сказал он, – треба отступити от царя, пойдём туда, куда велит Вышний Владыка! Будем под басурманским государем, не то что под христианским!»

Успокоившись от первого волнения, Хмельницкий написал царю письмо и высказывал ему правду так: «Ляхи этого договора никогда не сдержат; они его заключили только для того, чтобы, немного отдохнув, уговориться с султаном турецким, татарами и другими и опять воевать против царского величества. Если они в самом деле искренно выбирали ваше царское величество на престол, то зачем они посылали послов к цезарю римскому просить на престол его родного брата? Мы ляхам верить ни в чем не можем. Мы подлинно знаем, что они добра нашему русскому народу не хотят. Великий государь, единый православный царь в подсолнечной! вторично молим тебя: не доверяй ляхам, не отдавай православного русского народа на поругание!»

Но Москва была глуха к этим советам. Хмельницкий видел, что пропускается удобный случай освободить русские земли из-под польской власти; а между тем не только одна Москва, но и другие соседи мешали его намерениям. Немецкий император с угрозами требовал от Хмельницкого мира с Польшей. Крымский хан и турецкий султан были в союзе с Польшей и не боялись ее трактатов с Москвой, зная, что со стороны поляков это не более как обман; напротив, им страшнее были успехи Хмельницкого, которые вели к объединению и усилению русской державы. Хмельницкий впал в тоску, в уныние и, наконец, в болезнь. Он видел в будущем прежнее порабощение Украины ляхами и прибежал к последним мерам, чтобы предупредить

его. В начале 1657 года Хмельницкий заключил тайный договор со шведским королем Карлом X и седмиградским князем Ракочи о разделе Польши. По этому договору, королю шведскому должна была достаться Великая Польша, Ливония и Гданск с приморскими окрестностями; Ракочи – Малая Польша, Великое княжество Литовское, княжество Мазовецкое и часть Червоной Руси; Украина же с остальными южнорусскими землями должна быть признана навсегда отделенной от Польши.

Сообразно с этим договором, Хмельницкий послал на помощь Ракочи 12000 казаков под главным начальством киевского полковника Ждановича. Ян-Казимир дал знать о кознях Хмельницкого московскому государю. Договор, заключенный гетманом с венграми и шведами, стал подлинно известен в Москве, и царь снарядил в посольство окольников Федора Бутурлина и дьяка Василия Михайлова со строгим выговором Хмельницкому.

Прежде чем это посольство достигло Чигирина, Хмельницкий, чувствуя, что его здоровье день ото дня слабеет, собрал раду и предложил казакам избрать себе преемника. Казаки, из любви к гетману и притом желая сделать ему угодное, избрали его шестнадцатилетнего сына Юрия. Хмельницкий, хотя сначала и отговаривал их, указывая на его молодость, но потом согласился. Это была величайшая ошибка Хмельницкого.

В начале июля прибыли царские послы с выговором и застали гетмана до того ослабевшим, что он едва мог вставать с постели. Послы, по царскому приказанию, сказали ему, что он забыл страх Божий и присягу, дружась со шведами и Ракочи. Хмельницкий отвечал в таком смысле: «У нас давняя дружба со шведами, и я никогда не нарушу ее. Шведы – люди правдивые: держат свое слово; а царское величество помирился с поляками, хотел нас отдать им в руки; и теперь до нас слух доходит, что он послал свое войско на помощь полякам против нас, шведского короля и Ракочи. Мы еще не были в подданстве у царского величества, а ему служили и добра хотели. Я девять лет не допускал крымского хана разорять украинные города царские. И ныне мы не отступаем от высокой руки его, как верные подданные, и пойдем на царских неприятелей басурманов, хотя бы мне в нынешней болезни дорогой и смерть приключилась – и гроб повезу с собой! Его царскому величеству во всем воля; только мне дивно то, что бояре ему ничего доброго не посоветуют: короной польской не овладели, мира не довершили, а с другим государством, со Швецией, войну начали!»

Выслушав новые упреки от царского посла, Хмельницкий не стал отвечать, извиняясь болезнью; а в другой день, 13 июня, Хмельницкий, призвавши к себе послов, сказал: «Пусть его царское величество непременно помирится со шведами; следует привести к концу начатое дело с ляхами. Наступим на них с двух сторон: с одной стороны войска его царского величества, с другой – войска шведского короля. Будем бить ляхов, чтобы их до конца искоренить и не дать им соединиться с посторонними государствами против нас. Хоть они и выбирали нашего государя на Польское королевство, но это только на словах, а на деле того никогда не будет. Они это затеяли по лукавому умыслу для своего успокоения. Есть свидетельства, обличающие их лукавство. Я перехватил их письмо к турецкому цезарю и отправил его к царскому величеству со своим посланцем».

Тем не менее Хмельницкий, по требованию царских послов, выдал приказ Ждановичу оставить Ракочи; это повредило последнему: успевши уже завоевать Краков и Варшаву, Ракочи был побежден поляками и отказался от своих притязаний.

Ян-Казимир попытался еще раз сойтись с Хмельницким и отправил к нему пана Беневского.

– Что мешает вам, гетман, – говорил Хмельницкому польский посланник, – сбросить московскую протекцию? Московский царь никогда не будет польским королем. Соединитесь с нами, старыми соотечественниками, как равные с равными, вольные с вольными.

– Я одной ногой стою в могиле, – отвечал Хмельницкий, – и на закате дней не прогневолю Бога нарушением обета царю московскому. Раз я поклялся ему в верности, сохранию ее до

последней минуты. Если мой сын Юрий будет гетманом, никто не помешает ему заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его величества, но только без вреда московскому царю, потому что как мы, так и вы, избравши его публично своим государем, обязаны ему сохранять постоянную верность!

Скоро после того скончался Хмельницкий. В письме писаря Выговского день его смерти означен 27 июля. Летопись Самовидца говорит, что он умер «о Успении Св. Богородицы».

23 августа тело Хмельницкого было погребено, по его завещанию, в Субботове, в церкви им построенной. Церковь эта, с замечательно толстыми каменными стенами, существует до сих пор, но путешественник не найдет в ней могилы Хмельницкого: польский полководец Чарнецкий в 1664 году, захвативши Субботово, приказал выбросить на поругание кости человека, так упорно боровшегося против шляхетского своеволия.

Несмотря на важные промахи и ошибки, Хмельницкий принадлежит к самым крупным двигателям русской истории. В многовековой борьбе Руси с Польшей, он дал решительный поворот на сторону Руси и нанес аристократическому строю Польши такой удар, после которого этот строй не мог уже держаться в нравственной силе. Хмельницкий в половине XVII века наметил то освобождение русского народа от панства, которое окончательно совершилось в наше время. Этого мало; его старанием западная и южная Русь были уже фактически под единой властью с восточной Русью. Не его вина, что близорукая, невежественная политика боярская не поняла его, свела преждевременно в гроб, испортила плоды его десятилетней деятельности и на многие поколения отсрочила дело, которое совершилось бы с несравненно меньшими усилиями, если бы в Москве понимали смысл стремлений Хмельницкого и слушали его советы.

Глава 6

Преемники Богдана Хмельницкого

Два важных вопроса волновали Малороссию по смерти Богдана Хмельницкого: один политический, другой социальный. Первый возбужден был московским правительством, второй ошибками самого Хмельницкого в первые годы восстания против Польши. Внезапное прекращение войны Московского государства с Польским, согласие Москвы на сделку с Польшею в то время, когда вся западная Русь уже была во власти царя, – произвели в умах малороссиян сомнения и тревожные опасения за будущую судьбу, а вместе с тем колебания и смуты. Народные вожди не видели под ногами своими никакой почвы, не знали: по какому пути им идти, и метались то в ту, то в другую сторону, увлекаясь то временными обстоятельствами, то эгоистическими видами, которые, по свойству человеческой природы, всегда берут верх, когда в представлении нет определенного политического и общественного идеала.

С другой стороны, еще Зборовский мир, как мы уже заметили, положил начало внутреннему раздвоению народа. Под знаменами Хмельницкого единодушно поднялся весь малороссийский народ: все хотели быть казаками, т.е. вольными обывателями и защитниками своей земли; вместо того из массы этого народа стали выделяться десятки тысяч привилегированных под исключительным именем казаков. В этом было собственно возвращение к прежнему польскому строю, с тою только разницею, что прежде записывали в казаки несколькими тысячами, а теперь десятками тысяч. Мы видели, что невозможность удержать народ от стремления в казачество была одною из причин новых войн Хмельницкого с Польшею. По присоединении Малороссии к Московскому государству число казаков было определено только в 60 000. Это было привилегированное служилое сословие, не платившее податей, пользовавшееся свободным землевладением и получавшее жалованье. Остальной народ, за исключением духовенства, состоял из мещан, которым давались прежние магдебургские права, и посполитых – земледельческого класса, не имевшего казацких прав. И те, и другие должны были платить подати и исправлять разные повинности. В договоре Богдана Хмельницкого выразительно сказано: «Мы сами смотр меж себя имети будем; кто казак, тот будет вольность казацкую иметь, а кто пашенный крестьянин, тот будет дань обыкшую его царскому величеству отдавать, как и прежде сего». Казацкие старшины, заключавшие договор, заботились только о «вольностях» казацких; посполитый народ оставлялся на их произвол, а между тем в народе осталось убеждение, что раздвоение на казаков и посполитых произошло случайно: «Можнейшие (богатые и значительные) попали в казаки, а подлейшие (беднейшие) остались в мужиках». Польские понятия неизбежно перешли к казацким вождям; свобода понималась по-польски; быть свободным – значило иметь такие права, каких не имели другие; до способов устроить свободу, равную для всех, никто не пытался додуматься, а между тем каждый из народа также хотел сделаться свободным в упомянутом смысле, не желая свободы для своих собратьев. При русском владычестве, положение посполитых, конечно, должно было улучшиться в том отношении, что они не были уже в порабощении у панов; но это положение было до крайности непрочным при казацком управлении страной. Земли главным образом были в руках казаков и шляхты, приставшей к казакам. Всякий, когда была возможность, «займовал» (занимал) земли, присваивал их себе, на основании первого завладения, или выпрашивал их у казацкого начальства; посполитые хотя имели свои участки (грунты), но вся земля была войсковою и право посполитых на владение землей стало зависеть от «войска». Казацкие чиновники и простые казаки с разрешения своих начальников присваивали себе власть над мужичьими «грунтами», так, напр., сделавшись «державцею» над «маетностью», т.е. над известным округом земли, такой державца оказывал притязание на «послушенство» тех посполитых, чьих грунты были в округе его маетности. Заводились так называемые «державские слободы»,

т.е. владельцы, имевшие пустые пространства земель, приманивали к себе посполитых дарованием льгот, а потом последние оказывались живущими на чужой земле в тяжелой зависимости от землевладельцев. В самом казацком привилегированном сословии не могло установиться равенства. Казацкие старшины и те из казаков, которым они покровительствовали, захватили себе более земель и угодий и скоро возвысились над остальными своими собратиями так, что между казаками стали обозначаться два вида: казаки «значные» (знатные) и чернь. Интересы последних совпадали с интересами посполитых. Такой порядок установился окончательно не вдруг, но начался уже во времена Хмельницкого и, после его смерти, вызывал не раз сильную внутреннюю борьбу, которая совпадала и с политическими вопросами. Старшины и значные казаки стремились к тому, чтобы упрочить свои привилегии и управлять всей страной. Их идеал был польско-шляхетский, что соответствовало и тогдашней культуре Малороссии, выработанной под польским влиянием. По мере того как они встречали своим стремлениям сопротивление в действиях и привычках московских властей, они, при первой возможности, готовы были изменить Москве. Простые казаки и посполитые, напротив, обращали к московской власти свои надежды и много раз показывали склонность к тому, чтобы в Малороссии московские порядки заменили казацко-польские, но при ближайшем столкновении с московскими воеводами и великорусскими служилыми людьми, они возмущались их обращением, поступками и понятиями, и все готовы были также увлечься подушениями к отторжению от московской власти. Таким образом, во всю половину XVII века мы видим в Малороссии крайнее непостоянство, бесперывные волнения, смуты, междоусобия, вмешательство соседей: все это вело край к разорению, упадку; народ в своих воспоминаниях прозвал эту эпоху «руиною». Богдан Хмельницкий назначил своим преемником своего сына, совершенно неспособного юношу. Только из угождения к нему, да из привычки повиноваться его воле, казаки ему не перечили в этом. Но такое избрание было новостью в казацком обществе: у них в гетманы выбирали людей, прежде чем-нибудь заслуживших уважение. Тогда между казацкими старшинами первое место занимал писарь Хмельницкого, Выговский; он находился в родстве с Хмельницким, так как брат его, Данило, был женат на дочери Хмельницкого. Казацкие старшины и полковники уговорили несовершеннолетнего Юрия отказаться от гетманства до времени и выбрали гетманом Выговского. Но против Выговского поднялся соперник, полтавский полковник Мартын Пушкарь, потому что ему самому хотелось захватить булаву. С одной стороны, он посылал в Москву доносы на Выговского, а с другой – собирал против него ополчение из посполитых, обещая им казачество. Предшествовавшие войны накопили много бедного народа, жившего из-за куска хлеба на винокурнях и пивоварнях у богатых; они бросились под знамена Пушкаря в надежде попасть в казаки. Московское правительство колебалось, не знало кому верить, а между тем своими поступками возбуждало между старшиной боязнь за ее права. По казацкому духу желательно было, чтоб казачество расширялось; оно тогда распространялось в Литве; но московские воеводы, по царскому приказанию, препятствовали этому расширению, возвращали самовольно называвшихся казаками в посполитых, били их кнутом и батогами. Тогда наступал выбор митрополита, и царский посланник Бутурлин заявил желание, чтобы новый киевский митрополит был подчинен московскому патриарху. Не понравилось Выговскому, когда он, в своем письме к царю назвавши казаков «вольными» подданными, получил за это выговор и приказание называть казаков «вечными», а не вольными подданными. Наконец, московское правительство, под предлогом обороны, хотело, кроме Киева, посадить своих воевод по другим городам и оставить самоуправление одним казакам и мещанам, а весь остальной народ подчинить суду воевод и дьяков. Все это раздражало Выговского и волновало умы. Противники московской власти рассеивали в народе тревожные слухи, будто Москва хочет оставить самое незначительное число казаков и ввести свое управление, но, когда эта весть производила волнение между знатными казаками, посполитые, а с ними и черные казаки, кричали, что будет хорошо, если введутся воеводы, и будут все равны, хотя вместе с тем и они

боялись, чтобы воеводы не нарушали обычаев и не погнали людей насильно в Московщину. В это время начал действовать человек, достигший впоследствии важного значения. Это был нежинский протопоп Филимонов. Он тайно писал в Москву доносы на старшин, выставлял свою преданность государю, советовал поскорее прислать воевод и захватить все управление края. Московское правительство не отважилось на такую решительную меру. Между Выговским и Пушкарем произошла открытая междоусобная война. Московские гонцы ездили и к Выговскому и к Пушкарю, стараясь помирить их; Пушкарь, чтобы подделаться к Москве, сам заявлял желание о присылке воевод. Выговский просил помощи ратных людей для усмирения Пушкаря, не получал ее и жаловался, что Москва мирволит его врагу. Наконец в июне 1658 года Выговский сам, без пособия царского войска, уничтожил Пушкаря. Последний пал в битве под Полтавой. Посполитые, составлявшие войско Пушкаря, толпами убегали на поселения в украинные земли Московского государства и на Запорожье.

С этих пор возникли у гетмана Выговского нескончаемые пререкания с московским правительством. Выговский в разговоре с московскими гонцами упрекал Москву, будто она тайно поджигала против него Пушкаря и снова поддерживает волнение между посполитыми, кричал, вместе со своими полковниками, что ни за что не допустит введения воевод, и прямо выразился, что под польским королем казакам было лучше. Между тем в Киев, вместо Бутурлина, прибыл другой воевода, Василий Борисович Шереметев, человек подозрительный, склонный видеть во всем измену; он начал сажать в тюрьму киевских казаков и мещан. Это подало новый повод к ропоту. Поляки, увидевши, что между казаками неладно, подослали к Выговскому ловкого пана Беневского, который всеми способами вооружал казаков против Москвы и сулил им большие блага, если они соединятся с Польшей. Ему помог тогда живший в Украине человек, приобретший большое влияние и над гетманом Выговским и над старшиной – Юрий Немирич. Он принадлежал к древней русской фамилии и был хорошо образован. В молодости он написал сочинение, за которое его обвинили в арианстве, ушел за границу и лет десять пробыл в Голландии. Возвратившись в отечество во время восстания Хмельницкого, он пристал к казакам, сблизился с Богданом, а теперь, после его смерти, стал руководить Выговским. В бытность свою в Голландии, Немирич усвоил тамошние республиканские понятия, составил себе идеал федеративного союза республик и хотел применить его к своему отечеству. Под его влиянием, у Выговского и у старшин составилась план соединить Украину с Польшей на федеративных основаниях, сохранивши для Украины права собственного управления. К этому шагу побуждали тогдашние отношения между Польшей и Московским государством.

Вопрос о соединении Польши с Москвой оставался еще нерешенным. Так или иначе, обе стороны думали покончить соединением. В июле 1658 года собирали в Польше сейм с решительным намерением утвердить дружественную связь с московским народом. Король, призывая чины Речи Посполитой на этот сейм, писал заранее в своем универсале, что предстоит важный вопрос: «Образовать вечный мир, связь и союз непоколебимого единства между поляками и москвитянами, двумя соседними народами, происходящими от одного источника славянской крови и мало различными по вере, языку и нравам». В виду такого великого предприятия, Украине предстояла важная задача; так или иначе – для нее близка была возможность быть соединенной с Польшей, а потому всего лучше казалось заранее предупредить грядущее соединение Польши с Московским государством и соединиться с Польшей на правах свободного государства, так что, если Польша устроит свое соединение с Московским государством, Украина войдет в этот союз особым государственным телом. Выговский дал тайно согласие принять королевских комиссаров, которые придут в Украину для переговоров; но прежде чем они прибыли, в августе Выговский уже начал неприязненные действия против московских людей. Он послал брата своего, Данила, выгнать Шереметева из Киева. Предприятие это не удалось; казаки были отбиты, Шереметев начал казнить виновных и подозрительных.

Между тем восстание посполитых, поднятое Пушкарем, вспыхнуло против Выговского снова около Гадяча. Выговский отправился умирять его и здесь, 8 сентября, собрал раду из казацких старшин, полковников, сотников и значных казаков. Явились польские комиссары: Беневский и Евлашевский. Беневский говорил казакам речь, бранил Москву, уверял, что у москалей другая вера, чем у казаков, что москали не дозволят им свободно готовить водку, мед и пиво, прикажут надевать московские зипуны и лапти, запретят носить сапоги и впоследствии станут переселять казаков за Белоозеро; а с другой стороны, обещал им счастье в союзе с Польшей. Теперь, – говорил он, – не будет более рабства: строгий закон не допустит панам своевольствовать над подданными. После такой речи, был составлен договор, известный в истории под названием «Гадяцкого». Украина (нынешние губернии: Полтавская, Черниговская, Киевская, восточная часть Волынской и южная – Подольской) добровольно соединялась с Польшей на правах самобытного государства под названием «Великого княжества русского». Верховная исполнительная власть должна была находиться в руках гетмана, избранного пожизненно и утвержденного королем. Великое княжество русское должно было иметь свой верховный трибунал с делопроизводством на русском языке, своих государственных сановников, свое казначейство, свою монету, свое войско, состоящее из 30000 казаков и 10000 регулярных. Унию уничтожить окончательно обещали. Положено было завести две академии с университетскими правами – в Киеве и в другом месте, где окажется удобным; кроме того, в разных местах – училища без ограничения числом; объявлялось совершенно вольное книгопечатание. Наконец, гетман мог представлять ежегодно королю казаков для возведения их в шляхетское достоинство, с тем, чтобы число их из каждого полка не было выше 100 человек. Но относительно прав владельцев насчет тех посполитых, которые будут жить на их землях, не постановлено было никаких правил, кроме того, что владельцам не дозволялось держать дворовой команды.

Вслед за тем Выговский готовился нападать снова на Шереметева, но вместе с тем послал в Москву письма, в которых уверял царя в своей верности.

Но ему более не верили. В ноябре Ромодановский вступил в Малороссию с войском. Посполитые, хотевшие быть казаками, ополчились и приставали к нему. Ромодановский выбрал другого гетмана, Безпалого. На левой стороне Днепра началось междоусобие, продолжалось все лето и весну следующего 1659 года. На помощь Ромодановскому весной прибыло новое войско под начальством Трубецкого и целых два месяца осаждало в Конотопском замке нежинского полковника, Гуляницкого. Тем временем Выговский пригласил крымского хана, с его помощью напал 28 июня на Трубецкого и разбил его наголову. Трубецкой ушел, а другой воевода, Семен Пожарский, потерявши все свое войско, был взят в плен, приведен к хану, бесстрашно обругал хана по-московски и плюнул ему в глаза. Хан приказал изрубить его. Таким образом, Выговский выгнал великороссиян из Малороссии; остался только Шереметев, который, в отомщение, приказал варварски истреблять местечки и села около Киева, не щадя ни старого, ни малого. Трубецкой несколько времени после своего поражения не мог двинуться в Малороссию: в войске его сделался бунт, насилие укрощенный при содействии Артамона Матвеева.

Дело Выговского оказалось непрочным не от московских войск, а от народного несочувствия.

Еще в мае 1659 года, в Варшаве на сейме, король и все чины Речи Посполитой утвердили присягою Гадяцкий договор, а казацкие посланники, приехавшие для этого дела, были возведены в шляхетское достоинство. В какой степени тогдашние чины Речи Посполитой, под влиянием иезуитского учения, не стеснялись произнесением ложной присяги, – показывает то, что, по известию польских историков, Беневский, заключивший Гадяцкий договор, уговорил сенаторов согласиться, в видах крайней необходимости, с намерением его нарушить, как только Польша оправится от понесенных ударов и приберет Украину к рукам. Украинский народ не прельстился этим договором: всякое соединение с Польшею, под каким бы то ни было видом,

стало для него омерзительным. Вспыхнуло восстание в Нежине под руководством протопопа Филимонова и полковника Золотаренка, потом – в Переяславле под начальством полковника Тимофея Цыпуры и Сомка, затем – в Остре, в Чернигове и в других городах. Юрий Немирич принял было начальство над регулярным войском, состоявшим из поляков, немцев и казаков: взволнованный народ перебил все его войско; Немирича догнали и изрубили в куски. В Сечи атаман Сирко поднял всех запорожцев и провозгласил атаманом Юрия Хмельницкого. В самом Чигирине, где находился Выговский, вспыхнуло восстание; Выговский едва убежал оттуда.

Выговский назначил генеральную раду под местечком Германовкою; туда же его противники привели Юрия Хмельницкого. Выговский приказал было на этой раде читать гадяцкий договор, но казаки подняли шум, крик; старшины увидели, что им несдобровать, и пристали к большинству; чтецов договора изрубили в куски; Выговский бежал, а потом, по требованию казаков, прислал свою булаву. Казаки выбрали гетманом Юрия Хмельницкого. В октябре собрана была новая рада в Переяславле, и прибывший туда с царским наказом князь Трубецкой утвердил Юрия в сане гетмана, но с некоторыми важными ограничениями против прежнего договора с Богданом Хмельницким: гетман не имел права принимать иноземных послов, вступать с кем-либо в войну без воли государя, не мог назначать в полковники иначе, как с совета всей казацкой черни. Казацкие старшины всеми силами старались избегнуть этих прибавок, но не могли преодолеть настойчивости московского военачальника и его товарищей. Казацкие старшины сильно домогались, чтобы никому из малороссиян не позволять сноситься с Москвою помимо гетмана; и на это не согласились; право же сноситься прямо с Москвою давало возможность недругам гетмана и старшин прямо посылать доносы в московские приказы, а московское правительство чрез то могло иметь тайный надзор за делами Малороссии. Московские воеводы были посажены в нескольких малорусских городах: Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове, Брацлавле и Умани. Для посполитого народа, который так усердно противодействовал козням Выговского в пользу Москвы, не сделали ничего; напротив, освободивши казаков от постоя и подвод, наложили эти повинности на посполитых и лишали их права производства напитков, которое предоставлялось казакам.

Этот новый договор с Москвою естественно не был по сердцу старшине и значным казакам, которые видели, что Москва прибирает их к рукам, не мог он довольствоваться и массу народа, который опять увидел свои надежды на уравнивание прав разрушенными. Договор этот был приятен только для отдельных лиц, которые могли обращаться прямо в Москву и выпрашивать себе разные льготы и пожалования: кто на грунт, кто на дом или мельницу. Ездили в Москву полковники со своей полковою старшиною, ездили духовные, ездили войты с мещанами; все получали разные милости и подачки: соболи, кубки и пр. Приезжих малороссиян в Москве обыкновенно расспрашивали и записывали их расспросные речи. Сметнувши, что таким путем можно получать выгоды, малоруссы повадились писать в Москву друг на друга доносы: себя выхваляли, других чернили.

Польша оправилась. Война с Московским государством опять возобновилась. Московское войско уже потерпело поражение в Литве. Поляки шли отбирать от Москвы Украину. Главный предводитель московских войск в Украине Шереметев, по совету переяславского полковника Цыпуры, задумал предупредить поляков и решился идти на Волынь в польские владения, с ним же должен был идти Юрий Хмельницкий с казаками. Шереметев, человек высокомерный и суровый, успел раздражить против себя и казаков, и духовных, и наконец самого Хмельницкого своими резкими выходками и спесивостью: «Этому гетманишке, – сказал о Хмельницком Шереметев, – идет лучше гусей пасти, чем гетмановать».

Во второй половине сентября 1660 г. двинулось по направлению к Волыни московское войско. Хмельницкий с казаками шел по другой дороге. Поляки, под начальством Любомирского и Чарнецкого, напали на московское войско, нанесли ему поражение и осадили под местечком Чудновом; потом поляки вместе с татарами, 7 октября, напали на казацкий обоз под

местечком Слободищем за несколько верст от Чуднова. Юрий Хмельницкий пришел в такой страх, что тогда же дал обещание пойти в чернецы. В казацком обозе произошла безледица. Многие старшины сердились за стеснение их прав по договору, заключенному в Переяславле: не хотели служить Москве, злились на Шереметева и говорили, что лучше помириться с поляками. В польский лагерь отправился послом от войска Петр Дорошенко, который замечательно умел сохранить тогда свое достоинство пред поляками. Предлагая Любомирскому мир, он не позволил польскому пану кричать на себя и сказал: «Мы добровольно предлагаем вам мир, забудьте старую ненависть, а не то – у нас есть самопалы и сабли». 18 октября казаки с поляками постановили договор на условиях гадяцкого тракта, но только за исключением одного пункта, касающегося великого княжества русского, самого главного в этом договоре.

Покончивши с казаками, поляки осадили московское войско. Время было дождливое; боевых и съестных припасов у русских не доставало. Переяславский полковник Цыпура со своими казаками изменил и передался полякам. Эти обстоятельства принудили Шереметева положить оружие. Поляки заключили с ними договор, подобный тому, какой некогда заключили с Шеиным. Московское войско выпускалось с условием положить оружие и знамена к ногам польских панов, а потом – ручное оружие им возвращалось; сверх того, Шереметев обаялся вывести русские войска из всех малороссийских городов. Но когда русские положили оружие, поляки отдали их на разграбление и на резню татарам; самого Шереметева выдали татарскому предводителю султану Нуреддину в плен, а других великорусских предводителей увели в Польшу.

Таким образом, вся казацкая страна правого берега Днепра опять подчинилась Польше. На левой стороне полтавский, прилуцкий и миргородский полки также не хотели подчиняться Москве; но полковники переяславский Сомко и нежинский Золотаренко (оба были шурыя Богдана Хмельницкого) стояли за царя и в короткое время привели к послушанию всю левобережную Украину. Юрий Хмельницкий несколько раз пытался проникнуть на левый берег, но был отбиваем Сомком, который сделался наказным гетманом.

С этих пор на обеих сторонах Днепра происходили долго смуты. На правой народ ненавидел поляков и склонялся к подданству царю; старшина и полковники колебались; молодой гетман не в состоянии был ладить с подчиненными; наконец, чувствуя и сознавая свою неспособность, он созвал казаков на раду под Корсуном и объявил, что не в силах управлять казаками, что Бог ему не дал отцовского счастья, и он поэтому хочет удалиться от мира: 6 января 1663 года он постригся. Вместо него получил гетманство, путем интриг и подкупа, Павел Тетеря, бывший при Хмельницком переяславским полковником, двоедушный эгоист, думавший только о своей наживе, прежде в Москве выставлявший свою верность царю, а теперь ставший сторонником поляков, потому что увидел силу на их стороне. Он женился на дочери Хмельницкого, Стефаниде, вдове Данила Выговского. Этот брак дал ему значение и вместе с тем большие денежные средства.

На левой стороне Днепра Сомко добивался гетманства. Золотаренко хотел его достать себе. Друг на друга писали они в Москву доносы, и в Москве не знали, кому верить. У Золотаренка явился тогда ловкий и сильный помощник. Протопоп Максим Филимонов много раз уже писал в Москву донесения о малороссийских делах и приобрел у бояр доверие; наконец, лично прибыл в Москву и так умел подделаться к боярину Ртищеву, что, принявши монашество, был посвящен, при содействии этого боярина, в сан епископа мстиславского и оршинского, под именем Мефодия, и даже назначен был блюстителем митрополичьего престола, несмотря на то, что тогда еще жив был митрополит Дионисий Балабан. Московское правительство не хотело признавать Дионисия в его сане за то, что Дионисий, в сане митрополита киевского, не хотел принимать благословение от московского патриарха.

Вслед за тем в Малороссии явился третий искатель гетманства: то был Иван Мартынович Брюховецкий, некогда бывший слугою у Хмельницкого и сделавшийся кошевым атаманом в

Запорожской Сечи. Он приобрел большую любовь запорожцев и получил новый, еще небывалый, чин кошевого гетмана. Этот ловкий и пронырливый человек избрал самые удачные пути для достижения первенства. С одной стороны, он писал в Москву самые униженные письма и подавал надежду, что если он сделается гетманом, то подчинит Малороссию теснее московской власти; вместе с тем он расположил к себе и Мефодия. С другой стороны, Брюховецкий показывал себя сторонником простых бедных казаков и посполитого народа. Ему была вполне сподручна такая роль, потому что Запорожье, после смерти Пушкаря, сделалось притоном тех, которые, не будучи записанными в казацкий реестр, хотели быть казаками. Его запорожские агенты рассеялись по Малороссии, настраивали народ в его пользу, уверяли, что с его гетманством настанет всеобщее казачество, возбуждали чернь против значных. У народа возникло стремление грабить богатых и значных: их достояние считали плодом обдирательства народа. Явилось требование, чтобы нового гетмана выбрали на так называемой «черной раде», т.е. на такой, где бы участвовала вся громада народа. Мефодий, прежде друживший с Золотаренком, открыто перешел на сторону Брюховецкого и старался за него перед московскими боярами. Тогда Золотаренко, видя, что ему не быть гетманом, примирился с Сомком и начал, заодно с другими полковниками, стараться о том, чтобы на предстоящей раде был выбран Сомко. Но было уже поздно. Примирение это не помогло партии значных. Мефодий усиленно действовал в Москве за Брюховецкого, представлял Сомка и Золотаренка тайными сторонниками поляков и уверял, что если выберут Сомка, то последует измена. Притом же сам Сомко не полюбился Москве, потому что постоянно жаловался на обиды, причиняемые великорусскими ратными людьми малоруссам, и вообще перед царскими посланцами держал себя вольным человеком. Московское правительство решило собрать всенародную или черную раду и утвердить гетманом того, кого на ней выберут. С этой целью отправлен был в Малороссию князь Великогагин.

Рада назначена была в июне, в Нежине. Брюховецкий, через своих запорожцев, нагнал туда огромные толпы черного народа, шедшего с ненавистью к богатым и значным и с надеждою их грабить. Мефодий находился неотлучно при царском посланнике. Московское войско, состоявшее главным образом из иноземцев, прибыло также на раду. 17 июня, на восходе солнца, открылась рада чтением царской грамоты. Не успел князь Великогагин окончить чтения, как поднялось смятение: одни провозглашали гетманом Сомка, другие – Брюховецкого. Дело дошло до драки. Тогда московский полковник, немец Страсбург, разогнал дерущихся, пустивши в них ручные гранаты. За Брюховецкого было большинство. Сомко убежал. Народ бросился на возы старшин и значных казаков и ограбил их. Сомко и другие полковники и старшины, числом до пятидесяти человек, спаслись от народной злобы тем, что прибегли к помощи князя Великогагина, и московский боярин отправил их под стражею в нежинский замок.

На другой день князь Великогагин утвердил Брюховецкого гетманом. Три дня, с ведома Брюховецкого, продолжались насилия, безобразное пьянство, грабежи. Худо приходилось всякому, кто только носил красный кармазинный жупан; многие только тем и спаслись, что оделись в сермяги. По истечении трех льготных дней, Брюховецкий приказал прекратить бесчинства, но они еще долго проявлялись по разным местам.

С утверждением Брюховецкого в гетманском достоинстве, все старшины и полковники были новые, поставленные из запорожцев; каждому полковнику дана была особая стража. На Украине настало господство людей прежде бедных, ничтожных: теперь они вдруг сделались господами и, упоенные непривычным достоинством, не знали меры своим прихотям и самоуправству. Народ, обольщенный мечтою казацкого равенства, был жестоко обманут; те, которые кричали против значных и богатых, сделавшись сами значными и богатыми, налегли на громаду народа еще с большею тягостью, чем прежние значные.

Новый гетман представил правительству своих низверженных противников царскими изменниками. Их приказано судить войсковым судом. Но судьями были враги подсудимых.

18 сентября, в Борзне, отрубили голову Сомку, Золотаренку и еще нескольким человек; других отправили в оковах в Москву, а оттуда в Сибирь. Это были первые малоруссы, сосланные в Сибирь.

С этих пор в Малороссии сделалось распадение на два гетманства, продолжавшееся до падения казачества на правой стороне Днепра. Оно временно отразилось и на церковном строе. Дионисий Балабан умер в Чигирине, где была столица гетманства правой стороны Днепра; на место его был избран Иосиф Нелюбович-Тукальский, епископ Могилевский. Московское правительство не признавало его, продолжало именовать блюстителем митрополии Мефодия и хлопотало о возведении последнего в сан митрополита, но константинопольский патриарх не соглашался на это.

Успехи поляков в войне с Московским государством побудили короля Яна-Казимира сделать покушение на подчинение себе и Украины левого берега Днепра. В январе 1664 года он двинулся через Днепр. С ним должны были идти и казаки под начальством своего гетмана Тетери, и союзные татары. Города сдавались на левой стороне. Только местечко Салтыкова Девица оборонялось отчаянно, и все жители были истреблены. Король дошел до Глухова, стоял под ним пять недель и не мог взять его. Здесь в польском лагере был расстрелян, по подозрению в измене, казачий полковник Иван Богун, один из храбрейших сподвижников Богдана Хмельницкого. Между тем запорожцы, под начальством Сирка и Сулемы, бывшие в тылу короля, начали отбирать казацкие города на правой стороне Днепра. Это побудило короля удалиться на правый берег Днепра.

Польский полководец Чарнецкий разбил Сулему, а польский полковник Маховский схватил бывшего гетмана Выговского, носившего звание киевского воеводы, и расстрелял его, по наущению Тетери, обвинявшего Выговского в намерении передаться Москве. По всему видно, что Выговский действительно был в соумышлении с Сирком: раздраженный против Москвы, страшась от ней порабощения для Малороссии, он примирился с поляками в надежде дать своей родине независимость и свободу в том виде, в каком она была доступна его понятиям, но был жестоко обманут; собственное возвышение не удовлетворяло его; и вот он еще раз отважился на восстание и преждевременно погиб, не успевши ничего сделать.

Не ограничиваясь этим, Тетеря обвинил в измене митрополита Иосифа Тукальского и своего шурина Юрия Хмельницкого, носившего в пострижении имя Гедеона. Король приказал отправить обоих в Мариенбургскую крепость, где они просидели два года.

Брюховецкий по уходе короля сам перешел за Днепр, взял Канев, Черкасы, но потом отступил назад, а Чарнецкий опять принудил к повиновению отпавшие от Польши города и местечки, вошел в Субботово и выбросил из могилы кости Богдана Хмельницкого. Вскоре сам Чарнецкий был опасно ранен в одной стычке и сошел с поля действия.

Гетман Тетеря скоро убедился, что ему не сладить с казаками и не удержать Украины под властью Польши. Он поспешил забрать войсковую казну и бежал с женою в Польшу, но дорогою Сирко отбил у него казну.⁹⁹ На его место в Украине одна партия, при помощи Орды, избрала Стефана Опару, а другая, также с помощью татар, низвергла Опару и посадила гетманом Петра Дорошенка: это произошло в 1665 году.

С этих пор до 1677 года история южнорусского казачества, главным образом, вращается около этой личности. Постоянную целью стремлений Дорошенка было соединить Украину под единою властью и сплотить казацкие силы; он не терпел поляков, ни за что не хотел, чтобы Украина оставалась под их властью; всегда изъявлял готовность находиться под властью Москвы, но не иначе, как с соблюдением прав самобытности для Малороссии, с тем, чтобы московское правительство не посылало туда своих воевод, не мешалось во внутренние дела и обращалось с казаками, как с народом вольным. Обстоятельства препятствовали ему со всех

⁹⁹ У Тетери в Польше выманили все деньги, какие он привез из Украины; он удалился в Турцию, где умер в бедности.

сторон к достижению такого политического идеала, и он должен был вести тяжелую напрасную борьбу с ними.

Осенью 1665 года Брюховецкий отправился в Москву, там был принят с большим почетом, пожалован боярином, женился на боярской дочери и получил богатую вотчину от царя, близ Стародуба, сотню Шептаковскую, занимавшую много сел и деревень, а приехавшие с ним полковники пожалованы в дворяне. Желая угодить Москве, Брюховецкий сам изъявлял желание уничтожить местные привилегии края: так, например, он подавал совет уничтожить привилегии малороссийских городов, уверял, что мещане тянут на польскую сторону, что между ними бедные истощаются от поборов и подвод, а купцы и богатые на счет бедных наживаются; предложил умножить великорусских воевод, ввести кабацкую продажу вина, сделать перепись народу, установить на великороссийский образец целовальников и прислать митрополита из Москвы, вместо выборного вольными голосами. Через все это, по возвращении в Украину, в начале 1666 года, Брюховецкий очутился в неприязненном отношении ко всей Малороссии. Казакам не нравилось производство его в бояре. «У нас прежде бояр не бывало, – говорили они, – через него у нас все вольности отходят». Полковники, пожалованные в дворяне, боялись показать перед казаками, что дорожат своим новоприобретенным званием. Один из них говорил: «Мне дворянство не надобно; я по-старому казак!» Епископ Мефодий был раздражен предположением посылать митрополита из Москвы; малороссийское духовенство разделяло его неудовольствие. Раздражение усилилось, когда приехали новые московские воеводы во все значительнейшие города¹⁰⁰, и с ними ратные люди; Брюховецкий хлопотал, чтобы их было поболее; приехали переписчики, стали переписывать всех людей по городам и селам и облагать данью. В городах из мещан установили целовальников для сбора царских доходов. Великороссияне начали дурно обращаться с жителями: «Полтавский воевода, – жаловались казаки, – бранит нас скверными словами (что особенно раздражало малороссиян); когда кто придет к нему – плюет на того, велит денщикам вытаскивать взашею...» Во многих местах жаловались на большие поборы, на наглость и грабеж, на оскорбление женщин и девиц и т.п. Сам гетман был чрезвычайно корыстолюбив, жесток и, надеясь на покровительство Москвы, не знал пределов своему произволу; его полковники также отличались наглостью и грабительствами. Терпение народа было непродолжительно; вспыхнуло возмущение разом в нескольких городах, начали убивать московских ратных людей. В Переяславле убили казацкого полковника Ермоленка, сожгли город, перебили ратных людей; сам царский воевода едва спасся. Брюховецкий возбуждал к себе общее омерзение; распространилось желание поступить под власть Дорошенка.

В 1667 году заключено было Андрусовское перемирие и стало новою, сильнейшею причиною волнения. Нацоккина признавали малороссияне главнейшим врагом своим, толковали, что, по его наущению, московский царь с польским королем примиряется для того, чтобы истребить казаков; запорожцы, более других отважные и решительные, поймали царского посланника Ладьженского, ехавшего в Крым, и убили.

С самого приезда Брюховецкого народ не хотел платить податей и разных пошлин, введенных на великороссийский образец. Казаки грабили и били сборщиков; но в то же время и между малоруссами была безланица: мещане и крестьяне дрались с казаками, которые, по приказанию гетмана и полковников, собирали для последних поборы. Все, тем не менее, сходилось в том, что не терпели гетмана.

Мефодий, прежде главный виновник возвышения Брюховецкого, сделался его врагом и наговаривал на Брюховецкого в своих письмах к московским боярам. Брюховецкий, со своей стороны, писал в Москву доносы на Мефодия. Находясь на соборе, осудившем Никона, Мефо-

¹⁰⁰ Кроме Киева, Переяславля и Нежина, где были московские воеводы – в Прилуки, Лубны, Гадяч, Миргород, Полтаву, Батурин, Глухов, Сосницю, Новгород-Северский и Стародуб.

дий заметил, что с ним в Москве обращаются уже не так милостиво, как прежде, и воротившись в Малороссию, предложил мировую гетману и стал подущать его к измене царю. Брюховецкий увидел, что зашел далеко, что казаки, раздраженные против Москвы, считают его главным виновником насилий, которые терпит Малороссия от московских людей: поправить дело, казалось, возможно только скорейшей изменой Москве. Брюховецкий прежде всего сослался с Дорошенком. Последний, вместе с митрополитом Тукальским, польстил Брюховецкого надеждою, что он останется гетманом, если станет действовать с ними заодно и отступится от Москвы. Брюховецкий собрал на совет своих полковников: все порешили отторгнуться от Москвы и поддаться турецкому султану, чтобы, с помощью турок, избавиться от московской власти. 8 февраля, в Гадяче, Брюховецкий объявил воеводе Огареву, чтобы он выбирался с ратными людьми вон. У Огарева было всего человек 200 с небольшим; оставалось уходить; но казаки бросились на великороссиян, половину вырезали, остальных поколотили и взяли в плен. Брюховецкий оповестил своим универсалом, что московские послы с польскими послами постановили разорить всю Украину и истребить всех жителей от мала до велика. Таковую же грамоту послал он донским казакам, уговаривая их с «господином Стенькою» действовать заодно.¹⁰¹ Народ, уже и без того волновавшийся повсеместно, стал истреблять всех великороссиян в своем крае.

Измена Брюховецкого сильно поразила московское правительство; оно этого не ожидало. В Киеве, Переяславле, Нежине и Остре воеводы с трудом отбились от казаков и сидели в осаде, терпя во всем недостаток; в других – они погибли, вместе с ратными людьми, под ножами и дубинами расвирепешшего народа. Когда узнали об этом в Польше – то поляки говорили великорусским посланцам: «Надобно нашим государям послать войска – выжечь и перебить этих изменников-казаков, чтоб места их были пусты, потому что они и вам и нам изменяют, и добра от них не будет!»

Весною князь Ромодановский начал военные действия осадю города Котельвы. К Брюховецкому пришли на помощь татары. Из-за Днепра шел с казацким войском Дорошенко; Брюховецкий вышел к нему навстречу из Гадяча. Близ Опочни явились к нему десять сотников с требованием отдать булаву, знамя и пушки. Брюховецкий прибил этих сотников и отправил их скованными в Гадяч. Но тут возмутилась против него громада казаков, ворвалась в шатер, схватила и потащила к Дорошенке. Дорошенко только дал знак рукою: казаки сорвали с Брюховецкого платье и заколотили до смерти ружьями, рогатинами и дубьем. Смятение в народе было так велико, что вслед за тем раздавались крики: убить Дорошенка. Но заднепровский гетман утишил толпу, выкатив ей несколько бочек горилки. Дорошенко собрал всенародную раду и спрашивал: «Что теперь делать? Мириться ли с Москвою? Отдаваться ли Польше или султану?» Народ слышать не хотел о Польше, бранил москалей за их насилия и изъявил предпочтение турецкой власти. Дорошенко двинулся против Ромодановского, который тотчас отступил от Котельвы. Теперь вся Малороссия была в руках Дорошенка; ему оставалось упрочить власть свою, но тут на беду пришла к нему весть из Чигирина об измене жены: он ушел за Днепр, забравши с собою пленных великорусских начальных людей и епископа Мефодия, а начальство над левою стороною Днепра поручил своему генеральному есаулу, Демьяну Многогришному. Вслед за уходом Дорошенка, Ромодановский двинулся в Малороссию и занял Нежин; Многогришный, вместо того, чтобы биться с ним, изъявил желание покориться царю, надеясь, что его сделают гетманом. Тогда ходатаем за казаков явился черниговский архиепископ Лазарь Баранович; он просил письменно у царя прощения народу, но умолял, чтобы в Малороссию не посылать воевод; о том же просил Многогришный и представлял, что вся беда сделалась от

¹⁰¹ Достоинно замечания, что в числе обвинений против Москвы самым гнусным делом москалей названо то, что «они свергли святейшего отца патриарха, который учил их иметь милость и любовь к ближнему». Никон вообще пользовался уважением в Малороссии.

насилия со стороны воевод да от козней епископа Мефодия. Толки об избрании нового гетмана шли несколько месяцев, а тем временем московское правительство сносилось с Дорошенком. Царские посланцы уговаривали Дорошенка отлучиться от басурман и быть покорным Польше. Дорошенко стоял на одном: что он со своими казаками ни за что не хочет быть под властью Польши, потому что с поляками, по их непостоянству, нельзя заключить никакого крепкого договора, уверял, что он вовсе не враг Москвы, что желает со всею Украиною быть под властью великого государя, однако не иначе, как тогда, когда государь примет под свою власть обе стороны Днепра, не будет посылать воевод и не станет нарушать казацких прав, одним словом, чтобы все было так, как постановлено по первому договору, заключенному с Богданом Хмельницким: иначе Дорошенко ни за что не захотел покинуть мысли о подданстве Турции. Само собою разумеется, что московское правительство, находясь в перемирии с Польшей, не могло прибегнуть к такому шагу, какого требовал Дорошенко.

В марте 1669 года, в городе Глухове, была собрана рада, и на ней был избран в гетманы левого берега Днепра Демьян Многогришный. Все старания нового гетмана, архиепископа Лазаря и старшин об освобождении Малороссии от воеводского управления остались напрасны, тем более, что и теперь, как прежде, между малороссиянами были искатели собственной карьеры, которые писали в Москву противное тому, что просило малороссийское начальство, и уверяли, что народ более желает воеводского, чем казацкого управления. Первым из таких был Семен Адамович, нежинский протопоп, думавший, как видно, идти по следам Мефодия. По договору, заключенному в это время, воеводы были оставлены только в некоторых городах.¹⁰² Реестровых казаков положено только 30 000, которые должны были содержаться поборами со всяких местностей, кроме монастырских и церковных. Разоренным городам дана льгота на десять лет; гетманы будут избираться вперед на раде и утверждаться царем и не должны сноситься с иностранными государями. Тогда было замечено на раде казаками, что все междоусобия в Малороссии происходят от того, что пахотные мужики самовольно хотят называться казаками и поднимают смуты, а тем самым – прямым казакам чинят бесчестие. Для предотвращения этого, положено устроить особый казачий полк в 1000 человек, которого обязанность будет состоять в том, чтоб замечать, где начинаются бунты, и укрощать их в начале. Этот полк назван компанейским. Таким образом, важнейший социальный вопрос, волновавший Малороссию с самого начала восстания против Польши, московское правительство решало теперь в видах возвышения исключительного привилегированного сословия, в ущерб стремлению народа к уравниванию своих прав.

Новый гетман левобережной Украины Многогришный не отличался дарованием, не был любим в народе, притом был предан пьянству и в пьяном виде делал всякие бесчинства. Его родной брат, Василий, названный черниговским полковником, был также человек буйный, необузданный, известный тем, что загнал свою жену в гроб побоями, за что носил на себе церковное запрещение. Власть гетмана Демьяна не простиралась на все края Украины, долженствовавшей состоять под его начальством. Полки: лубенский, гадяцкий, прилуцкий упорно стояли за Дорошенка; переяславльский полк также был с ними заодно, но потом – полковник Дмитрашка Райча, молдаванский выходец, пристал со своим полком к Многогришному. Дорошенко силился во что бы то ни стало удержать всю Украину под своею властью, писал беспрестанно универсалы, убеждал малороссиян прекратить всякие ссоры и стать заодно для погибающего отечества. Между тем он продолжал относиться дружелюбно к Москве, освободил, по царской просьбе, великорусских пленников, беспрестанно сносился то с Москвою посредством посланцев, то с киевским воеводою. Постоянно была у него одна и та же речь, хотя и в разных видах; смысл ее был таков: пусть московский государь возьмет всю Украину под свою верховную власть, выведет своих воевод и оставит казаков обеих сторон Днепра под началь-

¹⁰² В Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остреле.

ством одного гетмана; вместе с тем Дорошенко прямо высказывал перед царскими посланцами, что он по необходимости отдастся султану и приведет турецкие силы на поляков. Московское правительство, соблюдая договор с Польшей, уговаривало Дорошенка оставаться в верности Польше; таким образом, оно поддерживало то самое раздвоение Украины, против которого так ополчался Дорошенко. Обстоятельства поставили Дорошенка в трагическое положение: желая, подобно Хмельницкому, своему отечеству целости и самостоятельности, и в то же время сознавая, что нельзя обойтись, не признавши над собою власти какого-нибудь государя, он предпочитал власть московского государя, но поневоле должен был действовать неприязненно против Москвы и считаться ее злейшим врагом. Ему приходилось бороться разом и с Польшею и с Россиею; этого мало: ему предстояла еще борьба и со своими. Запорожье не хотело повиноваться ни Дорошенку, ни Многогрешному; там выбрали иного гетмана Суховиенку, который пригласил татар и вступил во владения Дорошенка. Шесть полков¹⁰³ покорились ему. Дорошенко был на краю своего падения и тогда отправил в Турцию своих послов с решительным предложением подданства. Это спасло его на время. В то время как Суховиенку осадил Дорошенка в Каневе, явился турецкий чауш (гонимец) и приказал Суховиенку отступить. Суховиенку не мог не послушаться, так как его главная сила состояла из татар, турецких подданных. Суховиенку отказался от гетманства; но вслед за тем уманский полковник Ханенко провозгласил себя гетманом. С ним предстояла борьба. Дорошенко, подступивши под Умань, сначала постановил с Ханенком договор, чтобы обоим соперникам ехать в Чигирин: пусть там рада решит между ними спор и признает одного из них гетманом; но Ханенку, вместо того, чтобы ехать на раду, пригласил Крымскую Орду и пошел войною на Дорошенка. У обоих соперников войско состояло, главным образом, из татар. У Дорошенка была орда белгородская, находившаяся под властью силистрийского паши. К Ханенку присоединился Юрий Хмельницкий, который сбросил тогда свое монашеское платье. Под местечком Стебловым Дорошенко одержал победу, прогнал Ханенку на Запорожье, а Юрий Хмельницкий был пойман и отправлен Дорошенком в Турцию, где содержался в Семибашенном замке.

Ханенку не успокоился, отправил посольство к польскому королю и получил от него грамоту на гетманство на условиях Гадяцкого договора. При помощи коронного гетмана Яна Собеского, Ханенку утвердился в Ладыжине. Поляки заняли города Немиров, Брацлав, Могилев, Рашков, Бар и другие и отдали под управление Ханенку. Таким образом, в Малороссии явилось разом три гетмана: двое на правой, один на левой стороне Днепра.

В церкви также было раздвоение. Мефодий, взятый в плен Дорошенком, убежал в Киев; но тамошний воевода препроводил его в Москву. Дорошенко прислал в Москву собственноручное письмо Мефодия, доказывающее его несомненное участие в замыслах Брюховецкого. Мефодия заточили в Новоспасский монастырь, где он скоро умер. Вместо него, Москва назначила другого блюстителя митрополичьего престола, черниговского архиепископа Лазаря Барановича. Между тем на правом берегу Днепра проживал, освободившийся из мариенбургского заключения, митрополит Иосиф Тукальский, посвященный и признаваемый константинопольским патриархом; в Москве не доверяли ему, как доброжелателю Дорошенка и стороннику целости и независимости Малороссии. Митрополит Иосиф, живя в Чигирине, близ Дорошенка, исходатайствовал у константинопольского патриарха наложение проклятия на Демьяна Многогрешного, за его измену Дорошенку. Это сильно тревожило Многогрешного, особенно когда он, поскользнувшись, упал и расшибся. Многогрешный считал это для себя знаком Божьего наказания и убедительно просил царя исходатайствовать ему разрешение от патриарха. Царь отправил к патриарху Мефодию просьбу о Многогрешном. Патриарх был в затруднении: ему хотелось исполнить просьбу царя, но он боялся турецкого правительства,

¹⁰³ Уманский, белоцерковский, корсунский, паволоцкий, брацлавский и могилевский.

которое покровительствовало Дорошенку и Иосифу; патриарх наконец дал разрешение, но с тем, чтобы оно было тайное.

Скоро, однако, после того, обстоятельства поставили Многогришного в недружелюбные отношения с Москвою, Воеводское управление было до крайности несносно для малороссиян. Посполитые по-прежнему порывались казаковать; компанейцы, усмиряя их, причиняли им всякого рода обиды: вспышки народного негодования начали проявляться. Многогришный, подобно своему предшественнику, ожидал всеобщего бунта, который был тем возможнее, что Дорошенко то и дело, что рассылал своих агентов увещевать левобережных малороссиян – действовать заодно с ним при турецкой помощи, для возвращения свободы и целостности своему отечеству. Некоторые полки открыто стояли за Дорошенка. Малороссиян раздражало, кроме всего этого, и то, что, во время переговоров, бывших между Нащокиным и комиссарами о подтверждении Андрусовского договора, малороссийских посланцев не допустили до участия в этих переговорах. Ожидаемая отдача Польше Киева со всею его святынею оскорбляла народное чувство. Многогришный, в своих письмах к Артамону Сергеевичу Матвееву, убеждал московское правительство избавить Малороссию от воеводского управления и суда; об этом же просил и Лазарь Баранович. Но в Москву приходили письма и нежинского протопопа, Семена Адамовича, который то и дело, что оговаривал Барановича и Многогришного, хотя в то же время прикидывался другом последнего; в своих письмах, посылаемых в Москву, он уверял, что Малороссия только и держится присутствием воевод и ратных людей, и немедленно взбунтуется, как только их выведут. Московское правительство, настраиваемое такими доносами, не выводило воевод, и над самим гетманом приказывало наблюдать; в гетманской столице Батурине находился стрелецкий голова Григорий Неелов, сообщавший в Москву о поступках гетмана. Напиваясь пьян, Многогришный отпускал оскорбительные замечания и похвалки над Москвою. Дорошенко вступил с ним в сношения и убеждал его действовать заодно с ним. Неизвестно, до какой степени Многогришный решился быть союзником Дорошенка и начать неприязненные действия против Москвы, но Многогришный высказал сам великорусскому гонцу, Танееву, намерение ни за что не отдавать Киева полякам и, вместе с Дорошенком, воевать Польшу.¹⁰⁴

¹⁰⁴ По донесению Танеева, Многогришный говорил ему, между прочим, так: «Государь нас не саблею взял; мы ему добровольно поддались ради единой веры. Если Киев и другие малороссийские города ему не надобны и он их отдает королю, то мы съедем другого государя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.